

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (43)
2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ СП;

Ю Синода, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Леонтьева

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 2 (43)
2016

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 43
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Counsellor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtyumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*

Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*

Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*

Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Rutgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Leont'yeva A.

© Group of Authors, 2016
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	11
-------------------------------	----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Полякова Т.А., Наумов В.Б.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ В РОССИИ.....	14
---	----

Чернявский А.Г.

ОЧЕРКИ О СУЩНОСТИ ПРАВА И ПРАВОВЕДЕНИЯ.....	22
---	----

Третьякова Е.С.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	27
---	----

Шикула И.Р.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ.....	34
--	----

Аль Али Насер Абдель Рахим

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ».....	39
--	----

Данилов Н.И.

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АВИАЦИИ.....	45
--	----

Тогузова М.Б., Кисиев А.Г.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЛЕНСТВА СУБЪЕКТОВ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	48
---	----

Красников В.Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ХОДЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	51
--	----

Егорушин Н.В.

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕБОЛЬШОЙ ТЯЖЕСТИ.....	55
--	----

Юдин И.В.

О СООТНОШЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СЛУЖЕБНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ ОФИЦЕРОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ.....	58
--	----

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Рыкова И.Н., Шкодинский С.В., Алаев А.А.

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ СРЕДСТВ ФНБ В ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, РЕАЛИЗУЮЩИХ САМООКУПАЕМЫЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ.....	62
---	----

Рагулина Ю.В.

АУДИТ ГОСПРОГРАММ: ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ.....	68
---	----

Гендон А.Л.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМПАНИЯХ ГОРНО-ХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ.....	73
--	----

Ольховик И.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ	79
Кондратьева Е.А. ИНСТИТУТ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ГРУППЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
Романцова Т.В., Гусакова Е.С. ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	92
Федоров М.А. ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ АУТСОРСИНГА В СТРАХОВАНИИ	98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Володарская Е.А., Кондратова Л.В. КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ	102
Шаталова Н.С., Рякина О.Р. ПОЛУФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	109
Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЧЛЕНОВ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (АНАЛИЗ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	113
Бобрышов С.В., Саенко Л.А., МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА	125
Цахаева А.А., Аминова Д.К. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИЕМОВ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ	132
Фролова М.И. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ	137
Петренко Д.А., Чеджемов С.Р. К НЕКОТОРЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ	141
Пушкарева Т.В., Агальцова Д.В., Шемякина Е.М., Пушкарева Е.В., Богданова Н.В. ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «Я И МОЯ КУКЛА»	147
Агарагимова В.К., Даудова Д.М. УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА	153
Богатырева М.Х. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ	158
Часовских Н.С. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	163
Панова И.Е., Харченко Л.Н. ТРАНСГРЕССИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	169

Ахмедова А.М., Махмудова Ф.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АСПЕКТ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ 174

Хайбулаев М.Х., Гаджиев Т.С., Раджабалиев Г.П.

ФУНКЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ ОБЩЕСТВА..... 179

Хрисанова Е.В.

ВЛИЯНИЕ МНЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ НА СТАТУСНО-РОЛЕВУЮ
ПОЗИЦИЮ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО САДА 185

Раджабов М.А.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ-ЭКОНОМИСТОВ 192

Островский А.В.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ КАДРОВ МАЛОГО БИЗНЕСА В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ, ЕГО СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ..... 196

Джаубаева М.И.

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА 200

Папанова Т.В.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО КАЧЕСТВА БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 205

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S DISCOURSE	11
-----------------------------------	----

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Polyakova T., Naumov V. LEGAL ISSUES OF IDENTIFICATION OF SUBJECTS IN STATE AND NON-STATE SYSTEMS IN RUSSIA	14
Chernyavskiy A. ESSAYS ABOUT ESSENCE OF LAW AND LEGAL SCIENCE.....	22
Tret'yakova E. THE ROLE AND THE IMPORTANCE OF INTERNATIONAL NONGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH – IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	27
Shikula I. ENHANCING OF THE CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF PROTECTION OF PERSONS IN A HELPLESS STATE.....	34
Al Ali Naser Abdel Raheem THE ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE «RESPONSIBILITY TO PROTECT» CONCEPT	39
Danilov N. REVISITING THE HARMONIZATION OF THE RUSSIAN AIR LEGISLATION REGARDING THE STATE REGULATION OF ACTIVITY IN AVIATION	45
Toguzova M., Kisiev A. LEGAL REGULATION OF SUBJECTS' MEMBERSHIP OF LABOUR LEGAL RELATIONS IN A TRADE UNION ORGANIZATION.....	48
Krasnikov V. THE INTERACTION OF OPERATIONAL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES WITH THE PUBLIC DURING THE COURSE OF PREVENTION AND DETECTION OF CRIMES	51
Egorushin N. ABOUT CRIMINALLY-LEGAL POLICY IN RELATION TO CRIMES, QUALIFIED AS MINOR CRIMES	55
Yudin I. ABOUT THE CORRELATION OF SERVICE AUTONOMY AND SERVICE HELPLESSNESS OF OFFICERS OF UNITS OF THE INTERIOR MINISTRY TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION	58

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Rykova I., Shkodinskiy S., Alaev A. THE CRITERIA AND EFFICIENCY INDICATORS OF PLACING FUNDS OF THE NATIONAL WEALTH FUND AT THE FINANCIAL ASSETS OF LEGAL ENTITIES, IMPLEMENTING SUSTAINABLE INFRASTRUCTURE PROJECTS.....	62
Ragulina Yu. THE AUDIT OF GOVERNMENT PROGRAMS: PRINCIPLES AND PROBLEMS	68
Gendon A. EXPERIENCE IN THE USE OF STRATEGIC MANAGEMENT IN COMPANIES OF THE MINING-CHEMICAL COMPLEX OF RUSSIA	73

Ol'khovik I.	
THE THEORETICAL ASPECTS OF INNOVATION ACTIVITY OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS	79
Kondrat'eva E.	
THE INSTITUTE OF A CONSOLIDATED TAXPAYERS GROUP AND THE BUDGETS FORMATION OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION	86
Romantsova T., Gusakova E.	
THE DYNAMICS OF THE PUBLIC DEBT OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	92
Fedorov M.	
THE ISSUES OF PRINCIPLES SELECTION OF OUTSOURCING IN THE INSURANCE INDUSTRY	98

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Volodarskaya E., Kondratova L.	
CREATIVITY AS A COMPETIVENESS FACTOR OF THE PERSONALITY	102
Shatalova N., Ryakina O.	
THE TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE POLYFUNCTIONALITY OF MODELING.....	109
Rostovskaya T., Kuchmaeva O.	
NEW TRENDS IN THE FORMATION OF LIFE STRATEGIES OF YOUNG FAMILIES' MEMBERS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY (THE ANALYSIS OF ALL-RUSSIAN SOCIOLOGICAL RESEARCH)	113
Bobryshov S., Saenko L.	
A METHODOLOGICAL ASSESSMENT OF THE COMPETENCE APPROACH IN TRAINING SPECIALIST	125
Tsakhaeva A., Aminova D.	
ISSUES OF FORMATION OF TECHNIQUES OF ACADEMIC WORK AS A CONDITION OF PSYCHOLOGICAL SAFETY OF TRAINING SPECIALISTS	132
Frolova M.	
THE PEDAGOGICAL ASPECT OF FORMATION OF A TOLERANT PERSONALITY.....	137
Petrenko D., Chedzhemov S.	
TO SOME OF THE ISSUES OF PERSONNEL TRAINING FOR THE NATIONAL GUARD OF RUSSIA: THEORY AND HISTORY	141
Pushkareva T., Agal'tsova D., Shemyakina E., Pushkareva E., Bogdanova N.	
OVERCOMING THE IDENTITY CRISIS OF A MODERN HUMAN INTO THE PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL WORKSHOP "MY DOLL AND ME"	147
Agaragimova V., Daudova D.	
CONSIDERATION OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS IN THE EDUCATION ENVIRONMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION	153
Bogatyreva M.	
THE FORMATION AND THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC DESIGN-EDUCATION	158
Chasovskikh N.	
THE THEORY AND THE METHODOLOGY OF THE DIDACTIC PRINCIPLE OF SELF-SUFFICIENCY	163

Panova I., Kharchenko L.	
TRANSGRESSIVE PROCESSES IN THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION	169
Akhmedova A., Makhmudova F.	
THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL CULTURE AS AN ASPECT OF SPIRITUAL-MORAL DEVELOPMENT AND EDUCATION OF THE PERSONALITY	174
Khaybulaev M., Gadzhiev T., Radzhabaliev G.	
THE INTERACTION FUNCTIONS OF PROFESSIONAL EDUCATION WITH ECONOMIC INSTITUTIONS OF SOCIETY.....	179
Khrisanova E.	
THE INFLUENCE OF KINDERGARTEN TEACHER'S OPINION ON THE STATUS-ROLE CHILDREN POSITION IN THE CONDITIONS OF A KINDERGARTEN	185
Radzhabov M.	
PEDAGOGICAL CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF ELECTRONIC EDUCATION TECHNOLOGIES IN THE MATHEMATICAL TRAINING OF BACHELORS-ECONOMISTS	192
Ostrovskiy A.	
PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE FORMATION OF MANAGERIAL COMPETENCE OF SMALL BUSINESS STAFF IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT SYSTEM, ITS ESSENCE, CONTENT, IMPLEMENTATION TECHNOLOGY	196
Dzhaubaeva M.	
TRAINING OF INTENDED EDUCATORS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY IN A POLYETHNIC EDUCATION ENVIRONMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION	200
Papanova T.	
TRANSDISCIPLINARY FUNDAMENTALS OF THE LEGAL CULTURE FORMATION AS A PROFESSIONALLY-PERSONAL QUALITY OF THE BACHELORS' PEDAGOGICAL EDUCATION	205

Современное российское общество сегодня сталкивается с формированием ценностных установок в процессе обучения и воспитания молодежи. Нам приходится осваивать новые модели поведения, и с особой остротой встает вопрос о национальном самосознании подрастающего поколения, об изменении видения либеральных взглядов западных ученых на Вторую мировую войну и роль Советского Союза в ней.

О Великой Отечественной войне написаны тысячи книг, но интерес к ней не ослабевает, а по ряду проблем становится даже более острым, чем прежде. Главное объяснение этого феномена состоит в том, что от понимания этой войны и осознания значения ее результатов в судьбах отдельных народов и человечества в целом зависит решение многих ключевых вопросов современности.

Я хочу обратить внимание читателей на завершенный в год 70-летия Победы фундаментальный Труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который по многим показателям является новым словом в исторической науке. Созданный в соответствии с принципом преемственности, он разрабатывался на основе огромного массива предшествующих и подтвердивших свою достоверность фактов.

Очень рекомендую упомянутый труд и представляю в этом номере статью почетного председателя Национального комитета историков России, академика Российской академии наук С.Л. Тихвинского, который предоставил редакции интересные материалы и отчеты по этой теме.

главный редактор В.А. Золотарев

С.Л. ТИХВИНСКИЙ, ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА ИСТОРИКОВ РОССИИ, АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Краткий обзор фундаментального много- томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» позволяет читателю получить общее представление о его структуре, содержании и отличительных особенностях. К этому выводу необходимо добавить еще несколько принципиальных характеристик.

Великая Отечественная война, а также война с Японией исследуются в Труде не в разрыве, а строго в контексте всемирной истории, с учетом закономерностей и тенденций развития в 1920–1940-е гг. Демонстрация узлов межгосударственных противоречий и очагов будущего мирового катаклизма, зарождавшихся одновременно в Европе и Азии, отражает реальный ход событий и позволяет преодолеть евроцентризм в показе предыстории войны. Этой же цели служит и сбалансированное изложение событий последующего периода не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах Второй мировой войны, чем дополнительно подчеркивается участие советского народа в общемировой борьбе прогрессивных сил против фашизма и милитаризма и его вклад в победу над странами «оси».

Великая Отечественная война рассматривается как важнейшая составная часть Второй мировой войны. Будучи справедливой и освободительной, Великая Отечественная война придавала такой же характер и Второй мировой войне в целом. Авторы труда исходят из убеждения, что политика западных демо-

кратий на начальном этапе Второй мировой войны проводилась прежде всего в их собственных узко-корыстных интересах. Лишь вступление Советского Союза в противоборство с нацистской Германией заставило правящие круги западных стран отказаться от примитивной эгоистической политики, изменить идеологию и практику ведения войны с гитлеризмом. Осознание страшной опасности, нависшей над всей человеческой цивилизацией, способствовало образованию широкого международного фронта борьбы с агрессором, воплотившегося в создание антигитлеровской коалиции и совместную борьбу Объединенных Наций с нацизмом и милитаризмом. Именно вступление СССР в непосредственное противоборство с нацистской Германией показало, что в войне с силами фашизма и милитаризма за свободу, демократию и мир народы разных стран способны встать над геополитическими, классовыми, идеологическими и другими противоречиями, объединиться против общего врага.

В отличие от всех предшествующих войн, пережитых нашим народом, Великая Отечественная война стала особым, исключительным в своей уникальности состоянием общества, потребовавшим кардинальной перестройки всех сфер жизни – политической, экономической, военной, духовной, социальной, вызвала необходимость превратить страну в единый военный лагерь. Основным признаком этого особого состояния было подчинение всей жизни народа,

деятельности государственных и общественных организаций, экономики, науки, духовной жизни общества интересам справедливой войны, защите Отечества. Фронт и тыл стали единым целым, вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков приобрели определяющее значение; экономика работала преимущественно на нужды Вооруженных сил; произошли перемены в политической надстройке, существенно возросло значение организаторской деятельности государства. Население пошло на сознательное резкое снижение жизненного уровня, испытывая острую нужду и лишения военного времени. И все это – во имя Победы над ненавистным врагом.

К очевидным достоинствам Труда относится отсутствие привязки к какой-либо политико-идеологической доктрине, стремление избежать односторонности, обоснование выводов и оценок на максимально возможном объеме достоверного фактического материала. Это особенно важно, поскольку разное отношение к Великой Отечественной войне и порой диаметрально противоположные оценки ее событий часто являются не столько следствием отсутствия подлинных знаний, сколько результатом сознательного манипулирования фактами, которые просто подгоняются под заданную позицию. В Труде такой подход был изначально исключен. Его создатели уделили пристальное внимание событийной стороне войны, деятельности государственных и общественных институтов, социальных групп и отдельных лиц, в конечном счете определивших результаты противостояния, невиданного в истории по масштабам, напряжению и значению. При этом авторов нельзя упрекнуть в игнорировании «неудобных» фактов или затушевывании «невыгодных» аспектов в организации и ведении боевых действий и т.п.

Сильной стороной Труда также является отказ от ложно понимаемой политкорректности, характерной для многих работ по истории Великой Отечественной войны, в том числе и советского периода. Желание «не обидеть» те или иные государства раскрытием фактов их сотрудничества с фашистскими властями во время войны и, наоборот, подчеркнуть случаи антифашистского сопротивления вполне понятно. Однако в результате такого подхода получалась искаженная историческая картина, малоценная не только с точки зрения достоверности, но и поучительности.

Авторы Труда критически рассматривают действия советской стороны, отмечая ошибки и недостатки в руководстве, организации и ведении войны, проблемы во взаимоотношениях власти и общества. Однако эта конструктивная критика не имеет ничего общего с тем самоуничижением, что прячется под маской борьбы за историческую правду. В 1990-е гг. оно было почти обязательным для отечественной истори-

ографии и едва не привело к девальвации значения Победы в общественном сознании. Например, под предлогом анализа вопроса о цене войны и Победы ставилась под сомнение ее целесообразность, велись спекулятивные сравнения уровней жизни победителей и побежденных, как будто в ту войну шла речь не о выборе между существованием и гибелью народов, а о выборе ими уровня жизни. Кратко говоря, в Труде нет конъюнктурных перекосов, что выгодно отличает его от многих других исторических изданий.

Заметное место в Труде отведено политике и технологии управления обществом и Вооруженными силами в разные периоды войны. Соответствующий исторический опыт изложен с несравненно большей широтой и конкретностью, чем делалось прежде. Причем он представляет современный практический интерес применительно не только к военному, но и к мирному времени. Удачно показана работа Государственного Комитета Обороны и его Председателя – И.В. Сталина. Не обойдены вниманием его просчеты и ошибки при подготовке армии и страны к войне и ее ведении, соответствующим фактам дана серьезная критическая оценка. В то же время показана и его масштабная и многогранная деятельность в условиях тяжелейшей войны. Такой подход к событиям и оценке известных политиков и военных деятелей вообще представляется правильным.

В рецензируемом Труде объективно представлен вклад различных стран в победу над европейским фашизмом и азиатским милитаризмом. Раскрытие антифашистского, освободительного характера Великой Отечественной войны проходит яркой линией через весь Труд. И это, несомненно, заслуживает положительной оценки. При этом нельзя забывать, что фашизм – плод европейской культуры, ее терпимого и расчетливого отношения к этому опаснейшему явлению. Здесь будет правомерно кратко остановиться на понятии «европейский фашизм». На Западе этого понятия обычно избегают, акцентируя внимание на германском нацизме и итальянском фашизме. Но фашизм как явление далеко выходит за немецкие и итальянские рамки. Эта идеология и практика пользовалась поддержкой и являлась правящей силой во многих европейских странах. Хотя в 1933–1945 гг. центром фашизма была гитлеровская Германия, он был воспринят народами и ряда других европейских стран без сколько-нибудь активного сопротивления. В нашествии на Советский Союз вместе с Германией участвовали Румыния, Италия, Венгрия, Словакия, Финляндия. В составе вермахта было более миллиона солдат и офицеров – граждан других европейских стран. Фашизм также насаждался и прививался на некоторых оккупированных территориях Советского Союза, с определенным успехом в Прибалтике и на Западной Украине. Порабощенные фашизмом страны

оказались неспособны самостоятельно от него освободиться. Поэтому борьба с фашизмом не закончилась с изгнанием захватчиков с территории Советского Союза. Потребовалась освободительная миссия Красной армии в Восточной и Центральной Европе. Около полутора миллионов советских воинов погибло в ходе ее выполнения. Прискорбно, что в настоящее время правящие круги ряда европейских стран предают память об освободителях и совершенном ими подвиге.

Авторы Труда внесли заметный вклад в анализ политики и стратегии ее основных участников. Удачно показана несостоятельность эгоистической политики государств, построенной на принципе: у нас нет вечных друзей и вечных врагов, для нас вечны лишь наши интересы. Но понимание интересов бывает ложным, а построить мир, подчиненный потребностям лишь одной страны, невозможно. Долгосрочная и эффективная политика обеспечения национальной и международной безопасности по определению исключает примат эгоистического начала и требует равноправного партнерства. Советский Союз был надежным союзником западных держав в борьбе с фашизмом. Но западные страны, прежде всего Великобритания, хотели направить его вначале против СССР для взаимного истощения его и Германии, последующего проведения политики с позиции несравненно более сильного устроителя международного порядка. Это давало фашистской Германии свободу выбора действий против Великобритании и Советского Союза после установления господства над континентальной Европой. И этим она воспользовалась.

Политической целью фашистской Германии было мировое господство. И она решила, что эта цель будет гарантированно достигнута после разгрома Советского Союза и захвата его ресурсов. По мнению фашистских стратегов, после этого борьба за мировое господство будет делом политической и военной техники, суть которой – вместе с Японией и готовой вступить в союз Турцией принудить Великобританию и США к капитуляции. Эта авантюрная стратегия имела тем не менее большой шанс на успешную реализацию. Выходит, что Советский Союз воевал за свое

существование и одновременно за интересы Великобритании и США против мирового господства фашизма. Это понимали и высоко ценили политики западных стран до тех пор, пока не был предreshен вопрос разгрома Германии, а затем и Японии. После этого западные союзники резко меняют свой курс по отношению к Советскому Союзу.

То обстоятельство, что народы Советского Союза воевали в Великой Отечественной войне за общечеловеческие интересы и понесли многократно большие жертвы по сравнению с союзниками по Второй мировой войне, не принято показывать в работах историков западных стран. К сожалению, и в работах современных российских историков эта тема нередко остается в тени. В этом отношении фундаментальный Труд меняет положение к лучшему.

Говорят, что факты – упрямая вещь. Безусловным фактом является то обстоятельство, что выход в свет фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» является крупным научным и общественным событием большого значения. Труд предоставляет читателю не только готовые ответы на многие исторические и злободневные вопросы, но и огромные возможности для развития мышления и самостоятельного поиска истины. А фальсификаторам истории теперь сложнее будет строить свои извращенные версии событий войны.

Правильное понимание содержания и сущности Великой Отечественной и Второй мировой войн позволяет ярче высветить проблемы сегодняшнего времени, точнее оценить современные вызовы и угрозы, эффективнее противостоять им.

В XX веке методы, способы и средства ведения войны подверглись значительной трансформации. Эволюционировала и ее форма, что позволяет говорить, например, о рождении информационно-психологических и гибридных войн. Неизменной, однако, остается цель любой войны – стремление к политической и экономической гегемонии. Авторами Труда сделан важный шаг в познании явлений и процессов XX столетия. Но история продолжается. Думается, есть все основания считать эту работу прочным фундаментом для дальнейших исследований.

УДК 34.01

Полякова Т.А.,

доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук

Наумов В.Б.,

ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ В РОССИИ

В статье анализируются и систематизируются существующие правовые проблемы регулирования идентификации субъектов государственных, включая Единую систему идентификации и аутентификации, и негосударственных информационных систем, а также пользователей сети Интернет, определяются предметные пробелы в отношении регулирования идентификации в составе действующего российского законодательства, предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: идентификация, законодательство, информационное право, государственные информационные системы, единая система идентификации и аутентификации

Polyakova T.,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Sector of Information Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Naumov V.,

Leading Researcher of the Center of Economy of Continuing Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

LEGAL ISSUES OF IDENTIFICATION OF SUBJECTS IN STATE AND NON-STATE SYSTEMS IN RUSSIA

The article analyses and systematizes the existing legal issues of regulation of identification of subjects of state, including a Single System of Identification and Authentication, and non-state information systems, as well as Internet users; the paper addresses subjective gaps with regard to regulation of identification as a part of the current Russian legislation; the article author is suggested ways to improve it.

Keywords: identification, legislation, information law, state information systems, Single System of Identification and Authentication

В связи с развитием информационного общества проблемы идентификации субъектов информационных отношений очевидны, особенно когда это влечет за собой правовые последствия, и необходимость их правового регулирования сложно подвергать сомнению. В условиях развития процессов, связанных с государственными услугами и электронным взаимодействием органов государственной власти между собой, а также с иными субъектами информационных отношений на основе электронного документооборота и нахождения субъектов на расстоянии друг от друга, уже сложившиеся веками методы идентификации, опирающиеся на очное взаимодействие субъектов, нуждаются в модернизации.

В современных реалиях, когда информация все чаще представляется в электронной форме и зачастую отсутствует прямой контакт между субъектами, необходимы новые научно обоснованные подходы к формированию системы правового регулирования в данной сфере. Расширяется область предметных научных исследований, которые, по сути, носят фундаментальный межотраслевой характер, что позволяет говорить не только о возникновении нового правового института в системе информационного права, но и межотраслевого правового института.

По сути, этот институт призван дать ответ на вопрос: кто находится по «ту сторону» монитора компьютера?

Также при правовом регулировании в сфере информационных технологий следует учитывать влияние природы последних на механизмы идентификации. Особенности технических стандартов и протоколов определяют наличие различных видов идентификаторов у пользователей, самой информации, технических средств и устройств, что влияет на условия использования и обработки информации при идентификации субъектов информационных правоотношений. Также нужно иметь в виду, что возможны ситуации, когда идентификация в силу содержания и объемов имеющейся информации может оказаться невозможной или неполной [1].

Следует отметить, что в результате идентификации может произойти полная идентификация пользователя, позволяющая идентифицировать субъект информационных правоотношений, либо частичная идентификация, раскрывающая только используемые лицом идентификаторы информации (например, никнейм в блоге) и/или его технических средств (например, ip-адрес или код IMEI [2] телефона стандарта GSM и т.п.).

Как показывает гносеологический анализ, исторически в России и других государствах организация идентификации в информационных системах развивалась по нескольким основным самостоятельным направлениям: (а) идентификация в системах связи, позже – Интернет-сервисах; (б) идентификация в банковских системах; (в) идентификация в государственных информационных системах. В последние годы наблюдаются тенденции использования подходов и систем идентификации из одних сфер в другие, как это, например, произошло в России в системе электронного правосудия или при упрощенной идентификации в электронных расчетах.

Необходимо признать, что правовое регулирование в рассматриваемой сфере пока носит фрагментарный характер, отсутствует общая иерархически выстроенная терминология [3] и единая система требований к субъектам правоотношений, имеющих организационно-техническую возможность идентифицировать участников информационных правоотношений. Очевидно, что идентификация может возникать не только в связи с требованием закона, но и в связи с требованиями договора. Нередко, особенно в сети Интернет, популярными оказываются решения, созданные на условиях саморегулирования, когда участники правоотношений сами определяют достаточность условий и требований к идентификации субъектов.

В настоящее время в России можно выделить ряд направлений развития информационного законодательства, отражающих определенные подходы к идентификации субъектов, которые различаются как условиями осуществления идентификации, так и сферой применения.

Первое направление закономерно связано с существующим в стране более двадцати лет [4] правовым институтом персональных данных, который представляет собой сформировавшуюся систему правового регулирования, имеющую, однако, особенности, которые не всегда возможно эффективно реализовывать. Например, в сети Интернет не во всех случаях необходимы именно персональные данные, и достаточно использовать данные только для идентификации технических средств доступа и передачи информации [5].

Не случайно, что в незначительной по объему судебной практике, затрагивающей проблему идентификации, нередко суды принимают решения о факте распространения той или иной информации конкретным лицом на основе косвенных сведений или свидетельских показаний: далеко не все регистрируются в почтовых службах, Интернет-сервисах или социальных сетях под своим именем и указывают свои персональные данные. При этом действующее законодательство не всегда требует полной самоидентификации, поскольку лицо может действовать в Интернете анонимно в целях реализации своего права на неприкосновенность частной жизни. В этом случае для правовой квалификации неполноты представления лицом информации о себе необходимо указание в законе, является ли обязательной идентификация в тех или иных правоотношениях.

В качестве второго направления развития информационного законодательства необходимо указать совершенствование законодательства об электронной подписи, недавно претерпевшего существенную модернизацию [6]. Электронная подпись, как и персональные данные, выполняет схожие функции – она используется для подтверждения лица при определенных обстоятельствах. При этом имеются существенные отличия от персональных данных, определяемые электронной формой информации и наличием связанных с ней информационных систем и технических средств.

В этой сфере современное законодательство Российской Федерации рассматривает электронную подпись в качестве средства, подтверждающего факт формирования подписи (простая электронная подпись) и одновременно позволяющего определить лицо, подписавшее электронный документ (неквалифицированная электронная подпись).

Значительная роль в решении задач идентификации при использовании электронной подписи отводится соглашениям между участниками электронного взаимодействия, которые уже неоднократно находили свою правовую оценку в судах.

Следующее направление развития правового регулирования связано непосредственно с информационно-телекоммуникационными сетями включая

сеть Интернет [7]. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает следующие механизмы для идентификации субъектов в сети Интернет: самоидентификацию в силу требований ст. 10, а также добровольные и обязательные регистрации блогеров и организаторов распространения информации [8] в так называемых «реестрах по 97-ФЗ» [9].

Самоидентификация, предусмотренная ст. 10 указанного закона, несмотря на императивный характер правовых норм, представляет собой в современных условиях не обязательную, а «добровольную» идентификацию, поскольку ответственность за нарушение норм указанной статьи не установлена. Аналогичная по своему содержанию правовая норма о предоставлении информации о себе предусмотрена и для блогеров (п. 5 ст. 10.2).

Гораздо более жесткий правовой механизм контроля над субъектами отношений введен в связи с «реестрами по 97-ФЗ». Ключевым субъектом при этом является организатор распространения информации, для которого установлены правила по обеспечению идентификации информации и субъектов (в форме хранения и предоставления информации), подкрепленные обязанностью уведомить о начале собственной деятельности.

На провайдеров хостинга или иных лиц, обеспечивающих размещение сайтов или страниц сайтов в сети Интернет, возложены обязанности по обеспечению идентификации блогеров.

В целом система правового регулирования в данной сфере опирается на установленную административную ответственность за неисполнение обязанностей по предоставлению информации для идентификации лиц [10].

Следует иметь в виду, что в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также есть указание на то, что законами может быть предусмотрена обязательная идентификация личности, организаций, использующих информационно-телекоммуникационную сеть при осуществлении предпринимательской деятельности (ст. 15). Тем не менее, несмотря на очевидную важность и неоднозначность данного вопроса и то, что он обсуждается давно [11], пока его решение в законодательстве отсутствует.

Идентификация в Интернете имеет другие существенные отличия от идентификации в обычной («невиртуальной») жизни, когда наличие в правоотношениях специальных субъектов – информационных провайдеров (посредников), владеющих технологической инфраструктурой, оказывающих Интернет-услуги и предоставляющих возможности хранения, распространения и доступа к информации, создает условия «относительной идентификации».

Этот аспект связан с проблемой определения ответственности информационных провайдеров (посредников) и с вопросом, при каких условиях они должны раскрывать сведения о собственных клиентах или пользователях. В последнем случае раскрытие информационным провайдером сведений о пользователе будет приводить к «абсолютной идентификации», когда субъект идентифицирован не только для идентифицирующего его лица, но и для других лиц [12].

Необходимо учитывать, что в направлении регулирования идентификации развивается и российское законодательство о связи, где постепенно восполняются пробелы в правовом регулировании. В частности, постановление Правительства от 31 июля 2014 г. № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» урегулировало использование общественных точек доступа (в первую очередь, по стандартам Wi-Fi) [13].

Возрастающая популярность электронных расчетов обуславливает развитие регулирования платежных систем и одновременно противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Вместе с тем в сфере электронных расчетов и платежей существует понимание того, что возможно их осуществление как без проведения идентификации лица, так и с проведением таковой [14].

Также в связи с принятием Федерального закона от 05.05.2014 № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» стали активнее развиваться механизмы так называемой «упрощенной идентификации» [15].

С введением новых положений кредитные организации получили возможность устанавливать личность своих клиентов с использованием упрощенного алгоритма, который сейчас может быть реализован в трех альтернативных формах [16]. В то же время научное исследование позволяет сделать вывод об их несоответствии обоснованным ожиданиям участников рынка [17].

Важно отметить, что идентификация субъектов отношений имеет ключевое значение в сфере государственного управления и использования государственных информационных систем.

В мире обеспечение задач идентификации субъектов при их взаимодействии с государством

осуществляется в зарубежных государствах разными путями. Как показывает анализ, наиболее популярными являются решения по введению единых для всех видов взаимодействия специальных идентификаторов для физических лиц (обычно с использованием ID-карт или флэшек, нередко с биометрической информацией) и использованию технологий электронной подписи. Зарубежный опыт свидетельствует, что нередко в странах отсутствует единая система идентификации, и каждая информационная система имеет свои особенности по идентификации пользователей и условий доступа к ней.

В России в 2010 г. по инициативе Высшего Арбитражного суда РФ были приняты поправки в процессуальное законодательство [18] о том, что идентификация субъектов при их электронном взаимодействии не требует полной идентификации лиц и достаточно закрепить в законодательстве понятие официального сайта арбитражного суда и возможности подачи информации через информационную систему арбитражных судов «Мой Арбитр» [19].

Несмотря на исключение идентификации представителей, подающих процессуальные документы в системе, смелость решения [20] принесла бесспорные плоды – подход оказался востребованным и сделал российскую систему электронного правосудия одной из передовых в мире. Только относительно недавно в системе «Мой Арбитр» была добавлена возможность альтернативной идентификации в ней – уже через полную идентификацию на «Официальном интернет-портале государственных услуг» [21].

Российское государство, осознавая важность проблематики идентификации субъектов в информационном пространстве [22], в 2013 г. предприняло первые системные шаги в сфере взаимодействия государства и граждан: был принят Федеральный закон от 07.06.2013 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». В нем был определен статус и заложены основы идентификации субъектов информационных правоотношений в сфере оказания государственных услуг.

В настоящее время создана *Единая система идентификации и аутентификации* (далее – ЕСИА) – федеральная государственная информационная система [23], порядок использования которой устанавливается Правительством Российской Федерации и которая обеспечивает в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, санкционированный доступ к информации, содержащейся в информационных системах (п. 19. ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Согласно п. 4.1. ст. 14 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Правительство РФ определяет порядок использования единой системы идентификации и аутентификации и устанавливает случаи, при которых доступ через Интернет к информации, содержащейся в государственных информационных системах, предоставляется исключительно пользователям информации, прошедшим авторизацию в единой системе идентификации и аутентификации.

Однако еще до принятия указанных выше изменений постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977 были утверждены «Требования к Федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» [24] (далее – «Требования к ЕСИА»), где было заложены технологические и правовые основы идентификации именно в сфере государственного управления в целом и государственных и муниципальных услуг в частности [25].

В соответствии с п. 6 «Требований к ЕСИА» она должна включать в себя ряд регистров: физических лиц, юридических лиц; регистры должностных лиц органов и организаций, а также органов и организаций системы власти Российской Федерации; регистр информационных систем; регистр органов и организаций, имеющих право создания (замены) и выдачи ключа простой электронной подписи в целях оказания государственных и муниципальных услуг.

Важной архитектурной особенностью внедрения ЕСИА стал отказ от ранее существовавшей в прошлом десятилетии стратегии на использование исключительно электронной цифровой подписи (позже – усиленной квалифицированной электронной подписи). «Справка» на простую электронную подпись (п. 3 «Требований к ЕСИА») как более удобную в использовании и, соответственно, более распространенную заслуживает внимания и положительной оценки.

В «Требованиях к ЕСИА» закреплены дефиниции понятий, важных для института правовой идентификации, к сожалению, пока не определенных на уровне федеральных законов:

• «*идентификация участников информационного взаимодействия – сравнение идентификатора, вводимого участником информационного взаимодействия в любую из информационных систем ... с идентификатором этого участника, содержащемся в соответствующем базовом государственном информационном ресурсе, определяемом Правительством Российской Федерации*»;

- «аутентификация участников информационного взаимодействия – проверка принадлежности участнику информационного взаимодействия введенного им идентификатора, а также подтверждение подлинности идентификатора»;

- «авторизация участников информационного взаимодействия – подтверждение наличия у участника информационного взаимодействия прав на получение доступа к инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (п. 5).

В настоящий момент эти определения, наряду с терминами из других отраслей законодательства, в первую очередь финансового и из ряда стандартов [26], представляют собой ограниченную терминологическую базу, которая остро нуждается в оперативном развитии. Поскольку в противном случае без разработки и принятия сбалансированной непротиворечивой и иерархической системы дефиниций российское законодательство будет развиваться путем введения новых определений, разработанных под конкретные обстоятельства и противоречащих уже существующим.

Кроме того, сегодня уже можно выявить нестыковки между формируемым законодательством об идентификации и действующим законодательством о персональных данных. Первое практически не содержит ссылок на категории персональных данных и оперирует собственными терминами (например, «идентификаторы» [27]), а второе не дает четкого указания, в какой момент процесса идентификации различные виды сведений и данных становятся охраняемыми персональными данными.

Имеется еще одно важное обстоятельство, которое демонстрирует понимание разработчиками ЕСИА природы быстро развивающихся информационных технологий. Так, согласно п. 6 (1) Требований к ЕСИА система должна обеспечивать возможность «применения различных методов идентификации пользователей» при обеспечении доступа к информации с учетом полномочий пользователей и целей доступа к этой информации.

Следует также учитывать, что в 2013 г. в «Требованиях к ЕСИА» был отдельно определен порядок идентификации для целей использования Интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [28]. К последнему должны иметь доступ исключительно граждане Российской Федерации, прошедшие в ЕСИА процедуру регистрации, осуществление которой сопровождалось предъявлением основного документа, удостоверяющего личность, и внесением информации о таком способе установления личности в соответствующий регистр этой системы [29].

Представляется закономерным, что столь обширные организационные, технологические и нормотворческие нововведения последних лет встречали непонимание или критику. Так, четыре года назад возник первый судебный прецедент в отношении ЕСИА в Верховном суде Российской Федерации, когда заявители утверждали, что «Правительством Российской Федерации незаконно введены государственный регистр населения и обязательная идентификация всех граждан по идентификационным номерам» [30].

Суд при этом не усмотрел нарушений действующего законодательства, включая законодательство о персональных данных, и сделал выводы о том, что «требования устанавливают назначение системы идентификации и авторизации, а также цели ее использования и, вопреки утверждениям заявителей, не предусматривают присвоение гражданам идентификационных номеров, не нарушают прав граждан на идентификацию себя в каких-либо отношениях по фамилии, имени, отчеству, дате, месту рождения и месту жительства, отношению к гражданству [31]» и что лица сохраняют за собой право по своему выбору получать государственные и муниципальные услуги в иных формах, предусмотренных законодательством.

Рассмотрев палитру развития, качество и полноту российского законодательства об идентификации, можно сделать вывод о необходимости внесения существенных поправок и разработки единой системы моделей идентификации субъектов для различных видов правоотношений.

В законодательстве об информации, а также об использовании государственных информационных систем, включая ЕСИА, должно быть четко определено, в каком случае идентификация субъектов является обязательной, в каком – добровольной, и на кого возлагается обязанность осуществлять обязательную идентификацию.

В этой связи, в частности, целесообразно ст. 15 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнить нормами об идентификации субъектов не только в сфере предпринимательской деятельности.

При этом в законодательстве РФ и при осуществлении гражданско-правовых отношений следует отличать полную идентификацию лица от частичной, когда последняя служит для определения устройств, используемых субъектом информационных правоотношений, и/или идентификации информации, обладателями которой выступают различные (в том числе и не идентифицированные полностью) субъекты. Владелец сайта в сети Интернет, оператор информационной системы, провайдер хостинга, организатор распространения информации, блогер, если иное не установлено законом, вправе требовать от субъектов правоотношений участия в процессе идентификации

ции и определять порядок и условия идентификации, включая состав идентификаторов пользователей информации и технических средств.

Представляется важным законодательно закрепить в законе, что в случае отказа пользователя от идентификации ему может быть отказано в использовании сайта в сети Интернет и/или информационной системы либо в использовании части их функционала. При этом должны быть определены случаи, когда отказ субъекта идентифицироваться не влияет на реализацию его прав и интересов. Последнее для

физических лиц, в частности, должно достигаться путем гармонизации требований об идентификации с принципами и условиями обработки персональных данных.

Также в законодательстве должны быть определены критерии, по которым результаты идентификации в различных сферах регулирования могут быть известны другим участникам правоотношений (абсолютная идентификация) либо известны только лицу, осуществляющему идентификацию (относительная идентификация).

[1] Вне рамок настоящей работы находятся вопросы о том, возможна ли «вероятностная идентификация», какой правовой статус и какую юридическую силу она имеет, когда на основе анализа большого объема информации и данных, по отдельности не идентифицирующих лицо, появляется информация о его поведении (действиях), которая в силу уникальности поведения физического лица может с определенной вероятностью приводить к его идентификации.

[2] International Mobile Equipment Identifier (англ).

[3] Наумов В.Б. Вопросы развития терминологии в сфере персональных данных: понятийный аппарат информационного права: сборник науч. работ. / Отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина. – М.: ИГП РАН, 2015 – С. 124–129. Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2 (107).

[4] Отсчет можно вести с момента принятия Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», ныне утратившего силу, где впервые в российском законодательстве в ст. 11 было дано понятие персональных данных.

[5] В сети Интернет используются для идентификации ip-адреса, адреса электронной почты и мессенджеров, доменные имена, никнеймы (псевдонимы) и другие объекты.

[6] Изменения имели место в связи с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2015 № 445-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об электронной подписи», внесшем изменения в 12 из 20 статей данного закона.

[7] Необходимо иметь в виду, что в сети Интернет существуют технические средства и решения, которые препятствуют идентификации на технологическом уровне. В свою очередь, большинство государств мира стремятся иметь в своем распоряжении средства обеспечения доступа к информации о действиях пользователей.

[8] С 1 августа 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», дополнив Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» положениями, устанавливающими правовой статус организатора распространения информации в сети Интернет, а также правовой статус блогера и обязанности по регистрации указанных субъектов.

[9] Именно так указанные реестры упоминаются на сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: <http://rkn.gov.ru/>

[10] Ст. 13.31 и ст. 19.7.10 КоАП РФ.

[11] В частности, в старом, действовавшем до 2014 г., Модельном законе «Об информатизации, информации и защите информации», который был принят на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 26-7 от 18 ноября 2005 г.) в ст. 22 указывалось, что «Национальным законом или иным актом может быть предусмотрена обязательная идентификация лиц, участвующих в информационном обмене с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

[12] Проблема не нашла своего разрешения ни в законодательстве, ни в судебной практике. Здесь является показательным дело «Компания «Делфи АС» против Эстонии» Европейского суда по правам человека (Жалоба № 64569/09, Постановление от 16 июня 2015 г.), когда суд указал, что «Поставщик услуг может также предусмотреть более высокую степень анонимности для своих пользователей. В этом случае от пользователей не требуется сообщать о себе вообще никаких сведений и их можно установить в ограниченной степени только по данным, сохранившимся у интернет-провайдера. Обычно такие данные сообщаются только по запросу следственных или судебных органов и на ограничительных условиях. Тем не менее, в некоторых случаях это может быть необходимо для установления правонарушителей и привлечения их к ответственности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2016).

[13] Примером правовой нормы для решения задач идентификации на сетях электросвязи, представляющей интерес, является в ст. 43 Закона Республики Армения 2005 г. «Об электронной связи»: «Лица, оказывающие услуги, как правило, обязаны оказывать услуги обществу на основании разумных требований. Лицо, оказывающее услуги, вправе отказаться от оказания розничных услуг клиентам, прекратить или приостановить их оказание клиенту на основании тарифа или заключенного с последним соглашения, если ... конечный пользователь не представляет истребованные тарифом на данные услуги сведения, данные идентификации или адрес пункта присоединения к общественной сети связи, позволяющие оказывать истребованные услуги...» Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2385&lang=rus#8> (дата обращения: 16.05.2016).

- [14] Ст. 10 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Аналогичный подход реализован в Модельном Информационном кодексе для государств – участников СНГ, принятом на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 38-6 от 23 ноября 2012 г.).
- [15] Следует отметить, что и до этого момента в подзаконных правовых актах содержался ряд положений, посвященных упрощенной идентификации физических лиц, см. «Об идентификации кредитными организациями клиентов и выгодоприобретателей в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: положение Банка России № 262-П от 19.08.2004. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2016).
- [16] Наумов В.Б., Брагинец А.Ю. Правовые проблемы удаленной идентификации на примере регулирования финансовых услуг // Информационное право. – 2016. – № 1. – С. 13–19.
- [17] Достов В.Л., Шуст П.М. Упрощенная идентификация клиентов: сложности реализации [Электронный ресурс] // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2014. – № 5 // СПС «Гарант» (дата обращения: 28.04.2015).
- [18] Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».
- [19] Адрес в сети Интернет: <https://my.arbitr.ru>
- [20] Идея состояла в том, чтобы, по сути, обязать лиц использовать функционал сайтов судов – в ст. 121 АПК РФ было указано, что «Лица, участвующие в деле, несут риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по получению информации о движении дела, если суд располагает информацией о том, что указанные лица надлежащим образом извещены о начавшемся процессе».
- [21] Адрес в сети Интернет: <https://gosuslugi.ru>
- [22] Российская Федерация не одинока в своих начинаниях, и ее опыт стали использовать другие государства – участники СНГ (см., например, Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 365 от 17.12.2015 «О мерах по формированию центральных баз данных физических и юридических лиц и внедрению единой информационной системы идентификации пользователей системы «Электронное правительство») // Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/articles-id-27327.htm>
- [23] Позже в нормативный правовой акт неоднократно вносились поправки.
- [24] В этом же Постановлении была дана рекомендация органам государственной власти осуществлять идентификацию, аутентификацию, авторизацию и регистрацию физических и юридических лиц в целях предоставления государственных и муниципальных услуг с 15 апреля 2012 г. осуществлять с помощью ЕСИА.
- [25] В частности, ГОСТ Р 50739-95. Средства вычислительной техники. Защита от несанкционированного доступа к информации. Общие технические требования (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта РФ от 09.02.1995 № 49), ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007. Финансовые услуги. Рекомендации по информационной безопасности (утв. Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 № 514-ст), ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 19791-2008. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Оценка безопасности автоматизированных систем (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 № 525-ст), ГОСТ Р ИСО/МЭК 27033-1-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Безопасность сетей. Часть 1. Обзор и концепции (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.12.2011 № 683-ст).
- [26] Там же.
- [27] См. «Положение о федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утв. Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 13 апреля 2012 г. № 107 (в ред. Приказов Минкомсвязи России от 31.08.2012 № 218, от 23.07.2015 № 278).
- [28] Адрес в сети Интернет: <https://www.roi.ru/>
- [29] П. 7 (1) Постановления Правительства РФ от 28.10.2013 № 968.
- [30] Определение Верховного Суда РФ от 20 сентября 2012 г. № АПЛ12-503 // КонсультантПлюс (дата обращения: 16.05.2016).
- [31] Там же.

Список литературы

1. Достов В.Л., Шуст П.М. Упрощенная идентификация клиентов: сложности реализации // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2014. – № 5. – СПС «Гарант» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/57480862/paragraph/1> (дата обращения: 28.04.2015).
2. Наумов В.Б. Вопросы развития терминологии в сфере персональных данных: понятийный аппарат информационного права: сборник науч. работ / Отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина. – М.: ИГП РАН, 2015.
3. Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2 (107).
4. Наумов В.Б., Брагинец А.Ю. Правовые проблемы удаленной идентификации на примере регулирования финансовых услуг // Информационное право. – 2016. – № 1.
5. Жалоба № 64569/09. Постановление от 16 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=446110> (дата обращения: 16.05.2016).
6. Мой Арбитр. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 16.05.2016).
7. Определение Верховного суда РФ от 20 сентября 2012 г. № АПЛ12-503. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136047/ (дата обращения: 16.05.2016).

8. Положение Банка России № 262-П от 19.08.2004. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160298> (дата обращения: 16.05.2016).

Reference list

1. *Dostov V., Shust P.* A simplified clients identification procedure: The complexities of the implementation // Computing and operational work in a commercial bank. 2014. № 5. Legal Reference System "Garant" [Electronic resource] Access mode: <http://ivo.garant.ru/#/document/57480862/paragraph/1> (date of access: 28.04.2015).
2. *Naumov V.* The development issues of terminology in the sphere of personal data: The conceptual apparatus of information law: Collection of studies / Publishing editors I. Bachilo, E. Talapin. M.: ISL RAS, 2015.
3. *Naumov V., Arkhipov V.* The conception of personal data: Interpretation under conditions of the development of information and telecommunication technologies // Russian Law Journal. 2016. № 2 (107).
4. *Naumov V., Braginets A.* Legal issues of remote authentication in the example of the regulation of financial services // Information Law. 2016. № 1.
5. Complaint № 64569/09. The Regulation dated 16th of June, 2015 [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus". Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=446110> (date of access: 16.05.2016).
6. My Arbiter. [Electronic resource] – Access mode: <https://my.arbitr.ru/#index> (date of access: 16.05.2016).
7. The Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20th of September, 2012 №. APL12-503. [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus". – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136047/ (date of access: 16.05.2016).
8. The Bank of Russia Regulation №. 262-R dated 19.08.2004. [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus". – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160298> (date of access: 16.05.2016).

УДК 340

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

ОЧЕРКИ О СУЩНОСТИ ПРАВА И ПРАВОВЕДЕНИЯ

Данная статья является попыткой доказать, что недостаточно дать некоторое внешнее описание правил правового конструирования, которые в общем и целом, по своего рода молчаливому соглашению ряда правоведов, обозначаются как «правовые» положения, поскольку данный прием не представляет ни достаточного разграничения, ни определения понятий в праве и не может гарантировать полноты как по отношению к описываемому правовому предмету, так и его существенным чертам.

Также в статье утверждается, что для современной правовой культуры особый интерес представляют следующие направления: естественное право, историческая школа права, материалистическое понимание истории и социальные основания возникновения новых прав или ограничений.

Ключевые слова: сущность права, правоведение, правовое конструирование, правила правового конструирования

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

ESSAYS ABOUT ESSENCE OF LAW AND LEGAL SCIENCE

This article is an attempt to prove that it is not enough to provide some external description of rules of legal designing, which are by and large, by a kind of tacit agreement of a number of legal scholars, are designated as "legal" provisions, considering that this technique is not a sufficient differentiation, no definition of concepts in law, and it cannot guarantee the completeness both in relation to the described legal subject, and its essential features.

Also this article argues that the particular interest is submitted the following directions for the contemporary legal culture: the natural law, the historical school of law, the materialist understanding of history and social grounds for the coming into existence of new rights or restrictions.

Keywords: essence of law, legal science, legal designing, rules of legal designing

Каждое из направлений в современной теории права не только возбуждает против себя особое сомнение, но и страдает сверх того основным недостатком, свойственным всей предшествующей философии права. До сих пор применяемые к различным направлениям в правоведении усилия использовались для того, чтобы с помощью одной и той же формулы дать ответ на три основных вопроса общей теории права: о понятии права, допустимости правового принуждения и справедливом содержании какого-либо права.

То, что в социальной жизни соответствует общественной природе человека или природе права, или духу народа как естественного целого, или социальному хозяйству и способу производства, по самому понятию является «правом», которое с основанием применяет принуждение и в своем содержании является правоммерным. В противоположность этому основные положения излагаемой в настоящей статье позиции подтверждают, что стремление найти ответ

на три поставленные выше вопроса правовой философии в единой общей формулировке является, на наш взгляд, необоснованно оптимистичным.

Ответ на три вышеназванных вопроса следует давать по отдельности. Вопрос о действии известного права не может получить ответа на основании особенностей его содержания. Бывает плохое по содержанию право, и тем не менее оно обладает правовым действием. Таким образом, утверждать, что несправедливый запрет не является правом и правовой запрет не может быть несправедливым, представляется ложным по двум причинам. Кто объявляет несправедливым содержание известного права, тот тем самым не говорит, что это право не действует; в случае, когда кто-либо противопоставляет недостатки правового строя тому, что представлялось бы в данном положении по существу справедливым. И это отнюдь не значит, что рассматриваемое явление обладает уже и правовым действием. Эти положения могли бы представляться вполне понятными и не

нуждающимися в каком-либо подчеркивании, если бы опыт не показывал, что многие юристы по традиции рассматривали два вышеназванных вопроса – о действии и справедливости права – как взаимно покрывающие друг друга. Однако это представляется неправильным: методический ход доказательств в вопросе о том, обладает ли известное правовое решение в данном положении свойством справедливости, не имеет совершенно ничего общего с вопросом, должен ли судья и стороны их применять или оставить без внимания это решение.

Не является новшеством и то, что исследования о сущности права всегда противопоставляются рассмотрению постановлений «какого-либо особого» права. Они как раз стремятся отрешиться от особого содержания данного правового порядка и дают общий взгляд, безусловно, действительный для всякого права. Какие свойства может носить такой взгляд? Наш ответ: он возможен лишь в смысле формального метода. Мы хотим выяснить общий порядок и способ, пригодный для того, чтобы упорядочить многообразный, исторически обусловленный и постоянно изменяющийся материал социальных правил. Без помощи подобной однообразной обработки всякий материал правовой истории представлял бы собой лишь такой беспорядок, о котором нельзя было бы даже с основанием сказать, что он представляет собой «правовой материал», если бы здесь не приходил на помощь основной метод, позволяющий охватить и понять социальное регулирование формальным образом. Над этим материалом никто не мог бы произнести оправдывающего или отвергающего суждения иначе как путем общепринятого формального способа оценки и суждения. Если данная работа озаглавлена «Сущность права и правоведения», то следует помнить, что «сущность» вещи обозначает «единство ее неизменных формальных условий» и что «наука», «ведение» обозначает сознание, направленное на единство и завершенное в переработке до степени последнего.

Наоборот, до тех пор, пока в известном изложении и учении содержится хотя бы малейший след условного материала особого правового желания, оно не может иметь абсолютного действия. Оно необходимо представляет подверженное изменению содержание и в этом качестве отнюдь не может выступать в роли существенной составной части чистого учения о праве. Точный характер может носить только учение о формальных условиях возможного объединения, и только оно может с основанием рассчитывать на безусловное действие. Наоборот, всякое рассмотрение материальных особенностей будет как раз постольку научным, поскольку оно в состоянии с успехом в сознательном осмыслении соответствовать указанным формам. Такая постановка проблем, имеющая высшей целью исследование и выяснение основного

метода научно-правового осмысления, тем самым существенно отличается от всех других стремлений, в конечном итоге которых все еще значатся результаты материально обусловленного содержания.

Были сделаны точные наблюдения по поводу того, как исторически данное право совмещается с особою культурой определенного периода и как при этом проявляются определенные требования другого права и выступают против существующего порядка. Однако это различие действующего права и правовых постулатов представляет собой нечто, совершенно отличное от противопоставлений особого правового материала и всеобщего формального метода для оценки и определения любого обусловленного правового содержания. Это последнее разделение совершенно независимо от противоположения закона, как он существует, и закона, подлежащего изданию; воспроизводится вновь в каждом из них. Оно представляет собой основное предположение для всякого возможного правоведения, тогда как другое названное деление отражает только внешнее разделение в зависимости от времени действия, данного эмпирически или отсутствующего. Однако и так называемые правовые постулаты могут быть, как требования изменения определенного права, справедливыми или несправедливыми по существу, поэтому возникает вопрос: путем какого методического хода доказательств можно обосновать то или другое?

Идея справедливости есть формальное свойство, могущее принадлежать каждому особому правовому содержанию – прежнему, ныне существующему или предполагаемому.

Это различие «формы» и «материи» должно быть особенно настойчиво акцентировано. Только ясно проникнувшись им и проведя его полноценно, можно устранить недоразумение, будто оно должно быть направлено на то, чтобы противопоставить праву, созданное идеально, исторически сложившемуся праву. Об этом нет и речи. По действующему закону подразумевается, что всякое волеизъявление является исторически обусловленным. Оно возникает из особого исторического положения и открывает для своего генетического обсуждения необходимые причины. Однако всякое особое по содержанию волеизъявление связано с другим, отличным от него, на основе внутреннего равенства. Они, оставаясь отдельными, сходятся между собой в общем формальном способе. С помощью его материально многообразные нормы одинаково подчиняются понятию права, затем допускают опять свое разделение по формальному способу на справедливое и несправедливое по существу право. В действительности это последнее и так совершается непрерывно. Никто, рассматривая определенное правовое регулирование, будь это юрист или обыкновенный обыватель, не откажется с легко-

стью от права подвергнуть данное «особое право» критике. Сообразно этому наша проблема ставится так: *что, собственно, значит объявить закон, договорное требование или другое правовое волеизъявление? Являются они обоснованными или необоснованными по существу?*

Поставленная задача состоит в том, чтобы путем методического самоанализа уяснить себе те идеи, которые мы вкладываем в вышеупомянутые критические оценки. Здесь вовсе не изобретаются новые правовые положения, и не расширяется из нас самих материал правового регулирования. Речь идет о том, чтобы выяснить идею справедливости права в качестве формального понятия, которая в смысле материальной правды была, есть и будет актуальной во все времена, и показать методическую возможность ее применения. Для этого нужно только указать всеобщий процесс, который с необходимостью развивается в наших мыслях, раз мы подвергаем критическому рассмотрению право и социальную жизнь. Таким образом, мы оставляем позади особый материал исторических правовых порядков и обращаемся к собственной и ограниченной работе над методической формой, чтобы вообще понять и одинаково обсудить и определить эти порядки.

Не может подлежать никакому сомнению, что правовой порядок есть средство для достижения целей. Поэтому решающей систематической точкой зрения для всякого права может быть только единство в рассмотрении целей. Кто заранее ограничивается вопросами о возникновении правового регулятора, тот задается лишь вопросом о происхождении известных средств и целей. Отсюда следует, что сущность права подчинена закономерности человеческого существа, т.е. одинаковому способу оценки содержания целей.

Это причисление права к области целей пробивает себе окончательно путь повсюду, уже в силу необходимости, даже у таких лиц, которые первоначально не желали пользоваться «писаным правом». Так, оно обнаруживается при критической оценке материалистического понимания истории, особенно у Спинозы, который, как известно, хотел понять и определить все вещи лишь как определенные виды одного закономерного единства, «субстанции». И человек представляет лишь модус единой, всеобъемлющей субстанции, и цели подлежат оценке лишь как свойства людей, поскольку сам человек является предметом изучения природы. Таким образом, Спиноза понимал «естественное право» в смысле «естественного закона». Это суть правил, которые заставляют всякое существо обнаруживать своеобразие их существования и действие; все заключается в едином течении естественного господства субстанции. Но Спиноза, вопреки этому, желает еще дать объяснение правового порядка. Он полагает, что люди подчиняются

праву, потому что видят в государстве меньшее зло в сравнении с анархией. Он ставит вопрос и решает его в смысле полного одобрения того, что государственное единство объемлет всех нас, так как последнее является подходящим средством для достижения естественного назначения человека.

В чем же заключается закономерность целей, которым должно подчиняться, и правовое воление? Особенность современного словоупотребления термина «закономерность» заключается преимущественно в смысле признанной причинности. Однако последнее представляет собой только особое направление в задачах объективирующего самосознания, между тем материальная мысль, которую надлежащим образом выражает слово «закономерность», заключается в понятии общепризнанного способа познания и воления. Согласно этому закономерность целей обозначает единый, конечный и, безусловно, возможный метод для суждения и определения содержания человеческого воления. Так как этот формальный прием должен применяться ко всем мыслимым человеческим целям, то он может заключаться лишь в идее такого способа воления, чтобы ее можно было представить освобожденной от особенностей подлежащего субъективного положения. Согласно этому для наличия закономерно обоснованной цели необходимо, чтобы она представилась понятной не только как цель ограниченного личного пожелания, но и отрешенная от особенностей данного субъекта, оставалась обоснованной для всякого представленного в таком положении человека. Таким образом, идея свободного по содержанию воления есть закономерность целей. Этой идее никогда не может вполне соответствовать действительно данное содержание воли. Всегда существует только материально обусловленное воление. Но разница в том и заключается, исчезает ли оно в своей обусловленности и может быть утверждено со стороны хотящего лишь как условное или же может выступать как объективно оправдываемая цель. В этих последних целях формальная идея свободного по содержанию воления и образует директиву для методически обеспеченного критического суждения относительно эмпирически обусловленного воления.

Эта руководящая идея закономерного способа суждения и определения является абсолютно действительной, то, что с ее помощью подвергнуто конкретному суду и определению, может быть по меньшей мере объективно справедливым. Оно располагает этим свойством, если в этом особенном положении соответствует, насколько мы можем судить, безусловно действующему формальному закону. Однако оно никогда не может совершенно совпадать с ним и вполне покрываться им именно потому, что представляет обусловленный материал и подлежит изменению

ям и улучшениям. Итак, при человеческом волеии, а следовательно, также и в праве, можно различать не только две возможности: абсолютно действительное содержание права и исторически обусловленное, на самом деле существует тройное деление: сначала абсолютно действующий формальный метод и затем в пределах исторически обусловленного правового содержания такое, которое установлено и конкретно обработано согласно этому методу и потому может быть названо объективно справедливым, наконец, такое, которому недостает этого качества.

Каждый стремится к объективно оправдываемому волеию; по крайней мере он желал бы иметь его для суждения о действиях других лиц. Проблема справедливости определенного волеия есть, таким образом, не проблема одного лишь теоретического размышления. Скорее нужно сделать объективно понятным систематическое суждение о естественно возникающих целях и стремлениях и облегчить методическую обработку условного материала, который иначе остался бы хаосом диких вожделений и стремлений. Только в остроте прозрения и в ясности мыслей теория может отличаться от неопределенных и туманных утверждений по так называемому «чувству», но она вполне основательно не имеет ничего общего с творческим созданием нового материала желаний и выбора.

При осуществлении этого призвания критически действующей теории возникает ясное различие двух задач справедливого волеия. Последнее может представляться прежде всего таким, каким хранит его про себя отдельный человек. Материал его составляют при этом мысленные пожелания, которые могут быть сами по себе дурными или хорошими. Благонравие, чистота и правда внутреннего содержания ставятся здесь отдельному человеку в качестве задачи и притом такой, исполнение которой должно быть для него самым важным во всей жизни. Поэтому верна истина о том, что неправда пред самим собою и внутренний обман противоречий составляют содержание понятия внутренней нечистоты, но для человека не может быть ничего хуже, как вытекающее отсюда презрение к самому себе. Предупредить отдельного человека об этой опасности, навести его на правильную работу над своими внутренними желаниями и просто помыслами – такова задача нравственного учения.

Если таким образом нравственное волеие представляется как внутренняя жизнь отдельного человека сама по себе, то социальное волеие есть упорядоченный строй, связующий множество людей в общем преследовании социальной цели. Оно есть волеие для других. При этом пока еще безразлично, кто выражает и проводит это волеие. Содержание этого волеия должно быть направлено не на соб-

ственные мысли как таковые, а на способ совокупного действия многих, которые должны быть подчинены этому теперешнему волеию. Но и это содержание с социального волеия должно быть объективно справедливым. Согласно ему должен существовать правильный способ совокупного действия, что представляет задачу справедливого права.

Таким образом, для справедливого волеия возникают две задачи. Недостаточно принимать во внимание только одну из них и указывать на нее одну, но необходимо оценивать ближайшим образом каждую из них с точки зрения названного нами общего им закона целей и разлагать каждую из них в ее особенностях. Так, в нагорной проповеди пятой заповеди Декалога основательно противопоставлено предупреждение против гневных мыслей к ближнему, а наряду с запрещением нарушения брака выставлено положение о том, что кто взирает на женщину с вожделением, уже нарушил с нею брак «в сердце своем». С другой стороны, кто вступает в брак, о том я могу точно знать только то, что он юридически выражает справедливое хотение; является ли его акт также и нравственным, это зависит совершенно от рода пожеланий в его внутреннем содержании. И наоборот, в прославленном совете подставлять обидчику еще и правую щеку под удар не заключается статьи справедливого нравственного волеия: такое направление мыслей, при котором каждая внешность и мелочь возможных переживаний как таковые должны мало цениться, ни одна из них сама по себе не должна привязывать сердца человека настолько, чтоб при потере чувств он ощущал себя уничтоженным.

Это отношение между нравственным и социальным волеием еще со времен Канта очень часто хотят обозначить, различая автономную и гетерономную волю. Первая заимствует свою закономерность от собственной внутренней деятельности человека, вторая входит к нему извне и требует не моральности, но лишь внешне согласованной законности. Однако при этом исходят исключительно из точки зрения отдельного лица, и тут роковым образом между обеими задачами волеия необходимо возникает раздвоение. Вместо этого нужно твердо придерживаться мысли, что социальное волеие не представляет более волеия отдельного лица в самом себе, но есть правило, связывающее многих лиц и стоящее над ними. Это целевое содержание, независимо от того, кем оно было установлено путем особого опыта, и должно быть в своей собственной задаче – регулирования совокупной деятельности – приведено в гармоническое согласие с основными мыслями человеческого волеия.

Если мы рассмотрим в особенности задачу, ставящую себе целью объективно анализировать социальное волеие, подвергать его обсуждению, то пред-

варительно нужно еще раз подчеркнуть, что просветленная мораль и справедливое право представляют лишь два особых выражения одной и той же закономерности человеческого воления. Они не должны принципиальным образом ставиться в взаимное противоположение. Оба представляют справедливое воление, лишь осуществленное над различными проблемами. Дело вовсе не в том, обозначать ли общую совокупность учения, которое при этом противоре-

лагается естественному созерцанию, как «этику» или как «моральную философию», или как «целевую науку», или же назвать ее еще как-нибудь иначе. Здесь нужно лишь подчеркнуть, что, ставя основной вопрос о справедливых целях, при разработке его мы тотчас встречаем две вышеназванные особенные задачи, из которых мы теперь ближе приступаем к задаче правильного социального воления в указанном в данной статье смысле.

Список литературы

1. *Васильев А.В.* Теория государства и права: курс лекций. – М.:Флинта: МПСИ, 2006. – 200 с.
2. *Венгеров А.Б.* Несущие конструкции правового государства // Право и власть. – М., 1990.
3. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2008. – 452 с.
4. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
5. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М., 1974.
6. *Щегорцев В.А.* Социология правосознания. – М., 1981.
7. *Явич Л.С.* Сущность права. – Л., 1985.

Reference list

1. *Vasil'ev A.* Theory of state and law: Lectures. M.: Flinta: MPSI, 2006. 200 p.
2. *Vengerov A.* Frameworks of a legal state // Law and Power. M., 1990.
3. *Leyst O.* The essence of law. Issues of theory and philosophy of law. M: Zertsalo, 2008. 452 p.
4. *Mal'tsev G.* Understanding of the law. Approaches and issues. M.: Prometheus, 1999. 419 p.
5. *Khalfina R.* The General doctrine about legal relation. M., 1974.
6. *Shchegortsev V.* Sociology of legal consciousness. M., 1981.
7. *Yavich L.* The essence of law. L., 1985.

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию роли и значения международных неправительственных организаций в развитии уголовного права Российской империи на рубеже XIX–XX в. Со второй половины XIX в. на уровне международного сообщества стали создаваться международные неправительственные организации, внесшие свой вклад в развитие как международного, так и национального права, в том числе в вопросах уголовно-правовой сферы. Исследована деятельность основных международных неправительственных организаций, объединявших ученых и практиков в сфере уголовного права – Института международного права, Союза уголовного права (Союза криминалистов) и Пенитенциарного конгресса – и ее результаты, оказавшие непосредственное влияние на уголовное право Российской империи указанного периода.

Ключевые слова: история международного права, международные неправительственные организации, XIX век, Институт международного права, Союз уголовного права, Пенитенциарный конгресс, уголовное право Российской империи, выдача преступников, торговля женщинами в целях разврата

Tret'yakova E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of Branch of the Moscow Institute of Public Administration and Law in Perm Kray

THE ROLE AND THE IMPORTANCE OF INTERNATIONAL NONGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH – IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the role and the importance of international nongovernmental organizations in the development of criminal law of the Russian Empire at the turn of the nineteenth – twentieth century. As of the second half of the nineteenth century, on the level of international community, international nongovernmental organizations had began to be created, which have contributed to the development of both international and national law, including on issues related to the criminal-legal sphere. There is studied an activity of the main international nongovernmental organizations, united scientists and practitioners in the sphere of criminal law (Institute of International Law, The Criminal Law Union (The Union of Criminalists) and The Penitentiary Congress), as well as its performance results, which had a direct impact on criminal law of the Russian Empire for specified period.

Keywords: history of international law, international nongovernmental organizations, nineteenth century, Institute of International Law, Criminal Law Union, Penitentiary Congress, criminal law of Russian Empire, criminal extradition, trafficking in women for reasons of sexual abuse

Со второй половины XIX в. начался процесс формирования и правового оформления международных организаций, причем как межгосударственных, так и неправительственных.

При этом создание неправительственных организаций происходило в более упрощенном порядке и не требовало серьезных, в том числе политиче-

ских, конструктивных действий государств. В целом в течение второй половины XIX в. и до начала Первой мировой войны было создано порядка 500 международных организаций, действующих на постоянной основе (справедливости ради необходимо отметить, что более половины из них в течение этого же периода прекратили свое существование). В период

1910–1914 гг. в рамках сложившейся мирополитической системы функционировали 212 организаций, из которых 192 имели неправительственный характер и лишь 20 – межправительственный [13, с. 11–12]. Несмотря на тот факт, что на первоначальном этапе становления системы международных организаций доктринально четкого разграничения между межправительственными и неправительственными организациями не проводилось, тем не менее отрицание фактической их дифференциации невозможно, так как природа этих организационных структур изначально была разной.

Как видно из приведенных данных, количество международных неправительственных организаций было велико, что было обусловлено активными социальными процессами, в рассматриваемый период общество активизировалось, стало чаще заявлять о своих интересах, в том числе в ходе международных взаимодействий. По мнению исследователя международных неправительственных организаций Коваленко И.И., «международные неправительственные организации представляют собой одну из форм общения между народами. Их возникновение и эволюция являются составной частью истории международных отношений в целом» [10, с. 6]. С этим утверждением сложно не согласиться, и юридическое оформление межгосударственных отношений необходимо рассматривать в том числе в контексте деятельности международных неправительственных организаций.

Система неправительственных организаций напрямую проецировала потребности общества и наиболее актуальные направления его развития. Во второй половине XIX в. стали появляться международные негосударственные структуры, задачей которых являлось содействие развитию международного права, сближение представителей науки и практики, в том числе в сфере уголовного права. В данном ракурсе представляется целесообразным обозначить деятельность и значение основных международных неправительственных организаций рассматриваемого исторического периода.

Прежде всего необходимо рассмотреть деятельность Института международного права, так как это был один из наиболее значимых и чаще собираемых на съезды органов, выработавший множество интереснейших теоретических положений, которые, в свою очередь, оказали существенное влияние на развитие международного права, включая вопросы уголовного права и судопроизводства.

Первоначально в деятельности съездов Института международного права участвовало 8 комиссий, в том числе по вопросам столкновения законов гражданского процесса, гражданского, уголовного и торгового права (самая древняя из всех была организована одновременно с Институтом).

Работа Института международного права была разнообразна и очень продуктивна, к основному вопросу уголовного права, ставшему предметом обсуждений и соответствующих решений, вынесенных организацией, была выдача преступников – дважды, в 1880 и 1892 гг., на сессиях обсуждались соответствующие проблемы и выносились решения.

Первые шаги по теоретической разработке вопросов выдачи преступников были сделаны на Парижском съезде Института, где был сделан доклад о комиссии, созданной в Англии и занимавшейся данной проблемой. Комиссия, в свою очередь, пришла к следующим заключениям, рекомендуемым ею правительству для реализации на практике.

«а) Польза, вытекающая из выдачи, настолько значительна, что ее следует производить даже без взаимности. Наше правительство должно обладать полномочиями выдавать преступников другому государству, требующему их выдачи, хотя бы с этим государством не было заключено никакого трактата о выдаче.

б) Не существует серьезного возражения против того, чтобы государство выдавало своих подданных.

в) Действия, вызывающие выдачу, должны считаться преступлениями не только по законам правительства, требующего выдачи, но и по законам страны, к которой обращают эту просьбу.

г) Нет надобности оговаривать в трактатах, что выданный преступник не будет впоследствии судим ни по какому иному преступлению, кроме того, за которое он подвергался выдаче» [8, с. 191–192].

Именно с этого доклада началась деятельность по разработке вопросов, связанных с выдачей преступников.

Окончательный акт, содержащий заключения института по вопросу о выдаче преступников, был одобрен на Оксфордской сессии. Основные положения данного решения имели неоспоримое как теоретическое, так и практическое значение в международно-правовой действительности данного периода.

«1. Выдача есть международный акт, соответствующий справедливости и интересу государств, цель которого действительное предупреждение и пресечение нарушений уголовного закона.

2. Точное и правильное приложение выдачи обуславливается лишь существованием трактатов и поэтому желательно, чтобы последние заключались в возможно большем числе.

3. Впрочем, не одни трактаты превращают выдачу в действие, сообразное с правом; ее можно производить при отсутствии всякого договорного обязательства.

4. Желательно, чтобы в каждой стране закон определял производство ее, а равно условия выдачи лиц, обвиняемых в преступлениях правительством, с которым не заключено трактатов.

5. Условие взаимности в делах этого рода может быть рекомендуемо политикой, но не есть требование справедливости.

6. Между странами, уголовные законы которых покоятся на аналогичных основаниях и которые имеют взаимное доверие к судебным учреждениям, выдача собственных граждан была бы средством обеспечения хорошего отправления уголовного правосудия, так как желательно, чтобы юрисдикция была признана, насколько возможно, компетентною.

7. Но даже если принять, вместе с господствующей практикой, невыдачу государством собственных граждан, не следует при этом обращать внимания на приобретение лицом национальности после совершения того деяния, на основании которого требуется его выдача.

8. Компетенция государства, требующего выдачи, должна быть подтверждаема собственным его законом и не противоречить закону страны убежища.

9. В случае наличия нескольких требований выдачи за одно и то же деяние предпочтение следует оказать государству, на территории которого было нарушено право.

10. Если одно и то же лицо требуется несколькими государствами за различные деяния, государству, просимому о выдаче, следует обратить внимание на относительную тяжесть этих деяний» [9, с. 75–78].

Как видно из приведенных положений, в XIX в. в доктрине международного права были выработаны основы концепции института экстрадиции, преимущественно сохранившиеся до настоящего времени.

Указанные теоретические разработки, безусловно, имели значение и с позиции практики заключения соответствующих международных договоров, которые весьма активно заключались государствами. Вообще, лидирующая роль в формировании института экстрадиции на уровне международного права принадлежала Франции, которая с 1830 г. по 1884 г. заключила 73 трактата, в том числе с такими государствами, как Сиам, Китай, Венесуэла, Перу и т.д. [16, с. 318]. Россия за указанный период заключила лишь 9 международных соглашений по рассматриваемому вопросу. Вместе с тем после принятия Судебных уставов процесс заключения соглашений в сфере уголовного права, в том числе данной категории, активизировался, и до 1911 г. они являлись основными источниками института экстрадиции. Россией было заключено более 20 договоров по данному вопросу.

Развитие межгосударственного общения по вопросам выдачи преступников способствовало его правовой регламентации в национальном законодательстве Российской империи на уровне уголовных законов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., его редакция 1885 г., а также Уго-

ловное уложение 1903 г.). В России 15 декабря 1911 г. был принят специальный закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», который подробно регламентировал основания и процедуры выдачи преступников, выработанные в ходе заключения двухсторонних соглашений. Приобретенный в этом отношении опыт сохраняет актуальность и в наше время.

Следующей организацией, деятельность которой представляет интерес в контексте рассматриваемого вопроса, является Союз уголовного права (Союз криминалистов), созданный в 1889 г. Он сформировался из небольшой группы ученых, объединенных однородными убеждениями относительно необходимости обновления уголовного права на почве социологических идей. В результате была создана мощная организация, насчитывавшая тысячи членов с самыми разнообразными научными убеждениями, в состав которой входили десятки национальных групп, в том числе и русская [12]. Из наиболее видных ученых, принимавших участие в заседаниях Союза, можно выделить Ф. Листа (Австрия), А. Ривьера (Франция), И.Я. Фойницкого и Н.С. Таганцева как представителей России.

На съездах Союза уголовного права обсуждались самые разнообразные вопросы, в том числе об опасном состоянии преступника, о психологии свидетельских показаний, о международной регламентации выдачи [12, с. 1–55]; об отдельных категориях опасных преступников, о реформировании юридического образования судей, которые будут выносить постановления об опасном состоянии [11, с. 131–154]; о защите на предварительном следствии [15, с. 111–125]; о наказании преступника, о реформах предварительного следствия и предании суду для наибольшего обеспечения личной свободы и раскрытия истины, о социологических факторах преступности.

Таким образом, как видно из содержания вышеперечисленных вопросов, обсуждавшихся на съездах Союза, в основном они относились к внутригосударственным установлениям в сфере уголовного права в целом, это вопросы, свойственные преступности каждого отдельно взятого государства и самому явлению преступности, которое не имеет национальности. Таким образом, именно для наиболее эффективной борьбы с преступностью в XIX в. государства объединили свои не только практические, но и теоретические усилия, ведь рассматривая наиболее прогрессивные примеры отдельных стран, перенимая передовой опыт, создавая универсальные системы, бороться с преступностью в каждой отдельно взятой стране намного эффективнее.

Следующей международной организацией, занимавшейся в рассматриваемый период теоретической разработкой некоторых вопросов уголовно-

правовой сферы, был Международный пенитенциарный конгресс, проведенный впервые в 1846 г. во Франкфурте-на-Майне, куда съехалось всего 75 человек, но в их числе были чуть ли не все корифеи пенитенциарной науки. В процессе своего развития данная организация прошла два этапа. Так, первоначально созываемые конгрессы носили частный характер, где основные дискуссии велись преимущественно вокруг достоинств и недостатков тюремных систем отдельных стран. Цель съездов была определена так: «взаимный обмен идей, сообщение факторов, касающихся устройства и состояния тюрем различных стран, рассуждения об условиях и мерах содействия тюремному прогрессу» [17, с. 28–90]. Впоследствии инициатива в созыве пенитенциарных конгрессов перешла из рук частных лиц к государствам, конгрессы приобрели периодический характер. Изменились и вопросы, подлежащие рассмотрению на съездах. Первоначально на Лондонском конгрессе в 1872 г. было создано три секции: 1) уголовного законодательства; 2) пенитенциарная; 3) предупредительных мер. А на конгрессе, проходившем в Париже в 1895 г., была образована секция, рассматривающая вопросы охраны детства. С этого времени задача конгрессов должна была состоять «в установлении достоверной тюремной статистики, – в исследовании и сравнении результатов применения на практике разных тюремных систем и действия различных систем уголовного законодательства, – в сравнении устрашающего действия разных видов наказания и других мероприятий, а также способов, употребляемых как для репрессий, так и для предупреждения преступлений» [14, с. 4]. Таким образом, круг вопросов, подлежавших разработке на съездах, был значительно расширен. Для решения указанных задач были проведены следующие конгрессы: в Лондоне в 1872 г., в Стокгольме в 1878 г. [17], в Риме в 1885 г. [1, с. 57–60], в Петербурге в 1890 г., в Париже в 1895 г., в Брюсселе в 1900 г. [6].

В качестве еще одного практически значимого примера самостоятельного направления, разрабатываемого в ходе международного взаимодействия частноправового характера, как институциональной формы международного взаимодействия конца XIX – начала XX вв. можно назвать торговлю белыми женщинами в целях разврата. Данные действия в рассматриваемый период были достаточно распространены во всем мире, но в то же время норм, устанавливающих ответственность за указанное преступление, практически не было.

Все европейские уголовные законы предусматривали ответственность лишь за сводничество. Российское внутреннее законодательство в ст. 998–1000 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных признавало преступным сводничество, производимое родителями, супругами, опекунами и заменяю-

щими их лицами, карая таковое лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкой на житье в Сибирь или заключением в арестантском отделении на срок до трех лет. Сводничество, осуществляемое другими лицами, российское законодательство не предусматривало, но кассационный суд разъяснил возможность применения к данным лицам ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Эта статья карала за нарушение распоряжений правительства, относящихся к предупреждению непотребства, арестом не свыше одного месяца или денежным взысканием [3, с. 109–110]. Других же норм, в том числе и за удержание силой, обманом или закабалением женщин в целях разврата, русское уголовное право, как и большинство законодательств других государств, не содержало. В проекте же Уголовного уложения в ст. 439 предлагалось установить наказание за помещение или содержание в притоне разврата посредством учиненных для сего насилия над личностью, угрозы таким насилием или обмана лица женского пола, не внесенного в список публичных женщин. Впоследствии были выработаны еще четыре статьи проекта уголовного уложения, вносящие новые нормы в уголовное законодательство (ст. 519–522), устанавливающие ответственность за склонение лица женского пола с помощью различных методов физического или психического насилия, а также пользуясь беспомощностью или зависимым положением потерпевшей (ст. 519), лиц мужского пола, за промысел, в основе которого лежит развратная деятельность женщины (ст. 520), за неисполнение установленных правил для предупреждения непотребства и пресечения вредных последствий от этого (ст. 521), за принятие в притон разврата лица женского пола, заведомо моложе двадцати одного года [5].

Именно в рассматриваемый период сводничество стало приобретать международный характер в связи с тем, что женщину легче убедить в возможности хорошей жизни в какой-нибудь далекой стране. Поэтому потребовалось объединение усилий всех государств для борьбы с этим преступлением. Инициатором созыва Международного конгресса по вопросу борьбы с торговлей женщинами было созданное в 1885 г. английское филантропическое общество «National Vigilance Association», главной целью которого была борьба с безнравственными явлениями. В ходе деятельности вышеуказанного общества весной 1899 г. один из его представителей г. Кут посетил ряд европейских государств, в том числе и Россию, после чего идея о конгрессе была воспринята положительно, и в столицах ряда стран были образованы особые комитеты с целью сосредоточения и разработки данных о положении вопроса о торговле женщинами в целях разврата. В июне 1899 г. в Лондоне состоялся первый международный конгресс по борь-

бе с торговлей женщинами, в котором Россия принимала самое деятельное участие.

Приняв во внимание широкое и постоянно увеличивающееся развитие торговли женщинами в целях разврата, страны признали необходимым создание Международного комитета, а в каждой отдельно взятой стране – Национального комитета для борьбы с рассматриваемым преступлением. В результате этого в Российской империи было создано «Российское общество защиты женщин», положение о котором было утверждено министром внутренних дел 13 января 1900 г. Председательство в этом обществе приняла на себя Ее императорское Высочество Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. Периодически проходили международные конгрессы представителей национальных комитетов при участии делегатов от правительств. Подобные конгрессы состоялись во Франкфурте на Майне (1902 г.), в Париже (1906 г.), в Мадриде (1910 г.), в Лондоне (1913 г.).

Что касается непосредственно мер предупреждения и пресечения торговли женщинами, Конгресс выразил пожелания, чтобы между всеми правительствами последовало соглашение по следующим проблемам:

«1) об установлении во всех уголовных кодексах наказания, по возможности одинаковой степени, за побуждение – посредством насилия, обмана, злоупотребления властью или всяких других способов принуждения женщин или девушек предаваться развратной жизни или оставаться в ней, и в случае обвинения кого-либо в этом преступлении;

2) об одновременном расследовании этого преступления, когда действия, его составляющие, совершены в разных странах;

3) о предупреждении всяких пререканий о подсудности точным определением места, в котором должен быть произведен суд над обвиняемым;

4) об установлении посредством международных трактатов экстрадиции лиц, обвиняемых в этих преступлениях».

Далее следовали рекомендации о необходимости тесного сотрудничества между благотворительными и другими филантропическими обществами различных стран, занимающимися данным вопросом [5, с. 180–181; 192–193].

Таким образом, несмотря на тот факт, что указанный Конгресс носил частный характер, он оказал огромное влияние на решение вопроса торговли женщинами в целях разврата и предопределил созыв дипломатической конференции 1902 г. в Париже с целью выработки международных законодательных мер борьбы с торговлей женщинами. Делегатами от России для участия в этой конференции были: представитель Министерства иностранных дел – директор второго департамента Н.А. Малевский-Малевич, пред-

ставитель Министерства внутренних дел – чиновник особых поручений А.И. Чайковский и представитель Министерства юстиции – обер-прокурор Второго департамента Правительствующего сената и редактор «Журнала министерства юстиции» В.Ф. Дерюжинский. Программа конференции предусматривала ряд вопросов, в том числе по установлению мер уголовного характера в отдельно взятых странах, а также с целью выработки международной конвенции для решения поставленной проблемы. В ходе конференции были разработаны два документа: проект международной конвенции и проект соглашения.

Приведем статьи принятой на конференции в Париже конвенции, главной задачей которой было установление преступных деяний, подлежащих наказанию во всех странах, подписавших вышеобозначенный документ [2, с. 2379–2385]. Статьи 1–2 предусматривали ответственность за склонение несовершеннолетних к развратным действиям различными способами. Статья 3 устанавливала обязанность государств, в которых действующее уголовное законодательство разработано недостаточно для принятия мер по наказанию лиц, совершивших вышеуказанное преступление, принять меры для его усовершенствования.

Следующие статьи Конвенции относятся в большей степени к области принятия мер международного характера для борьбы с торговлей женщинами в целях разврата. Так, ст. 4 предусматривала взаимное сообщение государствами законов (уже изданных или находящихся в проекте) по предмету Конвенции. Статья 5 была направлена на выдачу преступников в случае, когда они находятся на территории одного из договаривающихся государств, причем вводилось положение, согласно которому преступления, предусмотренные данной Конвенцией, со дня вступления ее в действие будут считаться внесенными в число преступлений, за совершение которых может последовать выдача лица согласно уже заключенным между государствами договорам. Таким образом, в связи с принятием данной Конвенции не возникало необходимости дополнения уже существующих к тому моменту международных договоров о выдаче преступников. Статья 6 предусматривала необходимые процессуальные меры для ускорения расследования и принятия решений по делам, связанным с рассматриваемыми преступлениями. Она содержала следующие постановления: «Передача судебных поручений относительно преступлений, предусматриваемых настоящей Конвенцией, будет совершаться, кроме случаев иного соглашения, или путем непосредственного сношения между судебными властями, или через посредство дипломатического или консульского агента соответственной страны, находящегося в том государстве, где должно быть исполнено судебное

поручение; в последнем случае дипломатический или консульский агент препроводит судебное поручение непосредственно к подлежащей судебной власти и непосредственно же от нее получит документы, свидетельствующие об исполнении поручения». «Копия судебного поручения должна быть одновременно представлена высшей власти того государства, в которое направляется поручение». «Все затруднения, которые могли бы возникнуть по исполнению подлежащими властями судебных поручений, будут и впредь разрешаться дипломатическим путем». «Если судебное поручение не будет отредактировано на языке той страны, в которую оно обращено, то оно должно, кроме случаев иного соглашения, сопровождаться удостоверенным в отношении к точности переводом на язык, условленный между обоими заинтересованными государствами». Таким образом, необходимо отметить, что при разработке процедуры взаимодействия между государствами в процессуальных вопросах были использованы все предыдущие наработки и достижения международной договорной практики, а в некоторых случаях они даже усовершенствовались. Статья 7 обязывала государства сообщать друг другу сведения о судебных приговорах по делам о преступлениях, когда действия, входящие в состав преступления, совершены в различных государствах.

Проект данной Конвенции был подписан представителями государств на следующей международной конференции, которая также проходила в Париже в апреле 1910 г. Кроме того, отметим, что в 1909 г. в России был принят закон «О мерах к пресечению торгога женщинами в целях разврата», который устанавливал ответственность за ряд преступлений данного рода и определял их подсудность [7]. Как уже было указано, Конвенция была не единственным документом, выработанным в ходе конференции 1902 г., вместе с ней было выработано административное соглашение, состоявшее из шести статей и предусматривавшее административные меры, направленные на борьбу с данным преступлением, которые должны быть приняты до вступления в силу Конвенции. В соответствии с указанным соглашением государства должны были соз-

дать центральные органы для сосредоточения всех сведений о склонении женщин и девушек к разврату за границей. На эти органы возлагалась функция по осуществлению взаимодействия с аналогичными органами других государств. Данный документ предусматривал ряд мер по обнаружению агентов, промышленных торгов женщинами, а также по обеспечению женщинам и девушкам иностранного происхождения, которые являлись жертвами данного вида преступления, возможности возвращения на родину [4, с. 202].

Именно вышеуказанные два акта положили начало международной борьбе с торговлей женщинами, разработка положений которой продолжалась и на последующих межгосударственных встречах.

Как видно из вышеизложенного, в рассматриваемый период международное право, развиваясь весьма интенсивно, стало оказывать все большее влияние на национальное право, в том числе в вопросах уголовно-правовой сферы. Именно в XIX в. началось становление системы научного общения специалистов в сфере международного права и других ученых-юристов. Развитие последнего, а также государственные потребности на международном и национальном уровне стимулировали создание научных учреждений и созыв международных научных форумов по вопросам совершенствования права и обмена опытом регулирования отношений. Международные неправительственные организации, являясь структурой международного общения, внесли свою лепту в совершенствование уголовного права, плотно взаимодействуя с государствами, в том числе внесли существенный вклад в формирование и совершенствование отдельных институтов уголовного права как на уровне международного права, так и на уровне национальной правовой системы.

Таким образом, не только научная деятельность данных организаций была активной, но и предпринимались действия, направленные на применение в практике принимаемых решений. В целом правительства принимали во внимание рекомендации специалистов и учитывали соответствующие положения в своей правотворческой деятельности.

Список литературы

1. А.Л. Пенитенциарный конгресс в Риме в 1884 году // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 2.
2. Высочайшие повеления, предложенные Правительствующему сенату министром юстиции. Об утверждении конвенции о пресечении торгога женщинами, с заключительным к ней протоколом // Право. – 1912. – № 44.
3. Гогель С. Юридическая сторона вопроса о торговле белыми женщинами в целях разврата // Вестник права. – 1899. – № 5.
4. Дерюжинский В. Пятый Международный Конгресс по борьбе с торгом женщинами // Журнал министерства юстиции. – 1914. – № 1.
5. Дерюжинский В.Ф. Международная борьба с торговлей женщинами // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 9.
6. Жижиленко А.А. Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе 1900 года // Вестник права. – 1901. – № 3. С. 126–159; № 4–5. С. 95–138.
7. Закон от 25 декабря 1909 г. «О мерах к пресечению торгога женщинами в целях разврата» // СУ. – 12 января 1910 г. – № 10. – Ст. 58.

8. Камаровский Л.А. Институт международного права за последнее пятилетие // Юридический вестник. – 1882. – № 6.
9. Камаровский Л.А. Работы института международного права по вопросу о выдаче преступников // Русская мысль. – 1884. – № 1.
10. Коваленко И.И. Международные неправительственные организации. – М., 1976.
11. Люблинский П.И. XII международный конгресс криминалистов в Копенгагене // Журнал министерства юстиции. – 1914. – № 1.
12. Люблинский П.И. Брюссельский международный конгресс союза криминалистов // Журнал министерства юстиции. – 1910. – № 10.
13. Морозов Г.И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. – М., 1969.
14. Н.Я. Иностранная юридическая хроника. V. Два конгресса // Журнал гражданского и уголовного права. – 1880. – Кн. 1. – Январь – февраль.
15. Слиозберг Г.В. О защите на предварительном следствии // Вестник права. – 1902. – № 6.
16. Степанов А.В. О выдаче преступников // Юридический вестник. – 1884 (май – июнь).
17. Таганцев Н.С. Стокгольмский тюремный конгресс // Журнал гражданского и уголовного права. – 1880. – Кн. 2. – Март – апрель.

Reference list

1. A.L. Penitentiary Congress in Rome in 1884 // The Journal of Civil and Criminal Law. 1884. № 2.
2. Supreme orders proposed to the Ruling Senate by the Justice Minister. On approval of the Convention on the suppression of trafficking in women, concluding a Protocol thereto // The Law. 1912. № 44.
3. Gogel' S. The legal side of the issue of trafficking in the white women for the reasons of sexual abuse // The Law Bulletin. 1899. № 5.
4. Deryuzhinskiy V. The Fifth International Congress for the suppression against trafficking in women // The Justice Ministry Journal. 1914. № 1.
5. Deryuzhinskiy V. The international fight against trafficking in women // The Justice Ministry Journal. 1902. № 9.
6. Zhizhilenko A. International Penitentiary Congress of Brussels, 1900 // The Law Bulletin. 1901. № 3. P. 126–159; № 4–5. P. 95–138.
7. The Law of 25th of December, 1909 "On the measures for the suppression of trafficking in women for the reasons of sexual abuse" // CD. 12th of January, 1910. № 10. Art. 58.
8. Kamarovskiy L. Institute of International law during the last five years // The Bulletin of Jurisprudence. 1882. № 6.
9. Kamarovskiy L. Institute of International Law on the issues of the criminal extradition // Russkaya Mysl'. 1884. № 1.
10. Kovalenko I. International nongovernmental organizations. M., 1976.
11. Lyublinskiy P. The XII International Congress of Criminologists in Copenhagen // The Justice Ministry Journal. 1914. № 1.
12. Lyublinskiy P. The Brussels international Congress of the Union of criminalists // The Justice Ministry Journal. 1910. № 10.
13. Morozov G. International organizations. Some issues of the theory. M., 1969.
14. N.Ya. Foreign legal chronicle. V. Two Congress // The Journal of Civil and Criminal Law. 1880. Book 1. January – February.
15. Slizoberg G. On the protection of the preliminary investigation // The Law Bulletin. 1902. № 6.
16. Stepanov A. Criminal extradition // The Law Bulletin. 1884 (May – June).
17. Tagantsev N. The Stockholm Prison Congress // The Journal of Civil and Criminal Law. 1880. Book 2. March – April.

Шикула И.Р.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского института государственного управления и права

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ

В статье раскрываются основные направления совершенствования уголовной политики в сфере защиты лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

В настоящее время в отношении беспомощного потерпевшего может быть совершено практически любое преступление, предусмотренное уголовным законодательством и посягающее на жизнь, здоровье, достоинство личности, на личную собственность граждан, а также некоторые преступления против общественного порядка и военной службы. При этом научно-технический прогресс и развитие общественных отношений, катаклизмы, потрясающие нашу страну, вызывают к жизни новые, ранее не практиковавшиеся формы преступных проявлений, связанных с умышленным приведением жертвы преступления в беспомощное состояние либо с использованием уже существующего беспомощного состояния потерпевшего.

Действующее уголовное законодательство не раскрывает правовое понятие «беспомощное состояние потерпевшего» и не устанавливает критерии его оценки, при этом отсутствие нормативного определения данного понятия приводит к неоднозначному толкованию этой правовой категории правоприменителем, что влечет за собой либо необоснованно расширенное применение, либо, наоборот, сужение сферы его использования. Кроме того, в юридической литературе не выработано однозначное понимание беспомощного или зависимого состояния потерпевшего, имеющее уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение. Фактически не исследовано процессуальное положение таких лиц.

В уголовном законодательстве РФ определены разнообразные способы и методы защиты личной свободы человека, его половой и экономической свободы, основных его конституционных прав и свобод. Необходимо дать оценку степени их защиты на разных основаниях для выяснения, какие из упомянутых выше свобод имеют наилучшую защиту.

В целях повышения уровня организации уголовно-правой охраны социально незащищенных лиц целесообразно, на наш взгляд, скорректировать диспозиции ряда статей Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: беспомощный потерпевший, уголовная политика, квалификация, преступные посягательства, уголовная ответственность, правоприменительная практика

Shikula I.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Law Faculty of the Moscow Institute of Public Administration and Law

ENHANCING OF THE CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF PROTECTION OF PERSONS IN A HELPLESS STATE

The article defines the main directions of enhancing the criminal policy in the sphere of protection of persons in a helpless state. At the moment any prescribed by criminal legislation crime can be committed against a helpless victim, which would impacted to life, health, dignity of a person, to personal ownership of citizens, as well as certain crimes against the public order and soldiering. Therewith the scientific-technical progress and the development of social relations, cataclysms which are shattering our country, they are bringing to life the new not previously practiced forms of criminal expressions, connecting with intentional bringing of the victim to a helpless state, either using already existing helpless state of the victim.

Existing criminal legislation does not define the legal conception "helpless state of the victim" and it does not establish criteria of its evaluation, herewith the absence of a legislative definition of this conception leads to ambiguous interpretation of this legal category by a law enforcer and which entails either unreasonably extended application, or, vice versa, diminishing the scope of its use. In addition, in judicial literature there is not developed clear understanding of the helpless or dependent state of the victim, which could have a criminal-legal and criminal-procedure importance. Procedural status of such persons has not yet been examined.

In the criminal legislation of the Russian Federation there are defined various ways and protection methods of personal freedom of a human, its sexual freedom and economic liberty, the primary constitutional rights and freedoms. It is necessary to assess their protection level on different grounds that to ascertain which of the above mentioned freedoms are more protected. In order to enhance organization level of criminal-legal preservation of socially disadvantaged persons, useful, in our view, to amend dispositions of several articles of a special part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: helpless victim, criminal policy, classification, criminal offences, criminal responsibility, law enforcement practice

Одним из важнейших направлений развития политики любого государства является защита прав и свобод человека. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы представляют высшую ценность; а их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства. В соответствии с п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. одной из основных целей поддержания национальной безопасности служит охрана основ конституционного строя Российской Федерации, а также важнейших прав и свобод человека и гражданина.

Данная Стратегия предполагает непрерывную модернизацию правоохранительных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступных посягательств на права и свободы гражданина и человека [1]. Государство, таким образом, предоставляет средства, которые необходимы для охраны прав и свобод личности, и ввиду того, что подобная работа ведется на основании уголовного права, она причисляется к уголовной политике.

В уголовном законодательстве РФ определены разнообразные способы и методы защиты личной свободы человека, его половой и экономической свободы, основных его конституционных прав и свобод. Необходимо выполнить оценку степени их защиты на разных основаниях для выяснения, какие из упомянутых выше свобод имеют наилучшую защиту.

По объекту. Общеизвестным является тот факт, что точное представление о характере и степени опасности для общества преступного деяния можно получить, определив его местоположение в системе Особенной части Уголовного Кодекса, обратив особое внимание на то, в какую главу оно включено, как расположен его состав в границах конкретной группы преступных деяний.

Наибольшая степень защиты среди всех прав и свобод личности в УК РФ предусмотрена для личной (физической) свободы – гл. 17 (ст. 126–128) УК РФ, далее следует половая свобода – гл. 18 (ст. 131–133) УК РФ, затем идут конституционные права и свободы личности (гражданские, политические, социальные) – гл. 19 (ст. 136–149) УК РФ [2]. Только после всех этих прав и свобод УК РФ защищает экономическую свободу – гл. 22 (ст. 169, 178, 179, 185.1–185.4) УК РФ. Необходимо обратить внимание, что преступления против личной (физической) свободы человека, его половой свободы, а также преступления, нарушающие

его основные конституционные права и свободы, в частности политические, расположены в разделе VII и относятся к преступлениям против личности, в то время как преступления против экономической свободы человека отнесены к разделу VIII «Преступления в сфере экономики». Согласно мнению Баглая М.В., данное разделение отвечает классификации, которая содержится в Конституции РФ [3, с. 166]. Точно такого же мнения придерживается и Наумов А.В. [4, с. 14].

Наряду с этим, при более пристальном изучении структуры Особенной части УК РФ становится ясно, что определенные группы правонарушений, которые объединены в разделы и главы, не всегда соответствуют принятым правилам, а наоборот, как бы «отбиваются» от них. Так, например, преступления против личной свободы отнесены к разделу VII «Преступления против личности» и расположены в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», что, как нам кажется, не совсем обоснованно. Конечно же, ущемление личной свободы в какой-то степени затрагивает честь и достоинство личности, однако это разные по ценности для человека права, которые требуют независимой уголовно-правовой оценки.

Согласно Уголовному кодексу РФ к преступлениям против свободы личности следует относить: «Похищение человека» (ст. 126), «Торговлю людьми» (ст. 127.1), «Незаконное лишение свободы» (ст. 127), «Использование рабского труда» (ст. 127.2), «Незаконное помещение в психиатрическую лечебницу» (ст. 128). Помимо этого, есть еще и особые нормы, предусматривающие покушение на свободу личности как дополнительного объекта преступления, к ним относятся ст. 206 и ст. 301 УК РФ, при этом ст. 206 «Захват заложников» входит в состав главы 24 раздела IX «Преступления против общественной безопасности», а ст. 301 «Незаконное задержание, помещение под стражу либо содержание под стражей» расположена в главе 31, которая называется «Преступления против правосудия».

В связи с тем, что в правоприменительной практике возникают определенные сложности при разделении составов захвата заложника и похищения человека, а также случаи пере kvalификации преступлений со ст. 206 УК РФ на ст. 126 УК РФ, мы полагаем, что в наше исследование следует включить и вышеупомянутые статьи. Вопрос о причислении правонарушений,

которые предусмотрены ст. 206 и 301 УК РФ, к преступным деяниям против личной свободы человека и в настоящее время остается спорным. Наличие в уголовном праве деяний, которые посягают одновременно на два объекта преступления, не укладывается в имеющуюся схему строения Особенной части УК РФ. Некоторые трудности возникают при попытке понять, почему преступные деяния, имеющие своей целью покушение на один объект (личность), расположены в самом начале Особенной части, а преступления, где происходит покушение на два объекта, – только после однообъектных преступлений. Кроме того, в большей части случаев в правонарушениях, которые не относятся к разделу VII, дополнительным объектом преступления является не что иное, как жизнь, здоровье и личная свобода индивида. Едва ли это объясняется стремлением виновного нанести вред именно основному объекту при помощи нарушения дополнительного.

Мы разделяем мнение Нуркаевой Т.Н., предлагающей отнести все преступные деяния, которые имеют целью нарушение неприкосновенности личной свободы человека, в отдельную главу Особенной части УК РФ [5, с. 15]. Инногамова-Хегай Л.В. считает, что данные преступления имеют международный характер, и в связи с этим предлагает раздел 12 настоящего УК РФ дополнить гл. 35 «Преступления международного характера», в которую бы вошли такие составы, как похищение людей, торговля людьми, рабство, работорговля и т.д. [6, с. 160].

По сроку наказания. Если проанализировать основные составы преступных деяний против личной свободы, можно без труда заметить, что почти во всех статьях предусмотрен единственный способ наказания, а именно лишение свободы (тюремное заключение). В связи с недавно произошедшими изменениями в УК РФ было добавлено как дополнительное наказание ограничение свободы. Исключением являются ч. 2 ст. 128 (противозаконное помещение в психиатрическую больницу) и ч. 1 ст. 301 УК РФ (противоправное задержание, помещение под стражу либо содержание под стражей), где, кроме тюремного заключения в виде наказания, предусмотрено еще и лишение права занимать конкретную должность, а также заниматься определенным видом деятельности, подобное решение является вполне обоснованным, если принять во внимание, что данные преступные деяния совершаются особым субъектом – человеком, который занимает определенное служебное положение. В данной ситуации законодатель не считает необходимым применять наказания имущественного характера, такие как штраф либо конфискация имущества, даже за те преступления, которые были совершены из корыстных побуждений.

Торговля людьми и использование рабского труда хоть и подразумевают не менее грубое обра-

щение с личностью и ее свободой, нежели похищение, но не столь сурово наказываются согласно ч. 1 ст. 127.1 и ч. 1 ст. 127.2 УК РФ. Максимально возможное наказание за совершение данных преступлений – это тюремное заключение сроком на шесть и на пять лет соответственно. За незаконное лишение свободы согласно ч. 1 ст. 127 предусмотрено максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком до двух лет, за незаконное помещение человека в психиатрическую лечебницу согласно ч. 1 ст. 128 максимально возможное наказание – лишение свободы сроком до трех лет.

Мы полагаем, что данное решение законодателя не является рациональным. Как при похищении, так и при незаконном лишении свободы человек принудительно удерживается в неволе. Разница между двумя этими преступлениями заключается лишь в том, что при похищении принудительному удержанию человека в неволе предшествует его захват и перемещение в место содержания.

Торговля людьми предусматривает совершение действий, которые составляют объективную сторону похищения человека или незаконного лишения свободы. При незаконном помещении лица в психиатрическую лечебницу также может происходить его захват и перемещение. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что данные деяния имеют примерно одинаковый уровень общественной опасности, однако наказания за совершение данных преступлений существенно разнятся. Возможно, именно этот факт стал причиной непоследовательности при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности. Особый вид освобождения предусмотрен только в ст. 126, 127.1 и 206 УК РФ, в ст. 127 УК РФ подобное примечание отсутствует.

Обратим внимание на то, что в преступлениях, в составе которых посягательство на половую свободу личности, подобная диспропорция в санкциях не наблюдается. Все части ст. 131 и 132 УК РФ предусматривают единственно возможный вид наказания (тюремное заключение), и сроки, определенные законодателем, полностью совпадают друг с другом. Мы рассматриваем это как последовательное осуществление уголовной политики, которое оправдано как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Таким образом, государством охраняется множество прав и свобод человека и гражданина. Уголовная ответственность установлена за покушение на личную свободу человека, его половую свободу, конституционные права и свободы человека и гражданина, а также на экономическую свободу человека.

Необходимо отнести в отдельную главу Особенной части Уголовного кодекса РФ ст. 126, 127, 127.1, 127.2, 128, 206 и 301 УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления, которые на-

правлены против личной свободы граждан. Сравнение данных статей дает возможность обнаружить целый ряд явных недоработок законодателя, к которым следует отнести, например, несоразмерность объектов защиты – ст. 206 и 301 УК РФ, нерациональный разброс видов наказаний и категорий тяжести преступлений.

В целях повышения уровня организации уголовно-правовой охраны социально незащищенных лиц целесообразно, на наш взгляд, скорректировать диспозиции ряда статей Особенной части УК РФ, а именно:

- в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК, кроме беспомощного состояния, необходимо включить квалифицирующие признаки, такие как «малолетство» и «старость»;
- в ст. 110 УК повысить уголовную ответственность за доведение до самоубийства женщины в состоянии беременности, малолетнего, пожилого, лица, находящегося в состоянии психического расстройства, инвалида, лица, находящегося в зависимости от виновного;
- ввести в ст. 111 и ст. 112 УК РФ наряду с признаком «беспомощность» квалифицирующие признаки – «малолетство», «старость», «беременность женщины» и «зависимое состояние»;
- в ст. 117 УК РФ наряду с признаками «беременность женщины», «беспомощность» и «зависимое состояние» в качестве квалифицирующих признаков отразить «малолетство» и «старость»;
- в ст. 121 и ст. 122 УК РФ целесообразно выделить в качестве особо квалифицирующих признаков «малолетство», «старость», «беспомощность» и «беременность женщины»;
- в ст. 126 УК РФ ввести особо квалифицирующие признаки – «малолетство», «старость» и «беспомощное состояние» с признанием таковым имеющегося в ней признака «беременность женщины»;

– в ч. 3 ст. 127.1 и ч. 3 ст. 127.2 УК РФ ввести особо квалифицирующий признак «малолетство»;

– в ст. 131 и ст. 132 УК РФ беспомощное состояние потерпевшего должно рассматриваться в качестве особо квалифицирующего обстоятельства, и было бы целесообразно включить в эти составы как особо квалифицирующие признаки «старость» и «беременность женщины»;

– ст. 134 УК РФ дополнить ч. 2, которая предусматривала бы ответственность за совершение указанных в ней действий по отношению к малолетнему лицу с учетом того, что субъект по этой части статьи – лица, достигшие 16-летнего возраста. Совершенные сексуальные действия с малолетними лицами в возрасте до 7 лет якобы с их «согласия» должны рассматриваться в качестве изнасилования или насильственных действий сексуального характера;

– ст. 135 УК РФ дополнить частью 2, которая устанавливала бы повышенную ответственность за совершение развратных действий в отношении малолетних;

– в ст. 155 УК РФ целесообразно ответственность за разглашение тайны усыновления поставить в прямую зависимость от воли усыновленного, а также с учетом наличия на это его согласия;

– ч. 2 ст. 157 УК РФ предусмотреть несение ответственности воспитанников, пасынков и падчериц по вопросам не оказания материальной помощи лицам, являющимся фактическими воспитателями, а также отчиму и мачехе;

– в ст. 206 УК РФ необходимо ввести особо квалифицирующие признаки «малолетство», «старость» и «беспомощность» с приданием такого же статуса содержащемуся в ней признаку «беременность женщины»;

– в ст. 230 и ст. 240 УК РФ предусмотреть «малолетство» в качестве особо квалифицирующего признака.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Баглай М.В. Конституционное право РФ: учебник. – М.: Норма, 2002.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т. 2.
5. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.
6. Инногамова-Хегай Л.В. Система преступлений в международном и российском уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – М.: МГЮА, 2006.

Reference list

1. The Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 № 683 "About strategy of national security of the Russian Federation" // Legal Reference System "Consultant plus" [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru>

2. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 30.12.2015) // Legal Reference System "Consultant Plus" [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
3. *Baglay M.* The constitutional law of Russia: Textbook. M.: Norma, 2002.
4. *Naumov A.* The Russian criminal law: Lecture course. M.: Volters Kluver, 2007. Vol. 2.
5. *Nurkaeva T.* Criminal legal protection of personal (civil) rights and freedoms of a human: Issues of theory and practice: Thesis of Doctor of Law. M., 2007.
6. *Innogamova-Khegay L.* The system of crimes in international and the Russian criminal law // Criminal law: Development strategy in 21st century: Sourcebook of III International scientific-practical conference. M.: Moscow State Law Academy, 2006.

Аль Али Насер Абдель Рахим,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ»

В статье исследуется процесс формирования и содержание концепции «Ответственность по защите», анализируются проблемы реализации данной концепции. Автор дает правовую оценку концепции «Ответственность по защите» и приходит к выводу о том, что для ее реализации требуется принятие международного соглашения о концепции, внесение изменений и дополнений в некоторые принципы международного права и в саму концепцию путем установления четких правил, критериев и процедуры реализации концепции.

Ключевые слова: ответственность по защите, принцип государственного суверенитета, принцип невмешательства во внутренние дела, принцип неприменения силы и угрозы силой в международных отношениях

Al Ali Naser Abdel Raheem,
PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE «RESPONSIBILITY TO PROTECT» CONCEPT

The article analyses the formation process and the content of the "Responsibility to Protect" concept as well as the issues of the concept implementation. The article author makes a legal assessment of the "Responsibility to Protect" concept and concludes that its implementation requires the adoption of an international arrangement on the concept, making the amendments and additions to some of the principles of international law and in the concept by establishing the clear rules, criteria and the procedure of the concept implementation.

Keywords: Responsibility to Protect, principle of state sovereignty, principle of non-interference in internal affairs, principle of non-use of force and threat of use of force in international relations

Концепция «Ответственность по защите» является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в современном международном праве.

В доктрине международного права данная проблема посвящена многим научным работам, касающимся определения статуса концепции «Ответственность по защите».

Появление данной концепции обусловлено радикальными изменениями в международных отношениях в условиях глобализации, ослаблением роли международного права как единственного приемлемого регулятора глобализационных процессов во всех сферах международного сотрудничества, новыми приоритетами относительно актуальности проблем, вызывающих обеспокоенность международно-го сообщества [3].

Появление данной концепции также связано с массовыми грубыми нарушениями прав человека (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, этнические чистки); проблемой миграции и беженцев. В докладе Генерального секретаря

ООН в 2009 г. было отмечено: «Мрачными явлениями в истории XX века стали Холокост, поля смерти в Камбодже, геноцид в Руанде и массовые убийства в Сребренице, причем события в Руанде и Сребренице разворачивались в присутствии представителей Совета Безопасности и миротворцев Организации Объединенных Наций. Геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности, составляющие жестокое наследие XX века, являются горьким и наглядным свидетельством катастрофической неспособности отдельных государств выполнять их самые основные и важные обязанности, а также свидетельством наличия изъянов, характерных для всех международных учреждений» [4].

События, происходящие на Ближнем Востоке, особенно гражданские войны в Сирии, Ливии, Йемене, гуманитарные катастрофы, обострение соперничества региональных держав, вовлечение глобальных игроков, дальнейшее расширение зоны нестабильности и нарастание волны терроризма и экстремизма, усиление межэтнических и межконфессио-

нальных противоречий, неспособность Совета Безопасности ООН принимать меры для предотвращения или ликвидации этих катастроф из-за расхождения во мнениях среди его постоянных членов – все эти факторы и события продемонстрировали острую необходимость выработки новых принципов и критериев внешнего вмешательства в ход современных вооруженных конфликтов и привели к появлению данной концепции.

Концепция «Ответственность по защите» впервые была предложена в научно-практический оборот в 1999 г. в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, назначенной правительством Канады и состоящей из видных ученых, политических деятелей, дипломатов и представителей неправительственных организаций [5].

Непосредственным автором концепции «Ответственность по защите» является Гаррет Эванс – бывший министр иностранных дел Австралии и специальный советник Генерального секретаря ООН Мохаммед Сахун [1, с. 102].

Концепция «Ответственность по защите» направлена на защиту прав и свобод человека и на предотвращение массовых и грубых нарушений этих прав.

Концепция «Ответственность по защите» была утверждена в Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, учрежденной Генеральным секретарем ООН в 2004 г. Основные положения концепции получили закрепление в итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. в п. 138–139. В этих пунктах установлена обязанность каждого государства «защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, а также предотвращение таких преступлений». Кроме того, на международное сообщество возлагается обязанность использовать дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава ООН, чтобы содействовать защите населения от указанных преступлений, а также «предпринимать коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств в сотрудничестве, в случае необходимости с региональными организациями, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Генеральная Ассамблея должна продолжать рассматривать вопросы об обязанности защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток

и преступлений против человечности, а также о последствиях этой обязанности, учитывая принципы Устава и международного права» [6].

Особо важным является положение о том, что только через Совет Безопасности ООН мировое сообщество может применять военную силу для прекращения грубых и массовых нарушений прав человека и эффективно достигать своих целей в поддержании мира и стабильности.

До сих пор отсутствуют четкие ответы на вопросы: что делать, если Совет Безопасности не может реагировать на массовые нарушения прав человека из-за отсутствия согласия постоянных членов по применению силы против государств? где совершаются такие преступления, как геноцид и другие массовые убийства, этнические чистки или серьезные нарушения международного гуманитарного права? что делать, когда суверенные государства не в состоянии защищать свои народы от таких преступлений? когда государство отказывается принять помощь международного сообщества?

Найти ответы на данные вопросы непросто.

На современном этапе развития международного права применение силы является правомерным, если оно осуществляется на основе решения Совета Безопасности или в порядке самообороны.

Реализация данной концепции сталкивается с различными проблемами: соотношение данной концепции с принципами международного права, а именно с принципами государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и неприкосновенность силы и угрозы силой в международных отношениях. Как известно, данные принципы носят императивный характер *jus cogens*. Однако признание приоритетности принципа уважения прав и свобод человека как во внутригосударственных, так и в международных отношениях привело к изменению трактовки вышеуказанных основополагающих принципов международного права [3, с. 3].

Необходимо отметить, что основные нормы прав человека относятся к *jus cogens*. Сфера *jus cogens* расширилась и распространилась на общее международное право, а также на обязательство уважать и обеспечивать права человека.

Для реализации концепции «Ответственность по защите» требуется пересмотр принципа суверенитета. Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета выпустила доклад, озаглавленный как «Ответственность по защите». В докладе указывалось, что суверенитет не только предоставляет государствам право «контролировать» свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств. В докладе указывалось, что, когда государство не спо-

собно защитить людей – будь то из-за отсутствия возможностей либо из-за отсутствия воли – ответственность переходит к международному сообществу.

В соответствии с докладом Комиссии концепция «Ответственности по защите» включает в себя ряд обязательств: ответственность по предупреждению совершения подобных преступлений, ответственность по реагированию в случаях их совершения и ответственность по восстановлению и возрождению общества после кризиса [4].

В своем докладе тысячелетия за 2000 г. бывший тогда Генеральным секретарем Кофи Аннан, отмечая неспособность Совета Безопасности прибегнуть к решительным действиям в Руанде и Косово, обратился к государствам-членам с настойчивым призывом:

«Если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, – как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?» [8].

Кофи Аннан выдвинул идею о необходимости поступиться государственным суверенитетом ради спасения людей, и он справедливо отмечает, что ни один правовой принцип – даже принцип суверенитета – не может использоваться в качестве прикрытия преступлений против человечности. Как отмечается в докладе Генерального секретаря от 12 июня 2011 г., «Роль региональных и субрегиональных соглашений в реализации ответственности по защите» состоит в том, что «суверенитет налагает на государства международные и внутренние обязанности, включая защиту населения на его территории. Это совсем не новая и не радикальная идея» [8].

Суверенитет перестал быть привилегией, он был приравнен к ответственности государств, несущих ответственность за нарушение прав человека на своей территории.

В соответствии с концепцией «Ответственность по защите» государственный суверенитет может быть ограничен, а любая страна подвергнута интервенции в случае, если правящий в ней режим не справляется с задачами обеспечения безопасности населения.

Обязанность по предотвращению и прекращению геноцида и массовых зверств лежит, в первую очередь, на государстве, а международное сообщество играет роль, которую нельзя блокировать призывами к суверенитету. Суверенитет не только защищает государства от иностранного вмешательства, но и несет ответственность за государства и благополучие своего народа [4].

В докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВГС) 18 декабря 2001 г. отмечалось, что, если

само государство не в состоянии предотвратить или прекратить страдания людей, в ситуацию обязано вмешиваться международное сообщество, при этом проведение военной операции допустимо только в том случае, если это является крайней мерой [9].

Концепция «Ответственность по защите» предполагает возможность вмешательства международного сообщества в тех ситуациях, когда правительство той или иной страны не способно или не желает защищать свое население от тяжких нарушений прав человека.

Но для реализации данной концепции требуется корректировка этого принципа путем внесения изменений и дополнений в принцип суверенитета, закрепленного в Уставе и в других международных актах. Необходимо закрепить положение о том, что государство несет ответственность за уважение и защиту прав человека, и если на территории данного государства происходят массовые и грубые нарушения прав человека, но государства не в состоянии их защищать, то данная ответственность возлагается на мировое сообщество.

Необходимо отметить, что некоторые авторы, такие как Ясносокирский Ю.А., полагают, что ответственность по защите «чревата постепенным отказом государств от своих суверенных прав», «приведет, по всей видимости, к исчезновению государств как самостоятельных политико-административных единиц и основных субъектов международного права» [7].

Согласиться с такими выводами невозможно, и такие предложения противоречат современному пониманию принципа суверенитета. Справедливо отмечено в докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать», что «обязанность защищать способствует укреплению, а не ослаблению суверенитета. Она призвана помочь государствам успешно решить проблемы, а не просто принимать меры реагирования в тех случаях, когда они не справляются с возложенными на них задачами» [10].

Следующий принцип, в который необходимо внести изменение и дополнение – принцип невмешательства во внутренние дела, п. 7 ст. 2 Устава ООН, положение Декларации о принципах международного права 1970 г., в которой закреплено, что ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или какие-либо угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права.

Бывший Генеральный секретарь ООН Б. Гали в ежегодном докладе Генеральной Ассамблеи ООН в

1991 г. заявил: «Сейчас, как никогда, осознается, что принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию государств не должен рассматриваться в качестве защитного барьера, за которым систематически и безнаказанно нарушаются права человека. Тот факт, что в различного рода ситуациях ООН не была способна предотвратить жестокость, не может расцениваться в качестве аргумента правового или морального характера против необходимых действий по изменению ситуации, особенно при угрозе миру» [11, с. 6].

Справедливо отмечают И.П. Блищенко и М.М. Солнцева: «Если раньше принцип невмешательства считался абсолютным, то взаимосвязанный и взаимозависимый мир уже не может равнодушно взирать, когда развитие внутренних вопросов в государстве угрожает международному миру и безопасности других народов, когда в государстве систематически нарушаются общепризнанные принципы и нормы международного права, например, систематические и массовые нарушения прав и свобод человека, апартеид, геноцид, подготовка к агрессии» [2, с. 132].

Императивность данного принципа проявляется в том, что, с одной стороны, он содержит недвусмысленно выраженный запрет любому государству или группе государств вмешиваться по любой причине во внутренние дела какого-либо государства, а также имеется предписание воздержаться от любого вида принуждения, включая вооруженное, которое было бы направлено на подчинение другого государства своим собственным интересам.

По своей сути положения главы VII Устава являются единственным легитимным исключением в отношении принципа невмешательства. Согласно ст. 39 Устава ООН на Совет Безопасности возлагается обязанность определять существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии, он делает рекомендации или принимает решение о том, какие меры следует предпринять в соответствии со ст. 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Для реализации данной концепции необходимо внести корректировку в содержание данного принципа, придать легитимную силу праву на вмешательство мирового сообщества, и в этом случае основанием для вмешательства в дела других государств являются грубые и массовые нарушения прав человека.

Реализация концепции «Ответственность по защите» сталкивается еще с одним принципом неприменения силы или угрозы силой.

Согласно п. 4 ст. 2 Устава «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения, как против территориальной неприкосновенности

или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Данный принцип не запрещает неприменение силы в случаях самообороны или на основании резолюции Совета Безопасности, а в остальных случаях запрещается применение силы.

Для реализации данной концепции необходимо расширить круг оснований применения силы ситуациями угрозы международному миру и безопасности, т.е. в случае массовых и грубых нарушений прав человека, путем внесения в Устав дополнений, предусматривающих наиболее важные положения концепции ответственности по защите.

Применение силы без санкции Совета Безопасности ООН не может считаться новым обычаем, поскольку обычаи в международном праве формируются в результате международной практики государств и постепенно признаются ими в качестве обязательных правовых норм.

В связи с этим можно было бы внести дополнение в Устав ООН, предусматривающее наиболее важные положения концепции ответственности по защите.

Глава VIII Устава посвящена роли региональных соглашений в поддержании международного мира и безопасности.

В п. 139 Итогового документа Всемирного саммита 2005 г. главы государств и правительств отметили несколько путей, посредством которых региональные и субрегиональные организации и соглашения могли бы использоваться для предотвращения геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности и подстрекательства к ним, а также для своевременного и решительного реагирования в тех случаях, когда «мирные средства являются недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население» от этих преступлений и нарушений. Коллективные действия на основании главы VII Устава должны рассматриваться «с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, в случае необходимости» [8].

Помимо этих исторических, нормативных и конструктивных связей между глобальными и региональными организациями, существуют и крайне важные юридические и политические связи. Все аспекты таких связей отражены в главе VIII Устава. В соответствии со ст. 52 (2) государства-члены «должны приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов до передачи их споров в Совет Безопасности». С другой стороны, ст. 53 (1) предупреждает, что «никакие принудительные действия не предпринимаются без полномочий от Совета Безопасности». Далее в ст. 54 говорится о том, что «Совет Безопасности должен быть

всегда полностью информирован о действиях, принятых или намечаемых в силу региональных соглашений или региональными органами, для поддержания международного мира и безопасности». Положения главы VIII не всегда неукоснительно соблюдаются на практике, однако они подчеркивают большое значение поддержания постоянных рабочих связей между глобальными, региональными и субрегиональными организациями для предотвращения преступлений и защиты населения [8].

В международном праве нет единого подхода к закреплению критериев военного вмешательства.

Концепция «Ответственность по защите» возлагает обязанность по принятию такого решения в случае бездействия Совета Безопасности на Генеральную Ассамблею ООН (процедура «Единство в пользу мира») и региональные организации.

Концепция «Ответственность по защите» может быть оправдана только в случае, когда все невоенные средства разрешения кризиса исчерпаны и не принесли результата.

Масштабы военного вмешательства должны быть соразмерны ситуации, а его продолжительность и интенсивность – минимально необходимыми для достижения поставленной цели.

«Ответственность по защите» еще пока очень молодая инициатива, не имеющая универсальных

и устоявшихся практических механизмов, получает все большую поддержку среди международного сообщества. Новая концепция все чаще и чаще упоминается в резолюциях Совета Безопасности ООН: резолюции по ситуации в Ливии, Кот-д'Ивуаре, Южном Судане, Йемене. Безусловно, новой норме еще только предстоит пройти тяжелый путь становления в международном праве, но небольшие достижения последних лет уже свидетельствуют о постепенном укреплении ее статуса.

Для ее реализации требуется принятие обязательного международного договора, содержащего понятие «Ответственность по защите», критерии применения и механизм ее реализации, т.е. от мирового сообщества требуется:

- установить четкие правила, критерии и процедуры для определения необходимости вмешательства и способа его осуществления;
- определить правомерность военного вмешательства только после того, как все другие подходы не принесли успеха;
- обеспечить, чтобы военное вмешательство осуществлялось только в объявленных целях, было эффективным и при этом количество человеческих жертв и ущерб для государства были бы минимальным;
- стараться устранить причины конфликта, где это возможно.

Список литературы

1. Evans G., Sahnoun M. The Responsibility to Protect // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 6. Nov-Dec.
2. Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. – М., 1991.
3. Павлова Л.В. Концепция «ответственность за защиту»: Анализ и правовая оценка. – Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.beljournal.evolutio.info/>
4. Выполнение обязанности защищать: Доклад Генерального секретаря ООН A/63/677. 12 января 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/adviser/responsibility.shtml>
5. Доклад Комиссии ООН по вмешательству и суверенитету (на русском яз.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml>
6. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/outcome2005_ch4.html#t6.
7. Ясносокирский Ю.А. Принцип невмешательства и ответственность по защите (ОПЗ). – Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 3.
8. Доклад Генерального секретаря от 12 июня 2011 г. «Роль региональных и субрегиональных соглашений в реализации ответственности по защите» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/391/45/PDF/N1139145.pdf?OpenElement>.
9. The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty [Electronic resource] // International Coalition for Responsibility to Protect. – Mode of access: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>.
10. Доклад Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>
11. Доклад Генерального секретаря о работе организации: док. ООН A/46/1. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/46/1>. (дата доступа: 21.03.2016)

Reference list

1. Evans G., Sahnoun M. The Responsibility to Protect // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 6. Nov-Dec.

2. *Blishchenko I., Solntseva M.* World politics and international law. M., 1991.
3. *Pavlova L.* The «Responsibility to Protect concept»: Analysis and legal assessment. The Journal of International Law and International Relations. 2013. № 4 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.beljournal.evolutio.info/>
4. Implementing the “Responsibility to Protect”: The UN Secretary General’s Report A/63/677. 12th of January, 2009 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/adviser/responsibility.shtml>
5. The Report of the UN Commission on Interference and Sovereignty (In the Russian language) [Electronic resource] – Access mode: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml>
6. The World Summit Outcome of 2005. The United Nations. [Electronic resource] – Access mode: http://www.un.org/russian/document/declarat/outcome2005_ch4.html#t6.
7. *Yasnosokirskiy Yu.* The principle of non-interference and the “Responsibility to Protect” (RtoP). The Issues of Russian and International Law. 2013. № 3.
8. The UN Secretary General’s Report of 12th of June, 2011 “The Role of Regional and Subregional Arrangements in Implementing the “Responsibility to Protect” [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/391/45/PDF/N1139145.pdf?OpenElement>.
9. The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Interference and State Sovereignty [Electronic resource] // International Coalition for Responsibility to Protect. – Access mode: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>.
10. The UN Secretary General’s Report “Implementing the Responsibility to Protect.” [Electronic resource]. – Access mode: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>
11. The Secretary General’s Report on the work of the Organization: Rep. UN A/46/1. The United Nations [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/46/1>. (date of access: 21.03.2016).

УДК 349

Данилов Н.И.,

заместитель генерального директора Государственной корпорации по организации воздушного движения в Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АВИАЦИИ

Исследование вопросов государственного регулирования деятельности в области авиации как в нашей стране, так и за рубежом позволило автору утверждать, что в сложившихся современных условиях гармонизации воздушного законодательства на рынке транспортных услуг России в сфере авиаперевозок, где активно развиваются новые участники правоотношений в виде предприятий частной формы собственности, а также государственной, требует своего дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: воздушное право, Воздушный кодекс, гармонизация законодательства, государственное регулирование, гражданская авиация, авиация общего назначения

Danilov N.,

Deputy Director General of Federal State Unitary Enterprise «State ATM Corporation»

REVISITING THE HARMONIZATION OF THE RUSSIAN AIR LEGISLATION REGARDING THE STATE REGULATION OF ACTIVITY IN AVIATION

The study of issues of the state regulation of activity in aviation, both in our country and abroad, is allowed the article author to claim that it demands further improvement under existing conditions of harmonization of air legislation on the Russian market of transport services in the sphere of air transportations, where there are actively developing new entrants of legal relations in the form of enterprises of privately owned as well as the state – owned legal entity.

Keywords: air law, Air Code, harmonization of legislation, state regulation, civil aviation, general aviation

Современный период развития нормативно-правового регулирования в сфере воздушного законодательства в отношении государственного регулирования деятельности в области авиации базируется на совокупности правового опыта, накопленного в период от начала использования авиации для разовых, единичных полетов внутри суверенного воздушного пространства нашей страны до массового использования авиации для воздушных перевозок пассажиров и грузов как на внутренних, так и международных линиях, а также опирается на нормативные документы международного права, что свидетельствует о высоком уровне интеграции РФ в международное взаимодействие и сотрудничество в сфере воздушного права.

Постоянно идет процесс гармонизации воздушного законодательства в сфере государственного регулирования деятельности авиации. Однако в ряде случаев гармонизация носит незавершенный характер. Это мнение может быть распространено и на новую редакцию ст. 21 Воздушного кодекса РФ [1],

которая была утверждена Федеральным законом от 21.07.2014 № 253-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» [2] и должна была вступить в силу в январе 2015 г. Упомянутая статья Воздушного кодекса РФ имеет отношение, в первую очередь, к терминологическим аспектам нормативно-правовой базы современного законодательства, поскольку содержит в себе разъяснение дефиниции «гражданская авиация».

Современное воздушное законодательство признает наличие двух дефиниций в правовой регламентации статуса воздушных судов – гражданского воздушного судна и государственного воздушного судна, однако ряд положений требует выработки более четких критериев рассматриваемых дефиниций, являющихся принципиально важными в системе нормативных актов, в целях дальнейшей гармонизации современного воздушного законодательства РФ.

Современное отечественное воздушное законодательство предусматривает государственное регулирование деятельности в области авиации в соот-

ветствии с положениями главы 3 Воздушного кодекса РФ, Федеральным законом от 08.01.1998 № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» [3] и Федеральной целевой программой «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002–2010 годы и на период до 2015 года» [4].

Подразделяя авиацию на гражданскую, государственную и экспериментальную, законодатель в ст. 21 Воздушного кодекса РФ в редакции 2006 г., принятой Федеральным законом от 18.07.2006 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» [5], определяет термин «гражданская авиация» как авиацию, используемую в целях обеспечения потребностей граждан и экономики. При этом, как следовало далее по смыслу ст. 21 ВК РФ, гражданская авиация подразделялась на коммерческую, т.е. используемую в целях предоставления услуг гражданам и организациям (или, другими словами, физическим и юридическим лицам) и выполнения авиационных работ, и авиацию общего назначения, т.е. не используемую в целях предоставления услуг гражданам и организациям и выполнения авиационных работ. Здесь под услугами понимается деятельность, содержанием которой является осуществление воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов, почты. В определенной части формулировка данной статьи обусловлена объективными социально-экономическими условиями современного Российского государства, однако формулировка эта отнюдь не была свободна от недостатков.

Надо полагать, что изложение положений ст. 21 ВК РФ в современной формулировке (принятой в 2006 г. и действующей на момент написания статьи) связано с тем фактом, что в период после 1990 г., когда произошел коренной слом ранее существовавшего экономического уклада, на рынке транспортных услуг в сфере авиаперевозок появились новые участники правоотношений в виде предприятий частной формы собственности. Появление этих предприятий сопровождалось возникновением такой характеристики их деятельности, как «коммерческая деятельность». По сути, подразумевалось, что речь идет о форме договорных отношений, которая содержит в себе обязательство оказания возмездных услуг. Строго говоря, что касается пассажирских перевозок и перевозок груза и багажа, то и до возникновения транспортных компаний частной формы собственности воздушные перевозки носили возмездный характер и осуществлялись за плату, размер которой был установлен государством. Появление предприятий частной формы собственности означало не сам факт возникновения возмездных услуг по воздушной перевозке, а лишь факт возникновения права хозяйствующего субъекта устанавливать плату за оказание услуг по своему усмотрению, в соответствии со сво-

им собственным представлением о том, какой размер прибыли данная компания желает и может получить, оказывая свои услуги. Собственно говоря, это было ничем иным, как реализацией положений п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ [6] в редакции Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] о том, что предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

В настоящее время транспортные предприятия, ответственные за авиаперевозки, имеют статус юридического лица, т.е. осуществляют хозяйственную деятельность от своего имени, и это справедливо и для случая, когда учредителем (или одним из учредителей) юридического лица является государство. Юридическое лицо, осуществляющее хозяйственную деятельность в виде транспортных перевозок, самостоятельно и по своему усмотрению устанавливает цены на свои услуги. В связи с этим вполне справедливым будет утверждать, что термин «коммерческий» или «коммерческая деятельность» в данном случае утратил свое смысловое и идентификационное значение в отношении хозяйствующих субъектов, занимающихся оказанием услуг вообще и услуг в сфере воздушных перевозок в частности.

Кроме того, термин «коммерческий» не может быть обоснованно применен к авиационным работам, выполняемым силами гражданской авиации, поскольку любые виды работ, в том числе и упомянутые, сопровождаются затратами, имеющими финансовое выражение вне зависимости от того, имеют ли они своим результатом прибыль или удовлетворение общественно значимой потребности (например, охрана окружающей среды или спасение терпящих бедствие) и источники финансирования. В связи с этим акцентуация в законодательной норме на финансовую составляющую деятельности гражданской авиации представляется необоснованной.

Поэтому в свете современных норм государственного регулирования деятельности в области авиации является вполне обоснованным тот факт, что Федеральным законом от 21.07.2014 № 253-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» [1] п. 2 ст. 21 ВК РФ, содержащий тезис о том, что гражданская авиация используется для предоставления услуг воздушных перевозок и выполнения авиационных работ, признан утратившим силу. Упразднение данного пункта способствует гармонизации положений Воздушного кодекса и Гражданско-

го кодекса в контексте вышеизложенных положений гражданского законодательства.

Вместе с тем нельзя не отметить некую незавершенность гармонизации положений ст. 21 ВК РФ в отношении п. 3 упомянутой статьи. Следует исключить из текста п. 3 ст. 21 ВК РФ слово «коммерческий», поскольку, как было сказано выше, данный термин не отражает сути правоотношений в сфере деятельности гражданской авиации. Более того, дефиниция «авиация общего назначения» воздушным законодательством не определена, и можно говорить о том, что законодательная база авиации общего назначения в полной мере не сформирована. Фактически авиация общего назначения в современном воздушном зако-

нодательстве детерминируется не позитивными образом через утверждение ее признаков, свойств, характеристик, а через конструкцию определения с отрицанием, что отнюдь не способствует гармонизации воздушного законодательства в целом и в отношении государственного регулирования деятельности в области авиации.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным дальнейшая гармонизация отечественного воздушного законодательства путем детерминации дефиниции авиации общего назначения посредством конструкции позитивного утверждения и дифференциации авиации общего назначения в системе гражданской авиации.

Список литературы

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собр. зак. РФ. – 24.03.1997. – № 12. – Ст. 1383.
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 253-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // Собр. зак. РФ. – 28.07.2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4254.
3. Федеральный закон от 08.01.1998 № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» // Собр. зак. РФ. – 12.01.1998. – № 2. – Ст. 226.
4. Постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 728 «О федеральной целевой программе «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002–2010 годы и на период до 2015 года» // Собр. зак. РФ. – 22.10.2001. – № 43. – Ст. 4107.
5. Федеральный закон от 18.07.2006 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» // Собр. зак. РФ. – 24.07.2006. – № 30. – Ст. 3290.
6. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. зак. РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
7. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собр. зак. РФ. – 31.12.2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7627.

Reference list

1. The Air Code of the Russian Federation of 19.03.1997 № 60-FL // Collection of Laws of the Russian Federation. 24.03.1997. № 12. Art. 1383.
2. The Federal Law from 21.07.2014 № 253-FL "On amendments to the Air Code of the Russian Federation" // Collection of Laws of the Russian Federation. 28.07.2014. № 30 (Part I). Art. 4254.
3. The Federal Law from 08.01.1998 № 10-FL "On state regulation of aviation development" // Collection of Laws of the Russian Federation. 12.01.1998. № 2. Art. 226.
4. The Decree of Government of the Russian Federation dated 15th of October, 2001. № 728 "About the Federal Target Program "Development of civil aeronautical engineering of Russia in 2002-2010 and for the period until 2015" // Collection of Laws of the Russian Federation. 22.10.2001. № 43. Art. 4107.
5. Federal Law from 18.07.2006 № 114-FL "On amendments to the Air Code of the Russian Federation" // Collection of Laws of the Russian Federation. 24.07.2006. № 30. Art. 3290.
6. The first part of the Civil Code of the Russian Federation from 30.11.1994 № 51-FL // Collection of Laws of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.
7. Federal Law of 30.12.2012 № 302-FL "On amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Laws of the Russian Federation. 31.12.2012. № 53 (Part I). Art. 7627.

УДК: 349.2

Тогузова М.Б.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Северо-Кавказского Горно-металлургического института

Кисиев А.Г.,

магистрант кафедры предпринимательского и трудового права
Северо-Кавказского Горно-металлургического института

ПРОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЛЕНСТВА СУБЪЕКТОВ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В данной статье предпринята попытка путем анализа норм трудового законодательства и, в частности, отдельных положений ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях» выявить пробелы, касающиеся отдельных вопросов правового регулирования членства в профсоюзе и сформулировать предложения по их устранению. В ходе проведенного исследования автором сделан вывод о том, что профсоюзное законодательство в части определения членства в профсоюзе является несовершенным и нуждается в изменениях. В связи с злоупотреблениями со стороны субъектов трудовых правоотношений перед законодателем встает проблема четкой регламентации процедуры вхождения в профсоюзную организацию. Делается вывод о том, что необходимо внесение соответствующей нормы в ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях».

Ключевые слова: первичная профсоюзная организация, членство в профсоюзной организации, законодательные обязанности работодателя, коммерческая организация, увольнение работника, численность членов профсоюзной организации

Toguzova M.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Business Law and Labour Law
of the North-Caucasus Mining and Metals Institute

Kisieva A.,

Master student of Chair of Business Law and Labour Law of the North-Caucasus Mining and Metals Institute

LEGAL REGULATION OF SUBJECTS' MEMBERSHIP OF LABOUR LEGAL RELATIONS IN A TRADE UNION ORGANIZATION

In this article the attempt is made to identify gaps, regarding separate issues of legal regulation of membership in a trade union organization and to formulate proposals on their elimination through the analysis of labour legislation norms and separate provisions of the Federal Law "On trade unions, their rights and guarantees", in particular. During the conducted study the article authors have come to the conclusion that trade union legislation with regard to determining membership in a trade union organization is an imperfect and it needs to be amended. Because of the abusive practice by the subjects of labour legal relations a legislator faces the problem of clear regulate of a procedure of joining into a trade union organization. It is concluded that it is necessary to introduce a relevant norm to the Federal Law "On trade unions, their rights and guarantees".

Keywords: primary trade union organization, membership in trade union organization, legislative obligations of employer, commercial organization, dismissal of employee, number of members of trade union organization

Согласно ст. 3 Закона о профсоюзах членом профсоюза является лицо (работник, временно не работающий, пенсионер), состоящее в первичной профсоюзной организации [4]. При этом первичной профсоюзной организацией является добровольное объединение членов профсоюза, работающих, как правило, на одном предприятии, в одном учреждении, одной организации, независимо от форм собственности и подчиненности, действующее на

основании положения, принятого им в соответствии с уставом, или на основании общего положения о первичной профсоюзной организации соответствующего профсоюза. Такие формулировки законодателя приводят к тому, что зачастую у работодателя могут возникнуть проблемы с реализацией своих законодательных обязанностей. В качестве примера можно привести классическую ситуацию, когда коммерческая организация увольняет работника – председате-

ля выборного органа первичной профсоюзной организации, действующей в компании, за неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание. Казалось бы, компания «избавилась» от нежелательного профсоюзного лидера и, наконец, вздохнула спокойно. Но ввиду того, что бывший работник может продолжать быть членом профсоюза и, более того, его председателем, компания не только не «избавилась» от нежелательного профсоюзного лидера, но, по сути, настроила своего бывшего работника против себя. Мы видим, что всего лишь несколько положений Закона о профсоюзах могут создать для деятельности коммерческой организации неблагоприятные условия. Единственным выходом для работодателя в описанных выше ситуациях является: 1) заранее предусматривать такие ситуации и, например, предоставлять помещение профсоюзу в ином месте, но не на территории компании; 2) перед увольнением работников по основаниям, которые требуют получения учета мотивированного мнения или согласия выборного органа первичной профсоюзной организации на увольнение, в письменном виде передать работнику для подписания обязательство, в котором будет содержаться просьба сообщить работодателю, что работник не является членом профсоюза(ов), а если является, то указать такие сведения в обязательстве. В случае если работодатель узнает у работника, что он является членом какого-либо профсоюза, то компании необходимо соблюсти процедуры, предусмотренные ст. 373, 374 ТК РФ [3]. Исходя из вышеизложенного, следует четко предусмотреть право работодателя запрашивать информацию в необходимых случаях (для защиты конфиденциальной информации, при увольнениях по соответствующим основаниям, когда законодательством предусмотрена обязанность работодателя получать мотивированное мнение или согласие профсоюзов) и обязанность профсоюза и работников, которые являются членами профсоюзов, действующих в других компаниях, информировать работодателя о своем членстве в случаях, когда это необходимо. Еще одним из противоречивых положений Закона о профсоюзах является то, что Закон не регулирует вопрос одновременного членства в профсоюзах работников и представителей работодателя или собственника имущества организации. Отсутствие такого прямого законодательного запрета вхождения указанных лиц в профсоюз приводит на практике к тому, что нередко представители работодателя входят в руководящие органы профсоюза. Надо отметить, что указанную проблему уже пытались решить путем внесения 06.10.2011 в Государственную Думу законопроекта № 610052-5 «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О профессиональных союзах,

их правах и гарантиях деятельности». Так, в пояснительной записке к законопроекту указывалось, что во многих странах за независимостью профсоюзов следит государство. Это обычно тщательно проверяется при осуществлении их государственной регистрации. В некоторых странах независимость профсоюзов от работодателей обеспечивается на законодательном уровне. Например, в Канаде и Дании руководителям предприятий всех уровней запрещено входить в профсоюз, объединяющий рядовых работников. А в законодательстве США установлено, если профсоюз включает в свой состав лиц, относящихся к администрации предприятий даже самого низового звена, он не вправе выступать представителем работников в коллективных переговорах [1]. В России же на законодательном уровне отсутствует норма о запрете вхождения в профсоюз работодателя (его представителя), собственника имущества организации. В связи с этим следует внести изменение в Закон о профсоюзах и установить такой запрет. 20 марта 2012 г. данный законопроект был отклонен Государственной Думой РФ. Несмотря на то что п. 1 ст. 5 Закона о профсоюзах запрещает вмешательство работодателя в их деятельность, эта норма не воспринимается как запрет на одновременное членство в профсоюзе работников и работодателей или их представителей. Существующая ситуация противоречит ч. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 98 «Относительно применения принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров», которая закрепляет запрет на вмешательство организаций трудящихся и предпринимателей в дела друг друга [2]. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что профсоюзное законодательство в части определения членства в профсоюзе является несовершенным и нуждается в изменениях. Профсоюзы согласно ФЗ от 19.05.1995 № 82 «Об общественных объединениях» являются общественными объединениями, основанными на фиксированном членстве [5]. Но необходимо отметить, что на законодательном уровне отсутствует процедура оформления членства в профсоюзе. Это затрудняет, например, установление законности представительства профсоюза интересов работников в процессе проведения коллективных переговоров по вопросам заключения, изменения коллективного договора. Дело в том, что членство конкретного работника в первичной профсоюзной организации может начинаться не с момента написания работником соответствующего заявления, а с момента рассмотрения этого вопроса на заседании профкома или собрании первичной профсоюзной организации. Следовательно, для уточнения численности первичной профсоюзной организации необходимо анализировать соответствующие протоколы или представлять их копии заинтересованным лицам. Более того, определить членство работника в про-

фсоюзе будет сложно и через бухгалтерию компании, которая может производить удержания из заработной платы работников членских профсоюзных взносов. Так, согласно ч. 6 ст. 377 ТК РФ удержания из заработной платы работников членских взносов могут производиться и не с членов профсоюза. Кроме того, если профсоюз в компании действует более пяти лет, то бухгалтерия на момент контроля численности ее членов может и не располагать сведениями о работах, которые вступили в профсоюз более чем пять лет назад. В силу этого считаем, что необходимо предусмотреть централизованную типовую процедуру оформления членства в профсоюзе. Еще одним проблемным вопросом, который сегодня особенно остро стоит перед компаниями, является вопрос о возможности вхождения в выборный орган профсоюзной организации всех членов профсоюзной организации. Так, например, в организации создается профсоюз,

состоящий из 13 членов. При этом один из членов является председателем выборного коллегиального органа профсоюзной организации, а остальные 12 – его заместителями. Таким образом, все члены профсоюзной организации имеют дополнительные законодательно установленные гарантии (в случае увольнения по сокращению штата и т.д.). Законодательный запрет на вхождение всех членов первичной профсоюзной организации в выборный коллегиальный орган отсутствует. Поэтому работники, которые хотят получить дополнительные гарантии при увольнении, пользуются таким механизмом. Для устранения подобных злоупотреблений со стороны субъектов трудовых правоотношений перед законодателем встает острая необходимость в четкой регламентации процедуры вхождения в профсоюзную организацию путем внесения соответствующей нормы в ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях».

Список литературы

1. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право: учебник для вузов. – М.: Изд-во «Дело», 1999.
2. Конвенция Международной организации труда № 98 от 01.07.1949 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров».
3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 30.12.2015). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document>
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (в ред. от 31.01.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document>
5. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82 (в ред. от 31.01.2016) «Об общественных объединениях». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document>

Reference list

1. Kisilev I. Comparative law and international labour law: Textbook for higher education institutions. M.: Publishing House "Delo", 1999.
2. The Convention of the International Labour Organization № 98 of 01.07.1949 "The Application of the Principles of the Right to Organize and to Bargain Collectively".
3. The Labour Code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FL (as amended on 30.12.2015). [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/document>
4. Federal Law of 12.01.1996 № 10-FL (as amended on 31.01.2016) "On trade unions, their rights and guarantees of their activity". [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/document>
5. Federal Law of 19.05.1995 № 82 (as amended on 31.01.2016) "On the public associations". [Electronic resource] – Access mode: <http://www.consultant.ru/document>

УДК 347

Красников В.Н.,преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
Краснодарского университета МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ХОДЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются некоторые вопросы взаимодействия органов внутренних дел с общественностью в современной России. Автор приходит к выводу, что в основу деятельности подразделений органов внутренних дел должны быть положены современные подходы к организации, содержанию процесса взаимодействия правоохранительных структур и гражданского общества; в профилактической работе оперативных подразделений органов внутренних дел необходимо использовать региональную модель взаимодействия правоохранительных структур и гражданского общества, разработанную для каждого региона в соответствии с его спецификой, уровнем правовой культуры населения, уровнем преступности в данном регионе.

Ключевые слова: органы внутренних дел, предупреждение и раскрытие преступлений, взаимодействие с общественностью

Krasnikov V.,Lecturer of Chair of Operational-Investigative Activity and Special Technique of the Krasnodar University
of the Interior Ministry of the Russian Federation

THE INTERACTION OF OPERATIONAL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES WITH THE PUBLIC DURING THE COURSE OF PREVENTION AND DETECTION OF CRIMES

The article considers some issues of interaction of internal affairs agencies with the public in contemporary Russia. The article author concludes that modern approaches to the organization, content of the interaction process of law enforcement structures and civil society should be based on activity of units of internal affairs agencies; in the prevention work of operational units of internal affairs agencies it is necessary to use a regional model of interaction between law enforcement structures and civil society, developed for each region in accordance with its specific characteristics, with the level of legal culture of the population, with a crime rate in this region.

Keywords: internal affairs agencies, prevention and detection of crimes, interaction with public

Социально-политическая обстановка в стране обуславливается рядом тенденций, из которых наиболее давней и болезненной как для государства, так и для отдельного гражданина является криминализация всей общественной жизни в целом. Противодействие государства и общества правонарушениям и преступности при всем многообразии методов и средств воздействия на эти социально негативные явления обычно осуществляется двумя путями. Один из них – наказание за совершенные поступки. Другой – устранение возможности совершить противоправное действие, заблаговременно предотвратить поведение, противоречащее действующим законам государства и общества.

Нестабильность, нравственно-смысловая неопределенность, социальная не обустроенность, при-

сущие нынешней России, в большой мере способствовали криминализации общественной жизни и вовлечению в криминальные отношения все более широкого круга граждан. Характер преступности и правонарушений таковы, что в борьбе с ними на первый план необходимо ставить не меры уголовного наказания, которые могут только ухудшить болезненное состояние, а предупредительные меры профилактического воздействия на возможных правонарушителей [2; 3; 4].

Современному российскому обществу необходима тщательно проработанная, рассчитанная на перспективу модель государственной политики в области предупреждения преступлений и правонарушений.

Вместе с тем в процессе демократизации общества органы внутренних дел влились во все многообразие социальных отношений. Тем не менее отсутствие четких социальных ориентиров осложняет процесс выработки ими модели эффективной деятельности. Концентрация усилий органов внутренних дел в процессе обеспечения правопорядка без опоры на общественность не дает необходимых результатов. В то же время эффективное функционирование любой социальной системы может осуществляться только через такие формы социальной и правовой организации, которые обеспечивают конструктивное взаимодействие социальных субъектов на благо всего общества. Применительно к деятельности органов внутренних дел оно заключается в признании необходимости взаимоотношений с гражданами на основе социального партнерства, что создает объективные условия роста правовой активности людей и, следовательно, формирования благоприятной криминологической обстановки [6].

Наука же должна направить все свои силы на разработку основополагающих, стратегических проблем, в частности, таких, как создание нормативного акта, законодательно закрепляющего все аспекты, касающиеся борьбы с преступностью. Это жизненно необходимо, поскольку в современном Российском государстве нет основного документа, принятого на государственном уровне, который определял бы стратегию профилактики преступности и борьбы с ней. Существующий на нынешнем этапе комплекс предупреждающих мер нуждается в дополнительных научных исследованиях специалистов различных отраслей.

В результате такого разностороннего подхода к рассмотрению проблемы профилактики правонарушений возникает необходимость не только дифференциации направлений превентивной деятельности по критерию охвата как можно большего количества субъектов и мер профилактического воздействия, но и обратного явления – объединения усилий субъектов различных направлений профилактики. В частности, это касается объединения усилий представителей общественности и работников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Работа по установлению связей с общественностью не должна быть стереотипичной, необходимо использовать новые подходы. В условиях современных реалий органы внутренних дел занимаются такими вопросами, которые раньше не были так актуальны (например, в период эпохи социализма), а в настоящее время выходят на первый план:

- противодействовать террористическим актам;
- обеспечивать безопасность населения в условиях чрезвычайных ситуаций;

– не допускать провокации и не терять контроль над ситуацией во время демонстраций и митингов [8, с. 86–89].

В настоящее время существует огромное количество форм и методов взаимодействия органов внутренних дел и представителей общественности в области предупреждения и раскрытия преступлений, а также охраны общественного порядка:

- добровольные дружины;
- казачьи формирования;
- различные оперативные отряды;
- отряды содействия полиции, создаваемые в учебных учреждениях;
- содействие отдельных граждан на возмездной и безвозмездной основе.

Таким образом, в нынешней России существует сеть общественных объединений, кроме того, отдельные граждане оказывают содействие сотрудникам органов внутренних дел в предупреждении и раскрытии преступлений и своими действиями благоприятно влияют на широкие слои населения, в особенности на молодежь. Таким образом, основательно сужается круг лиц с противоправным поведением.

Однако, несмотря на очевидные достижения, применительно к современному российскому обществу проблема взаимодействия сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и институтов гражданского общества профилактика правонарушений не оснащена достаточными теоретическими и практическими разработками.

Очевидно, что эффективное взаимодействие сотрудников МВД и общества возможно лишь при сформированности положительного общественного мнения об органах МВД. Этот процесс не может быть организован стихийно. Он требует определенных усилий, прежде всего со стороны специально организованных служб МВД. В процессе формирования общественного мнения необходимо руководствоваться принципами, представленными в табл. 1 [2; 7].

При этом, как отмечает С.С. Смолева, «общественное мнение по отношению к органам внутренних дел осуществляет:

- реконструкцию текущей деятельности органов внутренних дел в глазах общественности;
- выступает действенным каналом обратной связи в механизме управления органами внутренних дел;
- повышение (в случае одобрения, удовлетворенности) или, наоборот, понижение (в случае недоверия и неодобрения) степени легитимности органов внутренних дел и результатов их работы;
- правовую социализацию граждан, включающуюся в правопослушную деятельность, осуществление помощи органам внутренних дел и в общественную правоохранительную деятельность» [7].

Основные принципы формирования общественного мнения по отношению к органам внутренних дел

№	Принцип	Содержание принципа
1.	самоорганизации	Мнение общественности формируется за счет внутренней самоорганизации, а не внешней структуризации
2.	компетентности	Мнение общественности должно быть компетентным, основанным на принципах рационализма и гражданственности
3.	информированности	Процесс формирования мнения общественности начинается с информированности, объем которой характеризуется совокупностью знаний, количеством и качеством сведений по каждому вопросу
4.	коммуникативности	Коммуникационные процессы дают толчок для формирования мнения общественности
5.	диалогичности	Система обратной связи, взаимодействия с населением выполняет различные функции, среди которых такие, как информационная, консультативная, директивная и контрольная
6.	пропорциональности	В расчет берется не только мнение большинства, но также и мнение меньшинства, которое имеет возможности для убеждения большинства в целесообразности своей позиции
7.	институционализма	Значимым социальным институтом в обществе выступает мнение общественности
8.	гомеостатичности	В условиях кризисной ситуации мнение общества необходимо рассматривать как единое целое, без групповой разобщенности

На наш взгляд, сегодня необходимо выявление и конкретизация оптимальных средств повышения эффективности организации взаимодействия различных правоохранительных структур с гражданским обществом.

Н.А. Аменицкая [1, с. 5] дает определение взаимодействию как «основанной на законах и подзаконных нормативно-правовых актах взаимной, согласованной по цели деятельности с использованием особых полномочий, методов и форм, присущих каждой из взаимодействующих сторон, в системе, имеющей главным направлением деятельности выявление лица, совершившего преступление, и достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании».

По мнению Л.Н. Калинковича, взаимодействием как юридической категорией обозначают согласованную по целям, месту, времени и тактике деятельность различных государственных органов, имеющих самостоятельный правовой статус [5, с. 73].

Механизм такой организации могла бы обеспечить региональная модель взаимодействия представителей правоохранительных органов и гражданского общества, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Главными целями такого взаимодействия являются:

- повышение уровня доверия между гражданами и сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел;
- создание действенных, в том числе и правовых, механизмов взаимодействия сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел с представителями общественности.

Реализация вышеуказанных целей осуществляется путем решения следующих задач:

- воспитание у граждан активной позиции по оказанию помощи оперативным подразделениям органов внутренних дел в вопросах, касающихся предупреждения и раскрытия преступлений;
- создание благоприятных социально-экономических условий для граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел в области предупреждения и раскрытия преступлений;
- разработка методики взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с общественностью в ходе предупреждения и раскрытия преступлений на основе анализа правовых, теоретических аспектов и практики привлечения оперативными подразделениями органов внутренних дел представителей общественности для предупреждения и раскрытия преступлений.

Такая модель будет эффективной, если:

- главным образом в основу деятельности подразделений органов внутренних дел будут положены современные подходы к организации, содержанию процесса взаимодействия правоохранительных структур и гражданского общества;
- в профилактической работе оперативных подразделений органов внутренних дел будет использована региональная модель взаимодействия правоохранительных структур и гражданского общества.

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросе включения дисциплин правоохранительной направленности в обязательный перечень предметов, изучаемых в учебных заведениях. Главной задачей из-

учения таких дисциплин является ознакомление обучающихся с деятельностью органов внутренних дел, изучение ее нормативно-правовой основы, а также моральная и физическая подготовка к участию гражданина в этой деятельности в качестве, например, внештатного сотрудника. Таким образом, гражданин, изучивший указанные дисциплины и получивший соответствующий подтверждающий документ об образовании, может принимать участие в качестве квалифицированного специалиста при проведении оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных действий органов внутренних дел, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений и правонарушений. Введение в процесс обучения таких дисциплин не только облегчит работу оперативным и иным подразделениям органов внутренних дел, но и существенно снизит количество граждан, которые

могут стать на путь совершения противоправных деяний [3].

Практическая значимость исследования обозначенной проблемы будет состоять в том, что содержащиеся в нем теоретические положения и выводы создадут предпосылки для научной разработки методики взаимодействия органов внутренних дел, в том числе и их оперативных подразделений, с гражданским обществом в процессе предупреждения и раскрытия преступлений, технологии ее внедрения как в деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, так и в учебный процесс образовательных учреждений МВД России, создания новых учебников и учебных пособий, разработки научно-методических рекомендаций, направленных на обеспечение решения проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в современном российском обществе.

Список литературы

1. Аменицкая Н.А. Взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений в ОВД: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.
2. Гуров Д.В., Красников В.Н. Основные принципы взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом // Вестник СевКавГТИ. – Ставрополь, 2014.
3. Гуров Д.В. Теория и практика педагогического взаимодействия правоохранительных структур с гражданским обществом: монография. – М., 2010.
4. Гуров Д.В. Использование педагогического подхода в обеспечении взаимодействия правоохранительных структур с гражданским обществом как инновация // Инновации в образовании. – М., 2010.
5. Калинин Л.Н. Взаимодействия правоохранительных органов при раскрытии преступлений и расследовании преступлений – организационная основа успеха // Право Беларуси. – 2002. – № 13.
6. Организация взаимодействия органов внутренних дел России с образованными при них общественными советами. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kotovo-ovd.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=374:2013-02-11-14-25-23&catid=104:2012-06-06-17-13-33&Itemid=246
7. Смолева С.С. Общественное мнение в условиях информационной открытости общества: монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 120 с.
8. Уланова И.Г. Проблемы формирования имиджа сотрудника милиции в средствах массовой информации // Роль СМИ в деятельности правоохранительных органов: материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Иркутск, 2010.

Reference list

1. Amenitskaya N. The interaction between the investigator and the bodies implementing operational-investigative activity in the detection and o crimes investigation in the DIA: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Nizhny Novgorod, 2006.
2. Gurov D., Krasnikov V. Major principles of interaction of law enforcement agencies with civil society // Bulletin of North Caucasus STI. Stavropol, 2014.
3. Gurov D. The use of pedagogical approach to ensure interaction of law enforcement agencies and civil society as an innovation // Innovations in education. M., 2010.
4. Gurov D. Theory and practice of pedagogic interaction of law enforcement structures with civil society: Monograph. M., 2010.
5. Kalinkovich L. Cooperation between law enforcement agencies during detection of crimes and investigation of crimes – the organizational basis of success // Law of Belarus. 2002. № 13.
6. The organization of interaction of internal affairs agencies of Russia with created public councils at them. [Electronic resource] – Access mode: http://kotovo-ovd.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=374:2013-02-11-14-25-23&catid=104:2012-06-06-17-13-33&Itemid=246
7. Smoleva S. Public opinion in the conditions of information openness of society: Monograph. M.: Publishing office of MSOU, 2008. 120 p.
8. Ulanova I. The issues of image formation of the militiaman in the mass media // The role of mass media in activity of law enforcement agencies: Proceedings of the international scientific-practical conference. – Irkutsk, 2010.

УДК 340.1

Егорушин Н.В.,

оперуполномоченный отделения уголовного розыска Юго-Восточного ЛУ МВД России на транспорте,
капитан полиции, аспирант Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕБОЛЬШОЙ ТЯЖЕСТИ

В статье проанализировано отношение законодателя к преступлениям, относящимся к категории преступлений небольшой тяжести, через призму осуществляемой им уголовно-правовой политики. Выявлена и обоснована необходимость ее корректировки с целью сохранения правового значения данной категории преступлений. Кроме того, в данной статье автор предлагает сформулировать четкое определение преступлений, относящихся к категории преступлений небольшой тяжести, дает свое определение этому понятию.

Ключевые слова: уголовный закон, законодатель, преступления небольшой тяжести, категория, уголовно-правовая политика

Egorushin N.,

Special Investigative Agent of Criminal Investigation Branch of the Southeastern Line Authority of the Interior Ministry
of the Russian Federation in Transport, Police Captain, Postgraduate student of the Bunin Yelets State University

ABOUT CRIMINALLY-LEGAL POLICY IN RELATION TO CRIMES, QUALIFIED AS MINOR CRIMES

The article analyzes the legislator's attitude to crimes, qualified as minor crimes through the prism of enforced criminally-legal policy by it. There is identified and substantiated necessity of its adjustment for the purpose of keeping the legal bearing of this category of crimes. In addition, in this article the author is proposed to formulate accurate definition of crimes, qualified as minor crimes and the contributor is defined this conception.

Keywords: criminal law, legislator, minor crimes, category, criminally-legal practice

Еще в XIX в. В. Спасович [5, с. 84], рассуждая о законодателе, создающем уголовный закон и о его практическом определении, заключил: «законодатель может снять невпопад свое запрещение и освободить известное преступление от наказания, несмотря на то, оно не потеряет свойства вредно действовать на организм общественный».

Вместе с тем суть сказанного им как нельзя точно подходит под описание современного законодателя и его неприглядного отношения к преступлениям небольшой тяжести. В непрерывной «погоне» за гуманизацией уголовного закона и порядка его применения, постоянно вносимыми поправками в уголовно-правовое законодательство российский законодатель практически «свел к нулю» правовое значение категории преступлений небольшой тяжести.

Сегодня совершенно обоснованно можно говорить о преступлениях этой категории не как о преступлениях, за которые предусмотрено уголовное наказание, а как о преступлениях, за которые законодатель только угрожает наказать. Множество правовых «поблажек», закрепленных в различных

разделах Уголовного кодекса, – явное тому подтверждение.

Так, в разделе о преступлении в п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ имплицитно, грубо говорится о том, что совершенные в далеком прошлом, к примеру, нынешним убийцей умышленные преступления небольшой тяжести по закону не вполне могут расцениваться как его криминальное прошлое, так как не учитываются при признании рецидива. И наказан по закону за совершение преступления, относящегося к категории небольшой тяжести, он может быть только в случае, если у него уже имеются судимости за преступления любой иной категории тяжести, кроме небольшой.

Согласно ст. 30 УК РФ не наступит уголовная ответственность и за приготовление к совершению преступления, относящегося к категории небольшой тяжести, «поблажки» имеются и в разделе о наказании. Так, из диспозиции ч. 1 ст. 56 УК РФ следует, что наказание в виде лишения свободы на определенный срок может быть назначено осужденному лицу, совершившему преступление небольшой тяжести впервые только при наличии отягчающих обстоя-

тельств. Если таковое все же было назначено, то, руководствуясь ст. 58 УК РФ, за совершение преступлений небольшой тяжести предполагается исправительное учреждение с менее жестким режимом. А если преступление, относящееся к данной категории, было совершено впервые вследствие случайного стечения обстоятельств, то на основании п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ это будет расценено как обстоятельство, смягчающие наказание, и, следовательно, лишения свободы на определенный срок лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, опять же сможет избежать.

Конечно, можно рассматривать эти нормы не столь категорично, соглашаясь с мнением Н.Г. Кадникова, считающего, что «преступления небольшой и средней тяжести объективно не «дотягивают» до уровня той опасности, которая позволяет уравнивать их с тяжкими и особо тяжкими преступлениями» [4, с. 53], но все же это не умоляет всепрощающего отношения законодателя к преступлениям небольшой тяжести.

Свои «льготы» преступники, совершившие преступления небольшой тяжести, получили от законодателя и в разделе об освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Согласно ч. 1 ст. 73 УК РФ к лицам, совершившим преступление небольшой тяжести, применимо такое «послабление», как условное осуждение. Распространяется оно и на лиц, совершивших преступления средней тяжести. Однако «послабление» интересующей нас категории преступлений все же сильнее, так как заключается еще и в том, что, если условно осужденный в течение испытательного срока совершит новое преступление небольшой тяжести, будь то с неосторожной или умышленной формой вины, вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения за предыдущее преступление еще только будет решаться судом (ч. 4 ст. 73 УК РФ), а если осужденный в период испытательного срока совершит преступление средней тяжести с умышленной формой вины, тяжкое или особо тяжкое, в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ суд однозначно отменит условное осуждение и назначит осужденному наказание по правилам, установленным ст. 70 УК РФ, т.е. по совокупности приговоров. Аналогичным образом назначается наказание и при отмене условного осуждения в случае совершения преступления небольшой тяжести.

На институт условного осуждения, закрепленный законодателем, в действующем уголовном законе можно посмотреть с двух сторон. Созданный с целью гуманизации права и поиска альтернатив лишению свободы за совершение преступлений, в частности небольшой тяжести, он в то же время не всегда производит тот воспитательный эффект, который ожидает от него законодатель, и может вызывать у лиц, окружающих виновного, ложное представление о возможности совершения подобного преступления безнаказанно.

Подобное представление может сложиться и после практической реализации положений ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» и ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим».

Нередки случаи, когда виновные избегают уголовной ответственности, к примеру, специально выжидая истечения срока давности или пользуясь своим возрастом. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, освобождается от уголовной ответственности после истечения двух лет с момента его совершения. Согласно ст. 92 УК РФ, в соответствии с которой несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия за совершение преступления небольшой тяжести, это вполне реально позволяют сделать.

Важно отметить и то, что категория преступлений небольшой тяжести не так безобидна для общества, как может показаться и как позиционирует это законодатель, наделяя ее все большими «поблажками».

Категорию преступлений небольшой тяжести в том виде, в котором она существует сегодня, с уверенностью можно назвать «трамплином» в более тяжкие преступления.

И речь идет не только о том, что граница между категориями небольшой и средней тяжести является «одношаговой» ввиду особенности преступлений небольшой тяжести, касающейся отсутствия в них преступлений, совершенных в соучастии. Подавляющее число деяний данной категории сформулировано в виде основных составов, т.е. включают в себя лишь признаки, свойственные всем преступлениям данного вида, но без отягчающих или смягчающих обстоятельств (к примеру, ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража» и т.д.), что дает право законодателю на их основе формулировать квалифицированные составы, указывая на совершение в соучастии, и тогда такие деяния уже признаются преступлениями средней тяжести.

Многие правонарушения, предусмотренные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и признанные ею достаточно серьезными, как ни странно, в российском уголовном законе отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, т.е. к категории, по мнению законодателя, представляющей наименьшую общественную опасность.

Так, например, Конвенция запрещает применение пыток, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание [1]. Тогда как в соответствии с ч. 1 ст. 302 УК РФ принуждение к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий является преступлением небольшой тяжести. А ч. 2 той же статьи хоть и относит то же деяние, соединенное с применением насилия,

издевательств или пытки, к категории тяжких преступлений, в своей санкции все же опирается на категорию преступлений небольшой тяжести, так как предусматривает наказание от 2-х лет.

Статья 5 Конвенции устанавливает право на свободу и личную неприкосновенность [2]. Однако российский законодатель относит заведомо незаконное задержание, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ и заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей, предусмотренные ч. 2 той же статьи, к числу преступлений небольшой тяжести.

Надо отметить, что уже существующий «трамплин» законодатель не желает разрушать, он, наоборот, своеобразным образом его укрепляет.

Речь идет о добавленной в декабре 2011 г. Федеральным законом РФ № 420-ФЗ [3] в ст. 15 УК РФ ч. 6, по которой законодатель наделил суд правом с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, при наличии смягчающих обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказания обстоятельств изменять категорию преступления на менее тяжкую.

Тем самым законодатель не только трансформировал основной критерий, положенный в основу действующей классификации преступлений – характер и степень общественной опасности в так называемый критерий «тяжести», но и собственноручно запустил искусственно созданный процесс уменьшения числа преступлений средней тяжести за счет расширения круга преступлений небольшой тяжести,

превратив процесс гуманизации уголовного закона и порядка его в процесс по снижению социальной напряженности, сложившейся в результате роста преступности в последние годы.

Ввиду того, что желаемый законодателем результат воспитательного воздействия на криминальные элементы путем гуманизации наказания не достигается, а проблема с преступлениями категории небольшой тяжести только усугубляется, считаем необходимым для законодателя провести срочную корректировку его уголовной политики в отношении преступлений этой категории, в частности, пересмотреть позицию по сознательному расширению их круга. Кроме того, для исключения уже существующего «трамплина» сформулировать четкое определение преступлений небольшой тяжести с однозначным толкованием его основных криминализирующих признаков и обязательным приданием последнему юридической силы.

В свою очередь, предлагаем свою формулировку подобного определения. Итак, преступлением небольшой тяжести следует считать умышленное или неосторожное деяние, запрещенное уголовным законом и посягающее на охраняемые им объекты в такой степени, что причиненный им вред с учетом фактических обстоятельств совершенного деяния и степени вызванной им общественной опасности влечет за собой максимальное наказание, не превышающее трех лет лишения свободы.

При этом наказание будет нуждаться в дополнительной индексации в зависимости от формы вины.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Раздел I «Права и свободы». Ст. 3 «Запрещение пыток». Рим, 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rz17euroco.html>
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Раздел I «Права и свободы». Ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность». Рим, 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rz17euroco.html>
3. Федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 5654. – 2011. – 9 декабря.
4. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М.: ЮИ МВД РФ, 2002. – 102 с.
5. Спасович В. Учебник уголовного права. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – 442 с. – Т. 1.

Reference list

1. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms. Section I of the "Rights and freedoms". PT. 3 "Prohibition of torture". Rome, 4th of November, 1950 [Electronic resource] – Access mode: <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rz17euroco.html>
2. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms. Section I of the "Rights and freedoms". PT. 5 "Right to freedom and personal immunity". Rome, 4th of November, 1950 [Electronic resource] – Access mode: <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rz17euroco.html>
3. Federal Law of Russian Federation from 07.12.2011 № 420-FL "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue №. 5654. 2011. 9th of December.
4. Kadnikov N. Qualification of crimes and issues of judicial interpretation. M.: Law Institute of the Interior Ministry of the Russian Federation, 2002. 102 p.
5. Spasovich V. Textbook of criminal law. SBR.: I. Ogizko's typography, 1863. 442 p. Vol. 1.

Юдин И.В.,

подполковник, адъюнкт кафедры педагогики Военного университета Министерства обороны РФ, г. Москва

О СООТНОШЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СЛУЖЕБНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ ОФИЦЕРОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье представлено соотношение служебной самостоятельности и служебной беспомощности офицеров подразделений внутренних войск МВД России. Рассмотрено четыре своеобразных психологических типа целостной характеристики личности офицера. Сделан вывод о том, что служебная самостоятельность и служебная беспомощность офицеров подразделений внутренних войск МВД России представляют собой устойчивую комплексную личностную характеристику, которая определяет особенности жизнедеятельности субъекта, могут иметь различную степень выраженности и соотносятся друг с другом как две стороны единого целого. Уровень выраженности изучаемой характеристики определяет ее отнесенность к самостоятельности либо к беспомощности.

Ключевые слова: служебная самостоятельность, служебная беспомощность, офицеры, субъектность

Yudin I.,

Lieutenant-Colonel, Adjunct of Chair of Pedagogy of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow city

ABOUT THE CORRELATION OF SERVICE AUTONOMY AND SERVICE HELPLESSNESS OF OFFICERS OF UNITS OF THE INTERIOR MINISTRY TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article shows the correlation of service autonomy and service helplessness of officers of units of the Interior Ministry troops of the Russian Federation. There are considered four kind psychological types of holistic characteristics of the individual officer. It is concluded that service autonomy and service helplessness of officers of units of the Interior Ministry troops of the Russian Federation are represented a complex stable personal characteristics which is determined the special aspects of the vital activity of a subject; they can have various degree of completeness and they are related to each other as two sides of unified whole. The level of completeness of the studied characteristics is determined its attribution to the autonomy whether to the helplessness.

Keywords: service autonomy, service helplessness, officers, subjectivity

В соответствии с концепцией служебной самостоятельности на противоположном полюсе континуума субъектности лежит беспомощность. Предполагается, что между этими противоположными характеристиками личности возможны различные варианты выраженности субъектности.

Одним из теоретических положений концепции служебной беспомощности является представление об указанном феномене как целостной характеристике личности, включающей в себя ряд особенностей, взаимосвязанных между собой и образующих симптомокомплекс, определяющий психологические особенности субъекта, в том числе успешность его деятельности и поведение, и в целом характеризующий низкий уровень субъектности.

Служебная самостоятельность и беспомощность являются сложными личностными образованиями, для выявления которых на сегодняшний день не разработано специальных педагогических и психодиагностических методик, поэтому они выявляются с помощью ряда показателей, соответствующих теоретическим представлениям об указанных феноменах и результатам эмпирических исследований.

В качестве диагностических критериев выступают атрибутивный стиль (итоговый показатель и так называемый «показатель надежды»), уровень депрессии, тревожности, самооценка офицеров. Служебная самостоятельность диагностируется при оптимистическом атрибутивном стиле, т.е. жизнестойкости, интегральной личностной черте, ответственной за успешность преодоления личностью офицера жизненных

служебных трудностей. Тогда как служебная беспомощность диагностируется при пессимистическом атрибутивном стиле, депрессивности (речь идет не о клинической депрессии, а о некоей субдепрессии), пониженной самооценке, повышенной тревожности.

Одним из базовых предположений является представление о служебной беспомощности как о симптомокомплексе, т.е. предполагается, что ряд характеристик, выступающих в качестве диагностических, представляют собой целостное образование. Диагностируются не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка, а целостная (системная) характеристика личности офицера, проявляющаяся сочетанием упомянутых личностных особенностей. Для того чтобы подтвердить этот тезис, Д.А. Циринг провела математический анализ данных: кластерный и дискриминантный.

Д.А. Циринг использовала в качестве критериев классификации диагностические показатели (атрибутивный стиль, уровень депрессии, тревожности, самооценка испытуемых) и провела процедуру кластерного анализа для каждой из указанных выше выборок. При анализе данных она использовала иерархический кластерный анализ, метод полной связи, позволяющий выделить компактные кластеры, состоящие из наиболее похожих элементов. По результатам кластерного анализа на всех возрастных этапах выделила четыре своеобразных психологических типа с различными вариантами сочетания указанных показателей. Затем в каждой группе вычислялись средние значения, которые позволили дать содержательную характеристику выявленных типов.

На основе исследования Д.А. Циринг выделила 4 типа.

1. «Беспомощные». Этот тип отличается выраженным пессимистическим атрибутивным стилем, т.е. негативные события объясняются такими студентами как происходящие постоянно, в различных сферах жизни, и винят они в этом себя, хорошее воспринимается ими как временное, происходящее лишь в отдельных сферах их жизни и не являющееся их заслугой. Беспомощные студенты отличаются низкой самооценкой, более высоким уровнем депрессии, несколько повышенной тревожностью.

2. «Самостоятельные». Для этого типа характерны выраженный оптимистический атрибутивный стиль, т.е. негативные события такие студенты объясняют как временные, происходящие лишь в отдельных сферах жизни, они не склонны винить в чем-то плохом себя. Позитивные события воспринимаются ими как постоянные, происходящие в разных сферах жизни, и они считают, что сами являются причиной хороших событий. У самостоятельных студентов достаточно высокая самооценка, низкий уровень депрессии и тревожности.

3. «Реалисты». В целом этот тип занимает промежуточное положение между «беспомощными» и «самостоятельными». Атрибутивный стиль у них имеет средние показатели, можно охарактеризовать его как «реализм». Уровень депрессии и тревожности низкий, самооценка адекватная.

4. «Осторожные». По значениям депрессии и тревожности этот тип ближе к «беспомощным», чем предыдущий. Атрибутивный стиль можно охарактеризовать как «умеренный пессимизм» [6, с. 261–265].

Психологические типы самостоятельных и беспомощных военнослужащих соответствуют ранее выдвинутому предположению, что, соответственно, подтверждает реалистичность предложенных характеристик. Отдельно стоит обратить внимание на то, что при сходстве противоположных психологических образований служебной самостоятельности и служебной беспомощности промежуточные психологические типы имеют некоторые отличия у вновь прибывших офицеров, что может объясняться не столько возрастными особенностями, сколько вариативностью сочетания и выраженности диагностических показателей на одной из крайностей единого целого.

Выделенные психологические характеристики групп самостоятельных и беспомощных военнослужащих эстрагированы с помощью анализа, определенным образом соответствуют теоретическим представлениям об указанных психологических типах. Поэтому указанные психологические характеристики и их целостность выделены правомерно, т.е. определена такая взаимосвязь диагностических показателей, которая подтверждает, что сочетание указанных показателей изучает особый психологический феномен независимо от каждого показателя.

Последние два типа являются промежуточными между двумя первыми. Это соответствует базовому предположению о том, что служебная самостоятельность и беспомощность представляют собой полярные образования, находящиеся на разных сторонах единого целого.

Одна из основных функций обучения курсантов в военных вузах – развивающая, т.е. формирование у будущих офицеров умения мыслить творчески, развитие логического мышления, самостоятельности в решении учебных задач [1, с. 27–34]. Однако выполнение этой функции не является аксиоматической, и в рядах внутренних войск МВД России мы имеем офицеров с характерно выраженными свойствами всех вышеперечисленных типов. Поэтому возникает проблема в устранении недостатков у офицеров, имеющих черты, характерные для беспомощного типа личности [2, с. 47–52].

К феноменам, свойственным самостоятельности, относится жизнестойкость, интегральная личностная черта, ответственная за успешность преодо-

ления личностью жизненных трудностей [4, с. 6–10]. Если личностная беспомощность предполагает подверженность депрессии, апатии, низкую стрессоустойчивость, уверенность в бесполезности собственных действий, то жизнестойкость, напротив, снижает вероятность депрессии, повышает стрессоустойчивость, дает уверенность в возможности контролировать события. Очевидно, высокая жизнестойкость характеризует самостоятельную личность офицера, тогда как низкая жизнестойкость присуща беспомощной личности.

Из вышесказанного следует, что существует ряд феноменов, таких как оптимизм, сила, позитивная свобода, жизнестойкость, самоэффективность, состояние потока, человеческие добродетели и достоинства, самодетерминация, изучаемых зарубежной психологической наукой и являющихся характерными для самостоятельной личности либо факторами, обуславливающими устойчивость к беспомощности.

Как подчеркивает А.Л. Журавлёв, в феноменах «самости» наиболее ярко проявляются субъектные характеристики человека, составляющие его активное, действенное начало, во многом определяющие особенности его действий и поступков, отношений и общения, деятельности и поведения, других форм активности и в целом жизнедеятельности человека. Все это касается и самостоятельности, которая, по нашему мнению, определяет высокий уровень субъектности человека [3].

Самостоятельность в контексте концепции личностной беспомощности является качеством субъекта, представляющим собой целостное образование, включающее в себя особенности когнитивной, мотивационной, волевой и эмоциональной сфер личности офицера, в частности, ответственность, настойчивость, оптимистичность, креативность, уверенность в себе, гибкость, мотивацию достижения, внутренний локус субъективного контроля и другие, определяющие в своем единстве его высокий уровень субъектности, т.е. высокую способность преобразовывать действительность и собственную жизнь. Самостоятельность проявляется в поведении и деятельности офицера, в том числе более эффективных стратегиях и успешности служебной деятельности, а также в благополучных взаимоотношениях с другими людьми.

Д.А. Циринг было выявлено образование, представляющее собой единство специфических личностных особенностей, определяющее низкий уровень субъектности и названное личностной беспомощностью. Предполагается, что личностная беспомощность определяет особенности жизнедеятельности субъекта: его поведение, деятельность, взаимоотношения с окружающими. Она выражается в пассивности субъекта, неспособности справляться со сложно-

стями, препятствиями, зависимости от окружающих, обуславливает трудности целеполагания в силу пессимистических ожиданий, затрудненность достижения целей, требующих приложения усилий, гибкости, настойчивости. Это характеристика личности, ограничивающая способности субъекта преобразовывать действительность, с одной стороны, и ограничивающая его адаптационные возможности – с другой.

Личностная беспомощность – это качественное единство особенностей личности, определяющее специфику ее взаимодействия с миром. Она является устойчивым личностным образованием, возникающим и развивающимся под влиянием внешних и внутренних факторов, при их взаимодействии. Подтверждением вышесказанному является статья А.С. Змеевой о личностной беспомощности сотрудников уголовно-исполнительной системы. А.С. Змеева отмечает, что среди сотрудников ФСИН с признаками личностной беспомощности, в отличие от группы сотрудников с признаками самостоятельности, наиболее часто встречаются такие нарушения служебной дисциплины, как эмоциональная незрелость, мотивационная неустойчивость, избегание ответственности, подверженность групповому влиянию, склонность к бунтарскому поведению, неподчинение, непредсказуемость поступков, несвоевременное или не в полном объеме выполнение служебных обязанностей [3, с. 103–106].

Самостоятельность, как и личностная беспомощность, определяет особенности жизнедеятельности субъекта с той разницей, что поведение субъекта, деятельность и взаимоотношения оказываются проявлением его высокой способности преобразовывать действительность, выступать активным началом собственной жизненной позиции. Самостоятельный субъект не испытывает трудностей с целеполаганием и проявляет высокую результативность в достижении поставленных целей. Он обнаруживает высокую гибкость, творческие способности, настойчивость, целеустремленность, оптимистичность, уверенность в своих силах.

Поведение офицера с самостоятельностью отличается активностью, он выстраивает благоприятные взаимоотношения с окружающими людьми, может выступать лидером в отношениях [8, с. 172–178]. Самостоятельность офицера как комплексная личностная характеристика обуславливает более высокую успешность в деятельности, личностная беспомощность определяет снижение успешности в деятельности.

Поэтому служебная самостоятельность и беспомощность представляют собой устойчивую комплексную личностную характеристику, определяющую особенности жизнедеятельности субъекта, могут иметь различную степень выраженности и соот-

носятся друг с другом как две стороны континуума [7, с. 3–6]. Уровень выраженности изучаемой характеристики определяет ее отнесенность к самостоятельности либо к беспомощности.

В структуру личностной беспомощности входят мотивационный, когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты, которые неразрывно связаны между собой. Более низкая сформированность волевых качеств личности при личностной беспомощности обусловлена тем, что когнитивные особенности, характеризующие личностную беспомощность, затрудняют постановку целей, поскольку учет последствий оказывается искаженным в связи с пессимистическим атрибутивным стилем, снижением креативности, ригидностью мышления.

Офицер со служебной беспомощностью пессимистически «предвидит» негативные последствия своих действий вследствие своей убежденности в том, что он не может осуществлять контроль над событиями, он испытывает трудности при разработке альтернативных вариантов решения задачи либо

проблемы, скован привычными шаблонами действий, повышенной тревожностью и склонностью к депрессии. Экстринсивная мотивация и экстернальный локус контроля делают человека зависимым от других людей, обстоятельств. Пессимистический прогноз разрушает смысл предпринимаемых действий, что ослабляет мотивацию, затрудняет процесс принятия решений и влечет за собой отказ от намерения и исполнения действия. Это подтверждается данными ряда исследователей: Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, Ю.В. Яковлева, А.С. Змеева и др.

Таким образом, служебная самостоятельность и служебная беспомощность офицеров подразделений внутренних войск МВД России представляют собой устойчивую комплексную личностную характеристику, определяющую особенности жизнедеятельности субъекта. Они могут иметь различную степень выраженности и соотносятся друг с другом как две стороны совокупности [5, с. 165–169]. Уровень выраженности изучаемой характеристики определяет ее отнесенность к самостоятельности либо к беспомощности.

Список литературы

1. *Алехин И.А.* Проблема педагогического идеала и его формирование у преподавателей высших учебных заведений / И.А. Алехин, С.В. Тенитилов // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 4.
2. *Деникин А.В.* Проблема языка в контексте современной образовательной практики / А.В. Деникин, З.Д. Деникина // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 1.
3. *Деникин А.В.* Исторический анализ развития проблемы самостоятельности личности в трудах зарубежных и отечественных исследователей / А.В. Деникин, И.В. Юдин // Вестник российского нового университета. – 2015. – № 4.
4. *Давыдов В.П.* Об особенностях подготовки военных кадров в годы Великой Отечественной войны (заметки ветерана) // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 1.
5. *Ленев Ю.А.* Самосовершенствование профессиональной компетентности военных специалистов / Ю.А. Ленев, А.И. Шишков // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 1.
6. *Морхинин А.М.* Военный долг как составная часть общественного долга // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 2.
7. *Слепов В.Я.* Первый бой лейтенанта: психологический аспект (воспоминания ветерана) // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 1.
8. *Шевцова С.В.* Анализ современного состояния формирования профессиональной ответственности у курсантов в Военном университете МО РФ // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 3.

Reference list

1. *Alekhin I.* The issue of the pedagogical ideal and its formation of lecturers of higher education institutions // I. Alekhin, S. Tenitilov // World of Education – Education in the World. 2015. № 4.
2. *Denikin A.* The language problem in the context of contemporary educational practice / A. Denikin, Z. Denikina // World of Education – Education in the World. 2015. № 1.
3. *Denikin A.* Historical analysis of development of the issue of autonomy in the works of foreign and national researchers / A. Denikin, I. Yudin // Bulletin of the Russian New University. 2015. № 4.
4. *Davydov V.* About peculiarities of training of military cadres during the Great Patriotic War (Annotations of a veteran) // World of Education – Education in the World. № 1.
5. *Lenev Yu.* The self-improvement of professional competence of military experts // Yu. Lenev, A. Shishkov // World of Education – Education in the World. 2015. № 1.
6. *Morkhinin A.* Military duty as a component of the public debt // World of Education – Education in the World. 2015. № 2.
7. *Slepov V.* The first fight of Lieutenant: The psychological aspect (Flashbacks of a veteran) // World of Education – Education in the World. 2015. № 1.
8. *Shevtsova S.* Analysis of the current status of formation of professional responsibility at cadets of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation // World of Education – Education in the World. 2015. № 3.

УДК 338.001.36

Рыкова И.Н.,

доктор экономических наук, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

Алаев А.А.,

научный сотрудник Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ СРЕДСТВ ФНБ В ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, РЕАЛИЗУЮЩИХ САМООКУПАЕМЫЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

Отечественная инфраструктура находится в достаточно неблагоприятном состоянии. Для формирования экономического роста нового качества необходимо увеличение инвестиций в инфраструктуру. По оценкам Всемирного банка, общие расходы на инфраструктуру в России должны составлять не менее 4–5% ВВП в год. По качеству многих объектов общественной инфраструктуры Российская Федерация занимает низкие места относительно своего потенциала, роста и состояния экономики среди остальных стран мира. Необратимые процессы разрушения инфраструктуры могут привести к снижению конкурентоспособности экономики.

В современных условиях необходима мобилизация внутренних ресурсов, которые могут быть использованы для реализации инфраструктурных проектов. Учитывая целевое назначение, основным источником реализации долгосрочных инфраструктурных проектов могут быть средства Фонда национального благосостояния.

В настоящее время значительной научно-методической проработки требуют такие вопросы, как обоснование механизмов размещения средств ФНБ; внедрение механизма рассмотрения проектов для реализации за счет средств ФНБ; внедрение мониторинга и контроля реализации инфраструктурного проекта; изменение подхода к оценке эффективности самоокупаемых инфраструктурных проектов, реализуемых за счет средств ФНБ. Именно последней компоненте и посвящена данная научная статья.

Ключевые слова: Фонд национального благосостояния, эффективность инфраструктурного проекта, финансовые активы, критерии, показатели, методы, стоимость, оценка

Rykova I.,

Doctor of Economics, Head of the Branch Economy Center of Financial Research Institute

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Alaev A.,

Researcher of the Branch Economy Center of Financial Research Institute

THE CRITERIA AND EFFICIENCY INDICATORS OF PLACING FUNDS OF THE NATIONAL WEALTH FUND AT THE FINANCIAL ASSETS OF LEGAL ENTITIES, IMPLEMENTING SUSTAINABLE INFRASTRUCTURE PROJECTS

National infrastructure is in extremely poor state. It is necessary to increase investments in infrastructure for the development of new quality economic growth. According to the World Bank estimates the total infrastructure costs should be less than 4–5% of GDP per year in Russia. By the quality of a number of facilities of the public infrastructure the Russian Federation maintains so low ranks in relation to its potential, economic growth and performance of the economy among the rest of the World. Irreversible processes of infrastructure destruction can lead to decrease in competitiveness of the national economy.

Under current conditions it is necessary to mobilize domestic resources, which can be used to implement infrastructure projects. Taking into consideration the designated purposes, funds of the National Wealth Fund may have been the major source for implementation of long-term infrastructure projects.

At this time the following issues are requiring a significant scientific-methodological developmental work: the rationale of mechanisms of placing funds of the NWF; the introducing of a mechanism for the review of projects to implement with funding of the NWF; the introducing of monitoring and controlling the implementing the infrastructure project; the change of approach to efficiency evaluation of sustainable infrastructure projects, implementing from funds of the NWF. This scientific article is addressed to the latest paragraph, specifically.

Keywords: National Wealth Fund, efficiency of infrastructure project, financial assets, criteria, indicators, methods, value, evaluation

За годы высоких темпов экономического роста (2000–2008 гг.) в Российской Федерации не удалось принципиальным образом решить вопрос строительства новых объектов общественной инфраструктуры. Вне зависимости от темпов экономического роста, уровня экономического развития и величины нефтегазовых сверхдоходов реального роста обеспеченности общественной инфраструктурой не происходило. Рост российской экономики прошлых лет объяснялся исключительно притоком ресурсов из внешней среды за счет высоких цен на природные ресурсы. Однако посткризисный период, когда еще сохранялся высокий уровень цен на энергоресурсы, уже не давал столь высокого роста. Причина такого положения дел очевидна – модель экономического роста, основанная на высоких ценах на нефть, завершила свое существование.

Для формирования экономического роста нового качества необходимо увеличение инвестиций в инфраструктуру. Так, по некоторым оценкам, дополнительные инвестиции в инфраструктуру в размере 1% ВВП привели к созданию 3,4 млн новых рабочих мест в Индии и 1,3 млн в Бразилии [5]. Учитывая, что экономики указанных стран имеют определенные общие черты с Россией, то, соответственно, при сопоставимом объеме инвестиций может быть создано до 2% новых рабочих мест от экономически активного населения. Всемирный банк в своих исследованиях приходит к выводу, что рост инвестиций в инфраструктуру на 10% приводит к увеличению темпов экономического роста в долгосрочной перспективе на 1 п.п. [6].

По оценкам Всемирного банка, общие расходы на инфраструктуру в России должны составлять не менее 4–5% ВВП в год, т.е. больше 4 трлн руб. [6]. Аналогичный вывод делают и эксперты McKinsey & Company: для ускорения российской экономики нужно на протяжении 2013–2030 гг. ежегодно инвестировать не менее 4% ВВП в инфраструктурные проекты. До 2011 г. совокупный объем инвестиций в инфраструктуру не превышал 3,4%.

По качеству многих объектов общественной инфраструктуры Российская Федерация занимает низкие места относительно своего потенциала роста

и объема экономики среди остальных стран мира. По качеству автомобильных дорог Россия занимает 124-е место в мире, уступая таким странам, как Египет, Коста-Рика, Камерун, Непал и т.д. Лучше всего ситуация сложилась в сфере железнодорожной инфраструктуры (26 из 144 мест). В краткосрочной перспективе снижение капитальных расходов в инфраструктуру не является критичным, поскольку снижение расходов при условии последующего их возобновления на прежнем уровне не оказывает существенного влияния на состояние из-за ее инертности, что в том числе позволяет использовать некоторые объекты инфраструктуры, построенные еще в советское время. В долгосрочной же перспективе происходят необратимые процессы разрушения инфраструктуры, что по той же причине инертности приводит к увеличению отставания и снижению конкурентоспособности экономики, а также к отставанию роста экономики в случае резкого увеличения инвестиций. В ситуации отсутствия роста экономики может последовать и снижение инвестиций в инфраструктуру [1, с. 19].

Для изменения ситуации в российской экономике необходима мобилизация внутренних ресурсов, которые могут быть использованы для реализации инфраструктурных проектов. В качестве таких источников могут выступать средства институциональных инвесторов, таких как пенсионные фонды (совокупный объем пенсионных накоплений составляет 3,6 трлн руб. (4,9% ВВП), из них 1,9 трлн руб. находятся под управлением Внешэкономбанка, а 1,7 трлн руб. – в негосударственных пенсионных фондах) и суверенные фонды, такие как Резервный фонд (4,6 трлн руб. (6,4% ВВП)) и Фонд национального благосостояния (4,9 трлн руб. (6,75 ВВП)). Учитывая целевое назначение, основным источником реализации долгосрочных инфраструктурных проектов могут быть средства Фонда национального благосостояния.

В то же время важное значение приобретает научное обоснование подходов к разработке методики определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самоокупаемые инфраструктурные проекты и разработки соответствующей методики, которая

учитывала бы совокупную эффективность инфраструктурных проектов, включая оценку социально-экономических эффектов; систему мониторинга и контроля реализации инфраструктурных проектов; оценку рисков реализации проектов.

Отметим, что выбор критериев и показателей должен основываться на использовании российского опыта и действующей нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы оценки эффективности проектов, в том числе:

1) Методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов от 21 июня 1999 г. № ВК 477;

2) Приказа Минэкономразвития РФ от 24 февраля 2009 г. № 58 «Об утверждении Методики оценки эффективности использования средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения»;

3) Приказа Минрегиона РФ от 30 октября 2009 г. № 493 «Об утверждении Методики расчета показателей и применения критериев эффективности региональных инвестиционных проектов, претендующих на получение государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации»;

4) Постановления Правительства РФ от 14 декабря 2010 г. № 1016 «Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов и принципалов для предоставления государственных гарантий Российской Федерации по кредитам либо облигационным займам, привлекаемым на осуществление инвестиционных проектов»;

5) Постановления Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»;

6) Распоряжения Правительства РФ от 10 апреля 2014 г. № 570-р «Об утверждении перечней показателей оценки эффективности деятельности и методик определения целевых значений показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018 года)»;

7) методических документов, принятых на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

8) иных норм бюджетного и налогового регулирования, затрагивающих вопросы осуществления инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации.

Единые методологические подходы в рассматриваемой проблематике должны базироваться на:

– качественных и количественных критериях эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самоокупаемые инфраструктурные проекты;

– системе показателей эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самоокупаемые инфраструктурные проекты.

Отметим, что оценка эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самоокупаемые инфраструктурные проекты, осуществляется по следующим этапам:

– оценка эффективности реализации самоокупаемого инфраструктурного проекта;

– оценка сравнительной финансовой эффективности самоокупаемого инфраструктурного проекта.

Для проведения наиболее объективной оценки, учитывающей совокупность различных факторов, влияющих на итоговую реализацию проекта, в том числе возможных рисков в зависимости от выбранной финансовой схемы, включая учет отраслевых особенностей, оценка двух указанных этапов должна основываться на использовании как качественных, так и количественных критериев.

Использование данных критериев должно носить взаимодополняющий характер. Соответственно, показатели количественных критериев не должны интерпретироваться в отрыве от параметров качественных критериев. В случае возникновения ситуации достижения предельных числовых показателей по нескольким инфраструктурным проектам выбор (если существуют бюджетные ограничения и/или невозможность реализовать несколько проектов) должен делаться в пользу того проекта, реализация которого позволит обеспечивать население более качественными услугами (определяется сравнительным методом).

В случае возникновения высокой неопределенности результатов, полученных в ходе проведения расчетов по количественным критериям или слишком высокой чувствительности относительно заданных переменных, большее значение должно быть сделано в пользу качественных критериев с целью снижения проблем чувствительности и неопределенности, которые получаются по итогам проведения расчетов показателей количественных критериев.

На *первом этапе* оценки эффективности реализации инфраструктурного проекта могут быть использованы следующие *качественные критерии*:

– наличие четко сформулированной цели инфраструктурного проекта с определением количественных показателей результатов его осуществления;

– наличие социально-экономических эффектов (соответствие цели инфраструктурного проекта

приоритетам и целям, определенным в прогнозах и программных документах социально-экономической направленности, концепциях и стратегиях развития на среднесрочный и долгосрочный периоды);

- наличие комплексного подхода к решению конкретной проблемы в рамках реализации инфраструктурного проекта во взаимосвязи с различными программными мероприятиями;

- необходимость строительства (реконструкции и технического перевооружения) объекта капитального строительства, создаваемого в рамках инфраструктурного проекта, в связи с осуществлением соответствующими государственными и муниципальными органами полномочий, отнесенных к предмету их ведения;

- отсутствие в достаточном объеме замещающей продукции (работ и услуг), произведенных на определенной территории;

- наличие обоснования необходимости реализации инфраструктурного проекта с привлечением средств бюджетной системы Российской Федерации.

На первом этапе для оценки эффективности инфраструктурного проекта используются такие *количественные критерии*, как:

- финансовая эффективность;
- социальная эффективность;
- экономическая эффективность;
- бюджетная эффективность.

Показатели эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самоокупаемые инфраструктурные проекты, рассчитываются только на первом этапе

оценки эффективности инфраструктурного проекта указанных выше количественных критериев.

На *втором этапе* (оценка сравнительной финансовой эффективности) оценка эффективности проекта основывается на использовании таких *качественных критериев*, как:

- сравнение опыта реализации аналогичных инфраструктурных проектов в Российской Федерации и зарубежных странах;

- сравнение возможных обязательств участников, реализующих инфраструктурный проект;

- анализ механизмов, источников и объемов финансового обеспечения проекта реализации проектов с участием средств ФНБ;

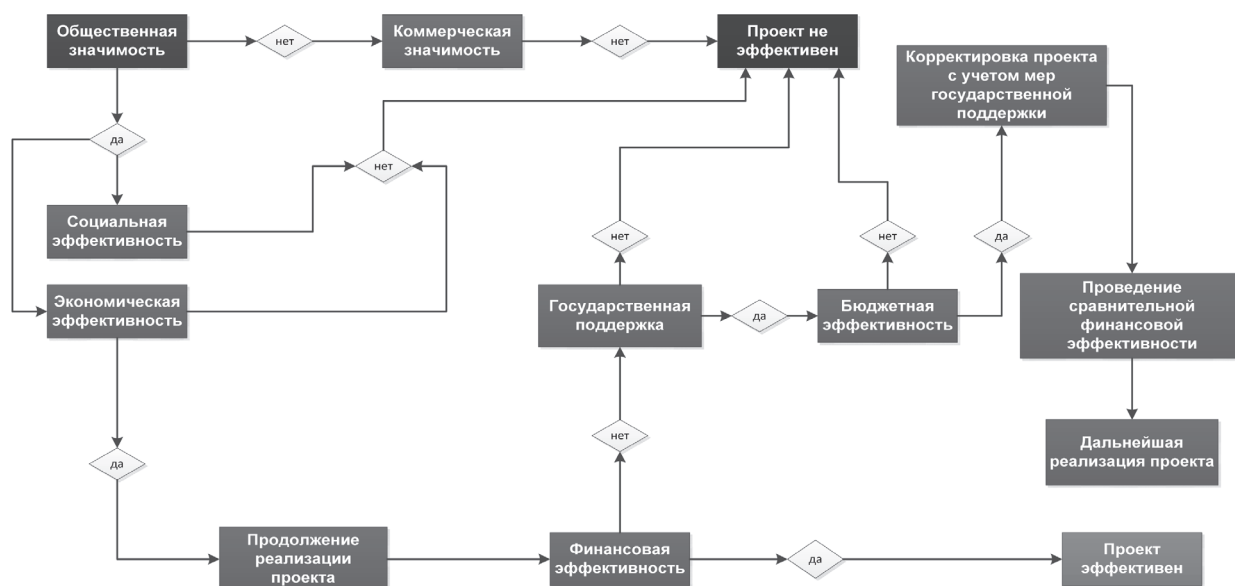
- категории предполагаемых рисков реализации проекта;

- порядок компенсации расходов участников, реализующих проект, при его прекращении.

На *втором этапе* используется один *количественный критерий* – финансовая эффективность (осуществляется проверка необходимости использования бюджетных средств для реализации инфраструктурных проектов, в том числе за счет средств ФНБ), с учетом вероятности возникновения различных категорий рисков.

Укрупненно схема определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализуемых самоокупаемые инфраструктурные проекты, может быть представлена так (рис. 1):

Для определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц,

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Подход к разработке методики определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализуемых самоокупаемые инфраструктурные проекты

реализуемых самокупаемые инфраструктурные проекты, необходимо осуществить процедуру в соответствии со следующими этапами.

1) *Определение общественной значимости проекта.* На данном этапе определяется значимость проекта с позиции возможности оказания воздействия на качество жизни общества, проживающего на определенной территории. Проводится проверка соответствия цели инфраструктурного проекта приоритетам и целям, определенным в прогнозах и программных документах социально-экономической направленности, концепциях и стратегиях развития на среднесрочный и долгосрочный периоды. Проверка данного условия является основополагающей. В зависимости от результатов выполнения данного условия будет зависеть возможность дальнейшей реализации инфраструктурного проекта. В случае если проект признается общественно не значимым, то его реализация возможна только за счет средств частного инвестора, который будет его реализовывать самостоятельно только в случае наличия коммерческой значимости и отсутствия правовых ограничений. В противном случае проект не сможет быть реализован.

2) *Определение социальной и экономической эффективности.* Вначале осуществляется проведение расчета социальной эффективности в соответствии с методикой определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самокупаемые инфраструктурные проекты. Далее осуществляется расчет экономической эффективности. Важно, чтобы социальная и экономическая эффективность рассчитывалась уполномоченными лицами для максимального снижения субъективного фактора. В зависимости от результатов полученной оценки будет зависеть возможность дальнейшей реализации проекта за счет средств ФНБ. В случае отсутствия необходимой социально-экономической эффективности принимается решение об отказе от проекта. При наличии положи-

тельной социально-экономической эффективности власти рекомендуется продолжить реализацию инфраструктурного проекта.

3) *Определение финансовой эффективности.* Данная эффективность определяется на основе системы финансовых показателей методики определения эффективности размещения средств ФНБ в финансовые активы юридических лиц, реализующих самокупаемые инфраструктурные проекты.

Отметим также, что оценка инфраструктурного проекта должна осуществляться с позиции коммерческой цели и интересов для каждого из участников его реализации (органа власти и юридического лица). Коммерческая эффективность означает также, что проект эффективен с позиции бюджетной эффективности. В случае отсутствия коммерческой эффективности определяется возможность предоставления дополнительной государственной поддержки (окончательное решение принимается Правительством РФ). Если при предоставлении государственной поддержки реализация инфраструктурного проекта позволит обеспечить необходимую бюджетную эффективность, то проект продолжает реализовываться (с учетом данных корректировок). В случае если государственная поддержка не может быть предоставлена либо в случае ее предоставления не сможет быть обеспечена необходимая бюджетная эффективность, то проект не подлежит дальнейшей реализации.

В заключение подчеркнем, что социально-экономические эффекты от реализованного инфраструктурного проекта в 3–5 раз могут превышать доходы, полученные непосредственно от его эксплуатации. В связи с этим подход к оценке эффективности инфраструктурных проектов должен отличаться от подходов, применяемых к инвестиционным проектам, где в основе лежит оценка коммерческой эффективности. В этой связи дальнейшей научной проработки требуют подходы, которые учитывают совокупную эффективность реализуемых инфраструктурных проектов.

Список литературы

1. Алаев А. Проектные облигации как ключевой механизм развития общественной инфраструктуры // Рынок ценных бумаг. – М., 2015.
2. Гулакова О.И. Теоретико-методологические основы измерения общественного эффекта инфраструктурных проектов // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2012. – Т. 12. – Вып. 4. – 157 с.
3. Инфраструктура России. Большому кораблю – большое плавание. Официальный сайт ОАО «Газпромбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprombank.ru>
4. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утверждены совместно Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Государственным комитетом РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике 21 июня 1999 г. № ВК 477). – М.: изд-во «Экономика», 2000.
5. Официальный сайт международной консалтинговой компании McKinsey&Company [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com>
6. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org>
7. Финансирование создания и модернизации инфраструктурных объектов транспорта и коммунального хозяйства / под ред. Жана-Ива Перро и Готье Шателю. – Изд-во Франц. нац. ин-та мостов и дорог, 2002. – 585 с.

Reference list

1. *Alaev A.* Project bonds as a key mechanism for the development of public infrastructure // Securities Market. M., 2015.
2. *Gulakova O.* Theoretical and methodological foundations of measuring the public effect of infrastructure projects // Bulletin of NSU. Series: Socio-Economic Sciences. 2012. Vol. 12. Number 4. 157 p.
3. Infrastructure of Russia. A great ship asks for deep waters. The official website of JSC "Gazprombank" [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.gazprombank.ru>
4. Methodical recommendations on efficiency evaluation of investment projects (Approved jointly by the Ministry of Economy, Ministry of Finance of the Russian Federation, State Committee of the Russian Federation on Building, Architectural and Housing Policy at 21st of June, 1999 № VK 477). M.: Publishing house "Ekonomika", 2000.
5. The official website of the International Consulting Company McKinsey&Company [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.mckinsey.com>
6. The official website of the World Bank [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.worldbank.org>
7. Funding for the Establishment and Modernization of Infrastructure Facilities of Transport and Public Utilities / Under the editorship of Jean – Yves Perrault and Gauthier Chatel. Publishing office of the French Institute of Bridges and Roads, 2002. 585 p.

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники РФ, заместитель руководителя научно-экспертного центра Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

АУДИТ ГОСПРОГРАММ: ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ

В статье раскрываются принципы аудита госпрограмм, учитывающие сложность и многопараметричность объектов контроля, корректность целеполагания и комплексность оценки их элементов. Выделяются общие и частные, учитывающие стандартизацию аудита госпрограмм, в том числе унификации интерфейсов, протоколов и форматов данных, интеграции распределенных информационных ресурсов.

Подчеркивается, что в силу существенных межстрановых различий в практике программного бюджетирования международных стандартов аудита госпрограмм в мире не разработано.

Ключевые слова: аудит, государственные программы, объекты контроля, принципы, процедура, цели

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Deputy Head of the Scientific-Expert Centre of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

THE AUDIT OF GOVERNMENT PROGRAMS: PRINCIPLES AND PROBLEMS

The article describes the principles of audit of government programs, taking into account the complexity and multi-parametric objects of checking operation, the correctness of goal-setting and the complexity of their elements assessment. The totals and privates, taking into account audit's standardization of government programs, including interfaces unification, protocols and data formats and integration of distributed information resources.

It is emphasized that due to significant cross-country differences in the practice of programs budgeting of audit's international standards of government programs is not developed throughout the world.

Keywords: audit, government programs, objects of checking operation, principles, procedure, goals

Для аудита государственные программы являются сложным объектом, поскольку:

- в госпрограммы могут входить федеральные целевые программы (ФЦП) [1], подпрограммы, ведомственные целевые программы [2], отдельные мероприятия;
- к содержанию госпрограмм предъявляется большое число требований, включая методические;
- госпрограммы предполагают многоэтапную и многоуровневую процедуру согласования и обсуждения;
- порядок с учетом полномочий всех участников разработки и реализации госпрограмм, финансового обеспечения, текущего управления реализацией, внешнего и внутреннего контроля включает большое число взаимосвязанных процессов [3];
- оценивание и анализ производится в нескольких сферах: сферы реализации госпрограмм (оценка и анализ характеристик итогов реализации государственной политики в сфере госпрограмм, выявление потенциала развития сферы на основе прогноза,

анализ существующих ограничений и сопоставление с состоянием аналогичной сферы у ведущих стран, анализ социальных, финансово-экономических и прочих рисков), сферы социально-экономического развития Российской Федерации, на которую влияет эффективность выполнения госпрограммы и сферы оценивания. При этом должны быть увязаны цели, задачи и показатели, а также этапы и сроки реализации госпрограмм.

В этой связи принципы аудита госпрограмм должны учитывать сложность и многопараметричность объектов контроля, корректность целеполагания в ходе аудита программ и комплексность оценки элементов программ.

В качестве важнейших принципов аудита госпрограмм выделяются общие принципы и частные (рис. 1).

Общий принцип целеполагания заключается в том, что поставленная цель (или система целей) аудита госпрограмм должна быть определена с позиций системного подхода логически правильно и коррек-

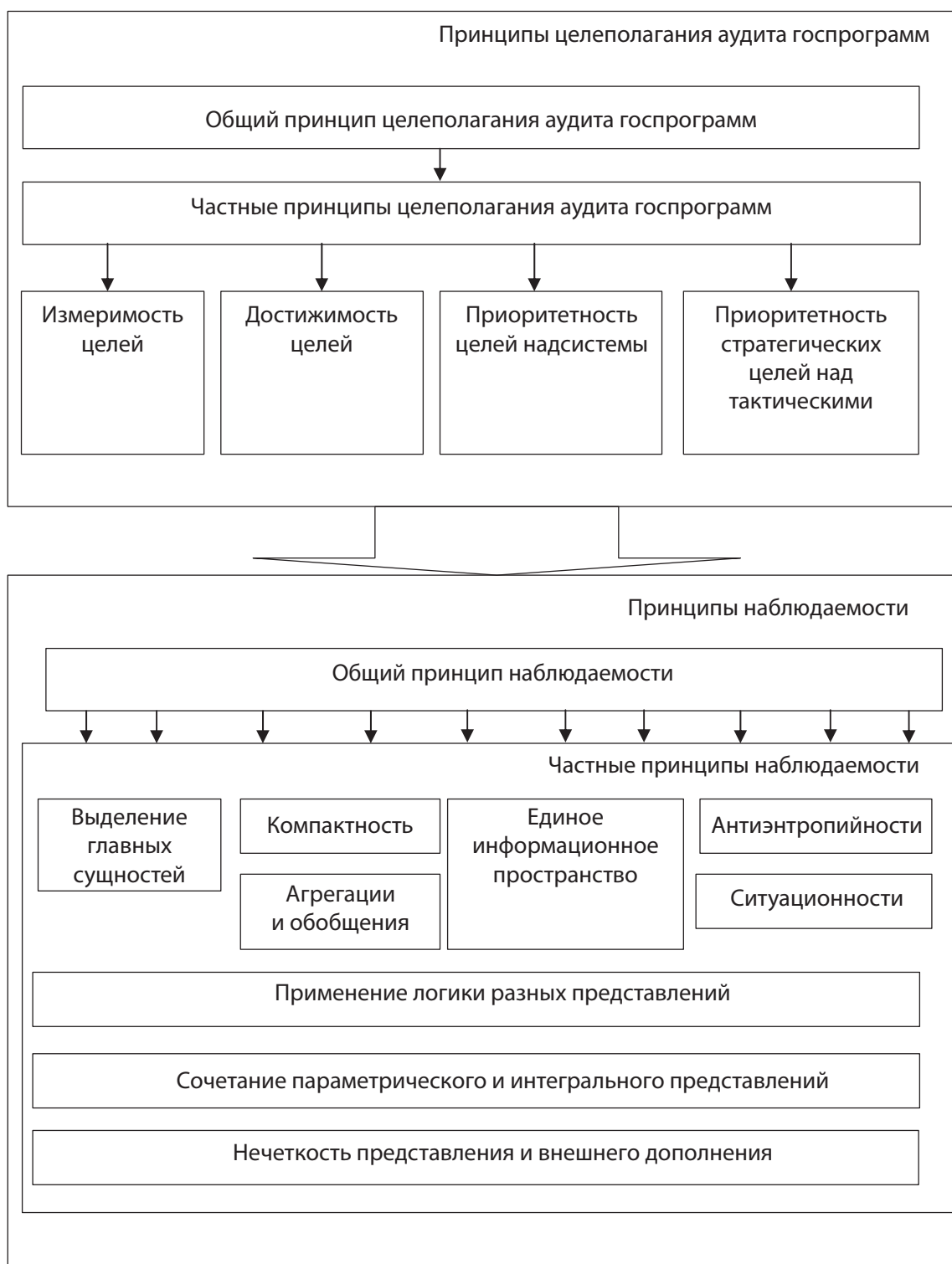

Рис. 1. Логика формирования и обоснования принципов аудита госпрограмм

тно. Правильность и корректность целеполагания определяется *степенью адекватности* поставленной цели – планируемому (ожидаемому в будущем) результату (целевому эффекту). При этом адекватность поставленной цели планируемому в будущем конечному результату определяется на этапе планирования априорно посредством установления между ними отношения *тождества*.

Под отношением тождества понимается любое отношение рефлексивности, в том числе отношения: равенства, эквивалентности, нестрогого порядка, нестрогого предпорядка и толерантности [4, с. 103].

Корректность поставленной цели достигается выполнением совокупности частных принципов целеполагания, к которым отнесем следующие принципы: измеримости цели, достижимости цели, при-

оритетности стратегических целей над тактическими, приоритетности целей надсистемы.

Принцип измеримости цели заключается в том, что поставленная цель должна быть измерима, т.е. предполагается наличие критериев и показателей, которые позволили бы определить, достигнута ли поставленная цель и в какой степени.

Если цель неизмерима, то невозможно или очень сложно оценить результаты проделанной работы и объективно контролировать процесс достижения цели.

Принцип достижимости цели заключается в том, что поставленная цель должна быть достижима (реализуема), т.е. предполагается наличие критериев и показателей, которые позволили бы определить, реализуема ли поставленная цель в заданные сроки с заданными ресурсами.

Принцип приоритетности стратегических целей над тактическими целями. Реализация тактических или локальных целей должна обеспечивать достижение более долгосрочной стратегической цели. В противном случае нарушается вся логика целеполагания, в основе которого лежит иерархический принцип формирования системы целей.

Принцип приоритетности надсистемных целей заключается в обеспечении приоритета внешних или надсистемных целей (целевых эффектов) по отношению к внутренним (системным) целям (эффектам).

В основе реализации принципа наблюдаемости лежит решение вопросов адекватного (или тождественного) наблюдения, в том числе: контроля, идентификации, распознавания, диагностики и комплексного анализа многопараметрических объектов или процессов реальной действительности.

Общий принцип наблюдаемости представляет собой целенаправленный процесс адекватного отображения объектов или процессов реальной действительности в образы.

Реализация общего принципа наблюдаемости достигается выполнением совокупности частных принципов наблюдаемости, к которым отнесем следующие принципы: выделения главных сущностей, компактности, единого информационного пространства, агрегации и обобщения, применения логики разных представлений, сочетания параметрического (индикативного) и интегрального представления, нечеткого представления и внешнего дополнения.

Принцип выделения главных сущностей заключается в необходимости выделения и анализа главных (принципиальных, наиболее существенных) информационно-логических сущностей исследуемого многопараметрического объекта или процесса, каковыми являются государственные программы, подпрограммы и мероприятия.

Реализация данного принципа предполагает фильтрацию и отсеивание избыточных с точки зрения принятия решений, детализированной и, следовательно, излишней информации, воспринимаемой человеком, с учетом его возможностей запоминания, как «информационный шум», который мешает выделить главное.

Принцип компактности – наиболее емкая по содержанию и минимальная по объему описания и представления информация о состоянии многопараметрического объекта или процесса.

Описание и представление информации для анализа должно содержать минимально необходимый объем данных о наиболее существенных свойствах и состоянии рассматриваемого объекта или процесса. Этот минимальный объем данных должен быть достаточным для информационно-аналитической поддержки принятия решений по оценке и идентификации состояния объекта или процесса.

Принцип единого информационного пространства заключается в едином информационно-логическом представлении разнородных и множественных (по количеству, по детальности описания) данных на одном информационном поле, воспринимаемом аналитиком или лицом, принимающим решения.

Реализация принципа позволяет человеку (аналитику, ЛПР) представлять сложные, многопараметрические объекты или процессы в виде некоторой модели единого информационного пространства, нормированные элементы и связи которого подчинены принципу единства и упорядоченного описания и представления. Такое представление единого информационного пространства позволяет человеку системно оценивать рассматриваемые сложные ситуации и принимать адекватные решения.

Принцип агрегации и обобщения заключается в определении уровня агрегации и обобщения, соответствующего уровню принятия решения. Чем выше уровень принятия решений в рассматриваемой предметной области, тем больше степень агрегации и обобщения информации, и наоборот – чем ниже уровень принятия решений, тем больше требуется детализации и получения конкретных данных.

Принцип применения логики разных представлений заключается с точки зрения системного подхода в необходимости рассмотрения многопараметрического объекта или процесса с разных сторон, т.е. с применением логики разных представлений. Например, системность проявления в многопараметрическом объекте или процессе различных отклонений требует для ее идентификации применения логики разных представлений, в том числе универсальных логик:

- причинно-следственных связей;
- пространственно-временных связей;

- классификационных (видо-родовых) связей;
- комбинированных связей.

Принцип ситуационности. При анализе сложных ситуаций не существует наилучшей или оптимальной оценки ситуации. Реальная обстановка в аномальных (критических, чрезвычайных) условиях характеризуется множеством неопределенных и нечетких факторов, многомерностью описания и представления, нечеткостью анализируемых ситуаций. Поэтому информационно-аналитическая поддержка принятия решений может считаться лучшей для эксперта-аналитика или лица, принимающего решения только в отношении поставленных конкретных целей на данный момент.

Реализация принципа характеризуется переходом от анализа текущих ситуаций, множество которых в общем случае для многопараметрического объекта или процесса бесконечно, к анализу классов ситуаций K_i , множество которых конечно, т.е. справедливо $|S_i| \gg |K_i|$

Принцип сочетания параметрического (индикативного) и интегрального представления определяет необходимость сочетания параметрического и интегрального представления для оперативной оценки и анализа аномальных текущих значений параметров (индикаторов, показателей, сигналов) многопараметрического объекта или процесса. Многомерность, динамичность, нечеткость, неопределенность и неполнота описания и представления состояний сложного многопараметрического объекта или процесса не позволяет проводить детальный количественный анализ в полном объеме в условиях жестких временных ограничений. Для таких сложных ситуаций представляется единственным выходом проводить анализ по индикативным (ключевым, реперным) точкам состояния объекта или процесса, фокусируя, таким образом, внимание на аномальных значениях параметров с последующим анализом стратегии и тенденций поведения (функционирования, развития, деградации) многопараметрического объекта или процесса.

Принцип антиэнтропийности. Проведение комплексного анализа состояний объектов или процессов всегда направлено на уменьшение неопределенности в знаниях о возникновении и развитии критических (аномальных) ситуаций, а также в знаниях по учету возможных последствий развития и завершения для наблюдаемого объекта (процесса) и окружающей природной среды.

Принцип нечеткого представления и внешнего дополнения. Проведение комплексного анализа сложных, нечетких ситуаций должно быть максимально ориентировано на использование нечетких расплывчатых понятий (утверждений, инструкций, правил, моделей классификаций), которые несут зна-

чительную информацию об объекте или процессе. Применение четких формализованных описаний и представлений в этих условиях резко ограничивает возможности анализа, что не всегда дает положительные результаты.

Проведение анализа сложных ситуаций формальными методами возможно лишь приближенно, поэтому необходим содержательный комплексный анализ таких ситуаций с помощью дополнительных (внешних) неформально подготавливаемых решений экспертами-аналитиками с оценкой возможных рисков и последствий.

Таким образом, представленные выше принципы систематизации анализа многопараметрических объектов или процессов имеют обобщенный концептуальный характер. Поэтому при рассмотрении конкретной предметной области (программы, подпрограммы, мероприятия, события) и использовании тех или иных методов анализа их состояния эти принципы должны уточняться и корректироваться. При этом представляется целесообразным для каждой конкретной предметной области с учетом ее специфики выделить как основных (базовых), так и дополнительных (второстепенных) принципы.

Кроме вышеперечисленных принципов, можно выделить следующие универсальные принципы.

Принцип независимости. Аудит госпрограмм осуществляется высшими органами финансового контроля в рамках действующего мандата и с учетом сохранения их независимости.

Принцип объективности и беспристрастности. Контрольная деятельность аудиторов должна осуществляться при соблюдении принципов объективности и беспристрастности, не ставя под угрозу принцип независимости.

Профессионализм. Аудиторы высшего органа финансового контроля должны иметь профессиональные знания и опыт в политических и методологических вопросах, касающихся государственных программ Российской Федерации. Важной задачей является непрерывное повышение знаний и уровня подготовленности аудиторов в их деятельности.

Открытость и публичность. Высшие органы финансового контроля должны содействовать открытости и прозрачности деятельности, связанной с аудитом госпрограмм. Высшие органы финансового контроля должны оценивать степень соответствия проводимой правительством политики в отношении доступности сведений по госпрограммам общим принципам обнародования статистической информации.

Принцип активности аудита госпрограмм, который предполагает установление, классификацию и персонификацию причин отклонений от целей и показателей госпрограмм, своевременную выработку предложений и проверку результативности принятых мер.

Принцип системности аудита госпрограмм предполагает оценивание целесообразности, эффективности исполнения, ресурсоемкости, ресурсообеспеченности, реализуемости, экономичности, продуктивности, результативности и последствий госпрограмм.

Принцип стандартизации аудита госпрограмм, в том числе унификации интерфейсов, прото-

колов и форматов данных, интеграции распределенных информационных ресурсов.

В силу существенных межстрановых различий в практике программного бюджетирования международных стандартов аудита госпрограмм, в том числе в рамках Международной организации высших органов финансового контроля [5], в мире не разработано.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.06.1995 № 594 «О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд. Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация».
2. Постановление Правительства РФ от 19.04.2005 № 239 «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ».
3. Приказ Минэкономразвития России от 19.11.2013 № 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».
4. *Омельченко В.В.* Основы цветокодирования. Часть 1. Методологические аспекты цветокодирования информации. – М.: НИИ СП, 2013.
5. INTOSAI – The International Organisation of Supreme Audit Institutions – Международная организация высших органов финансового контроля.

Reference list

1. The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 26.06.1995 № 594 "On the implementation of the Federal Law "On deliveries of products for Federal state needs. The procedure for the development and implementation of Federal target programs and interstate target programs, the Russian Federation is a party of their implementation."
2. The Resolution of the Government the Russian Federation dated 19.04.2005 № 239 "On approval of Regulations on development, approval and realization of departmental target programs".
3. The Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 19.11.2013 № 690 "On approval of methodical instructions for the development and implementation of government programs of the Russian Federation".
4. *Omel'chenko V.* The basics of chroma-coding. Part 1. Methodological aspects of chroma-coding information. M.: Research Institute of Accounts Chamber, 2013.
5. INTOSAI – The International Organisation of Supreme Audit Institutions – the acronym for Mezhdunarodnaya Organizatsiya Vysshikh Organov Finansovogo Kontrolya.

Гендон А.Л.,

кандидат технических наук, доцент кафедры анализа хозяйственной деятельности
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМПАНИЯХ ГОРНО-ХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

В статье проанализирован опыт стратегического управления крупнейших горно-химических компаний, поскольку происходящие существенные изменения на мировых и национальных товарно-сырьевых рынках, основные тенденции современного развития промышленности и мирового хозяйства в целом, такие как глобализация, консолидация отраслей, укрупнение и интеграция предприятий, усиление конкуренции, создают беспрецедентные вызовы и возможности развития промышленного сектора и горно-химического комплекса в частности. Представлены особенности стратегического управления и ключевые аспекты стратегий крупнейших горно-химических компаний России. Приведена сравнительная характеристика компаний, обоснована необходимость повышения эффективности стратегического управления горно-химических компаний России. В этой связи новые условия хозяйствования влекут за собой необходимость поиска и обоснования новых вариантов стратегического конкурентного поведения, а также стратегического планирования конкурентных преимуществ для их развития и удержания.

Ключевые слова: горно-химический комплекс, минеральные удобрения, стратегическое управление

Gendon A.,

PhD in Engineering Sciences, Associate Professor of Chair of Analysis of Economic Activity of the Plekhanov
Russian University of Economics

EXPERIENCE IN THE USE OF STRATEGIC MANAGEMENT IN COMPANIES OF THE MINING-CHEMICAL COMPLEX OF RUSSIA

The article is analyzed the experience of strategic management of the largest mining-chemical companies, because the occurring significant changes at the worldwide and home commodity markets, key tendencies of recent development of industry and worldwide economy as a whole, such as globalization, consolidation of sectors, the amalgamation and integration of enterprises, increasing competition, all these are created unprecedented challenges and development opportunities for industrial sector and mining-chemical complex, specifically. There are provided the features of strategic management and crucial aspects of the strategies of the largest mining-chemical companies of Russia. In this article there is mentioned comparative description of companies and it has been substantiated the need of efficiency improvement of strategic management of the mining-chemical companies of Russia. In this regard, new conditions of economic entities are caused the need for search and grounds for new options of strategic competitive behavior, as well as strategic planning of competitive advantages for their development and keeping.

Keywords: mining-chemical complex, mineral fertilizers, strategic management

Введение

Одним из ключевых факторов устойчивого и гармоничного развития любой экономики является состояние сельскохозяйственного сектора. Огромную роль в развитии данного сектора играет производство и потребление минеральных удобрений [5]. Поэтому обеспечение эффективной деятельности, повышение инвестиционной привлекательности и формирование долгосрочных перспектив развития предприятий горно-химического ком-

плекса является на настоящий момент крайне актуальной задачей.

Добиться эффективных результатов не только в текущей деятельности, но и в долгосрочной позволяет разработка научно обоснованной и современной стратегии. Однако в научном плане развитие методов стратегического управления не успевает за изменениями тенденций внешнего окружения компаний, что приводит к неэффективному управлению. Для выявления слабых мест в системе стратегическо-

го управления компаниями необходимо проанализировать этапы ее развития и становления.

В научной литературе в основном характеризуются четыре этапа эволюции стратегического управления: бюджетирование, долгосрочное планирование, стратегическое планирование и стратегическое управление (стратегический менеджмент) [3]. Краткое описание каждого этапа представлено таблице 1.

Один из основоположников стратегического управления И. Ансофф определяет его как систему, состоящую из двух взаимосвязанных элементов: анализа и выбора стратегического положения и оперативного управления в реальном масштабе времени [1].

Несколько отлично происходила эволюция управления в России. В дореволюционный период со стороны государства исходило планирование экономического развития на основе бюджетов, а предприятия планировали свою деятельность на основе простейшего статистического анализа.

Во времена Советского Союза, когда как раз и начинается деятельность основных горно-химических предприятий, осуществлялось директивное планирование всех экономических аспектов развития народно-хозяйственного комплекса на государственном уровне. Соответственно, на самих предприятиях наблюдалось отсутствие самостоятельности в формировании и реализации планов. Основными инструментами при этом являлись составление межотраслевого баланса и экстраполяция.

Затем, после распада Советского Союза и появления рыночной среды, компании столкнулись с необходимостью эффективного планирования своей деятельности для достижения конкурентных преимуществ, что и послужило толчком к развитию практики стратегического управления на предприятиях, в том числе и горно-химического комплекса. На настоящий момент на уровне промышленных предприятий довольно часто применяются современные инструменты стратегического управления, например такие, как SWOT-анализ, PEST-анализ, построение стратегических матриц, экспертные методы и др. [2].

Необходимо отметить, что ввиду особенностей развития рыночных отношений первыми горно-химическими компаниями, уделявшими особое внимание стратегическому управлению, стали зарубежные компании, особенно американские. Это связано, в первую очередь, с эффективным развитием практики стратегического управления.

Крупнейшая горно-химическая канадская компания Potash Corp. – одна из первых горно-химических компаний, уделявших значительное внимание стратегическому управлению. На настоящий момент компания формирует свою стратегию исходя из целей, обусловленных миссией. При этом отличительной особенностью стратегического управления данной компанией является построение так называемой матрицы приоритетов, выделяющей основные направления развития в рамках данной стратегии [10].

Таблица 1

Эволюция концепций стратегического менеджмента

Этап развития	Характеристика
Бюджетирование	(До второй мировой войны) На предприятиях отсутствуют как таковые специальные подразделения планирования. Высшие руководители корпораций составляют планы развития бизнеса и составляют ежегодно финансовые сметы с указанием статей расходов на разные цели, как по каждой из крупных производственно-хозяйственных единиц, так и по мелким структурным единицам в рамках корпорации. Отличительная особенность – краткосрочный характер решений и их внутренняя направленность.
Долгосрочное планирование	(1950-е – начало 1960-х гг.) В результате высоких темпов развития рыночных отношений и высокой предсказуемости основных тенденций развития экономики расширяется горизонт планирования и составляется прогноз продаж фирмы на несколько лет вперед. Основной планируемый показатель – объем сбыта – прогнозировался на основе экстраполяции показателей за предыдущие периоды (метод «планирование от достигнутого») [3]. На основании этого показателя составлялись планы по производству продукции, снабжению, маркетингу и т.д. Затем все эти планы объединялись в единый план корпорации.
Стратегическое планирование	(конец 1960-х гг.) Основа – планирование деятельности организации в соответствии с анализом внутренних возможностей компании, а также сопоставление их с состоянием внешнего окружения. Основная цель – улучшение реакции предприятия на изменения конъюнктуры рынка. На этом этапе утверждается вывод о некорректности прогноза на основе экстраполяции.
Стратегическое управление (стратегический менеджмент)	(около 1990-х гг.) Совокупность не только долгосрочных стратегических решений, но и конкретных мероприятий, обеспечивающих быстрое реагирование компании на изменения окружающей обстановки, предусматривающая корректировку плана в случае необходимости [3].

Еще одной из отличительных черт стратегического управления Potash Corp. является то, что стратегия компании может подвергнуться корректировке в случае существенных изменений во внешней среде [10], что отличает компанию от российских производителей. На настоящий момент в условиях динамичных рынков гибкость стратегии является важным конкурентным преимуществом, позволяющим компании быстро реагировать на изменения во внешней среде. Компания использует современные инструмен-

ты стратегического анализа, такие как SWOT-анализ, PEST-анализ, анализ рисков и т.д.

На настоящий момент стратегическое управление играет огромную роль в деятельности горно-химических компаний России, хотя не все компании придерживаются принципа прозрачности, что затрудняет проведение анализа аспектов стратегического управления. На основании отчетности были проанализированы подходы к стратегическому управлению горно-химических компаний «Уралкалий», «ЕвроХим» и «ФосАгро» (таблица 2) [6, 8, 9].

Таблица 2

Сравнительная характеристика крупнейших горно-химических компаний по ключевым аспектам стратегического управления

Характеристика	«Уралкалий»	«ФосАгро»	«ЕвроХим»
Миссия	«Мы производим калийные удобрения, чтобы обеспечивать людей во всем мире продуктами питания. Мы эффективно и ответственно разрабатываем уникальные калийные месторождения, чтобы обеспечить рост компании, благополучие работников и общества»	Информация не найдена	«Активно участвовать в развитии мирового сельского хозяйства. Способствовать обеспечению потребностей растущего населения планеты в продуктах питания, кормах, продукции текстильной промышленности и топливе»
Ключевая цель компаний	Обеспечение долгосрочного роста своей акционерной стоимости за счет поддержания лидерских позиций на мировом рынке и построения своей стратегии на максимизацию прибыли	Обеспечение устойчивого роста компании	Войти в пятерку крупнейших мировых производителей удобрений по объему производства, продаж и прибыли
Анализ рисков	Исследуются риски по каждому стратегическому ориентиру. Составляется карта рисков, определяется степень опасности, выявляются способы минимизации	Внедрена система управления рисками, в рамках которой представлены риски, описание рисков, меры по их минимизации и возможности изменения рисков	Приоритизация рисков и последующие действия осуществляются на основе оценки рисков в соответствии со степенью их вероятности и уровнем возможного воздействия. Меры реагирования на риски могут варьироваться от их исключения или переноса до снижения или принятия.
Стратегические ориентиры	Укрепление лидерских позиций в отрасли. Акцент на взаимодействии с конечными потребителями. Сохранение позиций лидера по себестоимости продукции. Сбалансированный подход к инвестициям в расширение производства. Забота о людях, местных сообществах, безопасности и экологии. Приверженность лучшим практикам корпоративного управления	Гибкость производства и продаж. Органичный рост. Повышение операционной эффективности. Консолидация	Лидирующие позиции по себестоимости. Широкий ассортимент продукции с высокой добавленной стоимостью. Близость к потребителям
Оценка эффективности	Внедрение системы ключевых показателей эффективности, разрабатываемых в зависимости от стратегических и тактических целей компании, что позволяет оценить стратегическую эффективность определенной компании в конкретных условиях.		

Первой российской компанией, уделившей значительное внимание стратегическому управлению и детальной отчетности, стала калийная компания «Уралкалий». Это связано с тем, что ее основной конкурент – Potash Corp, и для поддержания конкурентоспособности компании было необходимо соответствовать мировым тенденциям.

Одной из особенностей стратегического управления компании «Уралкалий» является проведение стратегических сессий в рамках работы Совета директоров. Такая сессия проводилась в компании два раза. Интересным моментом является то, что сессия проводится в г. Березники, т.е. в непосредственной близости к месту нахождения основных производственных объектов и головного офиса компании, что позволяет непосредственно контактировать с менеджментом и сотрудниками. В ходе подобных стратегических сессий члены Совета директоров обсуждают долгосрочную стратегию компании, а также ряд функциональных стратегий, в частности в областях информационных технологий и социальной ответственности, техническую и производственную стратегии. Эффективность подобных мероприятий подтверждена, в рамках стратегического развития компании предусматривается ежегодное проведение подобных сессий [9].

Компания, так же как и ее главный конкурент, формирует свою стратегию исходя из миссии и основной цели. При этом формируются стратегические ориентиры, в рамках каждого из которых детально исследуется видение, основные приоритеты и риски; исследуются основные заинтересованные стороны.

Тем не менее, несмотря на качественный подход к стратегическому управлению, в холдинге наблюдаются некоторые слабые стороны. В отличие от своего канадского конкурента, компании пока не удается достичь гибкости стратегии, что может привести

к стратегическим ошибкам. Одной из таких ошибок стал в 2013 г. отказ от сотрудничества с компанией «Беларускалий» и резкая смена текущей стратегии на стратегию «объем превыше цены». Это привело не только к потере компанией существенной доли прибыли (рис. 1), но и к дестабилизации всего рынка калийных удобрений.

Примеру калийных компаний последовали и прочие горно-химические производители. Горно-химическая компания «ЕвроХим» активно использует такой инструмент как SWOT-анализ, анализируя деятельность по трем сегментам – азотному, фосфорному и калийному. Основную роль в стратегическом управлении «ЕвроХим» возложил на Совет директоров, который должен обеспечить выработку и реализацию единой четкой стратегии своего развития, а также увеличение ее стоимости в долгосрочной перспективе. Совет директоров компании, руководствуясь передовыми международными стандартами и опытом, осуществляет мониторинг применяемых методов бухгалтерского и экономического учета, инструментов управления рисками, механизмов внутреннего контроля, реализации стратегии устойчивого развития и корпоративного управления. Успешное выполнение этих задач требует от Совета директоров высокого уровня профессионализма и подготовленности и напрямую зависит от оптимального сочетания опыта и квалификации его членов. Совет компании выстраивает эффективное взаимодействие с менеджментом и поддерживает свою информированность о состоянии дел в компании, постоянно наблюдая за тем, как реализуется стратегия и насколько она учитывает сопутствующие риски. Деятельность Совета директоров строится таким образом, чтобы каждый его член имел возможность выразить свою точку зрения в ходе принятия решений. В сферу ответственности Совета входит рассмотрение стратегий для всех

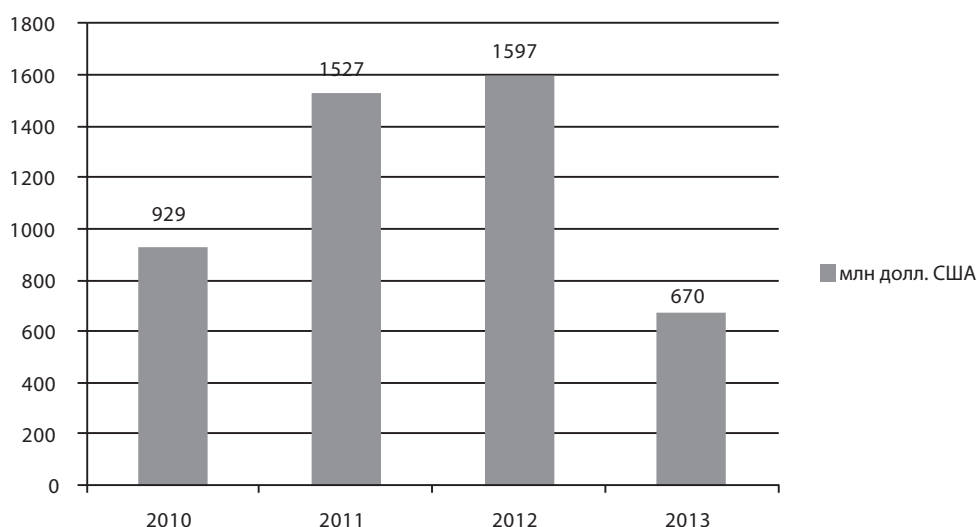

Рисунок 1. Динамика чистой прибыли компании «Уралкалий» (следствие стратегической ошибки) [9, 7]

дивизионов и сегментов, крупномасштабных проектов, сделок по приобретению активов и прочих стратегических инициатив руководства. По приглашению Совета на его заседаниях регулярно присутствуют генеральный директор, директор по финансам и экономике, а также руководитель отдела стратегического планирования и инвестиций, что позволяет грамотно структурировать элементы стратегии и механизма ее реализации [6].

Компания «ФосАгро» придерживается стратегии устойчивого роста. В рамках стратегии также формируются стратегические ориентиры, по каждому из которых исследуются уже достигнутые результаты, стратегические планы на будущее и сопутствующие риски.

Большинство горно-химических компаний России также стремятся соответствовать самым строгим стандартам качества и эффективно решать стратегические задачи, для чего разрабатывают перечень ключевых показателей эффективности, благодаря которым в масштабах всего холдинга можно оценивать выполнение планов и принимать взвешенные решения о размере вознаграждения для высшего руководства. В этот перечень входят финансовые и нефинансовые показатели, анализ которых позволит продвигаться в повышении эффективности деятельности и претворении в жизнь принципов устойчивого развития [11, с. 60–66].

Общими для компаний «Уралкалий», «ЕвроХим» и «ФосАгро» являются такие показатели эффективности, как выручка, EBITDA, рентабельность по EBITDA, отношение чистого долга к EBITDA, величина капиталовложений как в расширение существующих проектов, так и в строительство новых [6, 8, 9].

Однако при этом каждая компания имеет свои специфические показатели оценки эффективности стратегического управления в зависимости от собственных стратегических ориентиров и интересов стейкхолдеров. Например, «Уралкалий» включил в свою систему такие показатели, как достигнутая производственная мощность, средняя экспортная цена, рентабельность продаж, себестоимость реализованной продукции и т.д. Компания «ЕвроХим» дифференцирует показатели: в системе ключевых показателей эффективности отдельно отражается величина общих капитальных вложений и инвестиций в калийные проекты.

Помимо перечисленных показателей, каждая из горно-химических компаний ввиду особого внимания аспекту корпоративно-социальной ответственности отражает соответствующие показатели. В част-

ности, средний уровень заработной платы сотрудников, текучесть кадров, величина социальных инвестиций, коэффициент несчастных случаев на производстве и т.д.

При этом одной из проблем стратегического управления является как раз то, что выбор ключевых показателей эффективности осуществляет непосредственно руководство компании, т.е. выбор в значительной мере субъективен. Компания может выбрать показатели, которые не в полной мере отражают цели предприятия или эффективность его деятельности, или же выбрать те показатели, по которым предприятие преуспело, и скрыть те стороны своей деятельности, которые были неэффективны. Это касается, например, компании «Уралкалий», которая в какой-то момент убрала из системы ключевых показателей эффективности такой показатель, как чистая прибыль, когда в 2013 г. она снизилась на 58% по сравнению с 2012 г. [4, 9].

По результатам исследования можно сформулировать следующие основные проблемы современного стратегического управления в отраслях горно-химического комплекса:

- номинальный, часто декларативный характер многих стратегических ориентиров, которые не подкреплены частными нормативно-правовыми актами и конкретными источниками финансирования;
- низкая степень мониторинга реализации стратегии;
- попытка использования зарубежного инструментария стратегического анализа, разработки и реализации стратегии без учета специфики российского рынка;
- несогласованность стратегий компаний со стратегиями региона или государства;
- дефицит математического инструментария моделирования стратегий [12];
- недостаточно обоснованная и проработанная система оценки эффективности стратегического управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то что горно-химические компании России стремятся обеспечить высокоэффективное стратегическое управление, существуют некоторые проблемы, которые необходимо решить. Это касается как повышения эффективности стратегического управления самих компаний, так и стратегического управления развития отрасли со стороны государства. Именно совокупное эффективное выполнение функций стратегического управления позволит обеспечить развитие горно-химического комплекса России.

Список литературы

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
2. Ларионова А.С. История и инструментарий стратегического планирования в России // Теория управления. – 2011. – № 10.
3. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: курс лекций. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 1999. – 288 с.
4. Официальный сайт «Международной ассоциации производителей удобрений» (IFA: International Fertilizers Industry Association) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fertilizer.org/>
5. Официальный сайт исследовательской компании «Abercade» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abercade.ru/research/analysis/>
6. Официальный сайт компании «ЕвроХим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurochem.ru/>
7. Официальный сайт консалтинговой группы FMB (Fertilizer Market Bulletin) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fertilizer-market.kiev.ua/>.
8. Официальный сайт ОАО «ФосАгро» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phosagro.ru/>
9. Официальный сайт объединенной компании «Уралкалий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uralkali.com/>
10. Официальный сайт компании Potash Corporation of Saskatchewan Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.potashcorp.com/>
11. Гендон А.Л. Основные направления стратегического конкурентного развития мировых горно-химических холдингов // Международная экономика. – 2015. – № 1.
12. Скоромник В. Проблемы организации стратегического управления в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.neweconomic.ru/pbl/mf2.html>

Reference list

1. Ansoff I. Strategic Management. M.: Economics, 1989. 519 p.
2. Larionova A. The history and the tools of strategic planning in Russia // Management Theory. 2011. № 10.
3. Markova V., Kuznetsova S. Strategic management: Lecture course. M.: INFRA-M; Novosibirsk: Siberian agreement, 1999. 288 p.
4. The official website of "International Fertilizers Industry Association" (IFA: International Fertilizers Industry Association) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.fertilizer.org/>
5. The official website of the "Abercade" Research Firm [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.abercade.ru/research/analysis/>
6. The official website of the "EuroChem" Company [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.eurochem.ru/>
7. The official website of the FMB Consulting Group (Fertilizer Market Bulletin) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.fertilizer-market.kiev.ua/>.
8. The official website of OJSC "PhosAgro" [Electronic resource]. – Access mode: <http://phosagro.ru/>
9. The official website of the Incorporated Company "Uralkali" [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.uralkali.com/>
10. The official website of the Potash Corporation Company of Saskatchewan Inc. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.potashcorp.com/>
11. Gendon A. The key directions of strategic competitive development of worldwide mining – chemical holding companies // International Economics. – 2015. – № 1.
12. Skoromnik V. Issues of organization of strategic management in Russia. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.neweconomic.ru/pbl/mf2.html>

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории» Белорусского национального технического университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА КАК ФАКТОРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Статья посвящена теоретическим аспектам инновационной деятельности вуза как фактора конкурентоспособности. Актуальность темы статьи заключается в том, что сегодня инновационная деятельность является одним из наиболее динамичных и перспективных направлений как в национальной, так и в мировой экономике. Поэтому в статье представлен систематизированный опыт раскрытия теоретических аспектов инновационной деятельности вуза как фактора конкурентоспособности. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что возрастание роли управления инновационной деятельностью в вузе сегодня не просто является самостоятельной научной дисциплиной, но и представляет собой предпосылку, фактор, условие для перехода к устойчивому инновационному социально-экономическому развитию общества.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, конкурентоспособность вуза, инновации в высшем образовании

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian Technical University

THE THEORETICAL ASPECTS OF INNOVATION ACTIVITY OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS

The article is devoted to the theoretical aspects of innovation activity of a higher education institution as a factor of competitiveness. Timelines of the topic of the article is that today innovation activity is one of the most dynamic and promising directions both in national and in the global economy. Therefore, the paper takes systematized experience of disclosure of the theoretical aspects of innovation activity of a higher education institution as a factor of competitiveness. On the basis of the performed analysis the article author concludes that the increasing role of innovation activity management in a higher education institution is not just an independent science discipline today, but it is represented a precondition, factor, the condition for transition to sustainable innovative social-economical societal development.

Keywords: innovations, innovation activity, competitiveness of higher education institution, innovations in higher education

В настоящее время инновационная деятельность высшего учебного заведения рассматривается как главное условие модернизации образовательного процесса, систематического обновления материально-технического потенциала и является основным фактором повышения конкурентоспособности вуза и экономики страны в целом. Инновационная деятельность в высшем образовании получает статус основного вида деятельности, наравне с образовательной и научной, являясь необходимым условием стратегического развития вуза. Для повышения конкурентоспособности российской экономики необходимо развитие процессов интеграции науки, образования и производства, а также вовлечение результатов инновационной деятельности в хозяйственный оборот [1; 2; 3; 4, с. 85–93].

До сих пор в экономической литературе не имеется общепринятой терминологии в области ин-

новационной деятельности. В связи с этим для раскрытия понятия инновационной деятельности в высшем образовании необходимо отметить, что в зависимости от целей и предметов исследования инновации могут рассматриваться по-разному.

Согласно международным стандартам, в соответствии с Руководством Осло (рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям), которое было принято Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), инновацией является введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связей [5, с. 55].

Межгосударственный стандарт (государственный стандарт СНГ) ГОСТ 31279-2004 «Инновационная

деятельность. Термины и определения», введенный 07 декабря 2004 г. Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации [6], определяет инновации как новые или усовершенствованные технологии, виды продукции или услуг, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или иного характера, способствующие продвижению технологий, товарной продукции и услуг на рынок. Инновация является конечным результатом деятельности по реализации нового или усовершенствования реализуемого на рынке продукта, технологического процесса и организационно-технических мероприятий, используемых в практической деятельности.

Межгосударственные договоры Российской Федерации не содержат трактовку терминов «инновация» и «инновационная деятельность», хотя сами термины и встречаются в текстах договоров (например, в Меморандуме о взаимопонимании между Министерством промышленности, науки и технологий Российской Федерации и Министерством науки и техники Китайской Народной Республики по сотрудничеству в области инновационной деятельности, подписанном 03 ноября 2000 г. в г. Пекине [7] или Меморандуме о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством торговли Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в области технологий и инноваций, подписанном 19 апреля 2004 г. в г. Вашингтоне [8]).

В настоящее время законодательство Российской Федерации не содержит всеобъемлющего нормативно-правового акта уровня Федерального Закона либо Указа Президента РФ по вопросам инновационной деятельности. Лишь один законодательный акт Российской Федерации федерального уровня включает в себя определения терминов «инновация» и «инновационная деятельность» (ч. 9 и 12 ст. 2 ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [9]): инновации – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

В соответствии с подпунктом е п. 1 ст. 72 Конституции РФ [10] общие вопросы образования и науки находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. При этом решение вопросов организации и осуществления региональных инновационных программ и проектов отнесено к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляемым ими самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (подпункт 53 п. 2 ст. 26.3 ФЗ от 06.10.1999 «Об общих принципах орга-

низации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11]).

В этой связи определения термина «инновация» содержатся в ряде нормативно-правовых актов России, при этом предложенные определения ограничены территорией соответствующего субъекта (в настоящее время специальные законы имеют около 60 субъектов Российской Федерации [12, с. 119–122; 13, с. 81–87]). Инновация, например, трактуется как результат научного, интеллектуального труда, получившего воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта (товара, работ, услуг), технологического процесса, обладающего коммерческим потенциалом (п. 1 ст. 2 Закона Республики Ингушетия от 07 декабря 2010 г. № 58-РЗ «Об инновационной деятельности Республики Ингушетия» [14]).

Учеными-экономистами под инновацией подразумевается объект, внедренный в производство в результате проведенного научного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога [15].

Под инновацией также понимается итоговый результат инновационной деятельности, воплотившийся в виде нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги), технологического процесса, внедренного на рынок и используемого в практической деятельности. Однако инновация – это не только результат творческого труда, инновация – это результат особого интеллектуального творческого труда, который изначально нацелен на получение продукта, обладающего свойством товара с необычными функциями. Анализ различных определений инновации позволяет сделать вывод, что специфическое содержание инновации есть изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения [2, с. 18].

Следовательно, под *инновацией в высшем образовании* можно понимать конечный результат научно-исследовательской и практической деятельности, отличающийся от предшествующих аналогов, реализованный в виде нового или усовершенствованного продукта (товара или услуги) или усовершенствованных образовательного и технологического процессов, созданный с целью получения научно-технического, экономического, управленческого или другого вида эффекта как фактора конкурентоспособности вуза. Иначе говоря, любое усовершенствование в организационной, финансовой, научно-исследовательской, производственной и других сферах, обеспечивающих экономию затрат и повышение конкурентоспособности вуза, называют инновацией в высшем образовании.

Международное сообщество считает, что к инновационной деятельности относятся все научные,

технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью. Некоторые виды инновационной деятельности являются инновационными сами по себе, другие не обладают этим свойством, но тоже необходимы для осуществления инноваций. Инновационная деятельность включает также исследования и разработки, не связанные напрямую с подготовкой какой-либо конкретной инновации [5, с. 56].

Модельный закон «Об инновационной деятельности», принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 16 ноября 2006 г. [16], определяет инновационную деятельность как деятельность, обеспечивающую создание и реализацию (введение в гражданский оборот) новаций (новшеств) и получение на их основе практического результата (нововведения) в виде новой продукции (товара, услуги), нового способа производства (технологии), а также реализованных на практике решений (мер) организационного, производственно-технического, социально-экономического и другого характера, оказывающих позитивное влияние на сферу производства, общественные отношения и сферу управления обществом.

Вышеупомянутый межгосударственный стандарт ГОСТ 31279-2004 [6] под инновационной деятельностью понимает деятельность, обеспечивающую создание и реализацию инноваций, т.е. процесс создания инноваций, включающий в себя прикладные исследования, подготовку и пуск производства, а также деятельность, обеспечивающую создание инноваций, – научно-технические услуги, маркетинговые исследования, подготовку и переподготовку кадров, организационную и финансовую деятельность.

В соответствии с ч. 12 ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [9] инновационная деятельность – это деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности.

Определение понятия «инновационная деятельность» содержат и документы, не имеющие нормативно-правового характера. Так, Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г., утвержденные Правительством РФ 05 августа 2005 г. № 2473п-П7 [17], на которые ссылается Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г., утвержденная протоколом Межведомственной комиссии по научно-инновационной политике от 13 февраля 2006 г. № 1 [18],

под инновационной деятельностью понимают выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на:

- создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг);
- создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования;
- применение структурных, финансово-экономических, кадровых, информационных и иных инноваций (нововведений) при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), обеспечивающих экономию затрат или создающих условия для такой экономики.

В экономической науке под инновационной деятельностью понимается деятельность по доведению научно-технических идей, разработок и изобретений до результата, пригодного для практического использования. Инновационная деятельность полностью включает в себя все виды научной деятельности, проектно-конструкторские, технологические, опытные разработки, а также деятельность по внедрению новшеств в производство и реализацию их потребителям. Это означает, что она является не однократным актом внедрения какой-либо инновации, а целенаправленной системой мероприятий по разработке, внедрению, производству и реализации [19; 20]. Под инновационной деятельностью также понимается вид активности, связанный с трансформацией идей в новый или усовершенствованный продукт, внедренный на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, использованный в практической деятельности [2, с. 18–19].

Поэтому *инновационная деятельность в высшем образовании* – это вид активности (работа) по реализации инновационного процесса в сфере высшего образования.

В свою очередь, *инновационный процесс в сфере высшего образования* – это процесс преобразования нового научного знания в нововведение в системе высшего образования, который можно представить как последовательную цепь событий: «НИОКР – учебные программы и планы, образовательные технологии – подготовка специалиста».

Цель инновационной деятельности вуза заключается в создании необходимых условий для коммерциализации знаний в научной и образовательной сферах. В отличие от внедрения, коммерциализация технологий основана на получении коммерческой выгоды всеми участниками инновационного процесса – исследователями, производителями, инвесторами. При этом наука, производство и рынок оказываются связанными взаимовыгодными отношениями. Благодаря этим связям научные работники начинают ориентироваться на рынок, не только заниматься

фундаментальной наукой, но и осуществлять исследования и иную деятельность, востребованную рынком в рамках инновационного процесса. Так как инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, организационных, финансовых, технологических и коммерческих мероприятий, именно в этой совокупности, приводящей к инновациям, ее правомерно рассматривать [2, с. 19–20].

Инновационная деятельность вуза направлена на решение следующих задач:

- создание, реализация и фиксирование результатов новых знаний на каждом этапе научной деятельности;
- разработка и внедрение новых методов обучения, основанных на сочетании инноваций и традиционных образовательных программ;
- поиск новых источников финансирования и привлечение инвестиций в вуз;
- реализация научно-технических программ, направленных на создание наукоемких товаров и технологий и конкурентоспособных образовательных услуг;
- внедрение инноваций на российский и зарубежный рынки.

Поскольку высшее образование как система кадрового обеспечения инновационного процесса в национальной экономике играет огромную роль в осуществлении перехода к инновационной модели развития, приходится констатировать возрастание роли управления инновационной деятельностью в вузе (в высшем образовании) как самостоятельной отрасли науки об управлении.

С точки зрения экспертов ЮНЕСКО, и это отражено во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, под *высшим образованием* понимаются все виды учебных курсов подготовки или переподготовки для научных исследований на послесреднем уровне, предоставляемых университетами или другими учебными заведениями, которые признаны в качестве учебных заведений высшего образования компетентными государственными властями [21]. Российское законодательство под образованием понимает целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения обучающимся установленных государством образовательных уровней. При этом высшее профессиональное образование направлено на решение задач последовательного повышения профессионального и образовательного уровней, подготовку специалистов соответствующей квалификации [11; 22]. Очевидно, что специалист с высшим образованием является ключевым элементом успешного развития любой отрасли и сферы деятельности, а значит, и национальной экономики в целом. От качества его подготовки в вузе во многом зависит и качество экономического роста (развития). Таким образом, управление инновационной деятельностью в вузе (в высшем образовании) сегодня не просто является самостоятельной научной дисциплиной, но и представляет собой предпосылку, фактор, условие для перехода к устойчивому инновационному социально-экономическому развитию общества.

Список литературы

1. Бездудная А.Г. Теория и методология формирования конкурентных преимуществ образовательных услуг в едином образовательном пространстве: монография. – СПб.: СПбГИЭУ, 2009. – 277 с.
2. Гарайбех Ю.А. Стимулирование творческого потенциала работников высшего образования при осуществлении инновационной деятельности: монография. – СПб.: Издательство «ПаркКом», 2010. – 228 с.
3. Путин В.В. О наших экономических задачах // Ведомости. 30.01.2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 10.12.2015).
4. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4.
5. Руководство Осло: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям: 3-е изд. – М.: Государственное учреждение «Центр исследований и статистики науки» (ЦИСН), 2006. – 192 с.
6. Инновационная деятельность. Термины и определения: ГОСТ 31279-2004. Введ. 07 дек. 2004 г. // Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.easc.org.by/russian/Search.php?_qf__form=&maska_poisk=31279&btnSearch=%CD%E0%E9%F2%E8&UrlBD=1 (дата обращения: 27.01.2016).
7. Меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности, науки и технологий Российской Федерации и Министерством науки и техники Китайской Народной Республики по сотрудничеству в области инновационной деятельности, подписанный 03 ноября 2000 г. в г. Пекине // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=8674;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=7814661463012962AEA1E752E4D7A48D;ts=CFBAE6B93F2E710503EB527D20B57734> (дата обращения: 27.01.2016).
8. Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством торговли Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в обла-

- сти технологий и инноваций, подписанном 19 апреля 2004 г. в г. Вашингтоне // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=54226;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=7814661463012962AEA1E752E4D7A48D;ts=38136DF5A46B1C11FFB4E892C52FC1D> (дата обращения: 27.01.2016).
9. О науке и государственной научно-технической политике: ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133339;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=533CAFD118C0AF61CF7B47F17170C7E8;ts=66A4FB1D486332BDA72D72D807762BD7> (дата обращения: 16.01.2016).
10. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=F2280A6682055B39F18AFF86D42D6E32;ts=8AA55F3BE4910B4A3ABEC3D753D04370> (дата обращения: 26.01.2016).
11. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: ФЗ от 06.10.1999 № 184-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126633;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.7002658327110112;from=50695-509> (дата обращения: 19.01.2016).
12. *Коканов Б.А.* Источники правового регулирования инновационной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2011. Вып. 4.
13. *Новикова А.Е., Жорник А.М.* Необходимость терминологического определения «инноваций» и «модернизации» в современном российском государстве // Тенденции развития современного государства и права: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 05 ноября 2012 г. Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012.
14. Об инновационной деятельности в Республике Ингушетия: Закон Республики Ингушетия от 07 декабря 2010 г. № 98-РЗ // Финансово-правовое агентство, 2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://regzakon.fpa.su/ingushetiya/zakon-respubliki-ingushetiya-ot-7-dekabrya-2010-g-n-58-rz-ob-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-respublike-ingushetiya/> (дата обращения: 17.12.2015).
15. *Медынский В.Г.* Инновационный менеджмент: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2005. 295 с.
16. О модельном законе «Об инновационной деятельности»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 16 ноября 2006 г. № 27-16 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 2007. – № 39 (2).
17. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года: утверждены Правительством РФ от 05 августа 2005 г. № 2473п-П7 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=91912;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=5AA786EE36FB3B2FBDDC358AA0A2E2F3;ts=1020487417822181854FA37FB A91A9B1> (дата обращения: 21.10.2013).
18. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года: протокол Межведомственной комиссии по научно-инновационной политике от 13 февраля 2006 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=101907;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=4D8881D4050C3AB2AE7F730C9F1BC11A;ts=31C573CB94D5EB955F63A1295709151C> (дата обращения: 28.11.2015).
19. *Анищик В.М., Русецкий А.В., Толочко Н.К.* Инновационная деятельность и научно-техническое развитие: учебное пособие. – Минск: Изд. центр БГУ, 2005. – 151 с.
20. *Бугаев В.П., Бугаева Е.В.* Инновации, инвестиции, эффективность: пособие. – Гомель: УО «БелГУТ», 2005. – 139 с.
21. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры: начало // Открытое образование: научно-практический журнал по информационным технологиям в образовании, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-joe.ru/sod/99/4_99/st180.html (дата обращения: 26.11.2015).
22. Об образовании в Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140174;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=4E8A162CE4276EA3EE56A0605C567F64;rnd=0.9880487243644893> (дата обращения: 28.12.2013).

Reference list

1. *Bezudnaya A.* Theory and methodology of formation of competitive advantages of education services in the unified educational space: Monograph. SBR.: SPSIEM, 2009. – 277 p.
2. *Garaibekh Yu.* Stimulation of creative potential of workers of higher education in the implementation of innovative activity: Monograph. SBR.: Publishing House "ParkKom", 2010. – 228 p.
3. *Putin V.* On economic goals // Vedomosti. 30.01.2012. [Electronic resource] – Access mode: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (date of access: 10.12.2015).

4. *Torkunov A.* Education as a tool of "soft power" in the external policy of Russia // Bulletin of MGIMO University. 2012. № 4.
5. The Oslo guideline: Recommendations for collecting and analyzing data on innovation: 3rd Edition. M.: State Institution "Centre for research and science statistics" (CRSS), 2006. – 192 p.
6. Innovation activity. Terminologies and definitions: GOST standard 31279-2004. Force into 07th of December, 2004 // Interstate Council for Standardization, Metrology and Certification, 2016. [Electronic resource] – Access mode: http://www.easc.org.by/russian/Search.php?_qf__form=&maska_poisk=31279&btnSearch=%CD%E0%E9%F2%E8&UrlBD=1 (date of access: 27.01.2016).
7. The Memorandum of Understanding between the Ministry of Industry, Science and Technologies of the Russian Federation and the Ministry of Science and Technology of People's Republic of China on cooperation in the field of innovation activity, completed by signatures on 03rd of November, 2000 in Beijing // Legal Reference System "Consultant Plus" [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=8674;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=7814661463012962AEA1E752E4D7A48D;ts=CFBAE6B93F2E710503EB527D20B57734> (date of access: 27.01.2016).
8. The Memorandum of Understanding between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Commerce of the United States of America on cooperation in the field of technologies and innovations, completed by signatures on 19th of April, 2004 in Washington D.C. // Legal Reference System "Consultant Plus". [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=54226;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=7814661463012962AEA1E752E4D7A48D;ts=38136DF5A46B1C11FFB4E892C52FC1D> (date of access: 27.01.2016).
9. On science and state scientifically technical policy: The Federal Law of 23.08.1996 №. 127-FL // Legal Reference System "Consultant Plus" [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133339;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=533CAFD118C0AF61CF7B47F17170C7E8;ts=66A4FB1D486332BDA72D72D807762BD7> (date of access: 16.01.2016).
10. The Constitution of the Russian Federation of 12th of December, 1993 // Legal Reference System "Consultant Plus" [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=F2280A6682055B39F18AFF86D42D6E32;ts=8AA55F3BE4910B4A3ABEC3D753D04370> (date of access: 26.01.2016).
11. On general principles of organization of legislative (representational) and executive public authorities of constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of 06.10.1999 № 184-93 // Legal Reference System "Consultant Plus" – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126633;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.7002658327110112;from=50695-509> (date of access: 19.01.2016).
12. *Kokanov B.* The sources of legal regulation of innovation activity // Bulletin of Udmurtiya University. Series: Economics and Law. 2011. Number 4.
13. *Novikova A., Zhornik A.* The need for a terminological definition of "innovations" and "modernization" in the contemporary Russian state // Tendencies of development of contemporary state and law: Proceedings of the international scientific and practical teleconference. Novosibirsk, 5th of November, 2012, Novosibirsk: Publishing by "Siberian Association of consultants", 2012. P. 81-87.
14. On innovation activity in the Republic of Ingushetia: The Law of the Republic of Ingushetia from 07th of December, 2010 № 98-RL // Financial-Legal Agency, 2015 [Electronic resource] – Access mode: <http://regzakon.fpa.su/ingushetiya/zakon-respubliki-ingushetiya-ot-7-dekabrya-2010-g-n-58-rz-ob-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-respublike-ingushetiya/> (date of access: 17.12.2015).
15. *Medynskiy V.* Innovation management: textbook. M.: INFRA-M, 2005. – 295 p.
16. Model Law "On innovation activity": Decree of the Inter-Parliamentary Assembly of States-Participants of the Commonwealth of Independent States from 16th of November, 2006 №. 27-16 // Information Bulletin of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS. 2007. № 39 (2).
17. The major directions of the Russian Federation's policy in the sphere of development of innovation system for the period until 2010: Approved by the Government of the Russian Federation on 05th of August, 2005 №. 2473p-A7 // Legal Reference System "Consultant Plus" [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=91912;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=5AA786EE36FB3B2FBDDC358AA0A2E2F3;ts=1020487417822181854FA37FBA91A9B1> (date of access: 21.10.2013).
18. The development strategy of science and innovations in the Russian Federation for the period until 2015: Protocol of the Interdepartmental Commission on Scientific-Innovation Policy of 13th of February, 2006 № 1 // Legal Reference System "Consultant Plus". [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=101907;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=4D8881D4050C3AB2AE7F730C9F1BC11A;ts=31C573CB94D5EB955F63A1295709151C> (date of access: 28.11.2015).
19. *Anishchik V., Rusetskiy A., Tolochko N.* Innovation activity and scientifically technological development: Textbook. Minsk: Publishing office of BSU, 2005. 151 p.
20. *Bugaev V., Bugaeva E.* Innovations, investments, efficiency: Textbook. Gomel': IE "BelsUT", 2005. – 139 p.

21. World Declaration on Higher Education for the XXI century: Approaches and practical measures: Beginning // Open education: Scientific and practical journal on information technologies in education, 2006. [Electronic resource] – Access mode: http://www.e-joe.ru/sod/99/4_99/st180.html (date of access: 26.11.2015).
22. On education in the Russian Federation: Federal Law from 29.12.2012 № 273-FL // Legal Reference System "Consultant Plus". [Electronic resource] – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140174;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=4E8A162CE4276EA3EE56A0605C567F64;rnd=0.9880487243644893> (date of access: 28.12.2013).

Кондратьева Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Счетной палаты Российской Федерации

ИНСТИТУТ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ГРУППЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ¹ И ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены проблемные вопросы оценки влияния образования КГН на наполнение доходной части региональных бюджетов. Создание КГН привело к перераспределению доходов между бюджетами регионов. Ситуация осложнилась применением пониженных налоговых ставок, установленных законами субъектов Российской Федерации. Фактически использование КГН позволило снизить общую налоговую нагрузку группы.

Ключевые слова: консолидированные группы налогоплательщиков, российские регионы, бюджеты, налоговые поступления от КГН, последствия, налог на прибыль организаций, мораторий

Kondrat'eva E.,

PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

THE INSTITUTE OF A CONSOLIDATED TAXPAYERS GROUP AND THE BUDGETS FORMATION OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the problematic issues of impact assessment of the CTG establishing to the supplement of revenue part of regional budgets. The CTG establishing has led to redistribution between budgets of regions. The situation is complicated by the application of reduced tax rates, established by laws of the constituent entities of the Russian Federation. In fact, the CTG application is allowed to reduce overall tax burden of the Group.

Keywords: Consolidated Taxpayers Group, Russian regions, budgets, tax revenues from CTG, fall-out, company tax, moratorium

Четыре года деятельности консолидированных групп налогоплательщиков (КГН) – недостаточный срок для получения конкретных результатов от анализа влияния КГН на доходы бюджетов регионов и национальную экономику в целом. Хотя определенные выводы уже можно сделать. (В соответствии с российским законодательством консолидированная группа налогоплательщиков – это добровольное объединение плательщиков налога на прибыль организаций на основе договора о создании консолидированной группы налогоплательщиков в порядке и на условиях, которые предусмотрены НК РФ в целях исчисления и уплаты налога на прибыль организаций с учетом совокупного финансового результата хозяйственной деятельности данных налогоплательщиков. Институт консолидированного налогоплательщика дает возможность крупнейшим предприятиям оптимизировать налоговое бремя путем его частичного снижения и высвобождает дополнительные средства для обновления и расширения производства. Создание института КГН задумывалось как одно из направлений совершенствования налоговой системы России и расширения инвестиционной активности компаний.)

Поступление налоговых платежей зависит от ряда факторов [13], в частности, от формулы распределения налоговых поступлений от КГН, учитывающей предусмотренную действующими правилами среднесписочную численность работников и остаточную стоимость амортизируемого имущества.

Основная часть налоговых доходов сосредоточивается в регионах Центрального федерального округа (около 40% всех налоговых доходов) и, в частности, в доходной части г. Москвы (около 20%). В бюджетах семи из 83 субъектов Российской Федерации концентрируется более половины всех собираемых налогов, большая часть которых аккумулируется в Москве, Санкт-Петербурге и в Московской области. Наибольший объем зачислений налога на прибыль организаций приходится на семь центральных регио-

¹ Введен Федеральным законом от 16.11.2011 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков», который добавил в НК РФ новую главу 3.1 «Консолидированная группа налогоплательщиков» (Налоговый кодекс Российской Федерации. № 146-ФЗ. Ч.1 // Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/nk/ch1>).

нов, в доходах бюджетов которых аккумулируется более 50% всех поступлений налога на прибыль организаций, зачисляемых в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации по соответствующим ставкам, при этом лидирующая позиция принадлежит бюджету г. Москвы.

В 2014 г. Счетная палата РФ и ФНС РФ провели анализ результативности администрирования уплаты налога на прибыль организаций КГН. Одновременно Счетная палата РФ завершила контрольное мероприятие «Проверка результативности администрирования консолидированных групп налогоплательщиков». По итогам указанных мероприятий ведомствами были сделаны следующие выводы [3].

В 2012 г. в консолидированный бюджет РФ поступил налог на прибыль в размере 2,4 трлн руб., или 103,7% к уровню поступлений 2011 г., а в 2013 г. – 2,1 трлн руб., или 88% к уровню 2012 г. При этом налогоплательщики, входящие в КГН, в 2013 г. в консолидированные бюджеты регионов заплатили 348,2 млрд руб., что на 145,7 млрд руб., или на 29,5% меньше уровня 2012 г.

Так, на снижение поступлений налога на прибыль организаций от КГН в 2013 г. оказал влияние ряд факторов:

- замедление темпов роста экономики и индексация налоговых ставок. Недопоступления оцениваются в размере 61,1 млрд руб.;
- рост расходов по амортизационным отчислениям. В связи с вводом в эксплуатацию объектов по крупным инвестиционным проектам недопоступило 68,2 млрд руб.;
- за счет консолидации убытков внутри КГН недопоступило 16,4 млрд руб., или 11,2% от общего объема снижения.

При этом в 2013 г. от влияния КГН в 62 регионах поступления налога на прибыль увеличились, в том числе в 17 субъектах, более, чем на 1 млрд рублей. А в 20 регионах уменьшились, из них в 11-ти более, чем на 1 млрд рублей.

В связи с таким перераспределением ряд российских регионов получил прирост налога, а в ряде регионов произошло сокращение суммы налога. Наибольшее снижение налога отмечено по бюджету Москвы. В бюджет Москвы платежи налога в 2013 г. в связи с образованием КГН сократились на 34,3 млрд руб., при этом сокращение произошло почти по всем КГН, участники которых или их подразделения находятся на территории города.

Сосредоточение налоговых доходов в центральном регионе свидетельствует о неэффективности налоговой политики государства в части распределения налоговых доходов между субъектами Российской Федерации. По данным ФНС РФ, в настоящее время значительная часть субъектов Российской Фе-

дерации ограничена в налоговых доходах, размер которых на порядок отличается от размеров налоговых доходов центральных регионов. Возникла дилемма между необходимостью увеличения налоговых доходов бюджетов регионов и поддержкой государством интересов центральных регионов.

Объемы распределения региональных и «смешанных» налогов показывают нарастающие диспропорции в распределении налога на прибыль организаций между бюджетами субъектов Российской Федерации. Основной объем поступлений налога на прибыль организаций приходится на Москву, Московскую область и Санкт-Петербург.

Концентрация налога на прибыль организаций (его региональная часть в размере 18% от налоговой ставки) в центральных регионах стала возможна в результате того, что крупнейшие компании разместили свои головные организации (в которых, как правило, аккумулируется прибыль) в г. Москве, а также в г. Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях.

Так, согласно рейтингу 2013 г. журнала «Эксперт» из 400 крупнейших холдинговых компаний России [10], совокупный объем реализации которых составил более 45,2 трлн руб. (73,1% валового внутреннего продукта [2]), у 309 холдингов головные организации расположены в г. Москве [11].

При оценке влияния образования КГН на наполнение доходной части бюджетов необходимо сравнивать суммы налога, полученные в старых и новых условиях.

Введение КГН позволило более справедливо перераспределить налог на прибыль организаций из субъектов – «центров прибыли» (место нахождения головных организаций холдингов) в регионы, где сосредоточено основное производство. Однако в ряде субъектов, не являющихся «центрами прибыли» – Белгородской, Волгоградской, Нижегородской областях и Пермском крае – за 2012 и 2013 гг. общие потери доходов от влияния КГН составили более 5 млрд рублей. Аналогично в Республике Карелия и Самарской области потери в 2013 г. составили более 1 млрд руб.

Создание КГН привело к перераспределению доходов между бюджетами регионов. По данным Минфина России, в 2014 г. у 53 регионов поступления налогов на прибыль организаций выросли на 61,9 млрд руб., у 32 – снизились на 127 млрд руб. В 2013 г. на выравнивание бюджетной обеспеченности регионам выделили дополнительно 50 млрд руб. Сумма бюджетных кредитов была увеличена с 80 до 230 млрд руб.

Субъекты Российской Федерации (г. Москва, Красноярский край, г. Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ –

Югра), в которых произошло наибольшее снижение поступления налога на прибыль организаций в результате деятельности КГН, в основном относятся к категории высокодоходных регионов, в которых бюджетная обеспеченность в расчете на одного человека превышает среднероссийский показатель.

Ряд субъектов Российской Федерации (Белгородская, Волгоградская, Нижегородская и Самарская области, Пермский край, Республика Карелия), в которых бюджетная обеспеченность ниже среднероссийского показателя, в связи с влиянием деятельности КГН нуждается в финансовой помощи в части компенсации выпадающих доходов.

Снижение поступлений по налогу на прибыль организаций в значительной степени связано с применением пониженных налоговых ставок, установленных законами субъектов Российской Федерации. Такие ставки применялись участниками 8 КГН, в результате налог на прибыль организаций в бюджеты регионов был понижен за 2012 г. на 20,4 млрд руб., за 2013 г. – на 18,6 млрд руб. Применены пониженные налоговые ставки, приведшие к наибольшим суммам недопоступления налога, участниками КГН ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «НК «Роснефть» и ОАО «НК «ЛУКОЙЛ».

Наиболее пострадавшие регионы, в которых доходы от влияния КГН уменьшились более, чем на 1 млрд руб. – Москва, Санкт-Петербург, Красноярский и Пермский край, Белгородская, Тюменская, Волгоградская, Нижегородская и Самарская области, Республика Карелия и Ханты-Мансийский АО.

Согласно данным УФНС по *Пермскому краю* на территории края зарегистрировано в 2012 г. 29 участников КГН, в 2013 г. – 36 участников КГН, за I полугодие 2014 г. – 35 участников КГН [12]. На территории Пермского края осуществляют свою деятельность организации, входящие в следующие КГН: ОАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ», ОАО «Газпром», ОАО «РТКомм.Ру» и др.

По итогам функционирования 9 КГН на территории Пермского края в бюджет не поступило налога на прибыль организаций в 2012 г. в размере 3308,3 млн рублей; в 2013 г. – 2171,7 млн рублей [6]. В среднем за 2011–2012 гг. общая сумма недопоступления налогов в консолидированный бюджет Пермского края в связи с предоставлением налоговых льгот, установленных федеральным, региональным и местным законодательством, составила 34825273 тыс. руб., в том числе по льготам, установленным федеральным законодательством – 10158816 тыс. руб. или 29,2% от общей суммы; по льготам, установленным региональным законодательством – 24509470 тыс. руб. или 70,4%; по льготам, установленным местным законодательством – 87212,0 тыс. руб. или 0,2%; в связи с применением налогоплательщиками специаль-

ных налоговых режимов – 69775 тыс. руб. или 0,2%. В целом объем недопоступления налогов в связи с предоставлением налоговых льгот на региональном уровне составил 17,4% от налоговых и неналоговых доходов бюджета Пермского края.

Сумма недопоступления в бюджет Пермского края налога на прибыль организаций в связи с предоставлением льготы по сниженной региональной налоговой ставке по налогу на прибыль организаций за период с 2006 по 2013 гг. составила 63049 млн. руб. (с учетом инфляции (ИПЦ) – 69194,9 млн руб.). Отметим, что выпадающие доходы бюджета Пермского края по налогу на прибыль организаций в связи с созданием КГН были частично компенсированы из федерального бюджета в 2014 г. путем предоставления дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов в объеме 2930,2 млн руб. [4].

В настоящий момент единая утвержденная методика оценки эффективности налоговых льгот на федеральном уровне отсутствует. К рекомендациям Минэкономразвития России и Счетной палаты РФ можно отнести только разработанные ими проекты методик.

При оценке эффективности налоговых льгот по региональным налогам и налоговым ставкам, установленным законодательством Пермского края, возможно использовать методику Правительства Пермского края, официально утвержденную Порядком от 16.09.2013 № 1223-п.

По мнению специалистов Контрольно-счетной палаты Пермского края, произвести оценку эффективности налоговых льгот только с учетом применения методики [9] Правительства Пермского края и принять решение о целесообразности корректировки и (или) отмене предоставляемых налоговых льгот практически невозможно. Для принятия решения о целесообразности корректировки и (или) отмене предоставляемых налоговых льгот, кроме методики, необходимо учитывать результаты дополнительных мер оценки.

Кроме того, п. 2.5. Порядка от 16.09.2013 № 1223-п определяет, что при ухудшении ситуации в экономике Пермского края вследствие влияния обстоятельств непреодолимой силы, а также обстоятельств, являющихся следствием снижения уровня мировых цен на экспортируемую продукцию, снижения курса валют, общероссийских и мировых кризисных тенденций в экономике, оценка эффективности налоговых льгот не проводится. Однако считаем, что в указанных случаях актуальность вопроса оценки эффективности налоговых льгот становится только острее.

В результате предоставления льготы по налогу на прибыль организаций бюджет Пермского края недополучает средств от 14 до 16% от общего объема налоговых и неналоговых доходов края; объем вы-

падающих доходов Пермского края в связи с предоставлением указанной льготы превышает в 1,3 раза общий объем выпадающих доходов по данному налогу регионов – Республик Башкортостан, Татарстан, областей Самарская, Нижегородская и Свердловская – вместе взятых. Наличие льготы по налогу на прибыль организаций не обеспечивает возможности региону стать одним из лидеров по показателям экономического развития (по темпам снижения промышленного производства Пермский край занимает последнее, 14-е место среди регионов Приволжского федерального округа).

По мнению Контрольно-счетной палаты Пермского края, предоставление льготы по налогу на прибыль организаций не способствует повышению заинтересованности бизнеса в расширении границ производственной деятельности и выборе Пермского края как территории для ее ведения (за период с 2006 по 2013 гг. число предприятий, центры прибыли которых были переведены за пределы Пермского края, составило 18, при этом всего одно предприятие перевело свой центр прибыли в край), а также увеличению объема инвестиций за счет собственных средств.

Кроме того, при предоставлении льготы по налогу на прибыль в целом нарушается принцип, сформулированный в Законе о Программе социально-экономического развития Приморского края: «...равные условия предоставления государственной поддержки всем потенциальным получателям...», преимущество в получении государственной поддержки в форме льготы по налогу на прибыль организаций имеют в основном высокорентабельные производства, использующие природные ресурсы Пермского края (нефтегазодобыча и переработка, производство калийных удобрений, финансовые посредники). Контрольно-счетная палата Пермского края считает, что льгота по налогу на прибыль организаций должна быть пересмотрена, в том числе с учетом выбора приоритетов в пользу поддержки ряда отраслей [5].

Нерешенные вопросы

Экономия налогов достигается за счет того, что отдельная компания, понесшая за текущий год убыток для целей налогообложения, переносит его на будущий период и уменьшает налоговые платежи в следующих налоговых периодах. При этом убыток этой же компании в составе КГН будет уменьшать совокупный финансовый результат группы уже в текущем периоде, что снизит совокупный налоговый платеж. Компании намеренно включают убыточные предприятия в консолидированную группу, чтобы снизить налоги высокорентабельного предприятия. Отсутствие эффективных механизмов налогового администрирования участников КГН позволяет им искусственно создавать убыток в том регионе, где лучше не платить налог на прибыль организаций. В 2013 г., по мнению

экспертов, именно консолидированные группы внесли самый большой вклад в сокращение уплаты налога на прибыль организаций – основного источника региональных доходов.

Негативные тенденции проявились уже в первый год консолидации, по мнению Александра Голикова, партнера BGP Litigation [5]. Механизм КГН вводился для того, чтобы распределение налога на прибыль организаций было более справедливым. «Цель налоговой консолидации – перераспределение поступлений по налогу на прибыль именно в тот регион, где прибыль создается, а не в тот, где находится головная компания», – поясняет Александр Голиков. Однако налоговая база перераспределяется в регионы, в которых действуют сниженные ставки налога на прибыль организаций. Фактически использование КГН позволяет снизить общую налоговую нагрузку группы. В рамках крупнейших налогоплательщиков такая экономия может быть огромной, но в большинстве случаев это не снижение налогового бремени в целом, а его перераспределение во времени.

Перераспределение налога на прибыль организаций в системе КГН между регионами в зависимости от удельного веса остаточной стоимости амортизируемого имущества предприятия холдинга создает предпосылки к направлению значительного объема данного налога в тот регион, на территории которого участник КГН приобретет дорогостоящее оборудование, не учитывая долю выработки в общем объеме выработки холдинга.

Алгоритм распределения налога на прибыль организаций КГН пропорционально стоимости основных средств и численности работников представляется экономически неэффективным, так как сумма налога на прибыль организаций распределяется по регионам в долях, независимо от производственных показателей.

В связи с тем, что остаточная стоимость амортизируемого имущества может быть в значительной части самортизирована или же вообще списана, налог на прибыль организаций по КГН не распределится в доход бюджета региона, в котором данное предприятие находится. В то же время указанное предприятие может иметь значительные основные производственные фонды и вести активную производственную деятельность.

Критерии распределения налоговых платежей между субъектами не отображают реального вклада в производственную деятельность холдинга каждого участника КГН. Логично предположить, что консолидированные налоговые платежи в бюджет сокращаются за счет присутствия убыточных организаций в КГН.

Фактор КГН не влечет уменьшения платежей в целом в бюджетную систему Российской Федерации, если оценивать ее на длительном отрезке времени.

Так, суммирование прибыли и убытка участников уменьшает консолидированную налоговую базу КГН и налог текущего периода. Без вхождения в КГН организации, получившие эти же убытки, уменьшили бы на них налоговую базу в последующие годы, т.е. применили механизм переноса убытков на будущее.

До вступления в КГН у организаций убыток формировал отложенный налоговый актив, который уменьшал налог на прибыль будущих периодов. В КГН консолидированная налоговая база текущего периода рассчитывается путем сложения доходов всех участников КГН и уменьшения на сумму их расходов, в результате чего получается, что весь размер убытка единовременно списывается в текущем налоговом периоде.

Как уже говорилось, консолидация финансовых результатов участников группы приводит к

уменьшению налоговой базы и сумм исчисленного налога в текущем году, но при этом сокращаются убытки, которые могли бы уменьшать поступления в бюджетную систему Российской Федерации в последующие годы.

С 2015 г. начал действовать мораторий на создание новых КГН, введенный федеральным законом № 366-ФЗ от 24.11.2014. В соответствии с ним договоры о создании КГН, зарегистрированные в 2014 г., должны были вступить в силу только с 1 января 2016 г. Но уже созданные КГН могут продолжить свою работу и во время действия моратория [8]. Правительство может на 5 лет продлить мораторий на создание новых КГН [14].

Временный мораторий на создание КГН необходим для устранения выявленных недостатков введенной системы.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. № 146-ФЗ. Ч.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/nk/ch1>
2. Валовой внутренний продукт в рыночных ценах (Российская Федерация, в текущих ценах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.
3. В долгосрочной перспективе фактор КГН не влечет уменьшения поступлений в бюджет. 04.07.2014. [Электронный ресурс ФНС РФ]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/4789859/
4. Жандарова И. Запрет на создание консолидированных групп продлят до 2019 года // Российская бизнес-газета № 1015 (36). 15.09.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/09/15/gruppi.html>
5. Заключение по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Оценка эффективности налоговых льгот по региональным налогам и налоговым ставкам, установленным законодательством Пермского края, в том числе с учетом рекомендаций Министерства экономического развития Российской Федерации и Счетной палаты Российской Федерации» от 30.05.2014 № 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ksppk.ru/download/inf/2014/z30/Zakl30-2014.pdf
6. Основные направления бюджетной и налоговой политики Пермского края на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://budget.permkrai.ru/budget/principles>.
7. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка результативности администрирования консолидированных групп налогоплательщиков» // Бюллетень Счетной палаты. 2014. № 9 (201) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/buh/news/432414/>
8. Письмо ФНС России от 19.12.2014 № ГД43/26345 «О консолидированных группах налогоплательщиков» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173685;dst=100001/>.
9. Постановление Правительства Пермского края от 16 сентября 2013 г. № 1223-п «Об утверждении Порядка оценки эффективности предоставляемых (планируемых к предоставлению) льгот по региональным налогам и налоговым ставкам, установленных законодательством Российской Федерации». Приложение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/911543726>.
10. Рейтинг крупнейших компаний России по объему реализации продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.raexpert.ru/ranking/table/?table_folder=/expert400/2013/main.
11. Рейтинг крупнейших подразделений федеральных холдингов по итогам 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.m/ratmgs/rejtmg-krapnejshih-podrazdelemj-federalnyih-holdingov-po-itogam-2013-goda/>
12. Форма № 5-КГНМ «Отчет о налоговой базе и сумме исчисленного консолидированными группами налогоплательщиков налога на прибыль организаций, зачисляемого в бюджет субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn86/related_activities/statistics_and_analytics/forms/4309753/
13. Хачатрян Л.О. Консолидация налоговых платежей по налогу на прибыль: первые итоги // Актуальные проблемы налоговой политики: сборник статей участников VII Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов (апрель 2015 г.) / сост. Е.Ф. Киреева. – Минск: БГЭУ, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/17488>
14. <http://www.klerk.ru/buh/news/432414>

Reference list

1. The Tax Code of the Russian Federation. № 146-FL. Part 1. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.zakonrf.info/nk/ch1>
2. The gross domestic product at market prices (the Russian Federation, in current prices) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/
3. In the long-term perspective the CTG factor will not result in a reduction of budget revenues. 04.07.2014. [Electronic resource FST of Russia]. – Access mode: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/4789859/
4. *Zhandarova I.* A ban on the establishing of consolidated groups will be extended until 2019 // The Russian Business Newspaper № 1015 (36). 15.09.2015 [Electronic resource]. – Access mode: <http://rg.ru/2015/09/15/gruppi.html>
5. Conclusion according to the results of expert-analytical activity "Efficiency assessment of tax exemptions on regional taxes and the tax rates, established by laws of the Perm Kray, including taking into account the recommendations of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Accounts Chamber of the Russian Federation" dated 30.05.2014 № 30 [Electronic resource]. – Mode of access: ksppk.ru/download/inf/2014/z30/Zakl30-2014.pdf
6. The main directions of budget and taxation policy of the Perm Kray for 2015 and 2016–2017 planning period [Electronic resource]. – Access mode: <http://budget.permkrai.ru/budget/principles>.
7. The report on the results of examination "Monitoring of the effectiveness of administration of the Consolidated Taxpayers Groups // Bulletin of the Accounts Chamber. 2014. №. 9 (201) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.klerk.ru/buh/news/432414/>
8. The Russian FTS Letter from 19.12.2014 № GD43/26345 "On Consolidated Taxpayers Groups" [Electronic resource]. – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173685;dst=100001/>.
9. The Decree of the Government of the Perm Kray from 16th of September, 2013 №. 1223-p "On approval of the procedure of efficiency assessment to grant (planned to grant) benefits on regional taxes and tax rates, established by the legislation of the Russian Federation". App. [Electronic resource]. – Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/911543726>.
10. The rating of major companies of Russia on volume of production realization [Electronic resource]. – Access mode: http://www.raexpert.ru/ranking/table/?table_folder=/expert400/2013/main.
11. The rating of the major units of the Federal holdings at the end of 2013 [Electronic resource]. – Access mode: <http://expert.m/ratmgs/rejtmg-krupnejshih-podrazdelemj-federalnyih-holdingov-po-itogam-2013-goda/>
12. № 5-CTGM Form "The report on tax base and the accrued amount of company tax, supplying to the budget of a constituent entity of the Russian Federation by the Consolidated Taxpayers Groups" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nalog.ru/rn86/related_activities/statistics_and_analytics/forms/4309753/
13. *Khachatryan L.* Consolidation of tax payments under the income tax: Preliminary results // Topical issues of taxation policy: Proceedings of participants of the VII International scientific-practical conference of young scientists and students (April of 2015) / Collector E. Kireeva. Minsk: BSEU, 2015 [Electronic resource]. – Access mode: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/17488>
14. <http://www.klerk.ru/buh/news/432414>

УДК 336.276

Романцова Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Управление водохозяйственной деятельностью и природопользованием» Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева

Гусакова Е.С.,

аспирант Государственного НИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По данным информационного портала «РИА Новости», в 2015 г. на фоне общеэкономического спада и углубления региональных проблем субъекты РФ продолжали заимствования. Так, Минфин РФ отмечает, что суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ увеличился на 11% и на 1 января 2016 г. составил 2,318 триллионов рублей, что на 229 миллиардов рублей больше, чем годом ранее. Для сравнения: в 2014 г. госдолг вырос на 20%, в 2013 – на 28,6%, в 2012 – на 15%¹. Таким образом, темп роста региональных заимствований снизился. Отчасти это может быть связано с тем, что регионы стали в большей степени экономить. Так, расходы региональных бюджетов выросли лишь на 1,3% (для сравнения: в 2014 г. рост составил 7,9%). Отчасти это связано с тем, что в условиях финансовой нестабильности регионы стали более аккуратно взвешивать кредитные риски. Вместе с тем долговая нагрузка на региональные бюджеты достаточно высока. Можно ожидать увеличения числа регионов с предельно высоким уровнем долговой нагрузки. В то же время, несмотря на то что в ряде регионов ситуация с долговыми обязательствами может иметь критический характер, при условии поддержки Минфина вероятность дефолтов невысока.

В этой связи определенный научный интерес представляют исследования, оценивающие изменение величины государственного долга субъектов Российской Федерации на протяжении последних 10 лет. Кроме того, авторы уделяют внимание обобщению факторов, повлиявших на объем долговой нагрузки, а именно: дефицит ресурсов региональных бюджетов, возрастающие расходы на обслуживание госдолга, изменения налогового законодательства, проблемы в сфере межбюджетных отношений.

Ключевые слова: государственный долг, управление государственным долгом, дефицит бюджета, эффективность бюджетных расходов, бюджетные кредиты, межбюджетные трансферты

Romantsova T.,

PhD in Economics, Associate Professor, Head of Chair «Water Management and Natural Management» of the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Gusakova E.,

Postgraduate student of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

THE DYNAMICS OF THE PUBLIC DEBT OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

According to the information portal "RIA Novosti" in 2015 against the backdrop of the general economic slowdown and the exacerbation of the regional problems of the Russian Federation, the RF subjects have continued borrowing. Thus, the Ministry of Finance of the Russian Federation has noted that the amounting volume of public debt of the RF subjects has increased by 11% and amounted of the 1st of January, 2016 to about 2.318 trillion rubles, which is 229 billion rubles more than a year before. In comparison: in 2014 the public debt has increased by 20%, in 2013 – by 28.6%, in 2012 – by 15%. In that way, the growth rate of regional borrowing has decreased. Somewhat, this may be due to the fact that regions have become more to economize. So, the regional budget expenditures have increased by only 1.3% (for comparison, in 2014 the increase was 7.9%). Partly because the fact that in the conditions of financial instability regions are more accurately done weighing the repayment risks. However, the debt burden on regional budgets is a high enough. One may expect an increase in the number of regions

with an extremely high level of debt burden. At the same time, despite the fact that in some regions the situation with the debt instruments may have a critical nature, with the support to the Ministry of Finance the default probability is a low. Studies, evaluating the change of public debt amount of the RF subjects for the past ten years, have covered defined scientific interest, in this regard. In addition, the article authors pay attention to generalization of the factors that influenced the amount of the debt burden, namely – the deficit of regional budgets resources, increasing debt service payments, the change of the taxation legislation, problems in the area of inter-budgetary relations.

Keywords: public debt, public debt management, budget deficit, effectiveness of budget expenditures, budgetary credits, inter-budgetary transfers

Государственный долг субъектов Российской Федерации и управление им являются одними из наиболее сложных и актуальных вопросов современной российской экономики. Долговые проблемы регионов Российской Федерации, существенно усугубившиеся в последние годы, создают угрозу экономической безопасности и социальной стабильности государства.

При формировании и исполнении бюджетов субъекты Российской Федерации зачастую сталкиваются с ситуацией превышения расходной части над доходной. Таким образом, складывается дефицит бюджета. Для его покрытия широко применяется практика государственных заимствований, в результате чего формируется государственный долг. Также возникновение и наращивание объемов государственного долга может быть следствием инвестиционной политики, проводимой на региональном уровне.

Как показывает мировой опыт, чем выше темпы экономического роста и ниже реальные процентные ставки, тем легче использовать заемные средства для финансирования расходных обязательств. При стагнирующей экономике обслуживание и управление долгом сопряжено со значительными трудностями, обусловленными снижением доходов бюджета и возрастанием долговой нагрузки.

Законодательной основой для регулирования государственного долга в нашей стране, в том числе государственного долга субъектов Российской Федерации, являются нормы, закрепленные главой 14 Бюджетного кодекса Российской Федерации, согласно которым долговые обязательства субъекта Российской Федерации могут существовать в виде обязательств по:

- 1) государственным ценным бумагам субъекта Российской Федерации;
- 2) бюджетным кредитам, привлеченным в региональный бюджет субъекта Российской Федерации от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

3) кредитам, полученным субъектом Российской Федерации от кредитных организаций, иностранных банков и международных финансовых организаций;

4) государственным гарантиям субъекта Российской Федерации.

Предельный объем государственного долга субъекта Российской Федерации не должен превышать утвержденный общий годовой объем доходов бюджета субъекта Российской Федерации без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

За последние 10 лет объем государственного долга субъектов Российской Федерации увеличился в 6,4 раза с 361,7 млрд рублей по итогам 2005 г. до 2 318,6 тыс. рублей по итогам 2015 г. Данные о величине государственного долга регионов и темпах его роста в сравнении с показателем предыдущего года представлены на рисунке 1.

Увеличение объема государственного долга субъектов Российской Федерации происходило неравномерно. Максимальный рост долга регионов – 48,3% или 289,6 млрд рублей – пришелся на период кризиса 2009 г., что объясняется нехваткой собственных доходов субъектов на фоне кризисных явлений в экономике и, как следствие, увеличением дефицита региональных бюджетов. Так, по итогам 2009 г. поступления доходов от налога на прибыль организаций снизились по сравнению с показателем 2008 г. на 682,8 млрд рублей или 39,0% и составили 1 069,2 млрд рублей. Дефицит консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в течение 2009 г. увеличился в 6 раз с 54,4 млрд рублей до 329,1 млрд рублей.

Кроме того, значительное увеличение объема государственного долга регионов – на 613,9 млрд рублей или 28,6% – произошло в 2013 г., что также связано со спадом российской экономики в данный период.

В 2015 г. объем госдолга регионов возрос по сравнению с 2014 г. на 11%. По данным Счетной палаты РФ, увеличение размера государственного долга отмечается в 65 субъектах Российской Федерации. На начало текущего года объем госдолга превысил 100% объема доходов бюджетов субъектов (без учета объема безвозмездных поступлений) в 14 регионах. Еще

1 Официальный сайт «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riarating.ru/regions_rankings/20160301/630012530.html (дата обращения: 05.06.2016).

Рис. 1. Динамика государственного долга субъектов Российской Федерации, млрд руб.

порядка 11 регионов находятся в зоне риска (значение показателя – больше 90%).

Помимо наличия значительных объемов накопленных обязательств, опасными тенденциями являются дефицит ресурсов региональных бюджетов, возрастающие расходы на обслуживание госдолга, наличие значительного объема обязательств перед Российской Федерацией (федеральным бюджетом).

Дефицит ресурсов вызван двумя основными факторами: сокращением доходной базы и ростом расходных обязательств. Снижение доходов спровоцировано текущими проблемами российской экономики, а именно экономическим спадом и, как следствие, сокращением объемов налоговых поступлений в региональные бюджеты. Уменьшение поступлений происходит и в результате сокращения отдельных видов субсидий и иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, что существенно влияет на сбалансированность бюджетов многих субъектов Российской Федерации. Темпы роста собственных доходов регионов зачастую не позволяют компенсировать недополученные объемы финансовой помощи из федерального бюджета.

Негативные тенденции во внутренней экономической жизни нашей страны во многом обусловлены внешними факторами, в первую очередь снижением мировых цен на экспортируемую нефть и введением санкций. В то же время расходы регионов не могут снижаться вслед за уменьшением доходной части бюджетов, поскольку субъекты Российской Федерации несут основную нагрузку по социальным обязательствам государства. В результате этого растет долг и дефицит.

С середины 2000-х годов, после централизации доходов на федеральном уровне, доходы консо-

лидированных региональных бюджетов в среднем составляют около 35% консолидированных доходов бюджета страны. При этом основная часть доходов регионов (свыше 50%) приходится на поступления от налога на доходы физических лиц и налога на прибыль, которые полностью регулируются федеральным законодательством.

В этой связи успешность сбалансированности бюджетов регионов страны во многом предопределяет прозрачность и предсказуемость реализации направлений налоговой политики.

В последнее время в налоговом законодательстве был принят ряд решений по внесению изменений в механизм и порядок налогообложения, применяемый в отношении основных налогов, доходы от которых зачисляются в региональные бюджеты. В частности, менялась ставка налога на прибыль, были введены несколько вычетов по налогу на доходы физических лиц, произошла дальнейшая централизация налогов на добычу полезных ископаемых, изменялся порядок перечисления акцизов.

В 2012 г. был введен институт консолидированной группы налогоплательщиков, который подразумевал перераспределение прибыли организаций, входящих в состав таких групп. На практике это привело к миграции налоговой базы из одного субъекта Российской Федерации в другой и, как результат, существенному и непрогнозируемому перераспределению доходов между различными регионами. По итогам 2014 г. 31 субъект недополучил доходы в сумме 127 млрд рублей, по 53 регионам доходы увеличились на 61,9 млрд рублей.

Снижение абсолютного объема исчисленного налога по предприятиям в результате их объединения

в консолидированные группы налогоплательщиков произошло не только из-за того, что убыточные в отсутствии консолидированной группы налогоплательщиков организации получили возможность представить свои расходы в уменьшение доходов, получаемых другими участниками группы. Зачастую такое перераспределение происходило в пользу тех регионов, где понижена ставка налога на прибыль, и в связи с этим складывались общие потери налога на прибыль.

Поскольку органы власти субъектов Российской Федерации не имеют того объема регулятивных полномочий, который позволил бы существенно повлиять на динамику доходной базы региональных бюджетов, учитывая недостаточность собственных доходов регионов для финансирования закрепленных расходов, данный дисбаланс покрывается за счет трансфертов из федерального бюджета.

Однако система финансовой поддержки регионов не в полной мере обеспечивает достижение необходимого уровня выравнивания бюджетной обеспеченности и не создает достаточных стимулов для повышения эффективности бюджетных расходов.

Как отмечает Счетная палата РФ, в структуре межбюджетных трансфертов только 39,3% занимают дотации, остальное приходится на целевые субвенции, субсидии, иные межбюджетные трансферты. В случае если объем дотаций из федерального бюджета регионам на выравнивание бюджетной обеспеченности будет сокращаться, это может негативно отразиться на возможности сбалансирования региональных бюджетов, поскольку поступления из федерального бюджета в виде трансфертов, имеющих целевой характер, не позволяют субъектам Российской Федерации принимать решения по финансированию наиболее приоритетных с учетом складывающейся экономической ситуации направлений.

В качестве варианта решения данной проблемы ведомством предложено рассмотреть вопрос об отнесении к дотациям части средств, которые в настоящее время предоставляются регионам как иные межбюджетные трансферты и субсидии. Это позволило бы направить дополнительные средства на цели выравнивания и сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации.

Также одной из распространенных проблем для регионов является наличие значительного количества различных субсидий с излишней детализацией направлений расходования бюджетных средств.

По данным Счетной палаты РФ, в федеральном бюджете 2015 г. насчитывалось 92 субсидии в пользу бюджетов регионов. Однако процедура получения этих средств бюрократизирована, зачастую регион даже не знал о праве на федеральное финансирование. В результате на 1 декабря 2015 г. не перечислялись бюджетные средства по 5 субсидиям, расходы

по которым предусмотрены в сумме 1,4 млрд рублей. В отдельных случаях с момента принятия решения о направлении субсидии до получения средств конечным получателем проходило до полутора лет. Аналогичная ситуация сохраняется и в 2016 г.

Сокращение количества субсидий и их консолидация в «единые» отраслевые субсидии, а также утверждение распределения указанных субсидий в законе о федеральном бюджете может способствовать сокращению административных процедур, оптимизации затрат, обеспечению предсказуемости федеральной поддержки для регионов.

Одной из важных проблем межбюджетных отношений, приведших в последние годы к дефициту региональных бюджетов и увеличению долговой нагрузки для его покрытия, является наличие у регионов значительного количества полномочий, выполнение которых не обеспечено достаточным объемом финансовых ресурсов. По данным Счетной палаты РФ, за последние 11 лет количество полномочий субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения увеличилось с 46 до 105, делегированных полномочий федерального уровня – с 11 до 117. При этом ведомством отмечается, что не всегда закрепление полномочий и наделение новыми полномочиями сопровождалось соответствующими доходными источниками и финансовым обеспечением.

В этой связи назрела необходимость проведения анализа доходных и расходных полномочий субъектов Российской Федерации и по его результатам пересмотра концепции межбюджетных отношений в части приведения в соответствие полномочий регионов и размеров их финансового обеспечения.

Также на объем долговой нагрузки регионов оказала влияние реализация принятых в 2012 г. «майских» указов Президента РФ. Предполагалось, что выполнение положений указов будет осуществляться не только за счет дополнительно выделяемых бюджетных ассигнований, но и за счет приоритизации расходов, предусматриваемых в федеральном бюджете и бюджетах субъектов Российской Федерации. На практике на фоне снижения налоговых поступлений в региональные бюджеты неукоснительное выполнение дополнительно принятых социальных обязательств потребовало привлечения внешних источников финансирования в форме кредитов коммерческих банков и кредитов из федерального бюджета.

На сегодняшний день отсутствует объективное понимание стоимости реализации указов. По оценке Министерства финансов Российской Федерации, стоимость «майских» указов составляет около 700 млрд рублей. По информации регионов, эта цифра существенно больше: на 2015 г. – порядка 2,8 трлн рублей.

Отдельно стоит отметить, что рост регионального долга в последнее время сопровождается не-

благоприятным изменением его структуры. Как показал анализ, проведенный Счетной палатой РФ, доля долговых обязательств по кредитам кредитных организаций в совокупном долге субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на конец 2013 г. составляла 41,7% (845,7 млрд рублей), 2014 г. – 44,6% (1071,4 млрд рублей), на 1 июля 2015 г. – 40% (972,7 млрд рублей).

В связи с ростом объемов заимствований и стоимости заемных средств увеличивалась нагрузка на региональные и муниципальные бюджеты, связанная с обслуживанием долга по кредитам кредитных организаций. Всего кредитным организациям в 2013–2014 гг. и I полугодии 2015 г. в виде процентов было выплачено около 160 млрд рублей.

На начало 2013 г. 64 субъекта Российской Федерации имели задолженность по кредитам кредитным организациям в сумме 419,6 млрд рублей. За 2 года обязательства субъектов Российской Федерации перед кредитными организациями увеличились в 2 раза и на начало 2015 г. сложились в размере 857,8 млрд рублей (задолженность имели 69 регионов). По состоянию на 1 июля 2015 г. задолженность составила 772,2 млрд рублей, количество регионов-должников уменьшилось до 68.

Наращивание задолженности публично-правовых образований перед кредитными организациями создавало риски для платежеспособности регионов и муниципальных образований. В этой связи Правительством РФ в конце 2014 г. были приняты меры по замещению коммерческих кредитов регионов бюджетными кредитами из федерального бюджета. Однако данная практика, предусматривающая увеличение объемов предоставления регионам бюджетных кредитов как источника финансирования дефицита, в том числе в целях частичного замещения коммерческих кредитов, не оказала должного влияния на стабилизацию ситуации. Зависимость от бюджетных кредитов лишает заемщика практической возможности выработать и придерживаться эф-

фективной стратегии управления государственным долгом.

Перечисленные сложности, связанные с региональными долговыми обязательствами, свидетельствуют о необходимости разработки и реализации комплекса мер, направленных на повышение ответственности заемной (долговой) политики субъектов.

В декабре 2015 г. с учетом Основных направлений государственной долговой политики Российской Федерации Минфином приняты Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики. Рекомендациями определены следующие цели управления государственным долгом субъекта:

- обеспечение потребностей субъекта в заемном финансировании;
- своевременное исполнение долговых обязательств при минимизации расходов на обслуживание госдолга;
- поддержание объема и структуры госдолга, исключающих неисполнение долговых обязательств;
- развитие рынка субфедеральных долговых обязательств.

Деятельность по управлению долгом должна быть ориентирована на обеспечение способности региона исполнять свои долговые обязательства в условиях любой, в том числе самой неблагоприятной, макроэкономической и бюджетной ситуации, резко-го ухудшения конъюнктуры на финансовом рынке.

В заключение отметим, что в условиях ограниченности собственных ресурсов и высокой стоимости привлекаемых заимствований формирование и реализация эффективного механизма управления государственным долгом становится основой сохранения финансовой устойчивости, стабильности функционирования и стратегического развития административно-территориальных единиц России. Непродуманная долговая политика является потенциальным источником экономических и политических рисков, что взаимосвязано с вопросами экономической безопасности.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Глава 14. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики, утвержденные Министерством финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка кредитования коммерческими банками субъектов Российской Федерации в 2013–2014 годах и истекшем периоде 2015 года». Утвержден решением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 12 ноября 2015 г. № 50К (1061). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://audit.gov.ru/activities/bulleten/864/25095/> (дата обращения: 3 мая 2016 г.).
5. Финансы России 2010. Официальное издание Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859 (дата обращения: 3 мая 2016 г.).

6. Финансы России 2014. Официальное издание Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859 (дата обращения: 3 мая 2016 г.).
7. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации: <http://audit.gov.ru>.
8. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации: <http://minfin.ru>.

Reference list

1. The Budget Code of the Russian Federation of 31st of July, 1998 № 145-FL. Chapter 14. [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus".
2. Recommendations for the subjects of the Russian Federation responsible borrowing/debt policy, approved by the Ministry of Finance of the Russian Federation. [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus".
3. The major directions of taxation policy of the Russian Federation to 2016 and the planning period of 2017 and 2018. [Electronic resource] // Legal Reference System "Consultant Plus".
4. The report on the results of control "Verify of crediting subjects of the Russian Federation by commercial banks in 2013–2014 and past period in 2015." Approved by the decision of the Collegiums of Accounts Chamber of the Russian Federation of November 12, 2015 № 50K (1061). [Electronic resource]. – Access mode: <http://audit.gov.ru/activities/bulleten/864/25095/> (date of access: 3rd of May, 2016).
5. Finance of Russia–2010. Official publication of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859 (date of access: 3rd of May, 2016).
6. Russian Finance –2014. Official publication of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859 (date of access: 3rd of May, 2016).
7. Official website of Accounts Chamber of the Russian Federation: <http://audit.gov.ru>.
8. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation: <http://minfin.ru>.

Федоров М.А.,

аспирант кафедры «Страховое дело» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ АУТСОРСИНГА В СТРАХОВАНИИ

В статье приведено исследование по формулированию принципов аутсорсинга, присущих исключительно страховой отрасли, имеющей свои особенности.

Ключевые слова: аутсорсинг, особенности аутсорсинга в страховании, принципы аутсорсинга

Fedorov M.,

Post-graduate student of Chair "Insurance Business" of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE ISSUES OF PRINCIPLES SELECTION OF OUTSOURCING IN THE INSURANCE INDUSTRY

This article presents a study on the formation of outsourcing principles, which are unique to the insurance industry with its own features.

Keywords: outsourcing, outsourcing features in insurance industry, outsourcing principles

В целом 2014–2015 гг. для страхового рынка стали периодом непростых изменений, и связано это было с негативным состоянием, наблюдавшимся в экономике. Стагнация, падение платежеспособного спроса, динамика валютных курсов и ухудшение общеэкономической конъюнктуры достаточно серьезно ударили по страховому рынку. Падение рентабельности, убытки и снижение спроса ощутили многие компании на рынке.

Последствия произошедшего стали еще более ощутимы в 2015 г., в то время как в предыдущем году объем рынков сократился незначительно. Так, по сравнению с 2013 г., когда темпы прироста страховых премий составляли 11,8%, в 2015 г. они снизились до 3,6% – это ниже уровня инфляции в экономике, а выплаты в 2015 г. увеличились на 7,1%.

С момента передачи надзора за страховыми компаниями (с осени 2013 г.) Банку России им было выведено с рынка порядка 150 страховщиков. На конец марта 2016 г. общее число страховщиков составило порядка 305 компаний (1431 организация на конец 2004 г.). Однако была и позитивная составляющая, прежде всего в законодательной сфере – это реформа ОСАГО, ряд постановлений по регулированию рынка страховых услуг, упрощающих страховым компаниям условия ведения бизнеса.

В условиях макроэкономической стагнации обостряется конкуренция среди участников рынка. В таких условиях осуществляется своего рода «чистка» рынка, в процессе которой происходит ликвидация неконкурентоспособных участников.

Учитывая вышеизложенные факты, страховщики стараются приобрести новые конкурентные преимущества, одним из источников которых может стать правильное использование аутсорсинга.

Аутсорсинг – это выполнение отдельных функций (производственных, сервисных, информационных, финансовых, логистических, управленческих и пр.) или бизнес-процессов (организационных, финансово-экономических, производственно-технологических, маркетинговых) внешней организацией, располагающей необходимыми для этого ресурсами на основе долгосрочного соглашения [9].

Правильное использование аутсорсинга может быть достигнуто путем принятия обдуманного решения о его использовании. Данное решение должно быть основано на общих и частных (или присущих конкретной отрасли) принципах. Однако вопрос об определении таких принципов отечественными авторами разработан крайне слабо. Так, С. Календжян формулирует правила применения аутсорсинга и принципы обеспечения успеха аутсорсингового контракта [10].

К сожалению, и зарубежные ученые-экономисты не выделяют в качестве особого предмета своего рассмотрения принципы аутсорсинга, анализируя другие важные аспекты взаимоотношений потребителя и аутсорсера, такие как выбор провайдера, объем передаваемых ему функций, риски и т.д.

В данной статье мы изучим и подробно рассмотрим принципы использования аутсорсинга в сфере

страхования. Для того чтобы определить принципы аутсорсинга в страховании, необходимо, в первую очередь, дать определение термину «принцип».

Принцип (лат., от *principers* – первый, знатнейший) – это первоначальная причина, начало, основное понятие, научное или нравственное начало, правило, от которого не отступают [8].

Таким образом, для целей выявления принципов аутсорсинга в страховании необходимо понять особенности или «правила» функционирования страховой организации.

Анализируя отечественную и зарубежную литературу, мы можем выделить следующие особенности аутсорсинга в сфере страхования:

- специфичность и сложность потенциально передаваемых аутсорсеру профильных функций, например, андеррайтинг, актуарии и т.д.;
- жесткое регулирование страховой деятельности на законодательном уровне. Кроме того, в развитых странах сам аутсорсинг в страховой отрасли также регулируется государством;
- некачественное выполнение переданной аутсорсеру функции может негативно сказаться на репутации страховщика и тем самым привлечь к нему внимание надзорных органов;
- рисковый характер деятельности страховщиков, обуславливающий колебание спроса на услуги аутсорсинга со стороны страховой организации;
- высокая степень конфиденциальности внутренних процессов страховой организации, а также хранение конфиденциальной информации о страхователях.

Прежде чем выделять частные принципы аутсорсинга, в страховой отрасли необходимо выделить и рассмотреть общие принципы, а именно те, на которые можно опираться при использовании аутсорсинга независимо от сферы деятельности компании.

Одним из наиболее важных общих принципов аутсорсинга является *принцип экономии ресурсов страховой организации*. Типичным мнением, бытующим в научном сообществе, является факт снижения издержек за счет экономии затрат на рабочую силу или за счет увеличения эффективности переданного бизнес-процесса или бизнес-функции. Снижение затрат на оплату труда основано на предположении о том, что аутсорсер может предоставить определенную услугу с меньшими трудозатратами по причине наличия накопленного опыта и навыков.

Следующим общим принципом является *принцип сохранности или улучшения качества выполнения бизнес-процесса или бизнес-функции*. Данный принцип является одним из основополагающих принципов построения аутсорсинговых отношений, так как именно улучшение качества выполнения бизнес-процесса или бизнес-функции провоцирует страховщика прибегать к услугам аутсорсинга.

По мнению многих исследователей, можно достичь более высокого уровня гибкости и качества обслуживания страхователей за счет получения доступа к новейшим технологиям аутсорсера, а также полного использования его инвестиционного потенциала [12].

Другим немаловажным принципом аутсорсинга является *принцип долгосрочности и непрерывности взаимоотношений страховой организации и аутсорсера*. Как любая другая организация, страховщик стремится к долгосрочному и перспективному сотрудничеству, так как расторжение соглашения об аутсорсинге приведет к значительному увеличению финансовых и временных затрат либо в связи с реорганизацией страховщика, либо с передачей этого бизнес-процесса или бизнес-функции новому аутсорсеру.

Таким образом, зачастую соглашения об аутсорсинге не содержат информации о сроках окончания договорных отношений. В соглашениях прописывается порядок инициирования пересмотра ряда существенных положений соглашения, например, объемы предоставляемых услуг, стоимость, порядок оказания услуг и другие.

Последним, на наш взгляд, общим существенным принципом аутсорсинга может быть *принцип схожести культурно-исторического развития и менталитета страховщика и аутсорсера*. Данный принцип применим в случае передачи бизнес-функций или бизнес-процессов на территорию другой страны. Расстояние между страной страховщика и аутсорсера, а также различие в культурных ценностях, способах коммуникаций и координации процессов могут быть довольно серьезным препятствием в построении плодотворных аутсорсинговых отношений. Для раскрытия сущности данного принципа, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть более подробно эти различия.

• Языковые барьеры могут создавать проблемы с коммуникацией между сотрудниками страховщика и аутсорсера. Данный факт может препятствовать передаче знаний между сторонами и повысить вероятность передачи некорректной информации. Аналогичным образом контроль и координация бизнес-процессов и бизнес-функций значительно усложняется и, как следствие, может повлечь за собой дополнительные затраты.

• Значительное расстояние между страной страховщика и страной аутсорсера может также стать проблемой для обеих сторон аутсорсинговых отношений. Несмотря на то что новые информационные технологии позволяют нивелировать этот недостаток путем создания онлайн-конференций, виртуальных совещаний, они не обеспечивают условий для передачи знаний и навыков, которые передаются при личных встречах.

• Культурные различия, а также различия в менталитете между страной страховщика и страной аутсорсера могут создать сложности при взаимодействии сотрудников организаций. Существует множество исследований на тему того, что различие в отношениях к власти, иерархии и, как следствие, способах подчинения могут привести к недопониманию сторон аутсорсинговых отношений.

Выделив и проанализировав общие принципы, мы можем перейти к характеристике частных принципов аутсорсинга, а именно тех принципов, которые присущи исключительно страховой отрасли.

Одним из самых важных частных принципов является *принцип сохранения основной профессиональной компетенции страховщика, а именно предоставления страховой защиты*.

Данный принцип вытекает из особенности аутсорсинга в страховании «специфичность и сложность потенциально передаваемых аутсорсеру профильных функций». Выполнение профильных бизнес-процессов или бизнес-функций требует высокой квалификации и бизнес-знаний от сотрудников, задействованных в этом бизнес-процессе или бизнес-функции.

Например, для осуществления андеррайтинговой деятельности сотрудник как минимум должен обладать навыками оценки возможности принятия риска в портфель рисков страховой организации, а также хорошо знать теорию вероятностей и экономики в целом.

Помимо сложности выполнения ряда страховых бизнес-процессов и бизнес-функций, между ними имеется тесная взаимосвязь. По мнению некоторых ученых, тесная взаимозависимость между процессом, переданным на аутсорсинг, и процессом, выполняемым собственными силами, может привести к ухудшению качества функционирования обоих процессов (Aubert B., Patry, M., & Rivard, S. (1998). Assessing the risk of IT outsourcing. System Sciences, 6, 685–692).

Таким образом, для соблюдения данного принципа страховая организация должна тщательно подходить к выявлению бизнес-процессов и бизнес-функций, которые необходимо передать на аутсорсинг, чтобы сохранить согласованность всех бизнес-процессов и бизнес-функций, которые задействованы в предоставлении страховой защиты.

Еще одним немаловажным принципом, по нашему мнению, является *принцип сохранности или улучшения качества выполнения бизнес-процесса или бизнес-функции, результат от выполнения которой отразится на качестве страховой защиты*.

Одной из основных функций страховщика является предоставление качественной страховой защиты. В основном именно результат выполнения этой функции влияет на мнение страхователя о страховой организации. Данный принцип тесно коррелирует с

общим принципом сохранности или улучшения качества выполнения бизнес-процесса или бизнес-функции и является его дополнением. Однако именно в этом принципе делается акцент на те бизнес-процессы и бизнес-функции, результат от выполнения которых прямо повлияет на качество предоставления страховой защиты.

Кроме того, некачественное выполнение именно этих бизнес-процессов и бизнес-функций может привлечь внимание надзорных органов и повлечет за собой дополнительные санкции в отношении страховщика.

Следующим важнейшим частным принципом является *принцип соблюдения норм регулирования аутсорсинговой деятельности в сфере страхования*.

Как было отмечено нами ранее, одной из особенностей страховой отрасли является жесткое государственное регулирование. Что касается российской законодательной практики, аутсорсинговые отношения регулируются косвенно, однако даже эти косвенные требования могут сказаться на аутсорсинговых отношениях между страховщиком и аутсорсером.

Более жесткое государственное регулирование использования аутсорсинга страховыми организациями осуществляется в странах Европейского Союза, США, Канады и т.д. В рамках своих государственных инициатив они ограничивают передачу некоторых бизнес-процессов и бизнес-функций на аутсорсинг, а также контролируют деятельность самих аутсорсеров.

Принцип сохранения конфиденциальности данных, обусловленных необходимостью обработки большого объема конфиденциальной информации о страхователе, также следует отнести к частным принципам.

При передаче на аутсорсинг профильных бизнес-процессов или бизнес-функций страховщик должен руководствоваться этим принципом в первую очередь. Как было отмечено выше, одной из особенностей страховых организаций, помимо конфиденциальности самих бизнес-процессов и бизнес-функций, является аккумуляция конфиденциальной информации о своих страхователях.

Однако практически всегда существует риск потери этих конфиденциальных данных путем их распространения аутсорсером, поскольку иногда аутсорсер имеет к ним доступ для их дальнейшей обработки [11].

На основе проведенного анализа мы можем заключить, что принципы аутсорсинга в страховой отрасли учитывают все ее особенности. Соблюдение страховыми организациями этих принципов позволит им получить максимальную отдачу или конкурентное преимущество от использования аутсорсинга, что немаловажно в текущей экономической ситуации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.11.1992 № 4015-1 ФЗ «Об организации страхового дела Российской Федерации».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Глава 48.
3. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402 ФЗ «О бухгалтерском учете».
4. Указание Центрального банка РФ № 3444-У от 16 ноября 2014 г. «О порядке инвестирования средств страховых резервов и перечне разрешенных для инвестирования активов».
5. Commission delegated regulation (EU) 2015/35 of 10 October 2014 supplementing Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II).
6. 2009/138/EC Directive of the European Parliament and of the Council on the taking-up and pursuit of the business of insurance and reinsurance (Solvency II).
7. EIOPA Guidance for the preparation of Solvency II, April 2013.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А.Н., 1910.
9. Аникин Б.А., Рудая И.Л. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М., 2009. – 320 с.
10. Каледжан С. Аутсорсинг для развития предпринимательства // Российское предпринимательство. – 2003. – № 6.
11. Khalfan A. (2004). Information security considerations in IS/IT outsourcing projects: A descriptive case study of two sectors. *International Journal of Information Management*, 24, 29–42.
12. Quelin B., & Duhamel F. (2003). Bringing together strategic outsourcing and corporate strategy: Outsourcing motives and risks. *European Management Journal*, 21, 647–661.
13. <http://www.cbr.ru>.
14. <http://www.insur-info.ru>.

Reference list

1. Federal Law of 27.11.1992 № 4015-1 FL "On organization of insurance business in the Russian Federation"
2. The Civil Code of the Russian Federation. Chapter 48.
3. Federal Law of 06.12.2011 №. 402 FL "On business accounting".
4. The Directive of Central Bank of the Russian Federation № 3444-U, dated 16th of November, 2014 "On the procedure of the investment insurance resources and the list of allowed investment instruments".
5. Commission Delegated Regulation (EU) 2015/35 of 10 October 2014 Supplementing Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council on the Taking-up and Pursuit of the Business of Insurance and Reinsurance (Solvency II).
6. 2009/138/EC Directive of the European Parliament and of the Council on the Taking-up and Pursuit of the Business of Insurance and Reinsurance (Solvency II).
7. EIOPA Guidance for the Preparation of Solvency II, April 2013
8. Dictionary of foreign words, included in the Russian language. Chudinov A., 1910.
9. Anikin B., Rudaya I. Outsourcing and Outstaffing: High technologies of management: Textbook. 2nd edition, Revised and enlarged edition. M.: INFRA-M, 2009. 320 p.
10. Kalejan S. Outsourcing for the development of entrepreneurship // Russian Entrepreneurship Journal. 2003. № 6.
11. Khalfan A. (2004). Information Security Considerations in IS/IT Outsourcing Projects: A Descriptive Case Study of Two Sectors. *International Journal of Information Management*, 24, 29–42.
12. Quelin B., & Duhamel F. (2003). Bringing Together Strategic Outsourcing and Corporate Strategy: Outsourcing Motives and Risks. *European Management Journal*, 21, 647–661.
13. Website: <http://www.cbr.ru>.
14. Website: <http://www.insur-info.ru>.

УДК 159.924.24

Володарская Е.А.,

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Кондратова Л.В.,

аспирант Московского института психоанализа

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу психологического феномена креативности личности и ее связи с конкурентоспособностью личности. Описаны различные подходы к исследованию креативности. Определены характеристики креативности, структура, механизмы формирования и развития творческого мышления и индивидуально-психологических особенностей. Представлена связь креативности образовательного пространства вуза как условия проявления творческого потенциала студента и развития его конкурентоспособности в будущей профессиональной среде.

Ключевые слова: креативность, творческие способности, конкурентоспособность, творческий потенциал, креативная среда вуза

Volodarskaya E.,

Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies
of Institute of the History of the Natural Science and Technology named after S. Vavilov of the Russian Academy
of Sciences

Kondratova L.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Psychoanalysis

CREATIVITY AS A COMPETITIVENESS FACTOR OF THE PERSONALITY

The article analyses the psychological phenomenon of the personality creativity and its connection with the personality competitiveness. There are mentioned the various approaches to the study of creativity. In the article there are defined characteristics of creativity, structure, mechanisms of formation and development of creative thinking as well as individual- psychological characteristics. The article is presented the relation of creativity of education space of a higher education institution as conditions for phenomenon of creative potential of a student and development of its competitiveness in the future professional environment.

Keywords: creativity, creative abilities, competitiveness, creative potential, creative environment of higher education institution

Термин «креативность» произошел от латинского слова *creatio* – сотворение, создание. До сих пор не выработано единого определения креативности, хотя большинство ученых указывают на способность личности и группы создавать продукт, который обладает новизной и при этом соответствует контексту, в котором он находится [20]. Среди других определений можно выделить и более развернутую ее формулировку: «Креативность – это способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации» [19, с. 355]. Это особенный тип интеллектуальных способностей, характеризующихся направленностью личности, склонностями, формирующимися на основе задатков и имеющих разный уровень и степень развития, выраженности. Понятие креативности связано с понятиями таланта и гениальности. Изучению способностей посвящены работы таких

отечественных психологов, как Б.М. Теплов, Т.И. Артемьева, В.М. Экземплярский и других.

Креативность – комплекс интеллектуальных и личностных характеристик, позволяющих человеку продуктивно действовать в ситуациях новизны, неопределенности, неполноты исходных данных и отсутствия четкого алгоритма решения задачи [4]. Креативность может выражаться в создании новых, необычных, оригинальных результатов, в высокоразвитом воображении, эстетическом мировоззрении, независимости, гибкости, динамичности личности, ее открытости новому социальному опыту.

Креативность неразрывно связана с творческим процессом, но в то же время отличается от понятия «творчество». Творчество есть деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей. Иначе говоря, творчество представляет собой культурно-историческое

явление. Следовательно, можно иметь творческую профессию (писатель, художник и т.д.) и не быть креативной личностью. Креативность проявляется в любых жизненных ситуациях, в которых есть новизна и неопределенность условий и требований, а не только в искусстве. Это не единичная способность, а комплекс интеллектуальных и личностных качеств, жизненных позиций. Творчество, как и некоторые другие социальные аспекты жизни индивидов, находится на вершине развития качественных характеристик антропогенеза [12].

Развитие творчества, креативности личности – путь к тому, чтобы быть успешным, сохранить целостность личности в неопределенной, изменчивой окружающей реальности [11].

Работы Т. Тардифа, Р. Стенберга, Дж. П. Гилфорда, П. Торранса, Х. Гарднера и других исследователей креативности выявили основные параметры этого психологического феномена:

- оригинальность (минимальная частота повторяемости) – способность продуцировать неожиданные ответы и решения [5];
- семантическая гибкость (частота переключений) – способность выявить основное свойство объекта и предложить новый способ его использования [6, с. 66–71];
- образная адаптивная гибкость – способность изменить форму объекта для выявления новых признаков и возможностей их дальнейшего использования [7];
- семантическая спонтанная гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи в не регламентированной ситуации [8];
- иррелевантность – сложившаяся личная логическая независимость реакции от стимулов [22, с. 52–64].

Основными составляющими креативности являются:

- индивидуальные особенности личности – направленность интересов, уровень интеллекта, широта кругозора, внимание, темперамент, эмоциональность, валидность, динамичность, настойчивость, целеустремленность, воспитанность и т.д. [10];
- жизненный опыт – все богатство накопленных навыков, ощущений, переживаний, влияние внешней среды [9, с. 125–129];
- особенности мышления – объективность, оригинальность, конструктивность, уровень антиципации, собственные аттитюды [21].

Весь комплекс особенностей интериоризации, присущий данной личности, постепенно приводит к стремлению вероятностного прогнозирования. Преобладающие мотивы и мотивационная деятельность личности всегда индивидуальны и основаны на природно-генетических задатках собственного социаль-

но-личностного восприятия, комплекса личных черт характера, уровня развитости и направленности интересов и способностей [17].

Характеристики и особенности окружающей среды, ее качественный уровень, совместно с индивидуальными особенностями личности, ее мышлением и жизненным опытом, с детства расширяют условия и возможности своевременного, постепенного, постоянного и всестороннего развития личности ребенка. Осуществление такого процесса возможно посредством развития любознательности и активности. Предоставление возможности самостоятельной деятельности и выявление осознанной направленности в детстве (с третьего года жизни ребенка) содействует развитию самостоятельности мышления ребенка, определению путей самовыражения, проявлению его склонностей и интересов [18].

Стремление личности к определенному виду творчества во взрослой жизни приводит к повышению уверенности к себе, профессиональной состоятельности, развитию интересов и знаний, свободно-му освоению существующих методик и технологий в результате многокомпонентного подхода, позволяющего посредством использования доступных средств и возможностей продвигаться в различных направлениях в решении насущных задач и проблем от простого к сложному, находить простые решения сложных проблем. Но для этого недостаточно иметь только высокую профессиональную компетентность, необходима еще и внутренняя потребность в решении проблемы и способность к самоконтролю своего психического состояния. Эта потребность удовлетворяется в результате неустанного творческого труда; синтеза, анализа и умелого использования имеющихся духовных и материальных ресурсов. Высокий уровень мотивации достижения и подготовленности в профессиональном и общекультурном развитии приводит к более высокому уровню мышления – его скорости, гибкости, оригинальности, использованию методов комбинаторики исходя из опыта различных направлений восприятия [16].

Развитие творческих способностей в доступных условиях и приемлемой форме неразрывно связано с развитием воображения и креативности, проявляющихся в заинтересованном осмыслении, проведении экспериментов и опытов, оригинальной аргументации предложения или действия, вербальной и /или практической выраженности замысла и заинтересованном стремлении к получению того или иного реального результата. На практике можно убедиться в правильности выбора, уровне предложения и исполнения, его качестве и действенности (эффективности) креативного решения [13, с. 104–109].

Качество креативности прежде всего связано со способностью выявить пробелы в собственных

знаниях, недостатки объекта, суть дисгармонии в восприятии, устройстве и функционировании объекта с различных точек зрения – эстетической, экономической, технической и т.д. [14, с. 355–357].

Развитие креативности связано с качеством среды общения, характеристиками которой являются социальный статус субъекта; культурный уровень; профессиональная принадлежность; круг интересов; выраженность преобладающего эмоционального фона; определенность шкалы ценностных ориентиров; стремление к самосовершенствованию; пути, средства и цели самовыражения [2].

Психологические характеристики креативного мышления

Интеллектуальными предпосылками креативности выступает креативное или дивергентное мышление [3]. К признакам дивергентного мышления относятся веерообразное, расходящееся по разным направлениям мышление; поиск вариантов решения задачи; неожиданность получаемых выводов и результатов.

Для творческого мышления характерно то, что стадии генерирования идей и их критическая оценка разделены во времени; нацеленность на сбор недостающей информации; максимальное расширение видения проблемного поля; использование рекомбинации – представление в новых, необычных сочетаниях существующих знаний, образов; развитое воображение – выстраивание новых отношений между элементами ситуации.

Человеку, обладающему креативным мышлением, свойственна любознательность; стремление к познанию всего нового, неизвестного для него, он ярко проявляет интерес к «объекту» внимания и мнениям других людей, общительность, наблюдательность. «Объектом» внимания может быть и физический объект, и событие, и определенное явление и т.д. Особое внимание уделяется вопросам, касающимся практической стороны использования объекта и его характеристик – материала, свойств, устройства или структуры, области применения, преимуществ, недостатков и т.д. Характер вопросов выдает многосторонность интереса к «объекту», вариативность мышления.

В своих суждениях такой человек старается быть предельно конкретным, четко высказывая свое мнение, отношение и пожелания. Такие высказывания всегда конструктивны, хотя и могут показаться некорректными с точки зрения общепринятого этикета и даже кого-то невольно «задеть». Стиль таких высказываний более приближен к афористическому. Даже при описательной либо характеризующей условный объект реплике можно уловить попытку предложить тот или иной вариант решения проблемы, т.е. обнаружить проявление дивергентного мышления или, при желании, не заметить его.

Внимательное отношение к объекту интереса проявляется в более выраженном умении слушать и слышать, усваивать и перерабатывать полученную информацию по опознаванию, определению и нахождению путей решения данной задачи, проблемы; всестороннему анализу собственных и других вариантов предложенных решений с учетом оптимальных значений, происходит процесс оценки качества идей. В данном случае имеет значение причина возникновения проблемы, ее суть (формулировка), анализ ресурсов и рисков и других, присущих именно данному объекту, факторов, использование новизны взгляда на проблему, оригинальности подхода к ее решению, уникальности метода исполнения при наличии максимально полной и достоверной информации [16, с. 98–104]. Как правило, такая информация сама нуждается в самостоятельной перепроверке.

Переработка исходной информации осуществляется на основе апперцепции, всестороннего личностного восприятия исходя из накопленного жизненного опыта и особенностей индивидуальной комбинаторики и селективного сравнения путем ассоциативной аналогии, метафоры и тому подобными способами конструктивного осмысления как всего объекта в целом, так и его частей, функций и впечатлений, производимых данным объектом. Обобщенное понимание сути проблемы может складываться в целостную картину, если саму ее разбить на части [15, с. 172–178].

Среди личностных качеств творческого человека ярко проявляется уверенность в правильном понимании сути проблемы, независимость и смелость суждений и предложений состоявшейся личности, стремление к достижению практического результата, пусть даже и поэтапно, т.е. с последующими доработками основных составляющих оригинальных идей, подходов и принципов. Спокойное или эмоциональное восприятие критических замечаний от других не может свестись к личной обиде, так как основополагающей целью является решение проблемы, а не личные амбиции. При этом достойная оценка личного интеллектуального вклада в решение проблемы не остается незамеченной, как, впрочем, и безразличное или несправедливое отношение к нему.

Достижение актуальности и оптимальности решения проблемы возможно как с использованием логики, так и с помощью вдохновения, озарения, основанного на всем комплексе осмысления цели, личном опыте, ассоциативном мышлении, эмоциональном состоянии, теоретических и практических знаниях и т.д. Инсайт есть внезапное интуитивное озарение, понимание сути ситуации в новом ракурсе. Характеристики инсайта проявляются в селективном кодировании (отборе из массива информации той, которая имеет ключевое значение); селективном комбиниро-

вании (понимании того, как надо соединить фрагменты информации, чтобы получить новое неожиданное решение); селективном сравнении (выделении связи проблемы с тем, что уже известно, решение по аналогии) [1].

Возможно проявление признаков раздражения при некомпетентном подходе других или попытках людей, далеких от креативного мышления, поучаствовать в процессе. Хотя и в этом случае возможно понимание как присутствия неизбежных помех во имя достижения результата, цели. Креативность в большинстве случаев является проявлением отношения данной личности к объектам ее внимания во многих областях и различных ситуациях.

Можно сделать вывод о доброжелательности и деятельном участии креативного человека, его соучастии и сочувствии, несмотря на, возможно, обманчивые внешние проявления – хмурость, отчужденность, критицизм и т.д. Эти внешние проявления воспринимаются намного легче и проще, чем понимание самой сути высказывания такого человека, его желания разрешить проблему в оптимальном виде и в сжатые сроки.

Но в большей степени креативность человека зависит от целостного отношения к окружающему миру (статистическая компонента) и отдельным процессам (динамическая компонента). И в этом заключается главное отличие креативного человека от других людей. В отличие от обычных людей, у которых преобладают в их поведении мотивы достижения комфортных условий жизни, у креативных людей преобладают качественно иные мотивы (таблица 1).

Как следует из таблицы, для развития креативных способностей личности необходимо сочетание различных факторов: условия внешней среды; положение в обществе, влияющее на условия полноценного развития личности, сложившихся взаимоотношений и характера общения; направленность и соответствие личных и общественных интересов; уровень развития способностей, соответствие их природным склонностям; уровень и направленность мышления; личностные черты характера; мотивация деятельности.

Креативность как качественная способность личности может развиваться в процессе целенаправленной деятельности в условиях личностного роста или внешнего (педагогического) воздействия. Существует ряд теоретико-методологических подходов выявления и развития креативных способностей (А. Осборн, Эд. Де Боно, Т. Бьюзен, У. Гордон и др.).

Конкурентоспособность креативных людей во многом зависит от восприятия и оценки в рамках ближайшего социального окружения (семья, коллеги, друзья, руководители), что обусловлено необходимостью признания значимости таких людей, ценности их деятельности для решения поставленных задач, от

понимания, поддержки со стороны внешнего окружения. При необходимости поиска оптимального решения конкурентоспособность личности резко возрастает.

Креативное предложение требует особого такта и соблюдения ряда обязательных условий для своей реализации, например необходимость коллективного характера принятия решения, привлечение других людей к процессу реализации идеи, формальная фиксация продуктов интеллектуальной собственности в виде свидетельств, патентов и т.д.

Таким образом, уровень и широта креативности личности во многом зависит от качества социальной среды, сформированного запроса на реализацию новой, актуальной и продуктивной мысли, т.е. должны присутствовать условия востребованности ее результата.

Важными психологическими аспектами изучения креативности являются динамика развития креативной личности, влияние социального окружения, критерии оценки значимости вклада в развитие общества, индивидуально-личностные особенности, такие как внимание, воображение, склонности, интерес и другие аспекты личности.

Реализация творческих замыслов должна быть сопряжена с проявлением упорства, настойчивости, целеустремленности, аргументированной убежденности, умением выстраивать продуктивные коммуникативные связи и т.д. В таком случае вероятность практической реализации идеи многократно возрастает.

Инновационная среда Московского физико-технического университета как условие развития креативных способностей студентов

Особое значение для развития креативности имеют особенности социального окружения личности. В частности, для раскрытия творческого потенциала студента в процессе его профессионального становления в вузе очень важны характер отношений «преподаватель – студент», компетенции преподавательского состава, которые выражаются в уровне профессиональной теоретической и практической подготовки; признании среди коллег; стремлении к самообразованию и повышению квалификации; заинтересованности в развитии учащихся и умении системно преподнести необходимые знания, поделиться имеющимся опытом [2, с. 107–114].

Наибольшее значение в развитии учеников приобретает фактор личной заинтересованности преподавателя в их профессиональной состоятельности, желание и умение общаться, обучать и делиться опытом. Данный процесс приобретает характерные черты долговременности, постепенности, качественности, а сами участники учебного процесса – взаимной заинтересованности, ответственности, заинтере-

Таблица 1.

Особенности креативной личности

№	Мотивы и основные черты характера людей с обычным мышлением.	Мотивы и основные черты характера людей с креативным мышлением.
1	Собственное благополучие: – социальное положение в обществе; – уровень благосостояния; – спокойный и размеренный ритм жизни; – вопросы восприятия себя окружающими, своего имиджа; – возможность пользоваться всеми благами общественной жизни для своего удовольствия; – повышенная забота о состоянии здоровья.	Любознательность, обусловленная интересом к жизни: – Что это? – Для чего нужно? – Где применяется? – Как работает? – Как устроено? Насколько эффективно? Есть ли аналоги? Любознательность, лежащее в основе чувства радости от понимания переживаемого.
2	Мышление, направленное на поддержание собственного положительного имиджа в обществе: – получение престижного образования (в отличие от ценности его качества); – стремление к получению значимой должности на работе, независимо от имеющихся способностей и соответствия ее требованиям; – стремление «отойти» от реального участия в решении поставленных задач, но при этом непременно быть участником команды; – стремление к минимальному уровню ответственности в случае неудачи; – более выраженная направленность на участие в процессе (что возможно без особых умственных усилий), чем нацеленность на результат, что требует приложения определенных усилий.	Мышление направлено на повышение уровня эффективности применения и эксплуатационных свойств «предмета интереса». Контроль над верностью направления протекания процесса и оценка соответствия результатов, включая промежуточные, изначальным устремлениям. Важна постоянная возможность осмысления: – Что можно было бы изменить для повышения эффективности? – Области и частота применяемости. – Насколько данные материалы, конструкция, устройство и функции соответствуют цели изготовления и применения? – Насколько технологично в изготовлении и обслуживании? Мышление направлено на вопросы самореализации, самообразования, самосовершенствования, чтобы сделать жизнь интереснее и разнообразнее.
3	Стабильное эмоциональное и психологическое состояние: – избегание проблемных и конфликтных ситуаций; – душевное спокойствие; – чувство удовлетворенности от имеющегося уровня потребления или неудовлетворенности завышенных запросов и т.д.	Внутренние качества, черты характера: – инициативность; – смелость; – волевые устремления; – способность к самоограничению, самопожертвованию; – чувство неудовлетворенности имеющимися достижениями; – способность к напряженному и упорному труду; – стремление к новым достижениям.
4	В мотивах выражено стремление к более спокойной и обеспеченной жизни с меньшими затратами сил и средств. Повышение уровня собственного имиджа в обществе, уровня жизни и благосостояния. Здоровое желание жить долго, счастливо и беззаботно.	Мотивы выражены в стремлении: – к наилучшему пути самореализации; – понимания сути и значимости аргументов, фактов, явлений и событий; – к самосовершенствованию путем познания; – к достижению результата, цели.

сованности в достижении конечного результата и его качестве. Легкость и эффективность процесса обучения является относительной величиной и зависит от влияния множества отдельных факторов и их сочетания.

Имея большое желание к обучению, выбранной специальности и изначально высокий уровень подготовки (что обуславливается жесткими критериями отбора), абитуриенты МФТИ попадают в интереснейший и насыщенный событиями мир науки. МФТИ занимает, наравне с МГУ, одно из ведущих мест в системе образования страны (в технических областях знаний), а по некоторым параметрам и превосходит его.

За шесть лет обучения у всех студентов МФТИ есть все возможности развить свои креативные способности. Развитие этих способностей происходит в творческой обстановке быстрыми темпами. Это достигается благодаря наличию следующих факторов:

- большой объем учебного материала;

- высокий уровень трудности и разнообразия задач, предлагаемых к решению;
- насыщенный событиями учебный процесс;
- высокий интеллектуальный и культурный уровень окружающей среды (сверстники, старшекурсники, иностранные студенты, профессорско-преподавательский и административно-технический персонал);
- высокий профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава, члены которого широко известны в научном и профессиональном сообществе;
- высокий уровень требования к знанию иностранных языков;
- сочетание теоретической и практической подготовки на протяжении всего периода обучения;
- неподдельный интерес к уровню физической подготовки студентов со стороны руководства института;
- самостоятельная научная работа под руководством высококлассных специалистов в различных областях исследований;
- требования к постоянному повышению квалификации профессорско-преподавательского состава;
- разнообразные культурно-массовые мероприятия;
- возможность участия в олимпиадах и конференциях различного уровня по отдельным предметам и направлениям;
- действующая система тьюторской и психологической помощи в первые годы обучения;

- возможность стажировки в зарубежных вузах;
- система помощи в трудоустройстве выпускников вуза (при наличии такой необходимости).

Система МФТИ позволяет не только развивать креативные способности у студентов, но и дает им высокий уровень компетенций, теоретических и практических знаний и навыков, способствующих поиску и реализации перспективных идей, умению распознать и поддержать креативные способности в других людях для достижения поставленной цели.

Таким образом, можно утверждать, что МФТИ создает условия для выявления и развития творческого потенциала студентов, что проявляется, во-первых, в развитии базы знаний и умений, накоплении и систематизации информации, способствующей появлению продуктов творческой деятельности студентов, совершенствовании навыков и умений для самостоятельного творческого поиска. А во-вторых, поддержание атмосферы доверия и поддержки, располагающей к творчеству и открытым, доверительным межличностным отношениям как студентов между собой, так и преподавателей. В итоге студенты не пассивно усваивают транслируемые им знания, а активно пересматривают их, формируя запрос на изменение содержания учебного процесса в соответствии с требованиями рынка труда. Все это проявляется в формировании конкурентоспособности у студентов и выпускников вуза, что, в свою очередь, повышает конкурентные преимущества данного учебного заведения высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М.: Академия, 2002.
2. Володарская Е.А., Кондратова Л.В. Конкурентоспособность личности как социальная установка // Российский научный журнал. – 2015. – № 4 (47).
3. Гилфорд Дж. Психология мышления / Под ред. А.А. Матюшкина. – М.: Прогресс, 1965.
4. Грецов А.Г. Тренинг креативности. – СПб.: Питер, 2008.
5. Козьяков Р.В. Психология переговоров. – М: Директ-Медиа, 2014. – 33 с.
6. Козьяков Р.В. Технология развития коммуникативной компетентности в процессе вузовского обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2007. – № 4.
7. Козьяков Р.В., Басин М.А. Методы АСПО. – М: Директ-Медиа, 2014. – 17 с.
8. Козьяков Р.В. Психология управления. – М: Директ-Медиа, 2014. – 201 с.
9. Козьяков Р.В., Заварзина О.О., Малахова С.А. Психология доверительной коммуникации // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8.
10. Козьяков Р.В. Практикум по индивидуальному и групповому консультированию. – М: Директ-Медиа, 2014. – 31 с.
11. Козьяков Р.В. Психология профессионального общения. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 24 с.
12. Козьяков Р.В. Психология социальных коммуникаций. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 24 с.
13. Козьяков Р.В. Корпоративный имидж учебного заведения // PR в образовании. – 2005. – № 1.
14. Козьяков Р.В. Фэн-шуй и имидж // Имиджелогия – 2005: Феноменология, теория, практика: материалы III Международного симпозиума по имиджелогии / Под редакцией Е.А. Петровой, 2005.
15. Козьяков Р.В., Орлова Е.А. Корпоративная культура как элемент имиджа организации // Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: материалы VI Международного симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой, 2008.

16. Козьяков Р.В. Стратегии развития корпоративного имиджа // Имиджелогия – 2010: на пути к национальной идее: материалы VIII Международного симпозиума по имиджелогии / Под редакцией Е.А. Петровой, 2010.
17. Козьяков Р.В. Методика формирования социальной активности учащихся. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 75 с.
18. Козьяков Р.В. Психология и педагогика. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 727 с.
19. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985.
20. Любарт Т., Муширу К. Психология креативности. – М.: Когито-Центр, 2009.
21. Николаенко Н.Н. Психология творчества. – М.: Речь, 2007.
22. Торшина В.А. Современные проблемы исследования креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1998. – № 4.

Reference list

1. Bogoyavlenskaya D. Psychology of creative abilities. M.: Akademiya, 2002.
2. Volodarskaya E., Kondratova L. Personality competitiveness as a social attitude // The Russian Scientific Journal. 2015. № 4 (47).
3. Guilford J.P. Psychology of Thinking / Under the editorship of A. Matyushkin. M.: Progress, 1965.
4. Gretsov A. Training of creativity. SBR.: Piter, 2008.
5. Koz'yakov R. The psychology of negotiations. M: Direkt- Media, 2014. 33 p.
6. Koz'yakov R. Technology of development of communicative competence in the process of university education // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological science. 2007. № 4.
7. Koz'yakov R., Basin M. The ASPE's methods. M: Direkt -Media, 2014. 17 p.
8. Koz'yakov R. The management psychology. M: Direkt- Media, 2014. 201 p.
9. Koz'yakov R., Zavarzina O., Malakhova S. The psychology of trust communication // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2014. № 8.
10. Koz'yakov R. Workshop on individual and group counseling. M: Direkt-Media, 2014. 31 p.
11. Koz'yakov R. Psychology of professional communication. M.: Direkt-Media, 2014. 24 p.
12. Koz'yakov R. Psychology of social communications. M.: Direkt- Media, 2014. 24 p.
13. Koz'yakov R. Corporate image of an education institution // PR in education. 2005. № 1.
14. Koz'yakov R. Feng Shui and image // Image studies – 2005: Phenomenology, theory, practice: Proceedings of III International symposium on image studies / Under the editorship of E. Petrova, 2005.
15. Koz'yakov R., Orlova E. Corporate culture as an element of image of the organization // Image studies – 2008: The image as a tool of attractiveness and competitiveness: Proceedings of the VI International symposium on image studies / Under the editorship of E. Petrova, 2008.
16. Koz'yakov R. Development strategy of the corporate image // Image studies – 2010: Towards a national idea: Proceedings of the VIII International symposium on image studies / Under the editorship of E. Petrova, 2010.
17. Koz'yakov R. Methods of formation of social activity of trainees. M.: Direkt- Media, 2014. 75 p.
18. Koz'yakov R. Psychology and Pedagogy. M.: Direkt-Media, 2013. 727 p.
19. Shorter psychological dictionary / Under the editorship of A. Petrovskiy and M. Yaroshevskiy. M.: Politizdat, 1985.
20. Lubart T., Mushiru K. The Psychology of Creativity. M.: Kogito-Tsentr, 2009.
21. Nikolaenko N. The psychology of creativity. – M., Rech', 2007.
22. Torshina V. Contemporary issues of the study of creativity in international psychology // Issues of Psychology. 1998. № 4.

УДК 378

Шаталова Н.С.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного факультета по обучению иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета

Рякина О.Р.,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой языковой коммуникации Российской академии музыки имени Гнесиных

ПОЛУФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматривается метод моделирования в контексте процесса и результата учебно-познавательной деятельности инофонов, направленный на овладение языковыми и речевыми операциями в учебной дисциплине «Русский язык как иностранный», приводятся его основные классификационные характеристики, описаны особенности его реализации в практике преподавания. При этом метод моделирования учитывает формирование и развитие способностей овладения научным знанием с использованием современных мультимедийных технологий, повышающих образовательный потенциал благодаря созданию «динамического образа» учебной информации, позволяющих иностранным обучающимся управлять представлением учебной информации. Предлагаются опорные элементы учебного моделирования.

Ключевые слова: моделирование, теоретическая модель знания, познавательный интерес, языковые и речевые объекты, учебная модель

Shatalova N.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Chair of the Russian Language as a Foreign of the Faculty on Training Foreign Nationals of the Moscow State Linguistic University

Ryakina O.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of Linguistic Communication of the Gnesin's Russian Academy of Music

THE TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE POLYFUNCTIONALITY OF MODELING

The article deals the modeling method in the context of the process and the result of learning activity of the children of migrant workers, who don't know the Russian language, and it is aimed at the acquisition of language and speech operations in the «Russian as a foreign language» academic discipline; the article authors are emphasized on its main classification characteristics; there are described the peculiarities of its implementation in teaching practice. In the process the modeling method takes into account the formation and development of abilities in acquisitioning scientific knowledge with the use of modern multimedia technologies, which are improving the educational potential through the creation of "dynamic image" of training information and allowing foreign trainees to manage the presentation of training information. There are the supporting elements of training modeling.

Keywords: modeling, theoretical model of knowledge, cognitive interest, language and speech objects, training model

Сегодня не вызывает сомнений то, что реализация компетентного подхода как педагогической доминанты модернизации высшей школы определила место и роль языковых дисциплин в общей системе профессиональной подготовки, важность формирования коммуникативной компетенции. Однако понимание коммуникативной компетенции как «метапредметной, генерализованной, комплексной в своей основе» [1, с. 34], как метапрофесси-

онального конструкта широкого спектра социального и профессионального использования, имеющего отчетливо выраженную практико-ориентированную, деятельностную направленность» [2, с. 57], обуславливает поиск решения педагогической задачи многоуровневого и многопланового ее формирования в процессе изучения языка с учетом современных потребностей общества и личности, информативно-образовательного пространства вуза.

Направленность на результативность профессиональной подготовки как целостного и ценностного процесса усвоения и понимания специальности предполагает комбинаторику педагогических подходов: системного, информационного, коммуникативного, когнитивно-коммуникативного, поликультурного, дифференцированного и т.д., применение методов и приемов системного анализа языковых и речевых средств, традиционного и компьютерного моделирования языковых и речевых систем, их разумной формализации, например, введения алгоритмов и учебных моделей разного ранга, активного усвоения информации не только вербальных, но и невербальных средств ее представления.

В данном аспекте обратим внимание на применение в практике преподавания РКИ моделирования. В современной дидактике моделирование понимается довольно широко: 1) как способ познавательной деятельности; 2) как метод обучения; 3) как дидактический принцип, дополняющий принцип наглядности. Представляя правомерность определения термина «моделирование» как омонима, считаем, что междисциплинарные многоаспектные характеристики данного термина дают основания для его рассмотрения как эффективно-доминирующего метода обучения инофонов, обладающих определенным сформированным эмпирическим опытом и развитыми способностями аналогий.

В онтогенезе психологи и дидакты (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.Ф. Талызина) предлагают анализ моделирующих способностей обучающихся, с позиций которого моделирование рассматривается как восхождение от низшей, эмпирической, к эмпирико-теоретической, высшей, форме теоретического моделирования. Моделирование как процесс познавательной деятельности и как ее результат (теоретические модели научного знания; моделирование учебного знания; учебная модель и т.д.) привлекает внимание методистов в контексте сообразности целям формирования иноязычной коммуникативной компетенции в общей системе профессиональной подготовки.

В моделировании корректируется представление об учебной познавательной деятельности как структурно-системном многокомпонентном образовании. Открытая структура познавательной деятельности зависит от специфики учебного предмета, в нашем варианте (русский как иностранный) она конкретизирована видами деятельности: языковой, речевой, текстовой, орфографической и т.д. Описание их структуры соотносится с концептом научных знаний и практической реализацией, знаниями, умениями уровней обобщения: эмпирического, формально-логического и содержательного.

Соответственно, учебно-познавательная деятельность инофонов рассматривается как познавательная деятельность, построенная по теоретико-дедуктивному типу. Формирование теоретического мышления инофонов требует специального построения

учебного курса «Русский язык как иностранный» на основе организации познавательной деятельности как усвоения содержательных обобщений – генетически исходных теоретически существенных свойств и отношений языковых и речевых объектов, условий их происхождения и преобразования, когда формируются и развиваются способности обучающегося овладеть научным знанием, воспроизвести логику научного познания, осуществить восхождения от абстрактного к конкретному – владению русской устной и письменной речью. С этой позиции можно утверждать, что у инофонов корректируются и развиваются комплексные когнитивно-коммуникативные умения и навыки.

Предметное содержание компонентов речевой деятельности реализуется учебной моделью (языковой или речевой) – материальным объектом, который фиксирует обобщение существенных свойств и функциональных связей структур этой деятельности как всеобщее отношение некоторого целостного объекта и обеспечивает их дальнейший анализ. Будучи продуктом мыслительного анализа, учебная модель сама является особым средством мыслительной деятельности человека. Поэтому она может быть представлена как ориентировочная основа умственных действий, текстуально, графически оформленная модель изучаемого действия, система условий правильного его выполнения [3, с. 103]. При этом у обучающихся в процессе целенаправленного управления мыслительных операций – моделирование в варианте учебной модели – устанавливается единство системы понятий и их взаимодействий, обеспечиваются необходимые условия для порождения структур нового знания. Процессуально обучающийся проходит четыре стадии: 1) знакомство с предлагаемой ситуацией решения языковой, речевой задачи, ориентирование в ней; 2) овладение образцом преобразования материала, в результате чего выявляются наиболее существенные отношения, служащие основой решения речевой задачи; 3) фиксация выявленных отношений в той или иной модели, в основном знаковой, графической, а большей частью смешанной; 4) выявление тех свойств выделенных отношений, благодаря которым можно вывести условия и способы решения речевой задачи, опираясь на учебную исходную модель, в основе которой лежит элементарная теоретическая языковая или речевая модель.

Специфика учебной деятельности на основе анализа – объем лингвистических знаний, определяющих свойства выводимой учебной модели. При этом учебная модель всегда по своей природе интегрированная, так как выводится она на основе анализа нескольких теоретических моделей. Выведение системы понятий для каждой модели, проверка выводимости одного понятия из другого составляют процесс моделирования и направлены на усвоение навыков и умений разного уровня обобщения.

Уточним, что синонимично с понятием и термином «учебная модель» в дидактике используются и другие: опорная схема, опорный конспект, денотатная схема, структурно-логическая схема, динамический плакат, блок-таблица и т.д., доминирующим критерием которых является системное представление знаний в форме «содержательных обобщений» научных понятий и фиксация отношений между ними.

Учебная модель может иметь различные типы и виды оформления: графические, текстовые, смешанные графически-текстовые в виде опорных схем, логико-структурных схем, опорных конспектов, алгоритмов-схем, алгоритмов-инструкций и т.д. При этом современные мультимедийные технологии повышают образовательный потенциал учебных моделей, например, позволяют объединить статическую визуальную информацию (текст, графику, цвет) и динамическую (анимацию) и создать динамический «образ» учебной информации, образ-представление, обуславливая диалоговый, интерактивный характер педагогического взаимодействия. Это также позволяет обучающемуся в определенных пределах управлять представлением информации, самостоятельно выбирать темп изучения материала. При этом эффективная образная визуализация обеспечивает прочность запоминания, развивает воображение и модельное видение, стимулирует интерес.

Обучение иностранному языку инофонов с использованием учебных моделей актуализирует развитие познавательной деятельности как речевой деятельности всех видов, так как с понятием учебной модели и вариантами ее реализации они сталкивались на разных этапах приобретения эмпирического опыта при обучении родному языку. В данном контексте метод моделирования понимается нами как метод бинарного диалогического обучения, в основе которого лежит учебный характер и содержание познавательной деятельности обучающегося, его саморазвития, саморегуляции и т.д.

Моделирование как метод обучения реализуется продуктивными гностическими приемами: частично поисковыми, эвристическими, проблемными, собственно научно-исследовательскими.

Поскольку моделирование познавательной деятельности в учебной дисциплине «Русский язык как иностранный» направлено на овладение языковыми и речевыми операциями, то достижение целей на разных этапах обучения предполагает реализацию качественно различных приемов и методов и средств обучения. Соответственно, различным будет и гностический подход к моделированию: эмпирическому, эмпирико-теоретическому, теоретическому. При обучении языку учебное моделирование достигает только второго уровня, когда понятие или группа понятий осознаются на деятельностном уровне – на основе реализации системы общих и частных способов учеб-

ной деятельности. Учебная модель строится на учете характера процесса усвоения знаний; представления о его функционировании; функционального применения знаний – представлений общих и частных способов выполнения деятельности, при котором осуществляется синтетическое преобразование знаниевой модели в деятельностную. Процесс функционального применения знаний может быть приостановлен или продолжен, в последнем случае деятельностная модель используется на уровне тренинга или развивается до уровня построения новой системы понятий, постепенно приобретая способность к выводному знанию как основе следующей учебной модели.

К сожалению, проблема выявления специфики формирования и оперирования научным знанием в учебных целях в вузовском преподавании РКИ и выявление знаниевого содержания деятельности инофонов не исследованы, а все попытки практического решения данной проблемы еще более подчеркивают несистемность и фрагментарность информации. Вместе с тем глубокое знание классической научной школы речевой деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев), современной научной информации школы отечественной психолингвистики (Е.Ф. Тарасов, Н.И. Уфимцева, Ю.А. Сорокин и др.) позволяет найти обоснование этой проблемы.

Так, Л.С. Выготский считал, что научное знание представлено «совокупностью существенных признаков и совокупностью истинных суждений о них» [3, с. 89]. Теория речевой деятельности, идеи ее развития, анализ механизмов речемышления, функций его самосовершенствования: комплексирования, концептуализации и категоризации – в дидактике трансформированы в теории развивающего обучения.

В обучении языку инофонов актуально овладение системой понятий как единицами различных языковых моделей. Метод моделирования позволяет исследовать языковые и речевые объекты различной природы (уровней языковой системы) по их аналогам (моделям) для определения или уточнения характеристик существующих или вновь конструируемых объектов.

Принимая метод моделирования как основной в обучении русскому языку как иностранному, следует отметить эффективность обучения с моделями разных видов и типов. В каждом конкретном случае идет: 1) процесс индуктивно-дедуктивного стяжения системы понятий, подготавливающих выведение нового понятия; 2) процесс индуктивно-дедуктивного познания содержания новой речевой деятельности по аналогии; 3) индуктивно-дедуктивная организация оперирования понятиями.

Формируя речевую деятельность на занятиях по русскому языку, обучающийся постепенно переходит от эвристического представления понятия к его самостоятельному выведению в результате первичного на-

учного поиска. В работе с учебными моделями идет наращивание учебной информации, определяются разные уровни осознания целей и способов формируемой речевой деятельности на иностранном языке. Поэтому дидактической единицей обучения РКИ можно считать языковую и речевую модели, в которых синтезируются параметры теоретической и деятельностной моделей. Система учебных моделей составляет содержание знаний, умений и навыков, необходимых для речевого общения, реализации речевой деятельности. В этом случае профессионально ориентированная учебная деятельность характеризуется по относительности предметного научного знания и по способам ее реализации – системе общих и частных способов ее выполнения. В единстве теоретического (концептуального) и операционного знания обнаруживаются качества (характеристики, параметры) профессиональной деятельности.

Метод моделирования имеет различное качественное наполнение в зависимости от этапа формирования профессиональной компетенции. Так, на первом этапе (объяснительно-иллюстративном) применим эвристический метод установления взаимоотношений, взаимозависимостей и взаимообусловленностей языковых и речевых объектов. Здесь предпочтительнее объяснительно-иллюстративное представление учебных моделей и эвристических приемов, установление связи между ними.

Итак, метод моделирования в методике обучения языку инофонов, как показывает наш опыт [4, с. 10], себя оправдывает. Учебная модель должна рассматриваться как исходная типовая обобщающая языковая или речевая схема, далее конкретизируемая языковым и речевым материалом.

Работа с учебной языковой и речевой моделью многокомпонентна: она может быть матричной

(схематичной), скрытой или открытой структуры; с обратным ходом действия. Ее реконструкция дается на основе аналогичных, известных обучающемуся учебных моделей; она может восстанавливаться по опорным элементам; может быть обобщенной и строиться по тем или иным параметрам, известным инофону.

Трансформации учебной модели обеспечивают прочность и сознательность языковых знаний, а количество разнообразных приемов в определенной последовательности позволяет познать языковой или речевой объект в его развитии. В методических интерпретациях учебных моделей предлагается технологическая карта учебного моделирования:

1. Узнавание учебной модели.
2. Идентификация учебной модели.
3. Репродукция учебной модели по структуре.
4. Репродукция учебной модели по лексическому составу.
5. Репродукция учебной модели по ключевым элементам.
6. Наблюдение и выбор данной учебной модели из ряда.
7. Проецирование учебной модели на конкретный языковой и речевой материал (устное, письменное).
8. Тренинг (актуализация учебной модели на конкретном языковом и речевом материале – копирование, воспроизведение, коррекция).

Таким образом, обращение к моделированию как методу обучения языку актуализирует мотивы самосовершенствования личности, определяет формирование индивидуального стиля учебной деятельности, является средством предметного (языкового), общего (интеллектуального) и специального (профессионального) развития личности.

Список литературы

1. Баранников А.В. Компетентностный подход и качество образования. – М.: Московский центр качества образования, 2008. – 144 с.
2. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Саманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 234 с.
3. Рякина О.Р., Ростовцева П.П. Формирование и развитие коммуникативных способностей студентов неязыковых вузов // Мир образования – образование в мире. – 2014. – № 2.
4. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: АСТ, 2010. – 672 с.
5. Шаталова Н.С. Речевой компонент профессиональной подготовки иностранного контингента, обучающегося в военном вузе. Технология формирования. – М.: ВАО, 2001. – 198 с.

Reference list

1. Barannikov A. The competence approach and education quality. M.: The Moscow Centre of Education Quality, 2008. 144 p.
2. Zeer F., Pavlova A., Samanyuk E. Modernization of professional education: The competence approach. M.: The Moscow Psychological-Social Institute, 2005. 234 p.
3. Ryakina O., Rostovtseva P. The formation and development of communicative abilities of students of non-linguistic higher education institutions // World of Education – Education in the World. 2014. № 2.
4. Vygotskiy L. Educational Psychology. M.: AST, 2010. 672 p.
5. Shatalova N. The speech component of professional training of foreign students, training in a military higher education institution. The forming technology. M.: MADM, 2001. 198 p.

УДК 314.012

Ростовская Т.К.,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организации работы с молодежью
Российского государственного социального университета

Кучмаева О.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента статистики и анализа данных
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЧЛЕНОВ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (анализ Всероссийского социологического исследования)

В ходе исследования авторами выявлены новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе. Дана оценка имеющегося потенциала демографического развития, материального положения молодых семей, их мнений о межпоколенческих отношениях, роли семейной политики в обеспечении семейного благополучия.

Ключевые слова: молодая семья, благополучная молодая семья, ценность первого зарегистрированного брака, жизненные стратегии членов молодых семей

Rostovskaya T.,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Work Organization with Youth of the Russian State Social University

Kuchmaeva O.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis
of the National Research University "Higher School of Economics"

NEW TRENDS IN THE FORMATION OF LIFE STRATEGIES OF YOUNG FAMILIES' MEMBERS IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY (The analysis of All-Russian sociological research)

During research the article authors are identified new trends in the formation of life strategies of young families' members in contemporary Russian society. There is given an assessment of the existing potential of the demographic development, the material status of young families, their viewpoints on intergenerational relationships and the role of family policy in ensuring family welfare.

Keywords: young family, prosperous young family, value of first registered marriage, life strategies of young families' members

Введение

Трансформация института семьи и ролевых функций в ней приводит к тому, что в современном российском обществе остро стоит проблема формирования адекватных представлений молодежи о семье.

Особое место в структуре семей занимают молодые семьи. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 13,5% состоящих в браке мужчин и 23,5% состоящих в браке женщин находятся в возрасте до 30 лет [4]. В процессе воспроизводства населения молодая семья играет определяющую роль, 62% общего числа детей (2014 г.) в стране рождаются у женщин моложе 30 лет [5].

Социологическое исследование «Формирование позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе», проведенное в 2015–2016 гг. было сфокусировано на выработке стратегий поддержки молодой семьи.

Целью исследования являлся комплексный анализ жизненных стратегий членов молодых семей с целью получения оценки имеющегося потенциала демографического развития, материального положения молодых семей, их мнений о межпоколенческих отношениях, роли семейной политики в обеспечении семейного благополучия.

Для достижения поставленной цели предполагалось решение ряда задач:

а) выявление мотивационных установок членов молодых семей на сохранение семьи в будущем и реализацию репродуктивных планов;

б) определение роли государственных институтов и образовательных организаций в формировании позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе;

в) определение ключевых барьеров, препятствующих жизнедеятельности членов молодой семьи в современном российском обществе, а также возможных рисков ее распада.

Характеристика выборочной совокупности

В рамках данного исследования под «молодой семьей» нами понимается семья, состоящая из супругов активного репродуктивного возраста (до 30 лет), проживающих в первом зарегистрированном браке, с родственниками или без них, с детьми или без них, с ориентацией на рождение детей в браке. Формирование образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей, является приоритетным направлением утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основ государственной молодежной политики до 2025 года».

В этой связи необходимо подчеркнуть, что впервые в российском обществе в качестве одного из основных критериев отнесения к категории «молодая семья» выдвигается состояние супругов в первом зарегистрированном браке. Подобный подход направлен на формирование ценностей семейной культуры в молодежной среде, воспитание в будущем поколении серьезного отношения к браку, значимости стабильных брачных отношений, готовности к компро-

миссу в семейной жизни, способности принять точку зрения супруга, ответственности за будущее семьи и детей.

Всероссийское социологическое исследование «Формирование позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе», проведенное в 2015–2016 гг. в 7 федеральных округах. Численность опрошенных составила 2000 чел. – членов молодых семей в возрасте до 30 лет. Руководители исследования – доктор социологических наук, профессор Т.К. Ростовская и доктор экономических наук, профессор О.В. Кучмаева.

Объектом исследования являлись члены молодых семей в возрасте до 30 лет 19 субъектов РФ, 7 федеральных округов:

Центральный федеральный округ – Москва, Тамбовская область, Рязанская область, Тульская область;

Северо-Западный федеральный округ – Республика Карелия, Архангельская область;

Приволжский федеральный округ – Кировская область, Саратовская область, Республика Татарстан, Республика Чувашия;

Сибирский федеральный округ – Республика Хакасия, Республика Бурятия;

Уральский округ – Курганская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский федеральный округ;

Дальневосточный федеральный округ – Чукотка, Хабаровский край;

Северо-Кавказский федеральный округ – Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край.

В числе опрошенных – 67% женщин и 33% мужчин. Возрастной состав респондентов представлен на рис. 1.

Молодой возраст – это тот период в жизни человека, когда происходит образовательный рост и профессиональное становление. Но это и возраст

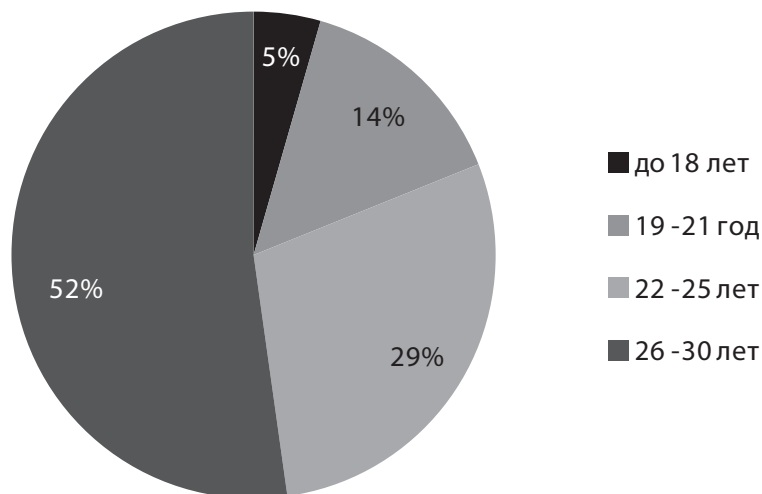

Рис. 1. Возрастная структура участников опроса, %

реализации матримониальных и репродуктивных установок, создания семьи. По данным исследования, доля несовершеннолетних респондентов составила 5%, лиц в возрасте 19–21 лет – 14%; 22–25 лет – 29%, большая часть респондентов (52%) – это молодые люди в возрасте 26–30 лет. В целом происходит смещение возраста создания семьи к верхней границе молодежного возрастного интервала. Данная тенденция нашла отражение и в ряде целевых программ в интересах молодой семьи, где возраст молодых супругов – участников программ увеличен до 35 лет.

На момент опроса брак зарегистрирован у 84% опрошенных, у 6% официально не зарегистрирован, 2% респондентов уже живут порознь, хотя пока и не разведены. У 8% респондентов брак уже окончательно распался, т.е. большинство молодых людей предпочитает регистрировать первый брак, что, в частности, продемонстрировали и исследования, проведенные Центром по изучению проблем народонаселения МГУ [2, с. 129–136].

Наряду с этим анализ уровня образования молодых супругов показал, что большинство молодых людей – 80% – вступает в брак после получения высшего профессионального образования.

Данные опроса говорят о том, что молодые люди не спешат жить вместе до тех пор, пока не узнают больше друг о друге. Более трети молодых супругов были знакомы с супругом (супругой) более 3 лет до начала совместного проживания. В целом 80% молодых людей (вступивших впоследствии в брак) начинают жить вместе не ранее, чем через полгода после начала отношений.

Многие молодые люди находят друг друга в различных общественных местах. Большинство (56% респондентов) познакомились во время культурного досуга (дискотеки, вечеринки у друзей, прогулки); некоторых учеба в вузе объединила (21%), а также есть

молодые люди, которые познакомились в социальных сетях (2%).

В определенной степени объективным индикатором устойчивости семьи является семейный стаж. С одной стороны, более длительный стаж брака свидетельствует о готовности супругов идти на компромисс в семейной жизни. С другой стороны, с возрастом могут возникать ситуации, когда стаж семейной жизни прибавляет супругам требовательности в отношении друг к другу.

Данные рисунка 3 демонстрируют, что большая часть респондентов (54%) состоит в браке уже более 3 лет.

Подавляющее большинство респондентов работает по найму (74%) на основной или постоянной основе, 11% занимаются предпринимательством, 6% продолжают обучение. Порядка 8% опрошенных (прежде всего женщины) находятся в отпуске по уходу за ребенком (рис. 4).

Семья в глазах молодых супругов

Результаты исследования мотивов заключения брака демонстрируют, что, вступая в брак, супруги реализуют прежде всего свою потребность в близком человеке (потребность любви, принятия) [3, с. 125–130].

В контексте понимания процессов, происходящих с институтом семьи, важно выяснить, что молодые супруги понимают под семьей как таковой, с чем в глазах молодежи ассоциируется институт семьи. Для большинства респондентов семья – это, прежде всего, проявление любви к супруге и детям (69%); 24% считают, что семья – продолжение рода, и лишь 3% молодых семей полагают, что брак является обузой. Данные об ответах респондентов представлены на рисунке 6. Молодые люди довольно редко указы-

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню образования, %

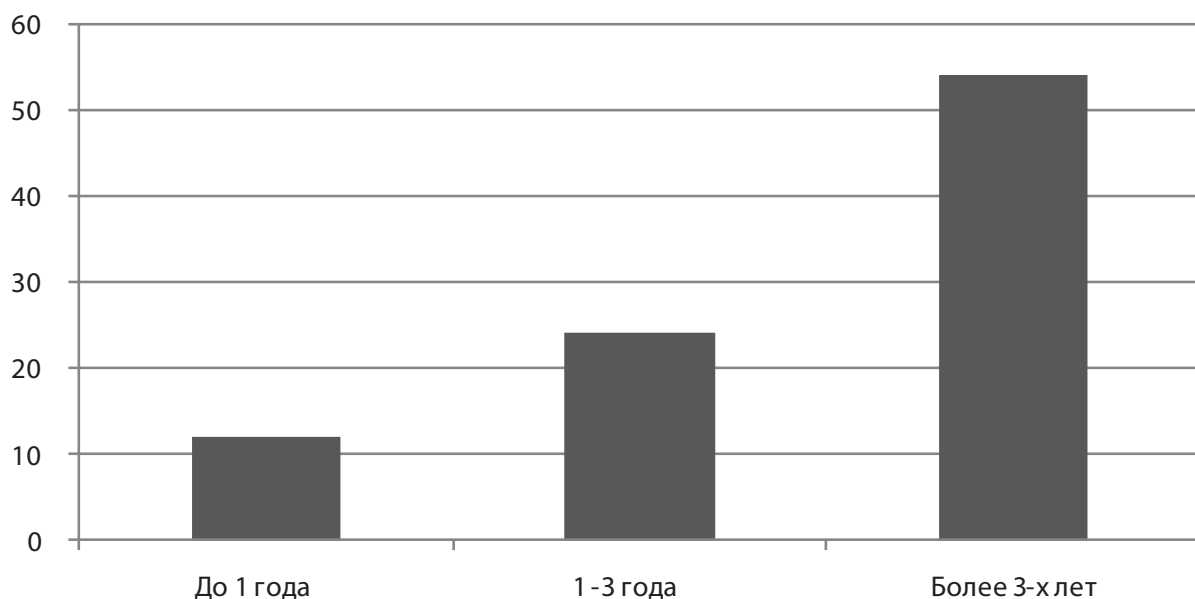

Рис. 3. Распределение респондентов по стажу семейной жизни (в %)

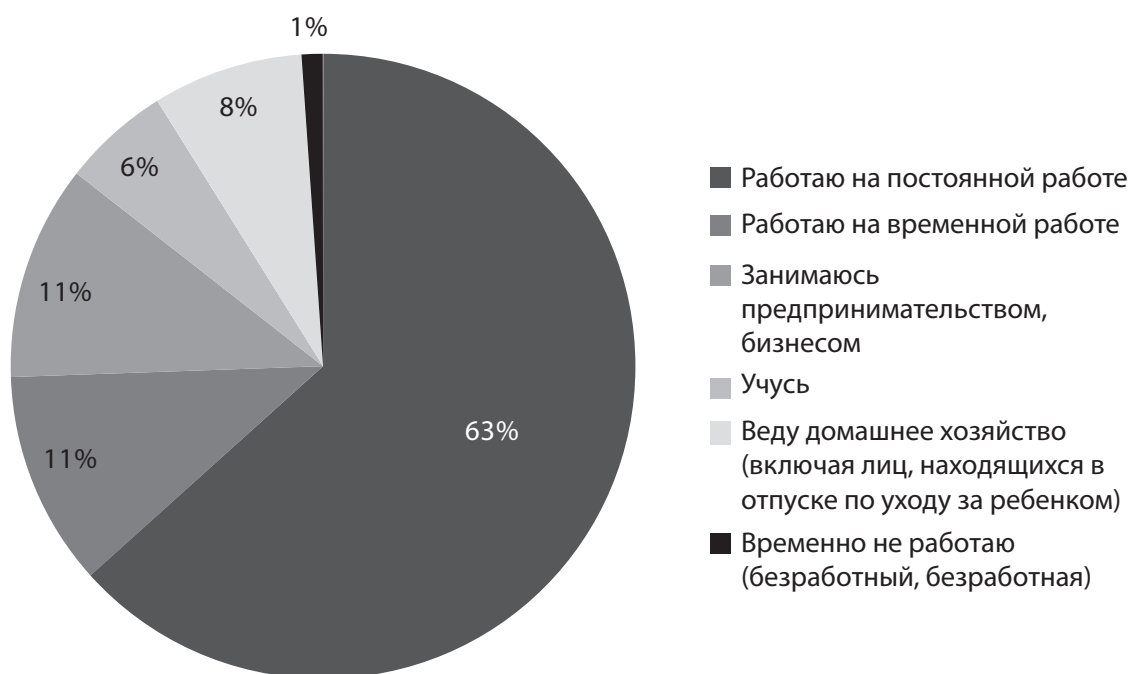

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каково ваше основное занятие?», %

вают на недостатки семейной жизни. Вместе с тем настаивают, что незначительное число опрошенных отмечают роль семьи в качестве убежища от стресса и места для самореализации. В первую очередь молодые люди обращают внимание на чувство любви как основу брачных и семейных отношений (рис. 5).

Превалирование романтического отношения к семье, роли семьи в своей жизни прослеживается и в ответах молодых людей на вопрос о мотивах создания семьи. Подавляющее большинство респондентов (82%) вступили в брак по любви. Остальные варианты ответов распределились следующим образом: по 2% молодых людей создали семью по расчету и в силу

того, что необходимо быть семейным, а также 3% опрошенных заключили брак по наставлению родителей, 5–6% респондентов объясняют создание семьи желанием иметь детей и сложившимися обстоятельствами.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Оправдались ли Ваши надежды на семейное счастье?».

Данные опроса показывают, что для молодых людей важны чувство любви (23,6%), забота друг о друге (15,5%), о детях (16,1%), бытовой комфорт (13,0%), взаимопонимание с супругой (супругом) (10,6%), а сексуальное влечение (1,2%) и материальное благополучие (5,6%) уходят на второй план.

Для современного мира характерна мозаичность моделей брачных отношений. Для большинства опрошенных респондентов важен прежде всего зарегистрированный брак, без заключения брачного договора (рис. 6).

Таким образом, брачный контракт в России, в отличие от США и стран Западной Европы, не стал обязательным атрибутом при вступлении в брак. Как указывают юристы и социологи, это связано с роман-

тическим отношением к браку, убеждению, что он должен быть основан только на любви. Кроме того, материальное положение подавляющей части населения России остается достаточно низким, в результате чего вступающие в брак не видят необходимости регулирования имущественных отношений в браке, тем более что оформление брачного контракта может потребовать затрат, которыми люди не располагают. Однако надо иметь в виду, что заключение брач-

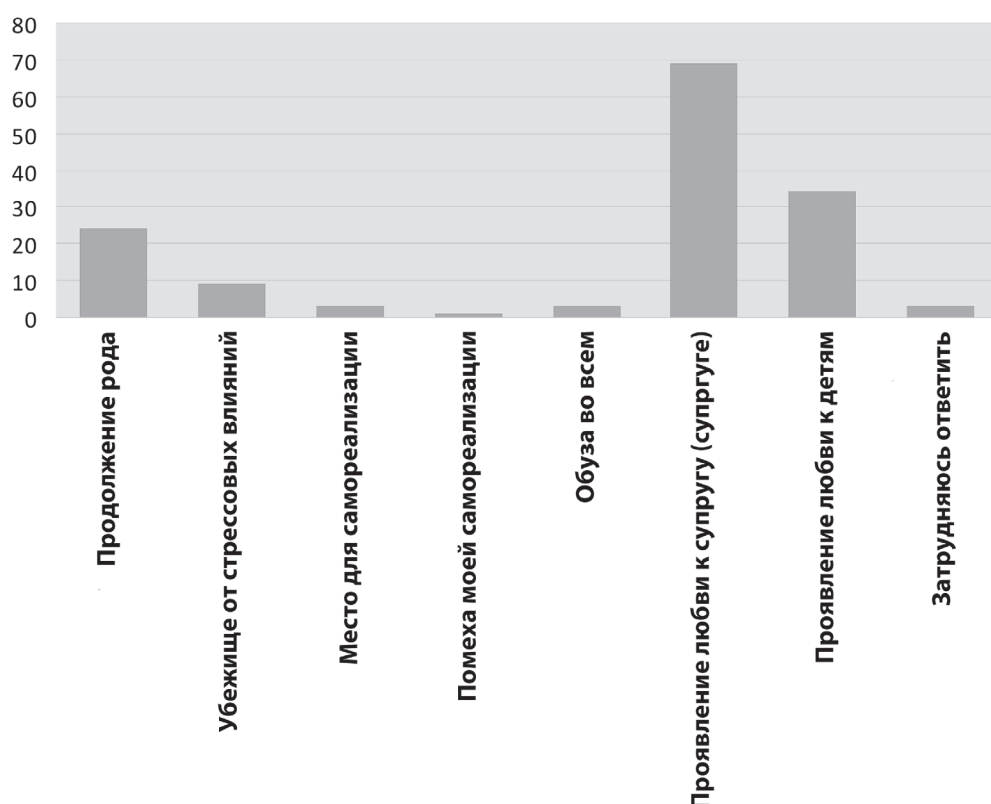

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Семья для Вас – это...», %

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая форма семьи вам больше всего нравится?», %

ного договора позволит избежать многих проблем в случае семейных конфликтов.

У большей части опрошенных (79%) мыслей о разводе не возникает, однако у 16% молодых людей иногда появляются мысли о разводе, а у 5% относящихся, видимо, к группе риска в контексте возможного распада семьи такое желание появляется часто.

Большая часть респондентов (79%) оценивает свой брак как удачный. Однако 21% опрошенных сомневаются либо однозначно полагают, что их брак неудачен. Это достаточно печальное соотношение для совокупности молодых семей: каждый пятый брак, возможно, распадется в ближайшем будущем.

Однако от реализации мыслей о разводе молодых людей удерживает ряд причин:

- будущее детей (53%);
- собственное будущее (30%);
- жилищная проблема (10%);
- мнение окружающих (4%);
- отсутствие сексуального партнера (1%);
- боязнь остаться неженатым (незамужней)

(2%).

Это достаточно разноплановый спектр причин, среди которых лидирующее место занимают ответственность за будущее детей и сомнения (неуверенность) в собственном будущем в случае распада семьи.

Значимой причиной для разрыва супружеских отношений, распада семьи остается супружеская измена. 42% опрошенных пошли бы на разрыв отношений в случае супружеской измены, 6% ответили бы на измену изменой, столько же (6%) допускают применение физического наказания в случае супружеской

неверности; 20% поступили бы в зависимости от обстоятельств, и только 3% простили бы измену супруга. В целом, судя по ответам молодых людей, супружеская измена является неординарной ситуацией в жизни молодой семьи. Это является еще одним свидетельством романтического отношения супругов в возрасте до 30 лет к брачным и семейным отношениям.

Дети – отражение родителей. В повседневной жизни родители передают своему ребенку модель поведения в обществе. Представляет интерес уровень авторитета родительской семьи для детей, в частности, под чьим влиянием формируется у детей идеальный образ семьи как образец для подражания [8, с. 108–109]. Роль родительской семьи в формировании собственных представлений о семье и семейной жизни весьма велика. У 38% опрошенных образ жизни родителей вызывает восхищение, для кого-то (37%) – уважение, а для некоторых – это повод для осуждения. Распределение ответов представлено на рисунке 8.

Важным аспектом семейных отношений выступают межпоколенные взаимоотношения, особенно отношения детей и родителей. Какую же роль, по мнению опрошенных, играют родители в их семейной жизни?

Лишь 2% молодых людей затруднились с ответом на вопрос. Прежде всего родители помогают молодым супругам воспитывать детей (61% опрошенных). Это весьма значимая и необходимая помощь, с учетом дефицита мест в детских дошкольных учреждениях. В 18% случаев родители помогают своим взрослым детям материально, 13% респондентов отметили, что их родители постоянно общаются с ними, дают по-

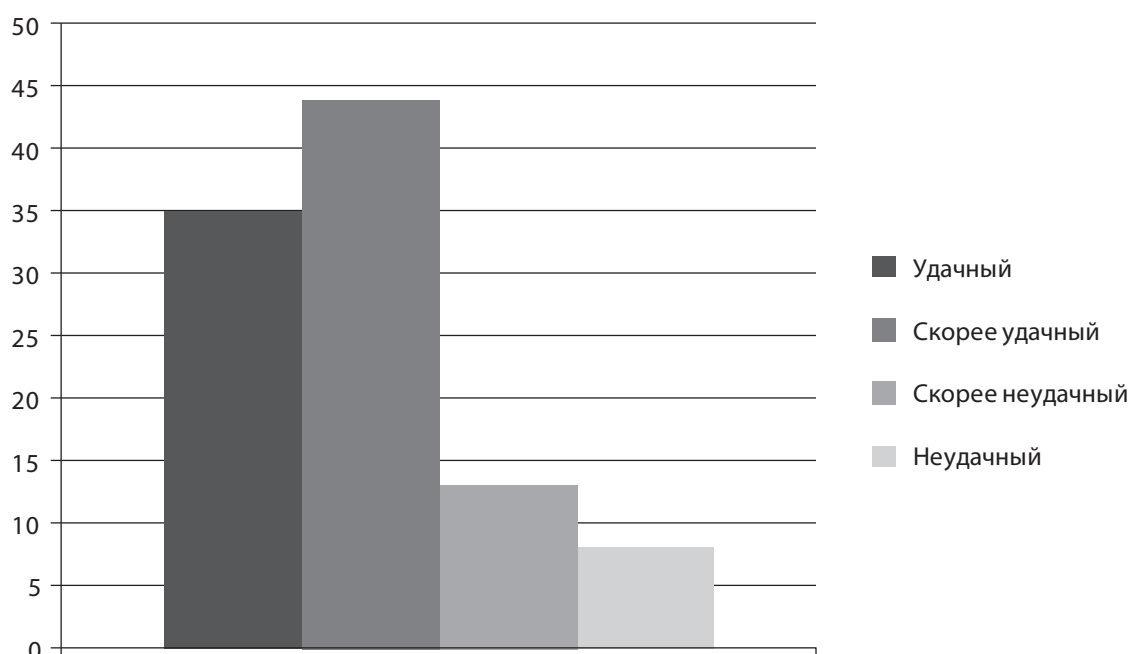

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свой брак?», %

Рис. 8 . Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к образу жизни Ваших родителей?», %

лезные советы. Показательно, что никто из молодых супругов не дал ответа, что их родители вносят разлад в их семейную жизнь. Лишь в 6% молодых семей родители вообще не интересуются делами молодой семьи.

Это достаточно типичная ситуация для российской семьи – родители тесно общаются с молодой семьей, оказывают им помощь – и материальную, и нематериальную. До настоящего времени потоки материальной помощи направлены в основном от родительской семьи к своим уже выросшим детям. «Цена» российской бабушки – занятость молодых трудоспособных членов почти половины всех городских домохозяйств с детьми (или 8% всех российских домохозяйств), причем в трети из них – занятость максимальная, т.е. оба родителя (или один родитель в случае проживания без партнера) заняты на полную ставку и выше [7, с. 636–637].

Семья и дети

Семья является ведущим социальным институтом, ответственным за формирование демографического потенциала, играет огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Когда рождается ребенок, в паре прежде всего меняются социальные роли – женщина, кроме роли дочери, жены, должна еще освоить роль матери, мужчина, помимо супруга, должен выполнять роль отца. В настоящее время в современном обществе экономические мотивы рож-

дения детей не являются ведущими, социальные мотивы уходят на второй план, пропуская вперед психологические – желание почувствовать себя родителями. Однако с рождением ребенка зачастую возникают проблемы в молодой семье, связанные не только с материальными трудностями, но и с нерешенными вопросами в распределении обязанностей, с нехваткой времени и усталостью, неготовностью в ряде случаев менять устоявшийся образ жизни и привычки.

На рисунке 9 представлены данные о количестве детей у опрошенных молодых людей.

Важно отметить, что у 74% молодых семей уже есть дети, у 3% – даже более 3-х детей. В то же время для значительной части молодых супругов создание семьи не связано обязательно с рождением детей, в 26% молодых семей детей пока нет.

Данные опроса свидетельствуют о том, что 48% опрошенных хотят одного ребенка, 39% молодых семей планируют рождение двоих детей, а более 13% мечтают о трех и более детях. Важно, чтобы репродуктивные намерения молодых супругов могли полностью реализоваться. И особую роль в этом случае может сыграть государственная семейная политика (рис. 9).

Эти данные в определенной степени отличаются от результатов Всероссийской переписи населения 2010 г.: в ходе ее проведения 31,2% женщин ответили, что у них есть 1 ребенок; 34,4% – двое детей; 12,9% – 3 и более детей; 21,5% дали ответ, что детей у них нет.

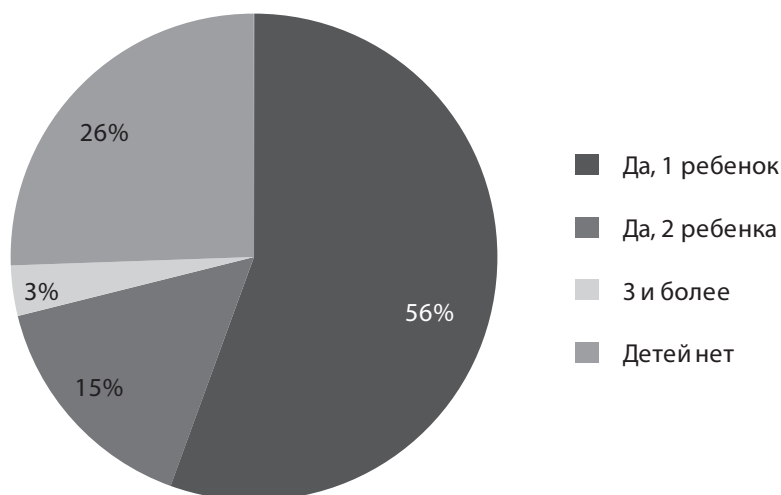

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Есть ли у Вас дети?», %

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы считаете наиболее важным по отношению к ребенку сегодня?», %

Диаграмма показывает, что молодые супруги понимают прежде всего под воспитанием детей (рис. 10):

- дать хорошее образование (67%);
- воспитывать культурного, нравственного человека (44%);
- прокормить, одеть, обуть (36%);

- приучить к самостоятельности, независимости (25%);

- уберечь от влияния преступного мира (23%).

Период воспитания ребенка дошкольного возраста нередко становится для родителей одним из самых сложных. Как показывает целый ряд исследо-

ваний, родители часто сталкиваются с нехваткой времени на воспитание детей. В частности, по данным исследования «Интеграция интересов института семьи и образования в контексте воспитательных стратегий», проведенного с участием одного из авторов в 2013 г. (Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект 13-06 – 18021), лишь около 18% родителей утверждают, что им удается общаться с детьми в нужном объеме времени. Родители связывают невозможность полноценного общения с детьми прежде всего со своей занятостью, дополнительной работой, переработками (33%) и загруженностью домашними делами (19%). Наряду с этим, среди комплекса проблем для семей на первом месте с большим отрывом стоят «недостаток свободного времени» (44,6% родителей) и «усталость, переутомление» (40,8%).

Большую помощь в воспитании детей может оказать молодым родителям развитая инфраструктура детских учреждений, в том числе дополнительного образования. Как показало Выборочное обследование репродуктивных планов населения, проведенное Росстатом в 2012 г., около половины женщин выходят из отпуска по уходу за ребенком по достижении им возраста полутора лет, не используя возможность находиться дома и воспитывать ребенка до 3 лет [1]. Кроме того, многим родителям не хватает педагогических навыков и знакомства с методиками воспитания и образования детей дошкольного возраста, чтобы обойтись без услуг специализированных учреждений.

Выбор школы – один из ответственных шагов, которые совершают родители в отношении образования своего ребенка. Тем более, как показали результаты опроса, выбор образовательной стратегии для детей – это важная часть современного воспитательного процесса семьи.

55% опрошенных ответили, что отдадут ребенка в обычную государственную школу; 21% молодых семей планируют обучать своих детей в специализированных государственных школах, 17% опрошенных решили отдать ребенка поближе к дому, 7% респондентов ориентируются на частное образование для своих детей. И лишь 3% опрошенных затруднились с ответом.

Экономические проблемы молодой семьи

Материальное положение молодой семьи, его оценка молодыми супругами определяет многие аспекты жизнедеятельности семьи, выполнение ее функций, в том числе и важнейшей – репродуктивной. В ходе исследования респондентам были заданы вопросы, позволяющие оценить динамику материального положения молодой семьи (рис. 11).

Показательно, что ни один из респондентов не дал ответа: «Ухудшилось так, что просто не знаем, что делать». Это определяется как реальной ситуацией с доходами молодых супругов, так и более оптимистичным настроением молодых людей (что прослеживается обычно в ходе исследований при сравнении мнений представителей различных возрастных групп).

Рис. 11. Оценка динамики материального положения своей семьи по мнению респондентов, %

Большая часть респондентов уверена в стабильности материального положения своей семьи, 57–58% респондентов полагают, что материальное положение их семьи останется на прежнем уровне. Значительная часть молодых людей полагает, что в будущем динамика уровня жизни их семьи будет еще более позитивной, чем ранее.

Если 15% респондентов дали ответ, что по сравнению с прошлым годом их материальное положение стало хуже, то в отношении будущего негативные прогнозы делают лишь 4% респондентов.

К сожалению, можно заметить, что 13% опрошенных не уверены в завтрашнем дне и затрудняются ответить, изменится ли финансовое положение их семьи.

В зависимости от материальных возможностей родительских семей и от степени материальной независимости каждого из супругов чаще всего встречаются три варианта начала построения молодой семьи: а) молодожены проживают совместно с родителями одного из супругов; б) молодожены снимают квартиру; в) молодожены сразу имеют отдельную квартиру [6, с. 83].

Данные рисунка 12 показывают, что 50% опрошенных респондентов живут с родителями, 16% семей с детьми снимают квартиру, 3% снимают комнату, 28% живут в своей квартире, 3% живут в общежитии. Это актуализирует реализацию мер, направленных на решение жилищной проблемы молодой семьи.

Поддержка молодой семьи

Благополучное функционирование современной семьи невозможно без реализации государственной семейной политики. В настоящее время в

научной среде и общественной практике разрабатываются и реализуются различные, зачастую противоположные друг другу, подходы к пониманию проблем семьи и соответствующие мероприятия семейной политики. Основной целью считается обеспечение благоприятных социальных, экономических и нравственных условий для наилучшего выполнения семейных функций и обеспечения свободного развития каждого члена семьи.

Во многом эффективность реализуемых мер будет зависеть от их востребованности различными семьями, учета интересов и ценностных ориентаций представителей различных поколений.

Исследование продемонстрировало невысокий уровень информированности молодых людей о реализуемых в интересах молодой семьи мерах поддержки. Так, знают о жилищных программах для молодых семей лишь 57% респондентов, 22% опрошенных слышали о программах в СМИ, но не знают, как ими пользоваться, остальные 21% даже не знают о существовании таких программ.

Опрос показал, что свыше 65% респондентов считают себя социально защищенными, однако 17% опрошенных считают, что государство их совершенно не поддерживает, 11% затруднились дать ответ. Однако большинство опрошенных четко понимают: необходимы специальные законы, направленные на комплексную поддержку молодой семьи.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие сферы жизнедеятельности молодой семьи должны прежде всего регулироваться специальными законами, по Вашему мнению?», представленные на рис. 13, наглядно демонстрируют, что для молодых людей прежде всего актуальна законодательная поддержка в таких сферах, как жилищная (85%), обеспечение тру-

Рис. 12. Жилищные условия респондентов, %

довой занятости (57%) и бытовая сфера (14%). Причем жилищная сфера лидирует со значительным отрывом. Молодым супругам важна эффективная государственная поддержка в решении жилищных проблем, обеспечении достойной занятости и решении бытовых проблем (сфера бытовых услуг). В принятии специальных законодательных актов, регулирующих взаимоотношения в семье, рождение и воспитание в семье, отдых, подавляющее большинство молодых супругов не видит необходимости. По сути, государство должно создать условия для нормального функционирования семьи.

Заключение

Исследование продемонстрировало довольно идеалистическое отношение молодых супругов к ценности брака. Большую часть молодых супругов характеризуют достаточно высокие репродуктивные

установки, и важно, чтобы меры социальной и семейной политики позволили им реализоваться. Результаты исследования выявили определенные риски, которые могут привести к распаду молодой семьи: с одной стороны, это ограничение свободы, с другой – невнимание и безразличие.

Поддержка молодой семьи будет эффективна только в том случае, если реализуемые меры будут востребованы самими семьями. Исследование продемонстрировало, что, в первую очередь, молодые семьи заинтересованы в специальных мерах, законодательно закрепленных, направленных на оказание помощи в решении ее жилищной проблемы, обеспечении достойной занятости молодых супругов, развитии сектора доступных бытовых услуг. Молодые люди не склонны допускать излишнее вмешательство государства в дела семьи. Немаловажной помощью выступит развитие социальной инфраструктуры детства, включая образовательные учреждения для детей разного возраста.

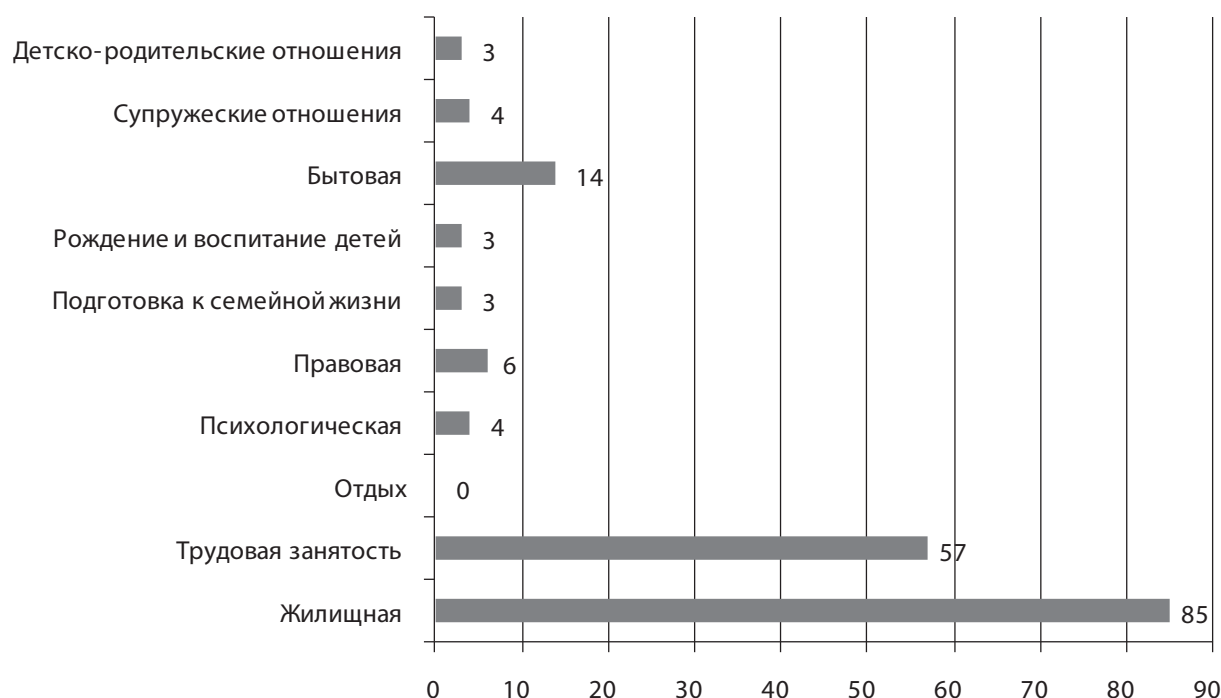

Рис. 13. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие сферы жизнедеятельности молодой семьи должны прежде всего регулироваться специальными законами, по Вашему мнению?», %

Список литературы

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // СОЦИС. – 2013. – № 2.
3. Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // СОЦИС. – 2010. – № 2.
4. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
5. Демографический ежегодник России – 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm
6. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
7. Ибрагимова Д.Х. Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под научн. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. – М.: НИСП, 2007.
8. Цуладзе Г.Е., Чанкветадзе Т.В. Формирование представлений школьников о числе детей в семье // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. – М., 1986.

Reference list

1. The analytical report by the results of selective monitoring of reproductive plans of the population in 2012. [Electronic resource] – Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
2. Arkhangel'skiy V. The reproductive and mating behavior // SOTSIS. 2013. № 2.
3. Gol'tsova E., Leshchenko Ya. Factors of the social environment as determinants of marriage and birth rate // SOTSIS. 2010. № 2.
4. The results of the national population census in 2010 [Electronic resource] – Access mode: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
5. The Demographic Annual of Russia – 2015. [Electronic resource] – Access mode: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm
6. Zdravomyslova O., Arutyunyan M. The Russian family on the European background (By the materials of the international sociological research). M.: Editorial URSS Publishing House, 1998.
7. Ibragimova D. How much the Russian grandmother “costs”? // Parents and children, men and women in family and society / Under scientific edition of T. Maleva, O. Sinyavskaya. M.: NISP, 2007
8. Tsuladze G., Chankvetadze T. The formation of pupils' visions about the number of children in a family // Family parenthood status: Yesterday, today and tomorrow. M., 1986.

УДК 378.1.

Бобрышов С.В.,

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой
Ставропольского государственного педагогического института

Саенко Л.А.,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий
Северо-Кавказского федерального университета

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА

Статья раскрывает ряд проблем, связанных с вопросами понимания и реализации компетентностной модели профессионального образования. Рассмотрены вопросы схожести и различий, а также интеграции двух образовательных подходов: компетентностного и знаниевого. На основе сопоставления смысловых и структурно-содержательных параметров показаны противоречия в трактовках традиционно выделяемых компонентов компетенции (знать, уметь, владеть). Дается авторская оценка существующего понимания термина «компетенции».

Ключевые слова: компетенции, компетентность, компетентностный подход, компетентностная модель образования, знания, умения, навыки, опыт, способность, готовность, знаниевая модель образования

Bobryshov S.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Saenko L.,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Chair of Social Technologies
of the North-Caucasus Federal University

A METHODOLOGICAL ASSESSMENT OF THE COMPETENCE APPROACH IN TRAINING SPECIALIST

The article reveals a number of issues, related to the understanding and implementation of the competence model of professional education. There are considered the following issues of similarity and differences, as well as the integration of the two educational approaches: competence and knowledge-oriented. On the basis of comparing conceptual and structural-substantial parameters contradictions in the interpretations of traditionally defined components of the competence (to know, to understand, to have) are shown in the article. It provides the article author's assessment of the present understanding of the "competence" terminology.

Keywords: competencies, competence, competence approach, competence model of education, knowledge, abilities, skills, experience, capability, willingness, knowledge-oriented model of education

Для специалистов, занимающихся проблемами высшей школы, все более очевидно, что одной из наиболее актуальных и труднореализуемых задач сегодня выступает операционализация критериев успешности подготовки бакалавров, магистров, специалистов, их фиксация в реальной педагогической практике. Критериев, способных раскрыть и каким-то образом продемонстрировать сформированность того, что современные федеральные государственные образовательные стандарты определяют как «компетенции», являющиеся продуктом так называемого компетентностного подхода.

Стоит вспомнить, что в свое время переход к компетентностному подходу в образовании рассматривался как «радикальное средство модернизации» (Б.Д. Эльконин), позволяющее молодому человеку с большей эффективностью «включаться в определенную деятельность» (А.М. Аронов), «эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций» (В.А. Болотов), «переносить способности в условия, отличные от тех, в которых изначально возникла компетентность» (В.В. Башев) и т.д. Изменения в направленности, целях, содержании и результатах высшего образования должны были сориентировать

на «свободное развитие человека», на прерогативу творческой инициативы и самостоятельности студентов, на достижение трансгосударственной конкурентоспособности и мобильности будущих специалистов. Поднятые на знамя революционной модернизации профессионального образования компетенции (переориентировавшие оценки результата образования с понятий «подготовленность», «квалифицированность», «грамотность», «образованность», «культурность», «воспитанность» и т.д. на некие безликие понятия «компетенция», «компетентность») были объявлены панацеей чуть ли не от всех наших образовательных бед. И что получили? Написаны были тысячи статей и сотни диссертаций, предметом рассмотрения которых становились всевозможные компетенции в самых различных сочетаниях. Изданы несколько поколений государственных образовательных стандартов. Но реалии практики позволяют констатировать, что от произнесенного вслух «...мы реализуем компетентностный подход», от частоты употребления в учебных программах терминов «компетенция», «компетентность» и «компетентностный подход» ситуация в нашем образовании не улучшается. Как следствие, в высшей школе продолжает сохраняться ориентация на критикуемую представителями компетентностного подхода «ЗУНовскую» модель образовательного процесса. Слабо представлена его индивидуально-личностная направленность, у выпускников практически не формируются навыки, носящие надпрофессиональный характер и т.д. А сами компетенции ничего, кроме раздражения, у преподавателей высшей школы не вызывают. Но проблема ли это самих компетенций? Конечно, нет. Это проблема понимания их смысловых и сущностно-содержательных основ, а также организации работы по их претворению в жизнь.

Анализ современных работ по вопросу о том, что вуз и работодатели должны диагностировать на этапе промежуточной и итоговой экспертизы качества подготовленности выпускника, показывает, что фокус внимания исследователей данной проблемы в основном лежит в пересечении когнитивной, деятельностиной и субъектно-личностной плоскостей профессиональной подготовленности. В исследованиях подчеркивается, что одним из важнейших обобщающих принципов образовательной политики должно выступить развитие у студентов практико-применительных параметров профессионального опыта, деловых и личностных качеств. Но что это за параметры опыта?

Обращаясь к научным истокам компетентностного подхода, мы видим, что его модель восходит к идеям, разработанным еще в школах В.В. Давыдова, В.В. Краевского, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, Ю.П. Сокольникова, Д.Б. Эльконина и др., где в содержание

образования были введены в качестве важнейших самостоятельных компонентов опыт творческой деятельности и опыт эмоционального отношения, т.е. идея *опыта* (причем опыта по своей сути неалгоритмического, т.е. не сводимого чисто к знаниям, умениям, навыкам) как самостоятельного образовательного результата. Серьезным основанием для формирования рассматриваемого подхода стали многие положения гуманистической психологии, такие как ориентация образования на «личностный рост», «самоактуализацию», «развивающую помощь», т.е. на феномены, отражающие главное в личности настоящего специалиста – устремленность в будущее, способность к реализации своих потенций и творческому саморазвитию, возможность достижения «идеального Я». Но вот вопрос: где в современных документах, регламентирующих образование, присутствует такое понимание?

Можно утверждать, что применение компетентностного подхода сегодня сопряжено с рядом трудностей теоретико-методологического характера, к которым можно отнести, во-первых, недостаточную понятийную определенность и смысловую неустойчивость самого термина «компетентность»; во-вторых, структурную неопределенность компетентности (т.е. из каких компонентов состоит феномен «профессиональная компетентность»; к слову, термином «компетенция»/«компетентность» в исследованиях обозначаются самые разные явления: умственные действия (процессы, функции), личностные качества и свойства, способности, мотивационные и волевые характеристики, ценностные ориентации и установки, особенности межличностного взаимодействия, практические умения, навыки и т.д.); в-третьих, отсутствие в научном мире согласованного перечня «необходимых и достаточных» компетентностей в системе профессиональных и личностных свойств специалиста.

Кратко уточним понятие компетентности/компетенции. При этом обратимся к первоисточникам, к тем исследователям, которые и ввели когда-то данные термины в понятийное поле образования.

Если обратиться к работам Н. Хомского, который одним из первых в 60-ых гг. XX в. начал употреблять термин «компетенция» в контексте образования, то можно увидеть, что данный термин первоначально означал способность, необходимую для выполнения определенной языковой деятельности. «Мы проводим, – писал ученый, – фундаментальное отличие между компетенцией (знанием своего языка тем, кто говорит-слушает) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление является непосредственным отражением компетенции» [12, с. 9]. При этом «употребление» в смысловом

плане трактуется здесь как актуальное проявление компетенции, выступающей как нечто потенциальное, скрытое, непроявляемое.

А.В. Хуторской подчеркивает, что компетенция – это «отчужденное, наперед заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке учащегося, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере». Компетентность же, по мнению ученого, соотносится с «владением, обладанием человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности», это – «совокупность личностных качеств студента (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социально- и личностно-значимой сфере» [13, с. 168]. В таком подходе можно сказать, что характеристика человека как компетентного – это своего рода социальное и профессиональное признание.

Джон Равен, один из авторов компетентностного подхода в английском образовании, в своей работе «Компетентность в современном обществе» (1984 г.) представил свое толкование этого понятия. Это явление «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга... Некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, а другие – к эмоциональной..., эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составных эффективного поведения» [8, с. 19–20]. При этом «виды компетентности» по сути являются «мотивированными способностями». Джон Равен обращает внимание на необходимость приобретения учащимися компетентностей, включающих не только стандартные навыки, но также поиск информации, необходимой для достижения цели (такую информацию чаще приходилось добывать в процессе непосредственного наблюдения или общения с людьми, чем путем чтения книг), изобретательность, умение убеждать, руководить (лидерство) и т.д. Следовательно, под компетентностью Джон Равен понимает специальную способность, необходимую для выполнения конкретного действия в конкретной предметной области, включающую узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия.

Итак, по мнению основоположников подхода, компетенция – это то, что существует в предчеловеческом, в преддеятельностном состоянии и качестве, это мысль, высказанная устно или зафиксированная письменно, содержащая лишь образ, описание того, что хотелось бы или что должно быть в идеальном виде и в самом полном объеме представлено у человека в его знаниях, умениях, личностных качествах. Это содержание образования, перечень тре-

бований к будущему специалисту. Но, как говорится, от желания до действительности порой «дистанция огромного размера». Лишь усвоенные (в том или ином объеме) на занятиях и в практике (т.е. актуализированные, интериоризированные) компетенции, переплавленные в индивидуальные знания, умения, навыки, личностные качества, ценностные ориентации, мотивационно-ценностные установки и т.д. профессионально значимые личностные свойства и характеристики, непосредственно обеспечивающие возможность осуществления профессиональной деятельности конкретным человеком, могут быть названы компетентностями. В.А. Болотов, И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской и другие ученые как раз соответствующим образом и понимают компетентность именно как *личностное качество, сигнализирующее о том или ином уровне притязаний, направленности, эмоционально-волевой регуляции, ценностно-смысловом отношении специалиста к объектам профессиональной деятельности*. При этом принято считать, что отличительная особенность данного результата от традиционных ЗУНов – это его системный, синтезирующий, *практико-ориентированный* характер. По образному выражению В.А. Болотова и В.В. Серикова, отличие компетентностной модели образования от знаниевой так же велико, как, например, знакомство с правилами игры в шахматы от самого умения играть [5, с. 11]. Заметим здесь только одно: ученые подчеркнули – отличие от знаниевой модели! Но ведь критикуемая ЗУНовская модель (в общепринятом понимании – знания, умения, навыки) – это далеко не знаниевая. Если я говорю, что я умею играть в шахматы и у меня есть навык игры в шахматы – значит, я *практически* это уже делал и добился определенных результатов. Это и есть ясное указание на практико-ориентированный характер результатов овладения данной игрой.

Приведем для сравнения понимание компетенции в западной традиции, в частности, в американском и в английском подходах, в рамках которых она соответственно рассматривается как *личностные черты и характеристики деятельности*.

Исследователи из Открытого университета Нидерландов отмечают, что в рамках американского подхода на первый план выходят поведенческие характеристики компетенции, и основным вопросом, решаемым в рамках данного подхода, выступает то, какие личностные черты определяют успешные действия? Американские исследователи компетенцию понимают как некий основополагающий *поведенческий аспект или характеристику личности*, которая проявляется в эффективном и/или успешном действии и которая зависит от контекста действия, от организационных факторов и факторов среды, а также обуславливается характеристиками профессиональ-

ной деятельности. Принято считать, что американский подход к пониманию компетенции берет начало из практики рекрутмента и профотбора [14, с. 5].

Англичане же в своем определении компетенции сосредотачиваются не на личностных характеристиках исполнителя деятельности, а на свойствах самой деятельности. При этом главный вопрос, который решается в этом направлении – каковы те главные элементы деятельности, которые должны быть выполнены, чтобы можно было считать, что результат достигнут, что он удовлетворяет заданным требованиям. Соответственно, работники проявляют свою компетентность постольку, поскольку их деятельность достигает или же превосходит принятые стандарты. Таким образом, в компетенции интегрируются те исполнительские параметры, которые характеризуют осуществление деятельности для достижения результата. Английские исследователи утверждают, что английский подход к проблеме компетенций появился как ответ на неудовлетворительную подготовку менеджеров в 80-х гг. и отразился в появлении ряда профессиональных стандартов [14, с. 5].

В целом видно, что английский подход к пониманию компетенций направлен на изучение характеристик деятельности и на их выполнение, тогда как американский концентрируется на людях, которые эту деятельность выполняют, на их личностных свойствах и качествах, т.е. это, по большому счету, не ответ на вопрос, *что* должен знать и уметь специалист, это вопрос – *каким* должен быть специалист, чтобы успешно выполнять ту или иную деятельность. Иллюстрацией к данному подходу может служить сформулированное в документах ЮНЕСКО видение результата образования. Таким результатом должен стать человек предприимчивый и творческий, самостоятельный и ответственный, способный видеть и решать проблемы как автономно, так и в группах; умеющий постоянно учиться новому, находить и применять нужную информацию и т.д. Причем все перечисленные свойства и качества необходимы любому человеку и в любой профессиональной деятельности [6, с. 75–78].

Подчеркнем еще раз: значимым является то, что обозначенный подход обращает внимание не столько на уровень развития отдельных профессиональных знаний и умений, по-прежнему традиционно диагностируемых в ходе курсовых и выпускных экзаменов или при различного рода тестированиях, сколько на уровень профессионально значимых личностных свойств и качеств, в целом на профессиональную и социальную позицию личности.

Обобщая вышеизложенное, заметим, что в отечественной научно-педагогической литературе сегодня сложились две противоположные точки зрения на присутствие терминов «компетенция» и «компетентность» в образовании.

Первая точка зрения: компетенции и компетентности – всего лишь своеобразная дань моде (по типу: «в приличном профессиональном сообществе принято употреблять «компетенции»); искусственно внедряемое в педагогическое сообщество понятийное новообразование; они не вносят ничего нового в структуру дидактики, поскольку используют уже известные, давно наработанные, десятилетиями испытанные классические компоненты содержания образования – знания, умения, совокупность разнообразных навыков, способы репродуктивной и творческой деятельности, способности и т.д.. Иными словами, понятие компетентности не содержит каких-либо принципиально новых компонентов, не входящих в объем известных дидактических элементов, определяющих результаты образования, а поэтому все разговоры о компетентности представляются несколько искусственными, призванными скрыть либо просто завуалировать старые проблемы под новой терминологической одеждой.

Противоположная точка зрения представлена большинством ученых, которые считают, что компетенции значительно отличаются от традиционных знаний, умений и навыков (ЗУНов). Чем же? Приведем позиции некоторых ученых: они обладают системными и системообразующими функциями, связывающими личностные ориентиры студента с потребностями современного общества (А.В. Хуторской); они отражают результаты присвоения личностью всех тех ценностей, которые рождаются в процессе образовательной деятельности (Г.Г. Скоробогатова); это предметная область, о которой индивид хорошо осведомлен и в которой он проявляет готовность к выполнению деятельности (Ю.В. Фролов, Д.А. Махотин); это своеобразные «метаумения» (В.В. Гузеев), трансформирующиеся в «свойства личности» (Л.А. Петровская) и т.д.

Применение терминов «компетенция» и «компетентность» в данном подходе совершенно по-новому, с точки зрения разделяющих данный подход ученых, актуализирует проблему подготовки специалистов: они близки к описанию комплексных, сложных, интегративных умений, включая овладение методами и технологиями познания; они акцентируют внимание на практическом применении знаний, умений и навыков, овладении репродуктивными и творческими методами и технологиями самообразования, позволяющими специалистам использовать полученные знания в различных жизненных ситуациях, самостоятельно получать необходимые знания, грамотно с ними работать, видеть возникающие проблемы и находить правильное их решение.

Нельзя не согласиться с данной точкой зрения на раскрытие сущности компетенций. Но вот только никак не удается избавиться от вопроса: а что мешает рассматривать злополучные ЗУНы именно в практи-

коприменительном аспекте, как элементы практического опыта? Другими словами, как можно вести речь о формировании умений и навыков, не предполагая, что выпускники вуза должны овладевать ими в практической деятельности, демонстрировать их в личном опыте?

Проблемным моментом для думающих педагогов является попытка развести компетенции на так называемый компетентностный триумвират: знать, уметь, владеть. Чем, к примеру, «уметь» отличается от «владеть»?

Так, Малый академический словарь следующим образом определяет содержательно-смысловую основу понятия «владеть»: «...3. **Уметь** обращаться с чем-л., **искусно действовать** чем-либо... В сочетании с некоторыми именами существительными значит: хорошо **знать, уметь** пользоваться, быть мастером в какой-либо области (Владеть стихом. Владеть рифмой. Владеть диалогом.)» [7]. В Толковом словаре Ефремовой «владеть» в одном из значений также определяется как «3) а) **Умело** обращаться с чем-л.; б) Хорошо **знать, умело** пользоваться чем-л.; ... 4) **Обладать способностью**, быть в состоянии управлять движениями тела или частей тела...» [7]. Ему вторит и Толковый словарь Ожегова: «Владеть: ... 3. **Уметь**, иметь **возможность** пользоваться чем-н., действовать при помощи чего-н.» (выделено нами – С.Б и Л.С.).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что попытки отделить умение что-то делать от владения этим чем-то, по сути, не более чем словоизмышление.

А вот как, в свою очередь, определяется термин «уметь».

В Толковом словаре Ожегова [11] под словом «уметь» понимается: «1. Обладать **навыком**, полученными **знаниями**, быть обученным чему-н. ...; 2. Обладать **способностью** делать что-н.». Толковый словарь Ушакова «уметь» определяет как «Обладать умением чего-н., благодаря **знаниям** или **навыку** к чему-н. иметь **возможность** сделать что-н., **быть в состоянии** что-н. сделать». Такой же интерпретационный подход и в Толковом словаре Ефремовой: «Уметь – обладать умением делать что-л. благодаря **знаниям** или **навыкам** к чему-л.» (выделено нами – С.Б и Л.С.).

То есть мы видим, что в реальном языке умение определяется через обладание знаниями и навыком к чему-либо и способностью это делать. И как же преподавателю, в соответствии с вышесказанным, грамотно разграничить умения и владения?

Обозначим и еще один упоминаемый критериями компетентностного подхода параметр, принципиально с их точки зрения отличающий компетентности от ЗУНов – их интегративный характер. Например, как пишет В.И. Байденко, один из разработчиков компетентностной основы к проектированию государственных образовательных стандартов

высшего профессионального образования, ведущей особенностью, отличающей компетентность от традиционных понятий – знания, умения, навыки, опыт – это ее интегративный характер, практико-ориентированная направленность, а также соотнесенность с ценностно-смысловыми характеристиками личности [1]. Но заметим, что знания, умения и навыки не существуют у человека рядоположенно. В основе любого умения и навыка всегда лежат как знания, так и способности. И можно было бы об этом не говорить, но ведь во всех образовательных стандартах так или иначе определение каждой компетенции начинается со слов «способность», «умение», «готовность», «знание». Но почему в одном случае это способность, а в другом – готовность, а в третьем – умение? Любой грамотный педагог или психолог знает, что в основе готовности лежат и способности, и умения, и знания. Таким образом, под компетенцией понимается приобретаемое в результате образовательного процесса какое-то интегративное личностное качество, которое мы по-прежнему определяем через другие, привычные для носителя русского языка понятия – все те же ЗУНы.

Противопоставление компетенций и ЗУНов неминуемо ведет к крайне непродуктивному и, по сути, к бесполезному спору, ненужной конфронтации как ученых, так и практиков. Думается, все дело в сохранении смыслов, которые мы вкладываем (хотим вкладывать) в термины «знания», «умения», «навыки». Это-то как раз чаще всего и упускается из вида, когда утверждается, что нам нужны не знания, умения и навыки, а именно компетенции.

Приведем в этом плане разъяснения Б.Д. Эльконина, которые он дает, размышляя о том, что должно пониматься под знаниями в деятельностном подходе. В частности, он пишет: «Мы отказались не от знания как культурного «предмета», а от определенной формы знаний (знания «на всякий случай», то есть сведения). Что такое знание в нашем подходе? Что такое понятие? 1) Знание – это не сведения. 2) Знание – средство преобразования ситуации. 3) Если знание – средство мысленного преобразования ситуации, тогда это понятие. Мы пытаемся строить понятия так, чтобы они стали средствами преобразования ситуаций действия» [15, с. 27].

То есть один из авторов деятельностного и личностно ориентированного подходов в образовании выступает не против знания как такового, а против абсолютизации в процессе обучения одной из его форм – знания «на всякий случай». Живое, деятельностное, интериоризированное знание противопоставляется им фоновому, бессубъектному, отчужденному, представленному в виде простой информации из разряда «для сведения».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

– налицо в профессиональном образовании смешение двух подходов – компетентностного и знающего, причем первому придается несообразно большое и доминирующее значение;

– ориентация на компетенции в реальной образовательной практике зачастую носит формальный характер;

– компетентность/компетенция – системная категория, но не противостоящая ЗУНам, а развивающая их за счет сведения на их платформе и более детализированного обозначения множества субъектных и личностных надстроек, в итоге позволяющая интерпретировать результат образования в совокупности когнитивных («знать, что и как делать»), опе-

рационально-технологических («уметь, как делать, и обладать способностями это делать»), мотивационно-ценностных («хотеть, четко осознавая – зачем, с какой целью и ради чего делать»), социальных («понимать, для кого делать, учитывая общую социальную значимость этого, и какие могут быть последствия и социальные риски того, что ты это делаешь»), поведенческих (демонстрировать этические качества в процессе того, как что-то делаешь) и других составляющих.

И весь вопрос не в том, как мы будем называть результаты образования – ЗУНами или компетентностями, а как организовать и осуществить образовательный процесс, чтобы эти результаты получить в наиболее полном виде.

Список литературы

1. Байдено В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие, изд. 5-е. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.
2. Бобрышов С.В. К вопросу о построении системы гражданского образования и воспитания // Философия образования. – 2007. – № 3.
3. Бобрышов С.В. Взаимосвязь теоретической и практической подготовки студентов к работе с детскими общественными объединениями: автореф. дис... канд. пед. наук. – СПб., 1992. – 24 с.
4. Бобрышов С.В., Саенко Л.А., Суменко Л.В. Персонификация ценностей свободы и достоинства личности в современных социально-педагогических процессах // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 42.
5. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10.
6. Гребенникова В.М., Гребенников О.В. Компетентностный подход в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22).
7. Малый академический словарь // Энциклопедии и словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/academic/Vladet-53619.html> (дата обращения: 12.04.16).
8. Равен Джон. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. – М., 2002.
9. Саенко Л.А. Профессиональная социализация студентов средствами дистанционного обучения: проблемы, задачи, перспективы // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 3 (52).
10. Саенко Л.А. Педагогические технологии внутрифирменного обучения. – Ставрополь: Издательство «Бюро новостей», 2010. – 92 с.
11. Толковый словарь Ожегова // Энциклопедии и словари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ozhegov/Vladet-3502.html> (дата обращения: 12.04.16).
12. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М., 1972.
13. Хуторской А.В. Образовательные компетенции в дидактике и методиках личностно-ориентированного обучения. – Известия МСАО. – 2004. – № 2.
14. Что есть компетенция? Конструктивистский подход как выход из замешательства / Angela Stoof, Rob L. Martens, Jeroen J.G. van Merriënboer / перевод с английского Е. Орел. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ht.ru/cms/new/426> (дата обращения: 13.04.16).
15. Эльконин Б.Д. Понятие компетентности с позиций развивающего обучения // Современные подходы к компетентностно ориентированному образованию. – Красноярск, 2002.

Reference list

1. Baydenko V. The competence approach to a design of State Education Standards of Higher Professional Education (methodological and methodical issues): Methodical textbook, 5th edition. M.: Research Center of Quality Problems of Training Specialists, 2005.
2. Bobryshov S. Revisiting the issue about the system building of civil education and training // Philosophy of Education. 2007. № 3.
3. Bobryshov S. The interconnection of theoretical and practical training of students to work with children's public associations: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. SBR., 1992. 24 p.
4. Bobryshov S., Saenko L., Sumenko L. Personification of the values of freedom and person dignities in contemporary socio-pedagogical process // Bulletin of Academy of Law and Management. 2016. № 42.
5. Bolotov V., Serikov V. The competence model: From idea to education program // The Pedagogy. 2003. № 10.

6. *Grebennikova V., Grebennikov O.* The competence approach in education // Historical and Socio-Educational Thought. 2013. № 6 (22).
7. Small academic dictionary // Encyclopedias and dictionaries [Electronic resource]. – Access mode: <http://enc-dic.com/academic/Vladet-53619.html> (date of access: 12.04.16).
8. *Raven John.* Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release. M., 2002.
9. *Saenko L.* Professional socialization of students by means of distant training: Issues, challenges, prospects // World of Science, Culture, Education. 2015. № 3 (52).
10. *Saenko L.* Pedagogical technologies of internal training. Stavropol': Publishing house "Byuro Novostey", 2010. 92 p.
11. Ozhegov's Explanatory Dictionary // Encyclopedias and dictionaries [Electronic resource]. – Access mode: <http://enc-dic.com/ozhegov/Vladet-3502.html> (date of access: 12.04.16).
12. *Khomskiy N.* Aspects of the syntax theory. M., 1972.
13. *Khutorskoy A.* Educational competences in didactics and methodologies of student-centered learning. Proceedings of MSAE. 2004. № 2.
14. What is Competence? Constructivist Approach as a Way out of Confusion / Angela Stoof, Rob L. Martens, Jeroen J.G. van Merriënboer / Translation from English by E. Orel. [Electronic resource] – Access mode: <http://www.ht.ru/cms/new/426> (date of access: 13.04.16).
15. *El'konin B.* The conception of competence from the standpoint of developing training // Contemporary approaches to the competence-oriented education. Krasnoyarsk, 2002.

УДК 378

Цахаева А.А.,

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии
Дагестанского государственного педагогического университета

Аминова Д.К.,

магистр психолого-педагогического образования, аспирант Дагестанского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИЕМОВ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ КАК УСЛОВИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье авторы формулируют точку зрения, основанную на убеждении, что формирование приемов учебной работы должно непрерывно развиваться на всех этапах обучения в вузе. Особое внимание уделяется организации психологической безопасности студентов. Рассматривается психолого-педагогический подход в развивающей подготовке специалистов, основной упор делается на самообразование как один из показателей уровня профессиональной культуры, компетентности. Раскрываются каналы, средства, источники получения студентами информации, взаимосвязь между уровнем самообразования и профессионализмом. Особое внимание уделяется формирующим компетенциям, необходимым для становления конкурентноспособного специалиста-педагога.

Ключевые слова: познавательная активность, учебное взаимодействие, обобщение, систематизация

Tsakhaeva A.,

Doctor of Psychology, Professor, Head of Chair of the General Psychology and Pedagogical Psychology
of the Dagestan State Pedagogical University

Aminova D.,

Master of Psychological-Pedagogical Education, Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University

ISSUES OF FORMATION OF TECHNIQUES OF ACADEMIC WORK AS A CONDITION OF PSYCHOLOGICAL SAFETY OF TRAINING SPECIALISTS

In the article the authors are formulated a point of view which is based on the conviction that formation of techniques of academic work must be constantly developed at all stages of training at a higher education institution. Particular attention is paid to organization of psychological safety of students. Psychological-pedagogical approach is considered in developing training of specialists; major emphasis is on self-education as one of indicators of the level of professional culture and competence. The article reveals the channels, facilities, sources of information acquisition, the interaction between the level of self-education and professionalism. Pay closer attention to formative competencies which are required for the emergence of a competitive specialist-educator.

Keywords: cognitive activity, educational interaction, generalization, systematization

Проблема познавательной активности студентов является одной из наиболее сложных и актуальных психолого-педагогических проблем. Несмотря на достаточное количество исследований, вопрос о психологической безопасности в студенческом возрасте остается открытым, что, естественно, затрудняет разработку и обоснование эффективных путей активизации познавательной деятельности.

Рассматривая познавательную среду как пространство, в котором происходит взаимодействие субъ-

ектов образования, В.А. Ясвин указывает на то, что для субъектов образовательного процесса существуют как ресурсы, так и препятствия, т.е. совокупность психических, социальных, физических возможностей и барьеров по отношению к целям субъекта [7, с. 105]. Поэтому присущие современному этапу общественного развития проблемы развивающей подготовки – это, в первую очередь, психолого-педагогические проблемы обеспечения психологической безопасности и подготовки личности к самостоятельному творческому поиску.

Комплексный анализ психолого-педагогической литературы позволяет утверждать, что при всех изменениях в системе образования основное внимание сосредоточивается на совершенствовании содержания. По мнению ряда исследователей, смысл процесса развития состоит в осознании и осуществлении человеком своего собственного индивидуального своеобразия. Это всегда процесс личностного развития, т.е. развития всех способностей человека безотносительно к какому-либо заранее установленному стандарту, всегда процесс непрерывного становления и совершенствования личности [5; 11].

В целях изучения профессиональной подготовленности студентов-психологов нами было проведено исследование, подтверждающее необходимость совершенствования подготовки современных специалистов исходя из требований психологической безопасности. Вполне понятно, что образование должно отвечать достигнутому на данный момент уровню науки, но в процессе обучения необходимо соблюдать два требования:

- во-первых, обеспечить раскрытие внутренних связей между различными отраслями знаний и возможностями их использования для решения различных практических задач;

- во-вторых, ни на каком уровне образования не давать знание как догму, истину последней инстанции. Обучаемый должен понимать, что знание находится в постоянном развитии, что даже в отношении фундаментальных знаний и общепринятых аксиом не исключен пересмотр сложившихся представлений, открывающий, как правило, новые широкие горизонты как для теории, так и для практики [1, с. 6–10; 3].

Так, характер образования может быть достигнут только в том случае, если все знания, даже чисто теоретические, будут даваться не в абстрактной форме идеального знания, а включаться в контекст квази-профессиональной и профессиональной, в том числе и исследовательской деятельности. При этом внимание следует обращать не только на овладение уже имеющимися способами и средствами деятельности, но и на всесторонний анализ возможностей его использования. Причем анализу подлежит не только индивидуальный опыт использования знания, но и опыт всех участников учебно-воспитательного процесса, взаимно обогащающий друг друга. Только в этом случае может быть сформировано лежащее в основе творчества учение о том, что нужно смотреть на явления и ситуации по-новому, свободно и непредвзято. Построение такого учебного процесса предъявляет высокие требования к педагогу. Он сам, в первую очередь, должен быть исследователем. Уметь не только преподносить учащимся знания, но и ставить задачи по их осмыслению и использованию, организовывать работу учащихся по самостоятельной по-

становке исследовательских задач. Невнимание к формам организации познавательной деятельности студентов приводит к плачевным результатам, с которыми мы имеем дело сегодня, отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием ведет к застою, к растрате сил студентов, преподавателя [7, с. 33–36].

Переход образования на обеспечение его развивающего характера предполагает пересмотр целей образования, перенос акцента с обучения специальному знанию на формирование личности, раскрытие ее творческого потенциала, формирование нравственных и гражданских позиций человека. А это, в свою очередь, означает, что возрастает роль и значение психолого-педагогической подготовки преподавателя, который должен не просто знать свой предмет, но и постоянно совершенствоваться как специалист и педагог. Более того, профессиональное и общее развитие педагога должны протекать параллельно и взаимно активизировать друг друга. Ближайшим инструментом этих процессов является рефлексия (обращение назад; размышление, самопознание, самонаблюдение). Таким образом, познавательная деятельность студентов определяется, в первую очередь, содержательной стороной обучения и способами, которыми они владеют. Одно из основных требований к содержанию знаний на современном этапе – это включение прежде всего фундаментальных теоретических знаний, которые должны играть доминирующую роль по сравнению с фактическими знаниями. Уже само по себе такое соотношение теоретических и фактических знаний создает предпосылки для более активной познавательной деятельности. Возможность применения знаний о законах, правилах, принципах, отражающих ведущие идеи наук, значительно шире и многограннее по сравнению с возможностью использования фактических знаний. Применение теоретических знаний позволяет дать анализ новых фактов, осуществить их обобщение, систематизацию, включить их в соответствующую систему знаний. Усвоение фундаментальных знаний осуществляется в процессе применения сложных мыслительных операций, достигающих при этом большой степени обобщенности. Это способствует умственному развитию студентов, что является одним из необходимых условий активной познавательной деятельности. Кроме того, как показывают психологические исследования, глубоко усвоенные законы, общие понятия сохраняются в памяти значительно дольше по сравнению с фактами.

Познавательная деятельность зависит далее от применения способов получения и использования знаний. От овладения студентами приемами учебной работы и приемами умственной деятельности зависит эффективность применения различных методи-

ческих путей, способствующих активизации познавательной деятельности.

Проблема формирования приемов представляет особый интерес в свете тех требований, которые предъявляет ФГОС к подготовке студента [10]. Будущий психолог должен быть компетентен в таких вопросах, как осуществление сбора и первичной переработки информации, результатов психологических наблюдений и диагностики (ПКПП-3); способен к рефлексии способов и результатов своих профессиональных действий (ПКПП-4); способен проводить консультации, профессиональные собеседования, тренинги для активизации профессионального самообучения учащихся (ПКПП-11).

Исходя из важной роли овладения профессиональными компетенциями как необходимого условия активизации познавательной деятельности, мы поставили перед собой задачу: установить, как студенты, в частности факультета педагогики и психологии, владеют некоторыми приемами учебной работы и приемами умственной деятельности, такими, например, как установление причинно-следственных связей, сравнение, обобщение, конкретизация. Следует оговориться, что начатая работа носила пропедевтический характер и позволила составить первое представление о состоянии проблемы. Предварительные наблюдения на практических занятиях, зачетах, экзаменах, во время выполнения курсовых работ, на педагогической практике, а также беседы со студентами позволили сделать первые выводы об имеющихся существенных недостатках в овладении приемами. Они были подтверждены и конкретизированы результатами анкетирования и специально проведенных письменных работ у бакалавров первых–четвертых курсов.

Естественно, что на начальном этапе исследования нас прежде всего заинтересовал вопрос о том, как студенты представляют себе всю систему основных приемов учебной работы, используемых при обучении цикла психолого-педагогических дисциплин и систему приемов умственной деятельности; знают ли они, какой прием умственной деятельности или их комплекс кроется за тем или иным приемом учебной работы. Результаты бесед и анкетирования позволили сделать вывод о том, что студенты не имеют достаточно четкого представления о системах основных приемов. Во многих случаях они затрудняются дать анализ методов учебной работы с точки зрения применения приемов умственной деятельности. В частности, большинство студентов не смогли выделить систему приемов умственной деятельности, которая используется при составлении психологических или педагогических характеристик. Составление комплексных психолого-педагогических характеристик является одной из наиболее важных и сложных приемов учебно-воспитательной работы.

Ряд вопросов был направлен на то, чтобы выяснить, умеют ли студенты устанавливать связь между приемами и содержанием, понимают ли они сущность психологической связи между мыслительными операциями и содержанием усваиваемых знаний. Понимание такой связи является одним из показателей сознательного и творческого оперирования приемами. В частности, был задан вопрос: «Почему прием установления причинно-следственных связей играет особо важную роль при усвоении психологических знаний?» Лишь 18% из 92 респондентов четвертых курсов смогли дать исчерпывающий ответ на данный вопрос, хотя, как показала предварительная беседа, студенты располагали необходимыми опорными знаниями, позволяющими им найти правильный ответ.

В процессе работы нами проверялось и овладение студентами отдельными приемами. При этом мы исходили из положения о том, что сформированный прием включает знания о его содержании и умение сознательно применять его при решении новых учебных задач. Приведем некоторые данные по овладению студентами первого и четвертого курсов приемами сравнения. Работа на первом курсе включала задания сравнительного характера и осуществлялась на базе текстов как основной, так и дополнительной литературы.

Проведенный логический анализ ответов показал, что из пятидесяти студентов правильную последовательность изложения, т.е. сравнение по признакам понятий, показали лишь 52%, а в остальных работах не выделены четко признаки понятий, на основе которых осуществляется сравнение. Как известно, всякое сравнение должно заканчиваться выводами. Причем, если не ставится узкая задача установить только сходство или только различие, должно иметь место два вывода: о сходстве и о различии.

Предложенные задания предполагали установление и сходных, и отличительных признаков. Два вывода сделаны лишь у 7,5% студентов, в большинстве же работ выводов не было. Студентам также предлагался вопрос о раскрытии содержания сравнения как общего приема учебной работы и умственной деятельности, о выделении этапов в процессе его применения. Десять процентов студентов сделали попытку вычленив отдельные этапы, а остальные ограничились оценкой приема сравнения. Таким образом, анализ работ показал, что студенты первого курса недостаточно владеют этим приемом.

Приведем некоторые данные, позволяющие рассмотреть овладение приемом сравнения студентами четвертого курса. Письменные работы проводились на основе текстов вузовских учебников, дополнительной литературы на материале различных учебных дисциплин. Результаты логического анализа ответов позволили установить положительные и от-

рицательные стороны в овладении приемом. Правильную последовательность изложения показали 84% студентов. У остальных все же имеет место рядоположение. У большинства студентов сравнение осуществлено на основе целого комплекса признаков понятий. Зато выводы по сходству и отличию сделаны в работах, составляющих лишь 22%, между тем именно выводы представляют особый интерес как с точки зрения общих и единичных понятий, так и понимания закономерностей. Отсутствие выводов – очень существенный недостаток сравнения. При анализе работ мы учитывали и сам способ обработки материала. Один из рациональных способов – составление сравнительных таблиц. Их применение позволяет более четко выделить признаки, которые составляют основу сравнения, обнаружить сходные и отличительные черты. Таблицу применило 20% студентов, большинство же не попыталось использовать ее в качестве рабочего материала, хотя это значительно бы упростило весь процесс выполнения работы. Не случайно многие из студентов неоднократно возвращались к одному и тому же тексту и затратили на выполнение работы значительно больше времени.

Существенные пробелы обнаруживают студенты и в овладении такими важными приемами учебной работы, как обобщение, систематизация, классификация. Существенной причиной является тот факт, что студенты недостаточно знают принцип отбора признаков понятий для обобщения, сам ход обобщения. Характерно, что в процессе подготовки к аттестации лишь незначительная часть студентов без специальной рекомендации применяет обобщающие таблицы, хотя это один из эффективных приемов обобщения большого объема материала. Составление таблицы дает возможность выделить сходные признаки, лучше установить специфику, более четко проследить проявление общих закономерностей.

О неумении систематизировать материал свидетельствуют и результаты наблюдения при выполнении курсовых работ, при самостоятельном выполнении заданий на практических занятиях, связанных с работами над различными текстами. Нами специально давались задания, выполнение которых позволяло установить, с помощью каких приемов студенты обрабатывают большой объем материала, используют ли они наиболее рациональные из них. Оказалось, что многие из них идут нерациональным путем, не прибегая с самого начала к выделению основных понятий, на основе которых должна осуществляться систематизация в соответствии с поставленной задачей.

Студенты в ходе работы редко используют сравнение и занимаются переписыванием текстов, многие из которых дублируются, что неизбежно связано с затратой значительно большего времени на выполнение работы, чем требуется при рациональ-

ном отборе содержания. И мы еще раз убеждаемся, что без специального обучения студенты самостоятельно недостаточно используют наиболее рациональные приемы систематизации и классификации материала.

Совершенно иные результаты были получены тогда, когда перед студентами раскрывалась методика обобщения материала, принципы отбора понятий для классификации, когда обобщающие таблицы давались не в готовом виде, а составлялись на первом этапе вместе с ними, а затем самостоятельно, когда существенно варьировались задания на обобщение материала. Об эффективности примененной методики обучения обобщению можно было судить по положительным результатам, полученным при выполнении ряда заданий на новом содержании.

Существенные недостатки отмечаются и в применении приема конкретизации. Его роль особенно возросла в связи с тем, что одной из задач обучения, в соответствии с требованиями ФГОС, является усвоение, в первую очередь, фундаментальных знаний. Они могут быть хорошо усвоены при условии их применения к изучению конкретных фактов и явлений. В противном случае знания о них окажутся формальными, недейственными. Как показывают наблюдения, без специального обучения конкретизации, без варьирования учебных задач студенты затрудняются в применении теоретических знаний.

Таким образом, сравнение результатов проверки овладения студентами отдельными приемами позволило выявить некоторые общие недостатки в их усвоении. К их числу относится прежде всего недостаточное знание общего содержания приемов, неумение применять их при варьировании учебных задач, на новом материале. Последнее говорит о том, что во многих случаях приемы используются по аналогии, что нет должной осознанности в их применении, что они не усваиваются студентами в обобщенном виде. А это отрицательно влияет на усвоение знаний, на умственное развитие студентов, на их познавательную деятельность и на профессиональную подготовку. Отмеченные пробелы в овладении приемами в первую очередь обусловлены тем, что все же в недостаточной степени осуществляется специальное, целенаправленное обучение, предполагающее раскрытие содержания приемов, их роли в усвоении знаний, их применение на разнообразном материале, обобщение на определенных этапах формирования, контроль их усвоения. Многие звенья этой сложной системы выпадают, в частности, такое важное звено, как обобщение и систематизация тех аналогичных приемов, которые формируются в процессе изучения различных учебных дисциплин. Тем более это требование относится к формированию приемов умственной

деятельности. При изучении дисциплин психологического цикла студенты получают знания о системе приемов умственной деятельности, но формироваться они должны на различном содержании при изучении всех учебных дисциплин.

Обобщая некоторые результаты исследования, следует признать, что эта проблема, ставшая особенно актуальной в связи с переходом на новые образовательные стандарты обучения, должна стать одним из основных аспектов исследования в вузе.

Список литературы

1. Гасанова П.Г., Даудова Д.М., Мугадова С.Т., Цахаева А.А. Феномен нравственности в научной рефлексии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2014. – № 4 (29).
2. Ивахненко Г. Современное студенчество: социологический портрет // Высшее образование в России. – 2003. – № 5.
3. Лепский Е.В. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Когито-Центр, 2009. – 140 с.
4. Максимов В.Г. Системно-ролевая теория формирования личности педагога. – М.: Академия, 2007. – 189 с.
5. Мухометзянова Ф.Г., Богданова А.Х., Мухометзянов Ф.А. Подготовка будущих педагогов-психологов на основе компетентностного подхода как конкурентноспособных специалистов. – М., 2011. – 230 с.
6. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. М.: Академия, 2011. – 192 с.
7. Цахаева А.А., Аминов У.К., Аминова А.К. Реализация психологического ресурса адаптивного поведения в процессе развития личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2014. – № 3 (28).
8. Шаповаленко И.В. Психология развития и возрастная психология. М.: Юрайт, 2013. – 367 с.
9. Черникова Т.В. Три стратегии подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 2.
10. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» (уровень бакалавриата). – М., 2014.
11. Ясвин В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. – М., 2001. – 180 с.

Reference list

1. Gasanova P., Daudova D., Mugadova S., Tsakhaeva A. The phenomenon of morality in scientific reflection // Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Series: Psychological-Pedagogical Sciences. 2014. № 4 (29).
2. Ivakhnenko G. Contemporary studentship: The sociological portrait // Higher education in Russia. 2003. № 5.
3. Lepskiy E. Subject-oriented approach to innovation development. M.: Kogito-Center, 2009. 140 p.
4. Maksimov V. System-role theory of personality formation of an educator. M.: Akademiya, 2007. 189 p.
5. Mukhometzyanova F., Bogdanova A., Mukhometzyanov F. Training of intended educators-psychologists on the basis of competence approach as competitive specialists. M., 2011. 230 p.
6. Panfilova A. Innovation pedagogical technologies. M.: Akademiya, 2011. 192 p.
7. Tsakhaeva A., Aminov U., Aminova A. Implementation of a psychological resource of adaptive behavior in the process of personality development // Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Series: Psychological-Pedagogical Sciences. 2014. № 3 (28).
8. Shapovalenko I. Developmental psychology and age psychology. M.: Yurait, 2013. 367 p.
9. Chernikova T. Three strategies of training of specialists // Higher education today. 2003. № 2.
10. Federal State Educational Standards of Higher Education in the direction of training 44.03.02 "Psychological-pedagogical education" (Bachelor level) M., 2014.
11. Yasvin V. Education environment. From modeling to designing. M., 2001. 180 p.

Фролова М.И.,

докторант кафедры теории и методики профессионального образования педагогического факультета
Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается структура и содержание понятия «педагогика толерантности» и использование ее возможностей в формировании толерантности культурной идентичности. Толерантность – это не только определенное понятие, но и система гуманных принципов, которые должны определять взаимодействие, отношения между этносами, религиями, группами людей. Организация процесса формирования толерантности и культурной идентичности личности требует учета возрастных, личностных особенностей и познавательных способностей студентов. В статье дана обобщенная характеристика толерантной личности. Автор делает вывод, что формирование толерантности – общее дело многих государственных и общественных институтов, но главная нагрузка и ответственность за работу в данном направлении ложится именно на образовательные учреждения, социокультурную среду.

Ключевые слова: толерантность, личность, педагогика толерантности, культурная идентичность

Frolova M.,

Doctoral student of Chair of Theory and Methodology of Professional Education of the Pedagogical Faculty
of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

THE PEDAGOGICAL ASPECT OF FORMATION OF A TOLERANT PERSONALITY

The article deals the structure and content of the conception "Tolerance Pedagogy" and using its opportunities in the tolerance formation of cultural identity. The tolerance is not a defined conception, but also it is a system of humanistic principles, which should govern the interaction, relations between ethnic groups, religious and human groups. The process organization of the tolerance formation and the personality cultural identity is required taking into account of age, personality features and student's cognitive abilities. In the article there is a generalized description of a tolerant personality. The article author concludes that the tolerance formation is a joint activity of many state and public institutions, but the main burden and responsibility for the action in this direction must fall on educational institutions, sociocultural environment.

Keywords: tolerance, personality, Tolerance Pedagogy, cultural identity

Толерантность – одно из самых популярных понятий в современной отечественной и зарубежной социально-политической, культурологической и правоведческой литературе.

В работах Г.В. Безюлевой и Г.М. Шелаховой [2] предлагается не только понимание толерантности как диалога, сотрудничества, взаимопонимания, но и технология поэтапного развития толерантности педагогов и обучающихся: от определения психологического климата в коллективе образовательного учреждения и оценки психолого-педагогической компетентности через информирование по проблеме толерантности и совершенствование коммуникативных навыков педагога к индивидуальному развитию его толерантных качеств на основе рефлексии и самодиагностики затруднений в сфере отношений.

А.М. Байбаков [1], определяет толерантность как педагогическую цель, понимает ее как способность

субъекта признавать существование иной точки зрения, многообразие культурных отличий, на основе уверенности своих позиций, не избегая конкуренции, в рамках универсальных прав и свобод личности, и при этом обеспечивая устойчивость индивидуальности личности человека (т.е. не позволяет поступиться собственными принципами) и гармоничное развитие личности в социуме.

Толерантность – это не только определенное понятие, но и система гуманных принципов, которые должны определять взаимодействие, отношения между этносами, религиями, группами людей. В.А. Ситаров и В.Г. Маралов убеждены в том, что «важно уже с самого раннего детства научить ребенка взаимодействовать с другими на ненасильственной основе <...> свободным, способным принимать решения самостоятельно, максимально учитывая интересы и потребности других людей» [7, с. 15].

Ученые считают воспитание миролюбия как свойства личности одной из важных задач педагогики. По их мнению, миролюбие включает две взаимосвязанные стороны:

а) уважение к людям другой национальности, их культуре, языку, традициям;

б) формирование гуманных отношений народов как условие соответствующего отношения и к миру в целом.

Под гуманными отношениями авторы понимают «умение строить взаимодействие на основе общечеловеческих ценностей с учетом конкретной ситуации и личностных особенностей людей, вступающих во взаимодействие, способность к сотрудничеству и взаимопониманию, ненасильственному разрешению возникающих конфликтов» [8, с. 23].

Вместе с тем толерантность как позиция, как свойство личности означает, что человек сознательно отказывается от попыток искать врага в окружающих его людях. Как вектор индивидуального и общественного сознания в полиэтнической и поликультурной ситуации толерантность становится условием гармонизации социальных отношений. В сфере образования, где немалую роль играют мировоззренческие установки общества, толерантность выступает как социально-образовательный императив.

Толерантность общества в известном смысле зависит от того, насколько для человека это понятие становится его внутренней позицией, обретает свою социально-образовательную значимость, принимается им как высшая ценность, наряду с такими, как жизнь, свобода, демократия, гуманизм.

Предлагая в качестве основания отсутствие негативной реакции человека, Бетти Э. Ризердон высказывает мысль о желании помочь человеку выработать в себе понимание трех фундаментальных принципов толерантности:

– разнообразие людей украшает и обогащает жизнь;

– конфликт – это нормальный процесс, который надо уметь решать конструктивно;

– для демократии очень важны социальная ответственность и способность каждого человека осмысленно применять моральные нормы при принятии личных и общественных решений.

Из этого вытекают сверхважные цели современного образования:

(1) научить жить в многоликом мире;

(2) научить конструктивно разрешать конфликты;

(3) воспитать ответственность [6].

Е.Ю. Клепцова [4] отмечает существование нескольких точек зрения на определение смысла и содержания понятия «педагогика толерантности». Представители первого направления не выделяют педагогику толерантности как самостоятельную об-

ласть науки, а понимают под ней объединительный принцип всех прогрессивных педагогов, выступающих за права человека, не приемлющих различные формы агрессии в образовательных учреждениях.

Представители второго направления, наоборот, считают педагогику толерантности самостоятельным направлением и руководствуются рядом принципов: раскрытие толерантности как гуманистической ценности; рассмотрение психологических условий развития терпимости и толерантности.

В связи с этим Е.Ю. Клепцова формулирует задачи, которые объединяются в два взаимосвязанных этапа.

1. Воспитание толерантного и терпимого отношения: обучение правам человека; отрицание насильственных методов разрешения внутриличностных, межличностных, межгрупповых конфликтов; развитие умения ненасильственно разрешать конфликты посредством способности к терпению (выдержка, самообладание, самоконтроль) и принятию (понимание, эмпатия) при взаимодействии с «другим», «иным», «чуждым»; воспитание ответственности за свои действия, поступки, словесные выражения; становление толерантного сознания, установок толерантного отношения ко всему живому, другим людям, самому себе.

2. Гуманизация образовательного пространства через внедрение идей толерантности в учебно-воспитательный процесс и толерантное взаимодействие детей и взрослых: гуманизация системы толерантного взаимоотношения детей и взрослых; разработка и внедрение новых методов и форм педагогической деятельности, построенных на толерантной основе; организация учебно-воспитательных мероприятий со студентами, формирование у них личностных свойств, специальных умений, способствующих развитию толерантного отношения.

В своем исследовании мы исходили из понимания того, что организация процесса формирования толерантности и культурной идентичности личности требует учета возрастных, личностных особенностей и познавательных способностей студентов.

Во время обучения в вузе формируется прочная основа трудовой, профессиональной деятельности. Труд студента во многом специфичен. Он связан с нелегким процессом познания сложных закономерностей в различных видах наук, овладения навыками и умениями, необходимыми для будущей работы. Усвоенные в обучении знания, умения, навыки выступают уже не в качестве предмета учебной деятельности, а в качестве средства деятельности профессиональной.

Как отмечают В.П. Комаров и О.В. Исаева, студенческий возрастной период имеет свои психолого-педагогические особенности, «характеризуемые эмоциональной незрелостью, открытостью, внушае-

мостью, малым жизненным опытом, самоидентификацией не на основе общечеловеческих ценностей, а под влиянием коллизий в сфере культурных, национальных, социальных и других отношений... начинается формироваться чувство культурной идентичности человека, а соответственно, повышается интерес к вопросам культурной принадлежности ... поиск приемлемых социальных ролей, интерес к общению за рамками ближайшего социума, потребность во взаимопризнании и взаимопонимании с окружающим миром заставляет молодых людей столкнуться с иными культурами, конфессиями, социальными группами ... закладываются основы дальнейшего социального поведения личности, в том числе способность к эмпатии или конфликтности, социальная изолированность, позитивное или заведомо негативное отношение к представителю другой нации, религии, социальной среды» [5, с. 112–118].

Являясь репрезентантом студенчества, студент выступает в качестве субъекта учебной деятельности, которая прежде всего определяется мотивами. Два типа мотивов характеризуют преимущественно учебную деятельность – мотив достижения и познавательный мотив. Последний представляет собой основу учебно-познавательной деятельности человека, соответствуя самой природе его мыслительной деятельности. Эта деятельность возникает в проблемной ситуации и развивается при правильном взаимодействии и отношении студентов и преподавателей. В обучении мотивация достижения подчиняется познавательной и профессиональной мотивации.

Потребность в достижении, если она не находит своего удовлетворения в основной для студента учебной деятельности, закономерно смещается на другие сферы – в спорт, бизнес, общественную деятельность, хобби и т.п. Потребность в достижениях часто входит в конфликт с потребностью в общении, и разрешение этого конфликта в пользу той или иной потребности приводит к дальнейшим личностным изменениям. Однако конфликт может возникнуть между потребностью в достижениях и познавательной потребностью, удовлетворяемой в ходе творческой исследовательской деятельности.

Поэтому перед преподавателем стоит ответственная психолого-педагогическая задача формирования студента как субъекта учебной деятельности, что предполагает прежде всего необходимость обучить его умению планировать, организовывать свою деятельность, умению полноценно учиться, общаться. Отношение к студенту как к социально зрелой личности, носителю научного мировоззрения предполагает учет того, что мировоззрение – система взглядов человека не только на мир, но и на свое место в мире.

Другими словами, формирование мировоззрения студента означает развитие его рефлексии, осоз-

нание им себя субъектом деятельности, носителем определенных общественных ценностей, социально полезной личностью.

В свою очередь, это «обязывает преподавателя думать об усилении диалогичности обучения, специальной организации педагогического общения, создания для студентов условий возможности отстаивать свои взгляды, цели, жизненные позиции в процессе учебно-воспитательной работы в учебном заведении» [3, с. 186].

Все это в целом, естественно, обуславливает необходимость вдумчивого, внимательного, тактичного и неформального подхода к каждому студенту с учетом психологии его личности при подготовке его к общению и взаимодействию с представителями других культур.

Мы считаем, что именно в студенческом возрасте необходимо уделить серьезное внимание формированию толерантности культурной идентичности. Интересующий нас возрастной период имеет свои особенности, характеризующие эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, небольшим жизненным опытом и т.д. Кроме того, в этом возрасте начинает формироваться чувство культурной идентичности человека, что приводит к повышению интереса к вопросам культурной принадлежности. В этом возрасте поиск приемлемых социальных ролей, интерес к общению за рамками ближайшего социума, потребность во взаимопризнании и взаимопонимании с окружающим миром заставляют молодых людей столкнуться с иными культурами, конфессиями, социальными группами.

Особое значение для студенческой молодежи приобретает собственная жизненная позиция. Предпосылками этого являются повышенный интерес к себе, своему внутреннему миру, развитие рефлексии, стремление к отстаиванию собственного мнения, позиции.

Исходя из вышеизложенного, можно дать обобщенную характеристику толерантной личности. Как показывает анализ литературы, наш личный опыт, толерантной личности присущи следующие черты:

- она старается разобраться в своих достоинствах и недостатках;
- относится к себе критически и не стремится во всех своих неприятностях обвинить окружающих (зная о своих достоинствах и недостатках, менее удовлетворен собой, в связи с этим потенциал для саморазвития выше);
- чувствует себя в безопасности, поэтому не стремится защититься от других людей;
- не перекладывает ответственность на других, всегда готова отвечать за свои поступки;
- видит мир во всем его многообразии;

– ориентирована больше на себя в работе, творческом поиске, размышлениях; в проблемных ситуациях склонна винить себя, а не окружающих;

– социально чувствительна, умеет формулировать верные суждения о других людях; адекватно оценивает как толерантных, так и интолерантных людей; умеет посмеяться над своими недостатками, не стремится к превосходству над другими;

– предпочитает жить в свободном демократическом обществе.

Формирование толерантности – общее дело многих государственных и общественных институтов, но главная нагрузка и ответственность за работу в данном направлении ложится именно на образовательные учреждения, социокультурную среду.

Список литературы

1. Байбаков А.М. Воспитание толерантности у старшего подростка в условиях взаимодействия малых групп: автореф. дис... канд. пед. наук. – Волгоград, 2003. – 17 с.
2. Безюлева Г.В., Шеламова Г.М. Толерантность: взгляд, поиск, решение. – М.: Вербум-М, 2003. – 168 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
4. Клепцова Е.Ю. Психология и педагогика толерантности: учеб. пособие. – М.: Академ. проект, 2004. – 176 с.
5. Комаров В.П., Исаева О.В. Воспитание толерантности у студентов университета // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2003. – № 4.
6. Риэрдон Б.Э. Толерантность – дорога к миру. – М.: Изд-во «Бонфи», 2001. – 304 с.
7. Ситаров В.А., Маралов В.Г. Педагогика ненасилия. – М.: МИЛ «NB Магистр», 1994. – 132 с.

Reference list

1. Baybakov A. Tolerance education at the senior adolescents in the conditions of interaction of small groups: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Volgograd, 2003. 17 p.
2. Bezyuleva G., Shelamova G. The tolerance: Look, finding, solution. M.: Verbum-M, 2003. 168 p.
3. Zimnyaya I. Educational Psychology. Rostov-on-Don: Feniks, 1997.
4. Kleptsova E. Psychology and Pedagogy of tolerance: Textbook. M.: Akadem. proekt, 2004. 176 p.
5. Komarov V., Isaeva O. Tolerance education at the University students // Bulletin of the Orenburg State University. 2003. № 4.
6. Rierdon B. Tolerance – the road to peace. M.: Publishing house "Bonfi", 2001. 304 p.
7. Sitarov V., Maralov V. Pedagogy of non-violence. M.: MLI "NB Magistr", 1994. 132 p.

УДК 378

Петренко Д.А.,

кандидат педагогических наук, начальник курса факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

Чеджемов С.Р.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

К НЕКОТОРЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

В статье освещены вопросы актуальной для Российской Федерации проблемы – создание Национальной гвардии и, соответственно, проблемы специальной подготовки кадров для нового федерального органа исполнительной власти, направленного на борьбу с терроризмом и организованной преступностью. Авторы полагают, что успешное становление Национальной гвардии потребует не только продолжения накопленного опыта обучения сотрудников силовых структур. Необходим поиск новых направлений, форм и методов подготовки кадров, что делает весьма актуальным такое научное направление в психолого-педагогических изысканиях, как формирование компетентностного подхода в организации профессиональной подготовки сотрудников Национальной гвардии. Авторы считают, что нужно активно использовать не только опыт подготовки кадров для системы МВД РФ, но и опыт Национальной гвардии США.

Ключевые слова: Национальная гвардия России, подготовка кадров, сотрудники силовых структур

Petrenko D.,

PhD in Pedagogy, Course Director of the Faculty of Extramural Training, Further Training and Advanced Training of the Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Interior Ministry of the Russian Federation

Chedzhemov S.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of the North Ossetia State Pedagogical University named after K. Khetagurov

TO SOME OF THE ISSUES OF PERSONNEL TRAINING FOR THE NATIONAL GUARD OF RUSSIA: THEORY AND HISTORY

The article expresses the issues which are relevant for the Russian Federation – it is the establishment of the National Guard and, accordingly, it is the creation of the issue of special personnel training for a new Federal Executive Authority which is oriented to struggle against terrorism and organized criminality. The article authors are believed that the successful establishment of the National Guard will require not only continuation of accumulated experience of law enforcement officials training. Search is necessary for new directions, forms and methods of personnel training, that makes such scientific direction by very relevant in psychological-pedagogical investigations as the formation of competence approach in organization of professional training officers of the National Guard. The contributors are considered that it is necessary to use not only the experience of personnel training in the system of the Interior Ministry of the Russian Federation but also to use the experience of the State Troop of the USA.

Keywords: National Guard of Russia, personnel training, law enforcement officials

Процесс укрепления российской государственности, проходящий на фоне изменения социально-политических условий в мире, сопровождается масштабными преобразованиями в Российском государстве и обществе, что не может не отражаться и на правоохранительной системе стра-

ны. Идея создания Национальной гвардии в постсоветской России не раз упоминалась в печати в лихие 90-е гг. XX века, а затем с новой силой эта тема зазвучала в некоторых выступлениях накануне реформирования системы министерства внутренних дел в 2009–2010 гг.

5 апреля 2016 г. Президент РФ Владимир Путин на встрече с главой МВД Владимиром Колокольцевым, главой ФСКН Виктором Ивановым и командующим Внутренними войсками МВД Виктором Золотовым объявил, что на базе Внутренних войск МВД будет создана Национальная гвардия, т.е. появятся специальные войска, которые по своему предназначению будут более мощными, имеющими соответствующие резервы и мобильность.

Этот новый федеральный орган исполнительной власти должен заниматься борьбой с терроризмом и организованной преступностью. Его значимость сегодня особенно велика в свете все возрастающих угроз экстремизма и терроризма, обеспечения безопасности внутри страны, охраны конституционного строя, прав и интересов граждан, тем более что современное законодательство РФ четко определяет невозможность использования в этих целях подразделений Российской армии. Их применение, имевшее место в прошлом нашего государства, было неэффективно, что нашло свое отражение даже в художественных фильмах «Дело было в Ростове» и «Ленинград-46» и т.д.

Противодействие нарастающим угрозам дестабилизации в стране в современных условиях должны оказать подразделения Национальной гвардии. Успешное ее становление потребует не только продолжения накопленного опыта обучения сотрудников силовых структур [8, с. 77–81]. Необходим поиск новых направлений, форм и методов подготовки кадров, что делает весьма актуальным такое научное направление в психолого-педагогических изысканиях, как формирование компетентностного подхода в организации профессиональной подготовки сотрудников Национальной гвардии.

Естественно, что эти исследования должны основываться на предшествующем и современном опыте, как отечественном, так и зарубежном. Думается, что потребуются использование зарубежного опыта подготовки кадров, адаптированного к современным российским условиям. Для этого необходимо тщательное изучение зарубежных систем с целью синтезировать наиболее приемлемую для Российской Федерации систему профессиональной подготовки кадров Национальной гвардии.

Возьмем, к примеру, США, где основу Национальной гвардии составила милиция, т.е. вооруженная часть самого населения, о чем красноречиво свидетельствует анализ нормативно-правовой базы по созданию национальной гвардии. Конгресс США принял различные законы, которые регулируют деятельность Национальной гвардии. Это акты о милиции 1792 и 1862 гг., поправки к милицейскому кодексу США и некоторые другие. Этот опыт может быть востребован в условиях нашей российской действитель-

ности для подготовки компетентных кадров для Национальной гвардии.

Если Национальная гвардия в США представляет собой вид вооруженных сил, в основном группы резерва, ее подразделения действуют в каждом из пятидесяти штатов и федеральном округе, то в условиях России необходима федеральная структура с четким принципом единоначалия. На наш взгляд, неприемлемым для государства является и существующее в США двойное подчинение Национальной гвардии штату и федеральному правительству. В условиях РФ необходимость единой централизованной федеральной структуры кажется наиболее предпочтительной. В то же время, в отличие от национальной гвардии США, наша Национальная гвардия не должна использоваться за пределами государственных границ РФ.

Что касается системы подготовки кадров, то в США успешно зарекомендовали себя многопрофильными и многоуровневыми образовательными учреждениями, готовящими кадры для ФБР, специализированная Академия ФБР и общий для правоохранительных органов США Федеральный Центр подготовки кадров и т.д. [1, с. 295].

Думается, что в нашем государстве, наряду с уже действующими военными и полицейскими институтами, необходим специальный федеральный образовательный центр Национальной гвардии России в форме академии или даже университета, где будет осуществляться как подготовка, так и переподготовка кадров Национальной гвардии.

Организация этого центра и его филиалов в федеральных округах позволит коренным образом изменить подход к специальному профессиональному обучению и качественно повысить уровень профессиональной подготовленности сотрудников Нацгвардии всех уровней, в особенности на начальном этапе их практической деятельности. И здесь необходимо, с педагогической точки зрения, переосмыслить сложившуюся систему подготовки кадров для ОВД с тем, чтобы найти новые формы и методы повышения эффективности профессионального обучения.

Задача не из легких, и, естественно, она не может решаться в рамках настоящей статьи. Мы лишь попытаемся остановиться на двух, с нашей точки зрения, наиболее важных слагаемых успешной профессиональной деятельности служащих в Национальной гвардии России на основе применения компетентностного подхода, ранее нами применяемого в системе обучения МВД [1].

Первой мы бы назвали проблему формирования высокой морально-психологической подготовленности сотрудников Национальной гвардии к решению возложенных на них задач. К желательным характерным чертам личности служащего Нацио-

нальной гвардии мы относим такие умения и навыки, как морально устойчивое поведение, осознанное желание служить на благо своему народу и государству и во имя этого помогать людям.

Второй, на наш взгляд, является проблема формирования у сотрудников Национальной гвардии России инициативности и ответственности. На эти же качества личности сотрудника правоохранительных органов обращали внимание американские ученые, соотнося эти умения со способностью действовать в одиночку в сложных условиях, успешно контактировать с представителями различных социальных, культурных и этнических групп и адаптироваться к технологическим изменениям, что невозможно без достаточной физической силы и выносливости [7].

Естественно, что у претендентов для службы в Национальной гвардии не должно быть проблем со здоровьем, они должны обладать хорошими психическими и физическими способностями, не иметь вредных привычек и обладать способностью и желанием совершенствовать свои умственные, физические возможности путем самосовершенствования, а это невозможно без владения совокупностью методов профессиональной деятельности (умение перевести знания в сферу практической работы); также для службы в Национальной гвардии необходима осведомленность о сильных и слабых сторонах своей личности; психологическая и этическая подготовленность; непрерывное обучение новым методам деятельности, повышение квалификации и т.д.

Профессиональная подготовка должна стать необходимым условием качественного исполнения служебных обязанностей. Мы исходим из необходимости подразделять образование и подготовку, в совокупность составляющую основу профессиональных качеств сотрудников Национальной гвардии.

Здесь мы солидарны с ранее высказанным мнением И.Ф. Колонтаевской, [5, с. 62] предложившей на примере зарубежной полиции подразделять полицейское образование и полицейскую подготовку. По словам автора, полицейское образование (policeeducation) – это процесс передачи и приобретения общих и частных знаний, имеющих отношение к полицейской службе, который приводит к получению определенной образовательной степени, в то время как полицейская подготовка (policetraining) – это процесс передачи и получения частных знаний и умений (навыков), необходимых для полицейской работы, который не ведет к какому-нибудь виду степени, но может (или не может) окончиться получением сертификата в какой-либо форме.

Думается, что этот опыт можно использовать и в деле подготовки кадров для Национальной гвардии. В зависимости от рода их деятельности служащим Национальной гвардии целесообразно пред-

лагать спецкурсы сверх обязательной программы, предусматривающие теоретический курс (изучение различных форм поведения преступников, свидетелей и изучение методов влияния на него в правоохранительных целях, конфликтология, виктимология), криминалистический курс (анализ следов, документов, образцов почерков, чернил и пр.), правовой курс; курс по расследованию финансовой преступности и способов отмывания денег, курс профессионального владения компьютером, языковые курсы, курсы автовождения в экстремальных ситуациях, курсы по антитерроризму, курс обеспечения физической безопасности ответственных персон, курс обучения методам выживания, курс управления в кризисных условиях и другие виды специальной подготовки и т.д.

Постоянное совершенствование знаний, умений и навыков может осуществляться прямо на рабочем месте полицейских. Одной из форм такого обучения являются занятия по служебной подготовке. Например, в США с конца 70-х гг. служебная подготовка стала неотъемлемой частью кадровой работы в полицейских департаментах. Национальная комиссия по стандартам разработала общеобязательные рекомендации, предусматривающие проведение подготовки на месте службы каждого сотрудника Национальной гвардии не менее 40 часов в год. По нашему мнению, для сотрудников Национальной гвардии важно не только владеть всеми видами огнестрельного оружия, но и применять их в нестандартных условиях.

Так, по художественному фильму «Однажды в Ростове» для разгона митинга солдаты, согласно действовавшей в те годы практике, дали предупредительный залп поверх голов митингующих. Однако это имело трагичные последствия, поскольку были убиты сидящие на деревьях любопытствующие подростки и дети. На основании этого можно сделать вывод о нецелесообразности предупредительного залпа. Оружие должно применяться адекватно обстоятельствам и точно против конкретных людей, совершающих тяжкие противоправные действия.

Для решения этой задачи было бы целесообразно организовать в предлагаемых выше центрах по подготовке кадров Национальной гвардии постоянно действующие семинары в целях повышения компетентности инструкторско-педагогических кадров, занимающихся вопросами их подготовки. Выполнение функциональных обязанностей инструкторско-педагогических кадров обуславливает необходимость формирования у них таких профессиональных компетенций, как знание и умение обучать двигательным действиям, упражнениям общефизической подготовки (бег, прыжки, метания, преодоление препятствий и прочее) и специальной (приемы боевых искусств в задержании нарушителей), а так-

же умения адресно развивать необходимые физические качества, обеспечивающие успешное овладение двигательными умениями общего и специального характера (силу, выносливость, быстроту, гибкость, ловкость), использовать различные формы, средства и методические системы оздоровительной физической культуры для поддержания необходимой для профессии интеллектуальной и физической работоспособности [2, с. 98–100; 3; 4, с. 28–33].

Это совершенствование профессионально-прикладных двигательных навыков (боевых приемов борьбы), организация и проведение занятий по огневой подготовке – совершенствование в стрельбе из табельного и иных видов оружия, находящегося на вооружении, проведение занятий по тактико-специальной подготовке. Выполнение функциональных обязанностей инструкторско-педагогических кадров обуславливает необходимость формирования у них таких профессиональных компетенций, как умение обучать двигательным действиям (в первую очередь, боевым приемам борьбы и стрельбы) и умение воспитывать физические качества (в первую очередь, скоростно-силовые).

При определении структуры профессиональной компетентности мы опирались на квалификационные требования (профессиональные стандарты), действующие в высшей школе, и в соответствии с ними мы выделили предполагаемые ключевые, базовые и специальные компетенции служащих в Национальной гвардии.

Мы выделяем четыре вида компонентов пригодности к данной деятельности: мотивационно-ценностный (профессионально-ориентирующий), когнитивно-познавательный, организационно-деятельностный и рефлексивно-творческий (физкультурно-спортивный).

1. Мотивационно-ценностный (профессионально-ориентирующий) предполагает наличие потребности в профессионально-педагогической работе, обеспечивающей успешность в ней посредством наличия таких личностных качеств, как креативность, рефлексивность, козлевитность, т.е. способность обнаруживать, идентифицировать и анализировать скрытые причины, субъективные и объективные факторы состояния своего здоровья, использовать средства физической культуры, его обеспечивающие, и на основе психофизического состояния осуществлять его коррекцию, самоактуализацию и устойчивый интерес к достижению поставленных целей, инициативность, изобретательность и настойчивость.

2. Когнитивно-познавательный обусловлен присутствием системы знаний в области педагогики, психологии к физиологии физического воспитания, а также познавательно-творческой потребности в профессиональном самосовершенствовании.

3. Организационно-деятельностный детерминирует продуктивные умения переноса сформированных компетенций в практическую инструкторско-педагогическую деятельность.

4. Рефлексивно-творческий (физкультурно-спортивный) связан с интеллектуальными способностями использования методов научного познания, исследования причинно-следственных связей, закономерностей, имеющих отношение к физическому воспитанию.

В качестве критериев профессиональной пригодности в области служебно-боевой подготовки кадров Национальной гвардии мы выделяем четыре их вида.

1. Мотивационный критерий. Он предполагает осознание обучаемым роли педагогики в своей профессиональной деятельности и характеризуется такими личностными характеристиками, как интерес к деятельности, инициативность, но вместе с тем и дисциплинированность.

2. Когнитивный критерий. Он обуславливается осознанием взаимосвязей между структурными компонентами педагогической системы (целевая установка, педагог, обучаемый, учебная информация, материально-техническая база, разработка и внедрение инновационных форм и методов проведения учебных занятий с личным составом по физической подготовке), а также медико-биологических и спортивных предметов.

3. Деятельностный критерий. Он предполагает наличие профессионально-прикладных умений и навыков, на уровне автоматизма демонстрирующих развитые двигательные способности сотрудника Национальной гвардии, а именно:

– физические качества (выносливость, сила, ловкость и быстрота). Выполнение нормативов по физической подготовке не ниже оценки «хорошо» и «отлично» по всем контрольным нормативам: подтягивание на высокой перекладине; сгибание и разгибание рук в упоре лежа; толчок (жим) гири 24 кг; подъем переворотом на высокой перекладине; жим штанги лежа; бег на 1000, 3000 и 5000 метров; марш-бросок на 10000 метров;

– профессионально-прикладные двигательные навыки (единоборства, преодоление препятствий, прикладное плавание, стрельба из оружия). Выполнение нормативов и требований не ниже оценки «хорошо» и «отлично»: демонстрация техники выполнения всех разделов боевых приемов борьбы; преодоление полос препятствий естественного и искусственного типа; военно-прикладное плавание на 100 метров в обмундировании; выполнение всех нормативов и упражнений по огневой подготовке.

4. Креативно-исследовательский критерий. Он характеризуется готовностью к принятию и выработ-

ке новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, и обуславливается развитыми умственными способностями, умением применять методы научного познания в теоретической и практической деятельности.

Мы считаем, что взаимообусловленность этих четырех компонентов профессиональной компетентности обеспечит профессионально-личностную успешность сотрудников Национальной гвардии при выполнении служебных обязанностей.

На наш взгляд, нуждаются в тщательном анализе дефиниции понятий «технологии обучения» и «педагогические технологии». Нам представляется, что первое понятие является частью второго. Помимо технологий обучения, существуют технологии воспитания, развития и т.д.

Мы считаем, что одним из перспективных путей повышения уровня профессиональной подготовленности выступает компетентностное обучение. Целью компетентностного обучения является создание образовательных технологий, ориентированных на формирование профессиональной компетентности сотрудников Национальной гвардии. В качестве средств этого могут выступать принципы, средства и методы опережающего, развивающего, интерактивного обучения, воспитание профессионально значимых личностных качеств, формирование психологической готовности сотрудников к служебным действиям [6, с. 97–100; 7, с. 59].

Кроме того, при становлении Национальной гвардии современной России необходимо учитывать военно-патриотический опыт многонационального народа России в прошлом, о чем мы также писали ранее. Речь идет о не оцененной по заслугам так называемой кавказской туземной конной дивизии, вошедшей в историю государства и права нашей Родины

под названием «Дикая дивизия». Она была создана 23 августа 1914 г. специальным указом императора Николая II и состояла из добровольцев мусульманского вероучения, выходцев из Северного Кавказа и Закавказья, которые до того времени не призывались на службу в армию.

В составе дивизии были сформированы национальные полки:

1. Кабардинский конный полк, в котором служили в основном кабардинцы и балкарцы;
2. Татарский конный полк, в котором служили в основном азербайджанцы;
3. Черкесский конный полк, в котором служили в большинстве своем черкесы, абазинцы, абхазы, карачаевцы;
4. Ингушский конный полк, в котором служили в основном ингуши.

Не упомянутые в названии полка кавказские народы могли служить по своему усмотрению в одном из названных полков. Это касалось, например, осетин, которые согласно российскому законодательству еще в XIX в. призывались на действительную воинскую службу.

К дивизии была прикомандирована Осетинская пешая бригада и 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион. 21 августа 1917 г. приказом Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова Кавказская туземная конная дивизия была переформирована в Кавказский туземный конный корпус, в состав которого вошли Дагестанский и два Осетинских конных полка.

После Октябрьской революции данное воинское подразделение прекратило свое существование, но нам представляется, что его опыт может и должен быть востребован в процессе создания Национальной гвардии России.

Список литературы

1. Петренко Д.А., Чеджемов С.Р. О необходимости интеграции российского и зарубежного опыта в организации профессиональной подготовки инструкторско-педагогических кадров полиции по боевой и физической подготовке на основе компетентностного подхода // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 12.
2. Петренко Д.А. Формирование профессиональной компетентности инструкторско-педагогических кадров по физической подготовке для органов внутренних дел Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51).
3. Петренко Д.А. Формирование профессиональной компетентности инструкторско-педагогических кадров МВД по физической подготовке – Краснодарский университет МВД РФ, Ставропольский филиал; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. – М., 2015.
4. Петренко Д.А., Кашин С.Н. Научно-теоретические основы совершенствования профессиональной подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел // Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел: сборник материалов VI Межвузовской научно-практической конференции / Под общей редакцией Л.И. Тимошенко, С.Н. Кашина, 2013.
5. Колонтаевская И.Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран: монография. – М.: Академия управления МВД России, 2002.

6. Тухватуллин Б.Т., Алипханова Ф.Н. Военно-профессиональная подготовка курсантов вузов внутренних войск МВД России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7–4 (14).
7. Чарлз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2000.
8. Чеджемов С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России // Государство и право. – 2009. – № 7.

Reference list

1. *Petrenko D., Chedzhemov S.* On the necessity of integration of the Russian and international experience to organization of professional training of instructional-pedagogical personnel of the police on combat and physical training on the basis of competence approach / Bulletin of the University (State University of Management). 2014. № 12.
2. *Petrenko D.* Formation of professional competence of the instructional-pedagogical personnel on physical training for the internal affairs agencies of the Russian Federation // World of science, culture, education. 2015. № 2 (51).
3. *Petrenko D.* The formation of professional competence of the instructional-pedagogical personnel of the Interior Ministry for physical training – Krasnodar University of the Interior Ministry of Russia, the Stavropol' Branch; The North Ossetia State University named after K. Khetagurov. M., 2015.
4. *Petrenko D., Kashin S.* Scientific-theoretical basis of improvement of professional training of instructional-pedagogical personnel on combat and physical training for internal affairs agencies / Scientific-methodical issues of training of instructional-pedagogical personnel on combat and physical training for internal affairs agencies: Proceedings of the VI Interuniversity scientific- practical conference / Under the general editorship of L. Timoshenko, S. Kashin, 2013.
5. *Kolontaevskaya I.* Pedagogy of professional education of the police personnel of foreign countries]. M.: Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, 2002.
6. *Tukhvatullin B., Alipkhanova F.* Military-professional training of cadets of higher education institutions of internal troops of the Interior Ministry of Russia // International Research Journal. 2013. № 7–4(14).
7. *Charlz M.* Professional training of police officers (militia) of the USA and Russia / Under the general editorship of V. Sal'nikov. SBR.: "Aletheia" Publishing House, 2000.
8. *Chedzhemov S.* The development of state-legal relations and legal culture in the Russian South // State and Law. 2009. № 7.

УДК 378
УДК 159.98

Пушкарева Т.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии культуры
Российского государственного социального университета

Агальцова Д.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной и педагогической информатики
Российского государственного социального университета

Шемякина Е.М.,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета

Пушкарева Е.В.,

психолог, гештальт-консультант

Богданова Н.В.,

аналитический психолог

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ «Я И МОЯ КУКЛА»

В статье выделяются пять социокультурных факторов, формирующих ситуацию кризиса идентичности современного человека: множественность социальной идентичности; новые возможности выбора биологической принадлежности; подвижность культурных границ; формирование новых универсально значимых референтных групп; подвижность социальных групп и постоянное обновление идентификационных перспектив. Раскрыты психопатологические последствия идентификационного кризиса: фрустрация и потеря энергии. Показаны возможности авторской психолого-педагогической мастерской «Я и моя кукла» по компенсации идентификационного кризиса. Авторская психолого-педагогическая мастерская «Я и моя кукла», основанная на принципах и методах гештальт-подхода и аналитической психологии, позволяет провести эффективную работу по изучению идентификационных моделей человека. Это происходит путем творческого овеществления субличности человека в форме куклы, что позволяет прояснить сложные процессы идентификации и снять психологическое напряжение.
Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, арт-терапия, куклотерапия, гештальт-подход, психолого-педагогическая мастерская

Pushkareva T.,

D. in Philosophy, Associate Professor of Chair of Sociology and Philosophy of Culture
of the Russian State Social University

Agal'tsova D.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social and Pedagogical Informatics
of the Russian State Social University

Shemyakina E.,

D. in Philosophy, Associate Professor of Chair of Culturology of the Moscow Pedagogical State University

Pushkareva E.,

Psychologist, the Gestalt-Consultant

Bogdanova N.,

Analytical Psychologist

OVERCOMING THE IDENTITY CRISIS OF A MODERN HUMAN INTO THE PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL WORKSHOP “MY DOLL AND ME”

The article distinguishes the following five socio-cultural factors, promoting the situation of the identity crisis of a modern human: the multiplicity of social identity; new opportunities to choose biological relation; the mobility of cultural boundaries; the formation of new universally significant reference groups; the mobility of social groups and constant renovation of identification prospects. There are discovered the following psychological consequences of the identity crisis: frustration and energy loss. The possibilities of the author's psychological-pedagogical workshop "My Doll and Me" on compensation of the identity crisis are presented in the article. The author's psychological-pedagogical workshop "My Doll and Me", based on the principles and methods of the Gestalt-approach and Analytical Psychology, it allows to conduct efficient activity on the study of identification models of a human. This occurs through the creative reification of sub-identity of a human in the form of a doll, allowing to clarify complex processes of identification and to relieve the psychological tension.

Keywords: identity, identity crisis, art-therapy, doll-therapy, Gestalt-approach, psychological-pedagogical workshop

Проблема кризиса идентичности, впервые научно сформулированная Эриком Эриксоном, более чем за полвека ее обсуждения становится все более актуальной, психологические исследования проблем идентичности приобретают междисциплинарный характер, рассматриваются на стыке педагогики, социальной психологии, патопсихологии, культурологии, социологии, философии, политологии [1; 5; 8; 17, с. 56–67; 20]. Если Эриксон говорил о проблемах самоидентификации ветеранов Великой Отечественной войны и о восьми естественных возрастных кризисах идентичности в процессе развития личности [22; 23], то в современной научной литературе проблема кризиса идентичности рассматривается более широко – как синтетическая социокультурная проблема. И это закономерно, так как проблема идентичности действительно становится универсальной проблемой современных людей вне зависимости от статуса, пола, возраста, типа культуры и общества, проблемой, требующей соответствующего осмысления и решения в интересах обеспечения психического и физического здоровья человека.

Э. Эриксон определяет идентичность как «субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [22; 23]. Уже в этом определении фактически выделены две формы идентичности – социальная (внешняя) и личностная (внутренняя), первая оказывается связанной с соотношением личности с какой-либо социальной группой, вторая основывается на субъективном переживании целостности и непрерывности собственного «я». Первая оказывается проявлением суммы всех социальных связей человека, вторая – результатом личностной автономии. Жак Лакан уточняет важный для нашей темы момент связи внутренней и внешней идентичности: субъект конституирует свою идентичность, идентифицируясь с образом другого, который удерживает в нем чувство самости (себя) («По поводу психической причинности», 1946).

Современная культурная ситуация, уже много раз описанная в социально-психологической, куль-

турологической, социологической литературе [2; 3], усложняет универсальный процесс самоидентификации человека, придавая ему новые, зачастую кризисные, черты. Можно выделить несколько факторов кризиса идентичности человека в современную эпоху.

Первое. Для современного человека нормальная ситуация множественной идентичности, в которой индивид может одновременно осознавать свою причастность многим социальным группам [1]. Одна из причин этого – стремительное развитие всех сфер производства, заставляющее человека быстро адаптироваться к этим изменениям путем освоения новых видов деятельности, увеличение доли свободного времени в структуре занятости и, как следствие всего этого, возрастающее многообразие выполняемых социальных ролей. Немаловажным фактором формирования множественной идентичности становится неуклонное расширение реального (обеспечиваемого возможностью передвижения) и виртуального (обеспечиваемого информационными технологиями) жизненного пространства. Это заставляет обычного человека, например, чувствовать себя не только гражданином своей страны, но и осознавать себя участником, например, постсоветского пространства или ЕС, христианской или мусульманской религии, представителем человечества. Обсуждаемые перспективы коммерческого освоения космоса обнаруживают все новые измерения идентификационных характеристик современного человека.

Второе. Происходит стремительное усложнение традиционных, ранее простых, параметров самоидентификации человека: идентификации по возрасту, полу, этнической и расовой принадлежности. Возможности биомедицинских технологий и бурное развитие индустрии красоты заставляют человека выбирать то, что ранее не предлагалось для выбора, ставя не только новые биомедицинские и правовые проблемы, но и обнаруживая новые экзистенциальные проблемы: проблемы существования в чужом теле, с новым лицом и другим цветом кожи и проблемы интерпретации таких изменений в Другом. Сама возможность этих предложений трансформирует

ситуацию самоидентификации человека в современном мире, новые выборы не только решают, но и порождают веер психологических проблем.

Третье. В современном поликультурном глобальном обществе культурные границы также обретают подвижность и мягкость. «До сих пор большинство людей принимало культуру как судьбу, подобно климату или родному языку. В нашем же случае эмпатическое проникновение в жизнь других культур есть не что иное, как способ освобождения из тюрьмы» [9, с. 114]. Продолжая эту мысль Маклюэна, можно заметить, что пресловутый «выход на свободу» – это один из самых драматичных идентификационных кризисов, за свободу же от собственной культуры нередко приходится платить большую цену, что показывает разнообразный опыт мировой миграции.

Неравномерный характер глобализации приводит к тому, что общества начинают вырабатывать защитные механизмы и поддерживать тенденции локализации. Такое противостояние глобальным социокультурным процессам нередко выражается в форме искусственной мифологизации социума, что на уровне индивида перерастает в гипертрофированное восприятие культурно-этнических признаков [11, с. 26–31; 21].

Четвертое. В современном мире продуцируются новые универсальные формы идентичности, связанные преимущественно с развитием новых средств коммуникации. Исследователи выделяют, например, такие новые формы идентичности, как потребительская, виртуальная, корпоративная, идентичность по стилю жизни, селебрити-идентичность [8]. Интернет становится средой для актуализации многих бессознательных психических процессов архетипического характера [10]. Информационные технологии позволяют самоидентифицироваться личности в виртуальной жизни иначе, чем в жизни реальной.

Пятое. Можно констатировать ситуацию «текучей» (по З. Бауману) идентификации, что вызвано, прежде всего, подвижностью рамок социальных групп, постоянным притоком новых идентификационных перспектив. «Проблема, мучающая людей ...состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [2].

Весь комплекс перечисленных выше факторов приводит к целому ряду социально- и патопсихологических последствий, которые и определяют кризис идентичности человека в современном мире. «Традиционно кризис идентичности определяется как особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек опре-

деляет себя и свое место в обществе, кажутся утраченными свои границы и свою ценность» [1].

Среди форм проявления кризиса идентичности выделяются следующие (по Г.М. Андреевой): подрыв базового стремления человека к безопасности, переориентация идентификации на близкие первичные группы (семья, друзья), избегание слишком устойчивой фиксации отождествления с определенной группой; доминирование личностной идентификации над социальной, т.е. акцентирование личной тождественности и уникальности, а не принадлежности к группе (так называемый «поиск себя»). Именно сопутствуют ситуации идентификационного кризиса (по И.А. Климову) болезненное переживание людьми собственной маргинальности, идентичностных несоответствий актуальным социальным требованиям, утрата единства собственной биографии (достижений) и разрушение жизненных планов. Зигмунд Бауман описывает состояние тотальной ночной тревоги современного человека, заставляющего его целыми днями «изгонять призраков неопределенности» ритуальным шопингом [3, с. 89].

Обилие и изменчивость внешних факторов заглушают вызовы «самости», заставляют тратить энергию на постоянную внешнюю идентификационную настройку, забирая энергию тождественности «Я». Эрих Фромм писал о деперсонализации, или потере себя, в результате описанного дисбаланса личной и социальной идентичности, когда индивид обретает единство с людьми и с миром, заплатив «...полным отказом от индивидуальности и целостности человеческого “Я”» [19, с. 291].

Данная ситуация сказывается на социальном самочувствии людей, может привести к развитию патологии на индивидуальном уровне. Так, известный гештальт-психолог Д. Франчесетти убедительно показывает, что, например, такой клинический симптом, как панические атаки, развивается чаще всего в ситуации стрессового перехода от «ойкоса» (домашнего пространства) к «полису» (публичному пространству) [18], т.е. ситуации идентификационного кризиса. Даже если кризис идентификации не проявляет себя в патологии, все равно он сказывается негативно, фрустрируя личность и отнимая жизненную энергию.

Куклотерапия как разновидность практики арт-терапии имеет комплексный характер, но, как показывает наш опыт проведения психологической мастерской «Я и моя кукла», оказывается особенно действенными при работе с ситуациями и последствиями идентификационных кризисов разного рода.

Психолого-педагогическая мастерская «Я и моя кукла» [12] – социокультурный проект, направленный на самопознание, саморазвитие и приобщение к ценностям народной культуры. Проект осуществляется на базе библиотеки № 221 СЗАО г. Москвы. В течение

2014/15 учебного года авторами мастерской были проведены выездные занятия для студентов ряда направлений Российского государственного социального университета и Московского педагогического государственного университета в рамках изучения таких дисциплин, как «Социально-культурное проектирование», «Культура деловых коммуникаций», «Народная художественная культура» и др., что позволило характеризовать данный проект как психолого-педагогическую мастерскую.

Психолого-педагогическая мастерская «Я и моя кукла» основана на принципах и методах гештальт-подхода. Она сочетает в себе элементы арт-терапии, групповой терапии, традиционных женских практик. В процессе мастерской участники изготавливают народную куклу, творчески переосмысливая традицию. При сохранении основных параметров куклы-мотанки (тряпичная кукла, изготавливаемая без иголки) допускаются все возможные варианты творческой интерпретации образа (размер куклы, цвет волос, наряд, украшения, атрибуты). Важным результатом мастерской становится самостоятельно выполненный арт-объект в технике хэнд-мейд. Мастерская проводится в рамках различных образовательных программ, программ личностного роста, тренингов в организациях (например, тимбилдинг), культурно-массовых мероприятий, а также в рамках программ медицинской реабилитации.

В течение полугода с октября 2014 г. по апрель 2015 г. было проведено двенадцать мастерских с разными участниками, в результате которых большинство участников отметили следующие позитивные изменения: улучшение настроения, стабилизацию эмоционального состояния, желание повторить опыт создания куклы, осознание своих персональных психологических реакций, принятие себя, повышение самооценки.

Что касается работы с идентификационными моделями, то, по наблюдению ведущих, реализованное желание повторить опыт создания куклы приводит к уточнению и стабилизации идентификационных моделей. Несколько участников мастерской повторно участвовали в мастерской, последовательно создавая варианты своих субличностей. В среднем повторное изготовление кукол происходило около трех раз. Максимальное количество кукол, изготовленных одним участником за полгода по собственной инициативе, дошло до семи.

Успех работы по преодолению кризиса идентификации в нашей мастерской связан, в первую очередь, с возможностью в практике куклотерапии *овеществления субличностей человека*. Понятие субличности выступает здесь как синоним идентификационной модели [15]. Одновременно куклотерапия в нашем случае оказалась и своеобразным маркером

личностных идентификационных затруднений у аудитории: наиболее сильный интерес к нашей психологической мастерской «Я и моя кукла» возник у людей именно с такими переживаниями.

Кукла имеет универсальное значение на протяжении всей истории культуры человечества, начиная с первобытных прообразов. Это трехмерное изображение человека или животного, предназначенное для творческих манипуляций с ними (игры или религиозно-мистических ритуалов), в истории культуры имело и до сих пор имеет разные функции [15, с. 11–30]. В отличие от подобной ей скульптуры (требующей созерцания, постижения авторского замысла, а также дистанции между воспринимающим и автором), кукла требует манипуляций – «смыслопорождающей игры» (Ю.М. Лотман). Именно это свойство превращает куклу в мощное терапевтическое средство, возможности которого оказываются поистине неисчерпаемыми.

Г.Г. Гребенщикова выделяет следующие механизмы преобразования психической энергии в процессе куклотерапии: проекция, замещение, сублимация, идентификация [4]. Однако, по нашим наблюдениям за процессом куклотерапии, можно сделать вывод, что созданная кукла всегда выступает как вариант идентичности самого человека, так как бессознательным образом человек визуализирует вариант субличности, актуальный в данный момент. При этом, по справедливому замечанию Гребенщиковой, в процессе терапевтического изготовления куклы человек неизбежно попадает в ситуацию позитивного принятия себя, т.е. оказывается в ситуации позитивной идентификации.

Как и всем арт-терапевтическим практикам, куклотерапии присущ механизм диссоциирования с проблемой (в процессе появляется возможность и способность посмотреть со стороны на созданный объект как на себя и даже откорректировать его (а значит, себя)). Процесс изготовления куклы, как все практики, выводящие человека за рамки повседневности, обладает особой ресурсной емкостью. Кукла (в силу своего антропоморфного характера) по сравнению с другими видами творчества обладает свойствами своеобразной и наиболее точной метафоры человека. Изменяя образ куклы, человек оказывается способен изменить и себя [6]. Кроме того, по нашим наблюдениям, работа с куклой возвращает человека к его телесным переживаниям, связи со своим телом, и создается возможность в работе идентификации опереться на свои физические ощущения, а не только на образ себя.

Сознательное обращение в практике куклотерапии к архетипичным субличностям – персоне, самости, тени, аниме или анимусу [16], или таким субличностям, как «реальное Я» и «идеальное Я», или архетипическим образам славянской народной куль-

туры – может иметь дополнительный терапевтический эффект.

Образ Другого, воплощенный в кукле, становится своеобразной идентификационной версией самого себя, которая позволяет принять, изучить, откорректировать и затем вновь интегрировать обна-

руженную таким образом субличность в актуальную структуру личности человека, тем самым прояснить для него самые сложные процессы идентификации и в значительной мере снять психологическое напряжение, неизбежно сопутствующее поискам социально-культурной идентичности в современном мире.

Список литературы

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. – 2011. – № 6 (20). С. 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (дата обращения: 27.04.2015).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Бауман З. Текучая современность. – М.: Питер, 2008. – 290 с.
4. Гребенщикова Г.Г. Основы куклотерапии. Галерея кукол. – СПб.: Речь, 2007. – 86 с.
5. Идентичность как предмет политического анализа: материалы научно-теоретической конференции. 21–22 октября 2010 г. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
6. Колотима Т.Ю., Тимошенко Г.В. Марионетки в психотерапии. – М.: Издательство Института психотерапии, 2001. – 192 с.
7. Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
8. Крылов А.Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. – М.: Издательство НИБ, 2010. – 272 с.
9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
10. Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1573> (дата обращения: 04.04.2016).
11. Николаева У.Г., Пушкарёва Т.В., Шемякина Е.М. Темпоральность экономических и социально-культурных процессов: перспектива междисциплинарного анализа // Вопросы культурологии. – 2015. – № 9.
12. Психологическая мастерская «Я и моя кукла» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/club81645024> (дата обращения: 20.04.2016)
13. Пушкарёва Т.В. «Тайна кукол» в истории культуры // Искусство в информационном пространстве культуры третьего тысячелетия: проблемы, мнения, перспективы: сборник научных трудов. – М., 2015.
14. Руффлер М. Игры внутри нас. Психодинамические структуры личности / Пер. с англ. Т. Чхеидзе. – М.: Издательство Института Психотерапии, 1998. – 208 с.
15. Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформации идентификационных структур в современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
16. Стайн М. Юнговская карта души: введение в аналитическую психологию. – М.: Когито-Центр, 2010. – 256 с.
17. Суrowa Е.Э. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2008. – Вып. 3.
18. Франчесетти Д. Панические атаки. Гештальт-терапия в единстве социальных и личных контекстов. – М.: МИГТИК, 2014. – 264 с.
19. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
20. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.
21. Шемякина Е.М. Миф, история, память и проблема национальной идентичности // Актуальные проблемы социологии, культурологии, экономики и права: сборник статей. – М.: ФГБОУ ВПО «МПГУ», 2011.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
23. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Летний сад, 2000. – 416 с.

Reference list

1. Andreeva G. Revisiting the identity crisis in the conditions of social transformation // Psychological research. – 2011. – № 6 (20). P. 1. [Electronic resource] – Access mode: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (date of access: 27.04.2015).
2. Bauman Z. Individualized society. M.: Logos, 2005. 390 p.
3. Bauman Z. Fluid modernity. M.: Peter, 2008. 290 p.
4. Grebenshchikova G. Fundamentals of doll-therapy. Gallery of dolls. SBR.: Rech', 2007. 86 p.

5. Identity as a matter of political analysis: Proceedings of the scientific-theoretical conference. 21st -22nd of October, 2010. M., Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 2011. 299 p.
6. *Kolotima T., Timoshenko G.* Puppets in psychotherapy. M.: Publishing office of Institute of psychotherapy, 2001. 192 p.
7. *Klimov I.* Psychosocial mechanisms of occurrence of the identity crisis // Transformation of identification structures in contemporary Russia. M.: Moscow Public Scientific Fund, 2001.
8. *Krylov A.* The evolution of identities: The crisis of industrial society and a new consciousness of the individual. M.: Publishing by NBI, 2010. 272 p.
9. *McLuhan M.* Galaxy Gutenberg. – Kyiv: Nika-Tsentr, 2004. 432 p.
10. *Minakov A.* Some psychological properties and features of Internet as new layer of reality [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1573> (date of access: 04.04.2016).
11. *Nikolaeva U., Pushkareva T., Shemyakina E.* The temporality of the economic and socio-cultural processes: The perspective of interdisciplinary analysis // Issues of Culturology. 2015. № 9.
12. The psychological workshop "My Doll and Me" [Electronic resource]. Access mode: <https://vk.com/club81645024> (date of access: 20.04.2016)
13. *Pushkareva T.* "Mystery doll" in the history of culture // Art in the information space of culture of the third Millennium: Issues, opinions, prospects: Collection of proceedings. M., 2015.
14. *Ruffler M.* Games Inside Us. Psychodynamic Structure of the Personality / Translation from English by T. Chkheidze. M.: Publishing office of Institute of Psychotherapy, 1998. 208 p.
15. *Stefanenko T.* The study of identification processes in Psychology and allied sciences // Transformation of identification structures in contemporary Russia. – M.: Moscow Public Scientific Fund, 2001.
16. *Stein M.* Jung's Map of the Soul: An Introduction to Analytical Psychology. M.: Kogito-Tsentr, 2010. 256 p.
17. *Surova E.* Identity, identification and identification models // Bulletin of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relations. 2008. Vol. 3.
18. *Francesetti G.* Panic attacks. Gestalt -therapy in the unity of social and personal contexts. – M.: Moscow Institute of Gestalt-Therapy and Counseling, 2014. 264 p.
19. *Fromm E.* Escape from Freedom. M.: AST, 2011. 288 p.
20. Civilizational identity in a transitional era: Culturological, sociological and artist-historical aspects // Kondakov I., Sokolov K., Khrenov N. M.: Progress-Traditsiya, 2011. 1024 p.
21. *Shemyakina E.* Myth, history, memory and issue of national identity // Actual issues of Sociology, Culturology, Economics and Law: Collection of articles. M.: FGBEI HPE «MPSU», 2011.
22. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. M.: Progress, 1996. 344 p.
23. *Erikson E.* Childhood and Society. SBR.: Letniy Sad, 2000. 416 p.

УДК 378

Агарагимова В.К.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы,
заместитель декана по науке факультета специального дефектологического образования
Дагестанского государственного педагогического университета

Даудова Д.М.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии
Дагестанского государственного педагогического университета

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

В статье освещаются некоторые особенности психолого-педагогической подготовки специалистов в педагогическом вузе, в частности учета возрастных особенностей студентов. На примере тренинга, направленного на развитие коммуникативных качеств, снятия эмоционального напряжения, представлены нюансы организации обучения. Рассматриваемый процесс авторы трактуют как совокупность требований, обеспечивающих раскрытие внутренних связей между различными отраслями знаний и возможностями их использования для решения различных практических задач, ориентированных на профессиональную подготовку.

Ключевые слова: психологическая защита, рациональные приемы, эмоциональное напряжение, тренинговая работа, мотивационный конфликт

Agaragimova V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social Pedagogy and Social Work, Vice-Dean on Science
of the Faculty of Special Defectologic Education of the Dagestan State Pedagogical University

Daudova D.,

PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of General Psychology and Pedagogical Psychology
of the Dagestan State Pedagogical University

CONSIDERATION OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS IN THE EDUCATION ENVIRONMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The article covers some features of psycho-pedagogical training of specialists in a pedagogical higher education institution according to age peculiarities of students, especially. On the example of training which is directed on development of communicative qualities, removing emotional tension, there are presented nuances of organization of training. The article authors are considered the reviewed process as a set of requirements for ensuring the disclosure of internal connections between the various divisions of knowledge and their abilities for use in solving different practical tasks which are focused on professional training.

Keywords: psychological protection, rational techniques, emotional tension, training work, motivational conflict

Учет возрастных и индивидуальных особенностей является одним из условий успешного обучения и воспитания. В студенческом возрасте учебная деятельность является ведущей, но она имеет свои специфические особенности. Первокурсники в первое время испытывают большие затруднения, связанные с изменением устоявшихся стереотипов и выработкой новых. Как отмечают Ажиев А.В., Гадаборшева З.И., в студенческом возрасте нередко возникают условия, когда внутренние ресурсы психологической защиты и приспособления личности к требованиям среды оказываются недостаточными. Поэтому

в рассматриваемом возрасте появляются ситуации, при которых личностные психологические дисгармонии становятся препятствием к реализации конкретных личностных целей [3, с. 148].

У некоторых студентов это вызывает большое эмоциональное напряжение и беспокойство. В частности, на лекциях появляется боязнь пропуска информации, стремление все записать дословно, что объясняется беспокойством студента, связанным с новым типом учебной деятельности. Это характерно как для сильных студентов, так и для неуверенных в себе. Таким образом, ломка старых стереотипов и

установление новых, связанных с иным укладом деятельности, изменением быта, отношений, является большой нагрузкой на нервную систему [3, с. 148].

Известно, что неправильно сформированные навыки, а также неверно избранные пути обучения сужают познавательные возможности. Так, по мнению В.А. Ясвина, отсутствие у студентов рациональных приемов и навыков заучивания в известной мере снижают эффективность усвоения знаний, несмотря на то что именно в молодом возрасте память достигает своего наивысшего развития [10]. При организации запоминания многие студенты часто допускают различного рода ошибки:

- материал заучивания не воспроизводится, т.е. процесс воспроизведения зачастую подменяется узнаванием. При подготовке к аттестации студенты только прочитывают материал. При заучивании материала студент не производит его мысленного анализа, не выделяет в нем главного, существенного, не стремится установить внутренние взаимосвязи, логические отношения между тем, что подлежит запоминанию. Воспроизведение же, включенное в процесс заучивания, в значительной мере активизирует мышление и способствует развитию самоконтроля, необходимого навыка в учебной работе;

- многократное, однообразное повторение материала. Этот прием является крайне нерациональным. Однообразие, непрерывное повторение одного и того же вызывает тормозное состояние нервных клеток мозговой коры, вследствие чего наблюдается притупление умственной деятельности и сонливость. Следует помнить, что только тогда информация интенсивно запечатлевается, когда она представляет собой новизну и когда связана с интересом. В мозге существуют своеобразные защитные механизмы: как только человеку что-нибудь уже знакомо или становится неинтересным, то он с меньшей степенью интенсивности реагирует на информацию. Следовательно, количество повторений не является залогом качества запоминания. Меньшее количество повторений при соблюдении определенных условий может дать лучший результат.

Проведенное В.Д. Шадриковым специальное исследование по изучению особенностей внимания студентов выявило, что внимание на лекции зависит не только от особенностей ее чтения, но и от личности студента, а также от мотивов деятельности. Мотивы и значимость деятельности во многом определяют характер внимания при записи лекции. Записи могут быть трех видов: системная, сплошная, бессистемная. Системная запись лекции представляет собой законченное логическое поле, в котором ясно и последовательно представлена система излагавшихся на лекции мыслей. В ней выделены главные и наиболее существенные положения, раскрывающие основное

содержание лекции. При записи многие положения, даваемые лектором, не вносятся, так как они не являются существенными для раскрытия основной системы изложения. Работа по записи организуется сознательно и поддерживается волевыми усилиями (произвольное внимание). Активность личности студента и его активного внимания во многом обуславливаются общей организованностью, сознательным отношением к учению, чувством долга и т.п.

Системная запись лекции может быть результатом и послепроизвольного внимания (внимание остается сознательным, но отсутствуют волевые усилия). Это происходит в тех случаях, когда процесс деятельности по анализу и синтезу действующих на студента раздражителей начинает увлекать своим содержанием. Послепроизвольное внимание носит творческий характер. Для записи лекции характерны многочисленные включения собственных мыслей студента, связанные с изложением. Значимым становится не только результат деятельности, но и содержание. Оптимальный очаг возбуждения получает такую силу, что подавляет все внешние раздражители, не входящие в данную систему раздражителей. Все это обуславливает высокую сосредоточенность внимания. Итак, системная запись лекции возможна как при произвольном, так и послепроизвольном внимании. Эти виды внимания являются важным условием и основой возникновения интереса к предмету, формирования личных склонностей.

Сплошная запись лекции представляет собой по содержанию законченное целое. Она ведется способом изложения всего материала в форме рассказа, механически. Главные положения и второстепенные мысли записаны одинаково, без выделения. Внимание здесь всегда произвольное, активность личности направляется на поддержание внимания самой записи лекции. Без интереса к самому процессу записи это сделать трудно, так как темп записи лекции медленнее, чем темп чтения лекции. Поэтому для поддержания внимания на лекции требуются значительные усилия воли. Внимание носит напряженный характер. Кроме того, при такой записи лекции (когда значимыми становятся все слова лектора) внимание не связано с активной деятельностью по анализу и синтезу читаемого материала и направляется на механическое выделение раздражителей, идущих от лектора. Студента интересует результат деятельности, но не сам процесс приобретения знаний. Нет глубокого осмысления материала, творческого подхода к нему. При бессистемной записи лекции она ведется с большими пробелами, пропусками многих существенных положений, без которых невозможно установить систему, изложенную лектором. Такая запись обусловлена отвлеченностью внимания; неумением распределять внимание; неумением записывать и анали-

зировать материал. Внимание студентов при такой записи лекции произвольное. В этих случаях активность личности связана с поддержанием направленности внимания или подавлением внешних раздражителей. Для организации и поддержания внимания на лекции со стороны студента требуются достаточные волевые усилия. Однако бессистемные записи могут быть результатом деятельности и послепроизвольного внимания эмоционального типа, которое развивается при фазе повышенного возбуждения, когда возникают сильные эмоции. Огромную роль при этом играет значимость цели, и, когда интерес к результату переходит в интерес к самой деятельности слушания, очаг возбуждения, лежащий в основе внимания, подкрепляется в этом случае не только одной значимостью, но и интересом самого материала. Послепроизвольное внимание, протекающее при повышенной фазе возбуждения, приводит к тому, что возбужденная система связей вызывает вокруг себя такой же силы торможение, в результате чего становится невозможным распределение внимания между слушанием и записью лекции. Послепроизвольное внимание эмоционального характера нежелательно на лекции.

Изучение процесса формирования интересов у студентов показало, что интерес начинает проявляться только тогда, когда студент включается в активную самостоятельную работу. Практика показала, что желательно как можно раньше вводить задания на самостоятельную работу студентов исследовательского характера, изучение специальной литературы, шире привлекать к хозяйственным и другим видам деятельности, а также другим видам исследований, которые ведутся кафедрами. Это не только важное условие формирования интересов у студентов, но и путь развития творческой активности, которая является одной из ведущих особенностей данного возраста. Поэтому считаем необходимым проиллюстрировать данное утверждение на примере применения методов активного обучения в профессиональной подготовке.

Результаты педагогической практики показывают, что иногда теоретические знания будущих педагогов носят отчужденный характер и не способствуют улучшению профессиональной и социальной деятельности, не способствуют личностному развитию студентов. Многие из них не могут осознать собственные проблемы, затрудняются в определении тенденции развития другого, не ориентированы на преобразование личности ученика. Цели обучения в их представлении являются ведущими, а работа с личностью ученика связывается у них с необходимостью осуществления более полноценного обучающего воздействия на него.

Для того чтобы частично снять эти трудности, в программу обучения необходимо включить специаль-

ный курс по психологии педагогического общения, в основу которого следует включить ряд позиций:

- во-первых, в сознании студентов должна быть иерархизирована система целей учебно-воспитательного процесса. Например, высшей целью является формирование личности ученика, а задачи школьного обучения выступают частными по отношению к общей цели развития личности ребенка;

- во-вторых, дифференциация психологических и педагогических знаний должна быть интегрирована в целостное учение – представление о личности, а само преподавание психологии должно потерять академический стиль и стать аутентичным внутренним проблемам и ожиданиям студентов;

- в-третьих, следует вводить в структуру психологического знания глубокие теоретические и практические разработки, в русле которых идет наработка конкретных методик;

- в-четвертых, студенты как будущие учителя должны обладать позитивной «Я-концепцией», так как иначе они будут испытывать трудности социального и эмоционального порядка.

В этой связи курс педагогического общения оптимально проводить в виде тренинговых занятий. Однако одной из трудностей данного курса является то, что студенты группы знакомы между собой и уже при предварительном собеседовании высказывают сомнения относительно возможности глубокого включения в работу группы, критического переосмысления представлений о себе и других. Более того, выражались опасения об использовании данных друг о друге в манипулятивных целях (данные о болевых точках психологической структуры другого могут быть использованы с целью его дискредитации в глазах окружающих, ущемления самолюбия и т.д.).

В тренинговую группу было отобрано 12 студентов. Среди условий включения в группу были такие, как желание самого студента участвовать в ней; наличие серьезных затруднений при прохождении педагогической практики; присутствие негативных составляющих в «Я-концепции» и др. Особенности самовосприятия изучались по шкале самовосприятия и в личной беседе тренера со студентами.

В своем развитии группа прошла несколько этапов.

Первый этап – это вхождение в ситуацию, создание обстановки, отличной от повседневного общения, формирование коммуникаций, первичное обозначение трудностей в общении и личностном развитии. Группа садится в круг, тренер занимает позицию члена группы с ролью активного лидера. Одной из особенностей группы на первом этапе не является ее ориентация на прямые советы, идущие от преподавателя. Большинство участников занимают традиционную позицию ученика. По мере движения группы на-

ступает момент осознания того, что тренер лишь способствует своим поведением развитию каждого, но не производит жесткого нормирования этого процесса. Вместе с тем неизбежно группа как бы считывает способы поведения, технику интерпретации происходящего, отношение к нему преподавателя, поэтому тренер подчеркивает своим поведением черты социально адаптированного, способного решать свои проблемы человека. При этом используются следующие приемы:

- представление по кругу: выбрать себе на время работы в группе другое имя, обосновать этот выбор. Данный прием позволяет несколько изменить представление о себе и начать размыwanie стереотипов общения. Каждый участник обозначает свои качества, которые могут помешать эффективному общению в группе, девиз жизни и хобби. Форма обсуждения – мягкая, ненавязчивая. Преподаватель стимулирует обсуждение такими вопросами: от чего зависит эффективность общения? какие чувства вы испытывали в ходе представления?

- прием «Зеркало» – передача эмоционального состояния по кругу. Один участник начинает передавать другому свое состояние. Остальные сидят с закрытыми глазами. После того как все члены группы приняли и передали эмоциональное состояние, проводится обсуждение. Отмечаются те студенты, кто хорошо владеет невербальным поведением, чувствует свое состояние и эмоциональные переживания другого. Другой вариант приема – участники рассаживаются по парам и по очереди передают друг другу свое состояние.

В ходе такой работы предполагается постепенное изменение сложившихся представлений о себе и о других, создание атмосферы сотрудничества, взаимной поддержки. Определяется основная направленность работы группы. Методические приемы:

- игра «Составляем портрет». На основании внешних особенностей каждого участника группы составляется портрет, обсуждаются вопросы: как вы отнеслись бы к этому человеку, увидев его в первый раз? располагает ли его лицо, мимика, пантомимика к общению? какое типичное выражение лица у этого человека?

- игра «Скульптор». Группа делится на две половины, в каждой из них выбирается скульптор. Его задача – слепить скульптуру, в которой были бы отражены особенности каждого участника. После этого скульптура выставляется на обсуждение в другой группе, которая должна отгадать изображение; обсуждается, насколько это совпадает с видением данного человека каждым;

- отработка навыков рефлексии. Предложить участникам выразить свое представление о том, что происходит в группе, на листе бумаги или устно.

Следующий этап – уточнение проблем каждого члена группы. Задача тренера и группы – увидеть действительную проблему, а не представляющуюся. Здесь возможно использование игр со скрытым мотивом. Участники на этом этапе пытаются переформулировать свои проблемы, расширить или ограничить их. Группа направляется на решение тех проблем, которые связаны с «Я-концепцией» и эффективным педагогическим общением. Проводится работа по установлению причин возникновения проблем. Имеются три вида затруднений: профессиональные, эмоциональные, воспитательные. Причины возникновения проблем, в свою очередь, связаны с отсутствием информации для самопонимания; отсутствием информации для понимания среды; мотивационным конфликтом внутри человека; конфликтом с важными для личности другими людьми.

Преподаватель предлагает студентам специальную программу для углубления самопонимания и осознания «Я-концепции». Участники должны научиться отвечать на соответствующие вопросы, обсуждать их в группе. Примеры вопросов: Считаю ли я себя завершенной, полностью сформировавшейся личностью или у меня есть резервы для внутреннего роста и развития? достаточно ли я уверен в себе? Способен ли я терпимо воспринимать различные точки зрения? Способен ли я терпеливо воспринимать критику в свой адрес, необходимую для моего личностного и профессионального развития? Могу ли я открыто обсуждать с другими свои личные и профессиональные проблемы? Группе также предлагается написать одному из участников письмо, в котором необходимо выразить свое отношение к нему. Примерная тематика: главная проблема в общении с адресатом; каким бы я хотел видеть адресата? Методические приемы: ролевые игры.

Игры на умение вести дискуссию. Группа разбивается на микрогруппы по четыре человека. Каждой из них предлагается обсудить какую-либо проблему, которая может быть фантастической или реальной. Тренер наблюдает за игрой и потом организует обсуждение позиции каждого.

Игры на выявление скрытых мотивов. В игре участвуют по два человека. Один играет роль учителя, а другой пришел к нему за помощью. Учитель должен в беседе проявлять умение тактично задавать вопросы, анализировать ситуацию, способствовать осознанию этих ситуаций другими. Группа наблюдает и после игры анализирует вместе с тренером происходящее. Набор сюжетов должен быть таким, чтобы все члены группы побывали в разных ролях.

Заключительный этап – уточнение стратегий и тактик эффективного педагогического общения и закрепления.

Группа оценивает свою работу в тренинге. Обсуждаются такие вопросы: что нового и полезного дал

мне тренинг? как работала и выглядела наша группа? что изменилось в моих представлениях о себе, о других, ситуациях педагогического общения? Что мне больше всего не понравилось? Преподаватель на данном этапе стремится к четкому описанию эффективных способов общения, появившихся у участников группы, обращает внимание на сильные стороны каждого из них.

Проведение такого спецкурса влияет на включение выпускников педагогического вуза в профессиональную деятельность. Таким образом, воспита-

ние профессиональных интересов, формирование профессиональной направленности студентов является задачей всех преподавателей вуза. Связь преподавания с профилем факультета обуславливает более целенаправленное восприятие учебного материала и обозначение его значимости. Поэтому вопрос об изучении психологии студенческого возраста остается актуальным. Необходимы широкие исследования и обобщения по выявлению возрастных и индивидуальных особенностей студентов как важной научной основы учебно-воспитательной работы.

Список литературы

1. Агарагимова В.К. Формирование коммуникативной культуры студентов в системе профессионального образования // Известия Южного федерального университета. – 2009. – № 3.
2. Гасанова С.С.Г., Кабардиева Ф.А., Агарагимова В.К. Самообразование как средство повышения профессиональной компетентности будущих педагогов в процессе профессионального обучения // Вестник Академии права и управления. – 2015. – № 41.
3. Ажиев А.В., Гадаборшева З.И. Субъект-средовая парадигма построения психологической практики в вузе // Вестник Академии права и управления. – 2015. – № 4 (41).
4. Гасанова П.Г., Даудова Д.М., Мугадова С.Т., Цахаева А.А. Феномен нравственности в научной рефлексии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2014. – № 4 (29).
5. Поваренков Ю.П. Психология профессионального становления личности: основы психологической концепции социализации. – Курск, 1991. – 187 с.
6. Цахаева А.А., Аминов У.К., Аминова А.К. Реализация психологического ресурса адаптивного поведения в процессе развития личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2014. – № 3 (28).
7. Шаповаленко И.В. Психология развития и возрастная психология. – М.: Юрайт, 2013. – 367 с.
8. Швалева Н.М. Среда развития личности как психолого-педагогический феномен // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 13.
9. Черникова Т.В. Три стратегии подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 2.
10. Ясвин В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. – М., 2001. – 180 с.

Reference list

1. Agaragimova V. Formation of communicative culture of students in professional education system // Bulletin of Southern Federal University. 2009. № 3.
2. Gasanova S., Kabardieva F., Agaragimova V. Self-education as a means of improving professional competence of intended educators in the process of professional training // Bulletin of Academy of Law and Management. 2015. № 41.
3. Azhiev A., Gadaborsheva Z. Subject-environmental paradigm of building psychological practice in a higher education institution // Bulletin of Academy of Law and Management. 2015. № 41.
4. Gasanova P., Daudova D., Mugadova S., Tsakhaeva A. The phenomenon of morality in scientific reflection // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Series: Psycho-pedagogical sciences. 2014. № 4 (29).
5. Povarenkov Yu. Psychology of professional formation of the personality: The psychological basis of the conception of socialization. Kursk, 1991. 187 p.
6. Tsakhaeva A., Aminov U., Aminova A. Implementation of a psychological resource of adaptive behavior in the process of personality development // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Series: Psycho-pedagogical sciences. 2014. № 3 (28).
7. Shapovalenko I. Developmental Psychology and Age Psychology. M.: Yurait, 2013. 367 p.
8. Shvaleva N. Surroundings of the personality development as a psycho-pedagogical phenomenon // *Scientific idea of Caucasus*. 2005. № 13.
9. Chernikova T. Three strategies for training specialists // Higher education today. 2003. № 2.
10. Yasvin V. Education environment. From modeling to designing. M., 2001. 180 p.

УДК 378

Богатырева М.Х.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и дизайна Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрена история развития отечественного дизайн-образования с 1918 г., когда были образованы Первые и Вторые государственные свободные художественные мастерские (ГСХМ), которые в 1920 г. были преобразованы в единое учебное заведение ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), впоследствии реорганизованное во ВХУТЕИН – Высший государственный художественно-технический институт (в 1926 г.). В статье также определены современные тенденции развития российского дизайн-образования. Автор делает вывод о том, что краткий ретроспективный анализ позволил воссоздать целостную картину становления и развития дизайна и дизайн-образования; сформировать и научно обосновать цель и задачи, уточнить методы и технологии профессиональной подготовки дизайнеров.

Ключевые слова: дизайн, дизайн-образование, педагогические доминанты дизайн-образования

Bogatyreva M.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Decorative-Applied Art and Design of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

THE FORMATION AND THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC DESIGN-EDUCATION

This article is considered the history of development of domestic design-education from 1918, when the First and the Second Svomas (The First and the Second Free State Art Studios) were established, which were formed into a unified education institution in 1920 – Vkhutemas (Higher Art and Technical Studios), later it was reorganized in the Vkhutein (the HSATIN) – the Higher State Art and Technical Institute (in 1926). There are defined the modern trends of development of the Russian design-education in the article. The article author concludes that the summary retrospective analysis is allowed to recreate a comprehensive picture of the formation and the development of design and design-education; to form and justify the aim and goals, to clarify the methods and technologies of professional training of designers.

Keywords: design, design-education, pedagogical dominants of design-education

В настоящее время не существует единого мнения по поводу причин и точного периода формирования дизайна как профессии и образовательных учреждений, в которых этой профессии обучали. Ряд исследователей выделяют дату – конец XIX в., когда в Англии получило распространение так называемое «движение искусств и ремесел» под руководством У. Морриса, выступающего против издержек промышленной революции, во время которой обиходную жизнь европейцев наводнили выполненные по одному трафарету предметы. Массовое производство, по его убеждению, приводит к деградации как самого создателя товаров, так и их потребителей. У. Моррис считал, что каждая историческая эпоха, каждое поколение людей имеют равные художественные возможности, и ставил своей задачей возбудить интерес к творческому труду среди самых широких масс населения.

Тем самым в рамках «движения искусств и ремесел» были сформулированы главные положения

теории и творческие принципы дизайна, концепции предметной среды [12].

Дизайн как научное направление стал развиваться в нашей стране только после 1917 г. До этого не существовало строгого подхода к этой научной дисциплине, хотя самобытность русского фольклора и стран, окружавших сначала Древнюю Русь, а затем Российскую империю, давала огромный потенциал к развитию дизайна.

Дизайн-образование как сфера культурной и образовательной деятельности актуализирует ряд проблем, важнейшая из которых – подготовка конкурентоспособного специалиста, обладающего разным мышлением, творческой направленностью, высокими эстетическими свойствами, навыками операционного моделирования, конструкторской деятельности, графической деятельности, способностью к решению нестандартных задач, продуцированию оригинальных идей, удовлетворяющих самые разнообразные пожелания потребителей [2].

В настоящее время в отечественной педагогической литературе имеются работы, посвященные становлению дизайн-образования. Прежде всего хотелось бы выделить работы Е.Н. Ковешниковой, Г.Б. Минервина, С.М. Михайлова, В.Ф. Рунге, В.В. Сеньковского, В. Ф. Сидоренко, И.Н. Стор, И.Б. Торшиной, С.В. Форлова и других.

Рассмотрим основные этапы становления отечественного дизайн-образования, которые во многом определялись тенденциями развития отечественного дизайна.

На первом этапе развития отечественного дизайна (1917–1922) он формировался на стыке производства и агитационно-массового искусства. Основным объектом стало художественное оформление новых форм общественной активности масс: политических шествий и уличных празднеств. Оригинальная конфигурация и устройство трибун, агитационных и театральных установок, киосков доказали обоснованность переноса акцентов с разработки новых стилистических приемов на художественно-конструкторские проблемы. Наиболее интенсивно развивается графический дизайн, что проявляется в принципиально новом подходе к созданию плаката, рекламы, книжной продукции [4, с. 24–29].

В 1918 г. в Москве произошла реорганизация системы художественного образования. При этом на базе Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества были образованы Первые и Вторые государственные свободные художественные мастерские (ГСХМ). В 1920 г. Первые и Вторые ГСХМ были преобразованы в одно учебное заведение – ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские). В новом учебном заведении всего было восемь факультетов:

- архитектурный;
- живописный;
- скульптурный;
- полиграфический;
- текстильный;
- керамический;
- деревообделочный;
- металлообрабатывающий [7].

Студенты проходили первоначальное двухгодичное обучение на основном отделении. При этом они изучали художественную культуру, цвет, пропорции, объем, динамику.

Как отмечают исследователи [5; 11; 13], большая роль в развитии дизайна во ВХУТЕМАСе принадлежала преподавателям архитектурного факультета, «за процессами, происходившими на этом факультете, внимательно следили не только все советские архитекторы, но и широкая художественная общественность» [12, с. 55].

На графическом факультете ВХУТЕМАСа были отделения ксилографии, литографии, гравюры на металле, фотомеханики и наборно-печатное. Здесь преподавали выдающиеся художники и ученые: В. Фалилеев, А. Сидоров, А. Эфрос, П. Флоренский, В. Фаворский и др.

Второй этап развития дизайна в России (1923–1932) можно считать временем становления его профессиональной модели. Россия в этот период – один из важнейших центров формирования дизайна. Происходит становление школы профессиональной подготовки дипломированных дизайнеров – производственных факультетов ВХУТЕМАСа.

При этом дизайн переориентируется на решение практических задач: разработка бытового обихода для жилищ, обстановка рабочих клубов, общественных интерьеров... Основная цель дизайна того времени – организация предметной среды с учетом общих процессов в сферах труда, быта и культуры.

Производственные факультеты ВХУТЕМАСа активно включились в изобретательство. Идеей вдохновители этих преобразований – А. Родченко и Л. Лисицкий – наиболее ярко проявили себя в графическом дизайне. Фотомонтаж, шрифтовые композиции, коллаж, рекламная и плакатная графика, книжные конструкции составляют золотой фонд мирового дизайна. Множество их открытий и проектов в других областях (новые принципы организации выставочных и бытовых интерьеров, типовой мебели, архитектурных ансамблей и небоскребов) были реализованы значительно позже.

Организация ВХУТЕМАСа явилась одним из мероприятий, имеющих целью создание и развитие советской художественной культуры. Однако проникшие к руководству ВХУТЕМАСа формалисты применяли в нем традиционные методы обучения, которые препятствовали развитию творчества молодежи в духе реализма и национальных традиций. Деятельность формалистов во ВХУТЕМАСе вела к развалу и ликвидации художественного образования. В 1926–1927 гг. ВХУТЕМАС был реорганизован во ВХУТЕИН.

ВХУТЕИН – Высший государственный художественно-технический институт. Учрежден в Москве в 1926 г. на базе ВХУТЕМАСа. Состоял из основного (общеобразовательного) отделения и факультетов: архитектурного, скульптурного, живописного, полиграфического, деревоотделочного, металлообрабатывающего и текстильного.

Как отмечают исследователи [1; 3; 5], постановка общего и профессионального художественного образования во ВХУТЕИНе была значительно улучшена по сравнению с ВХУТЕМАСом. Однако в программах и практике обучения ВХУТЕИНа еще сохранялись элементы формализма. Поэтому ВХУТЕИН не смог

удовлетворительно справиться с задачей воспитания советских художественных кадров.

В 1930 г. на базе полиграфического факультета ВХУТЕИНа (Высшего художественно-технического института – так к этому времени называлось учебное заведение) был создан Московский художественно-полиграфический институт (МХПИ), ныне – Московский государственный университет печати.

В этом же году на базе архитектурного факультета был создан Московский архитектурный институт.

Третий этап (1933–1960) был достаточно печальным для развития дизайна в России: он перестает быть интегрирующей творческой деятельностью, развитие которой определялось универсальной концепцией (вне зависимости от специфики объекта). Принцип стандартизации применялся не только к человеку, но и к создаваемой искусственной среде. Стихия изобретательства, которая позволила отечественному дизайну достичь высот мирового признания, явно не вписывалась в изменившуюся атмосферу. Дизайн как единый процесс формообразования окружающей среды перестал существовать.

Дизайн того времени был расчленен на узкоприкладные направления: инженерно-технический, предметно-бытовой и декоративно-оформительский, которые воспринимались как различные виды деятельности. Кончилась целая эпоха единой эстетической концептуальности, которая не зависела от специфики объекта.

Четвертый этап развития дизайна определяет по-разному: 60–80-е или 60–90-е гг. Его начало характеризуется безусловным интересом к наследию 20-х годов.

Созданный в 1961 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ) начинает свою деятельность с издания журнала «Техническая эстетика» и выпуска тематических сборников, которые самым подробным образом обратились к первой волне русского авангарда, поставившей советский дизайн на одно из первых мест в европейской эстетике того периода. Это время возрождения художественного конструирования. Большое внимание уделялось разработке новой концептуальной базы дизайн-деятельности, обоснованию ее новых видов, органично отвечающих современным требованиям.

В 60-е годы были пересмотрены многие стандарты. Пристальное внимание было обращено на функциональные и эстетические качества предметов народного потребления. Пожалуй, можно сказать, что именно в то время дизайн получил самый массовый заказ за весь период своего существования в нашей стране.

ВНИИТЭ сумел сохранить теоретическую школу, продолжая изучать опыт европейского дизайна и

предлагая свои концепции. Это ясно видно по информационным выпускам и журнальным публикациям. Огромный научный потенциал был также накоплен и в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им В.И. Мухиной. Эта деятельность позволила уже в начале 80-х годов, когда запрос на дизайн резко вырос, сформулировать и обосновать типологическую матрицу современного дизайна, а также применить на практике собственные концепции, в частности концепцию системного дизайна – возможного провозвестника эпохи единой проектной концептуальности.

В конце 80-х – начале 90-х гг. появление предпочтений частных форм собственности, развитие отношений конкуренции, с одной стороны, и коммерциализация прессы, с другой, возродили российскую рекламу как одно из важнейших средств массовой коммуникации. Однако общие тенденции развития данного вида деятельности привели к тому, что дизайн воспринимался исключительно в узкоприкладном значении данного термина: либо как промышленный, либо как графический дизайн – все так же лишенный единой концептуальности, которая была традиционна для российского дизайна в период его возникновения и взлета в 20-е годы.

Как отмечают отечественные исследователи [11 и др.], развитие отечественного дизайн-образования во второй половине XX в. происходило в двух крупных школах художественно-промышленной ориентации:

– Московском высшем художественно-промышленном училище (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова);

– Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухиной (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица).

В данных учебных учреждениях был реализован курс «Проектирование», задачей которого было изучение моделирования промышленных изделий и построение учебной работы по реальным заданиям, полученным от производства. В образовательном процессе особо выделялся первый курс, целью которого было повышение общехудожественной культуры студентов в результате освоения различных видов и средств художественного творчества, что стимулировало более полное развитие способностей [12]. Теоретики дизайна того времени считали, что конечный продукт должен иметь определенную культурную целостность, господствующую в обществе, вписываться в систему культуры, при этом иметь гармонично сочетающиеся функцию и форму. Вещь должна была органически входить в пространственную целостность, образуемую всей предметной средой. Такой подход

несколько ограничивал творчество дизайнеров того времени.

Впоследствии ВНИИТЭ вошел в состав ИКСИД – Международный конгресс, прошедший в Москве и ставший для советского дизайна важным событием. Представителями этого движения явилась группа дизайнеров и графиков Е.В. Богданов, И.Б. Березовский, В.К. Зенков под руководством А.П. Ермолаева [2].

Параллельно была создана в системе Союза художников СССР (основатель – Е.А. Розенблюм) Центральная студия художественного проектирования, объединившая дизайнеров выставок, художников интерьера и мебели, художников по керамике и ткани.

В конце XX в. в академиях и университетах открылись дизайнерские факультеты. Содержание профессиональной подготовки будущих дизайнеров в эти годы разрабатывается с учетом системно-деятельного подхода к обучению, который предусматривает владение студентами универсальными учебными действиями, способность самостоятельного усвоения новых знаний, умений и навыков, способствующих ориентации обучающихся в различных предметных областях познания и мотивации к обучению [3].

При этом субъективный опыт преподавателей-мастеров, их интуиция и оригинальное творчество стали иметь превосходство над теоретизированными методиками. То, как будут использованы знания, зависело теперь от масштаба творческой личности. Образование нацелено на формирование человеческой личности и ее мировоззрения, а не на обеспечение специалистами какой-то сферы деятельности [6; 10].

Таким образом, на рубеже столетий в процессе промышленного производства произошло разделение труда, дизайн выделился в обособленную форму проектно-художественной деятельности, стала формироваться новая профессия – дизайнер.

По мнению современных исследователей, ведущей задачей дизайнера является устранение хаоса в предметном мире и упорядочение по трем генеральным линиям – пользы, удобства и красоты.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что развитие российского дизайн-образования происходит в соответствии с современными требованиями к подготовке дизайнеров и в контексте мировых тенденций в этой области:

- организация деятельности на фундаменте непрерывного образования;
- развитие специфического собственно дизайнерского мышления;

- формирование профессиональных навыков по изобретению новых видов дизайн-деятельности и успешной их реализации в конкретных ситуациях;

- включение службы прогнозирования в систему дизайнерского образования.

Однако существуют и проблемы в дизайн-образовании, которые характерны практически для всех вузов, готовящих дизайнеров:

- недостаточная оснащенность художественно-промышленных учебных заведений современными опытными производствами;
- отсутствие макетной базы, без которой невозможно обучать промышленному дизайну;
- отсутствие промышленных предприятий с передовой технологией и организацией производства, с которыми можно было бы создать образовательные кластеры для подготовки современных дизайнеров [9; 10].

Как отмечают Бобряшова О.В., Мосиенко Л.В. [2], с чьим мнением мы солидарны, остаются открытыми вопросы создания дизайнерских центров по типу технопарков, которые занимались бы реальным, оплачиваемым проектированием, в которых реализовывался бы, а не имитировался дизайн-процесс.

Анализ показал необходимость включения в программу подготовки дизайнерских кадров следующих важных составляющих:

- организация эффективной практической подготовки;
- организация производственной практики на ведущих предприятиях;
- получение заказов на разработку конкретных дизайн-проектов;
- проведение проектных исследований в области дизайна с учетом региональной и национальной специфики;
- формирование программ дизайнерских заведений в части интенсификации учебного процесса;
- ориентация разрабатываемых программ профессиональной подготовки на интересы промышленности, с одной стороны, а с другой – на гуманитарные потребности общества, культуру, ценностные ориентации заказчиков.

Таким образом, краткий ретроспективный анализ позволил нам создать целостную картину становления и развития дизайна и дизайн-образования; сформировать и научно обосновать цель и задачи, уточнить методы и технологии профессиональной подготовки дизайнеров.

Список литературы

1. Анализ опыта подготовки дизайнеров в высших учебных заведениях. Организация и содержание процесса подготовки дизайнеров: отчет о научно-исследовательской работе // Методические материалы ВНИИТЭ. – М.: ВНИИТЭ, 1987.
2. Бобряшова О.В., Мосиенко Л.В. Компаративный анализ российского и зарубежного опыта развития дизайн-образования // Вестник ОГУ. – 2014. – № 2 (163).
3. Воронов Н.В. Российский дизайн. Очерки истории отечественного дизайна: в 2 т. – М.: Союз Дизайнеров России, 2001. – Т.2. – 392 с.
4. Дижур А.А. Начало Баухауза. К 70-летию основания школы // Техническая эстетика. – 1989. – № 12.
5. Елочкин М.Е. Отечественный опыт дизайн-образования СССР и России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1066
6. Ермаков М.П. Основы дизайна. Художественная обработка металла: учебное пособие. – М.: ЛитераФорте, 2014. – 460 с.
7. Жадова Л.А. ВХУТЕМАС – ВХУТЕИН. Страницы истории // Декоративное искусство СССР. – 1970. – № 11.
8. Зинченко В.В. Психология доверия // Магистр. – 1998. – № 4.
9. Каримова И.С. Формирование проектно-образного мышления студентов специальности «Дизайн» средствами графики: монография. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – 200 с.
10. Ковешникова Н.А. Дизайн: история и теория: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2007. – 224 с.
11. Королева Л.Ю. Творческое развитие в истории дизайн-образования // Педагогика искусства. – 2015. – № 1.
12. Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС. – М.: Лады, 2000. – 144 с.

Reference list

1. Analysis of experience of training designers in higher education. The organization and content of the preparation process for designers: Report on the research work // Methodological materials VNIITE. Moscow: VNIITE, 1987.
2. Bobryashova O., Mosienko L. The comparative analysis of the Russian and foreign experience of design- education development // Bulletin of OSU. 2014. № 2 (163).
3. Voronov N. The Russian design. Essays on the history of domestic design: In 2 vol. M.: Association of Designers of Russia, 2001. Vol. 2. 392 p.
4. Dizhur A. The Beginning of the Bauhaus. For the 70th anniversary of the founding of the school // Technical Aesthetics. 1989. № 12.
5. Elochkin M. Domestic experience in design -education of the USSR and Russia [Electronic resource]. – Access mode : http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1066
6. Ermakov M. Fundamentals of design. The artistic metal processing: Textbook. M.: Literaforte, 2014. 460 p.
7. Zhadova L. VHUTEMAS (HATS) – VHUTEIN (the HSATIN). Page of history // Decorative Arts of the USSR. 1970. № 11.
8. Zinchenko V. Psychology of trust // Master. 1998. № 4.
9. Karimova I. The formation of design and creative thinking of students of the specialty “Design” by the graphic means: Blagoveshchensk: ASU, 2006. 200 p.
10. Koveshnikova N. Design: History and theory: Textbook. M.: Omega-L, 2007. 224 p.
11. Koroleva L. The creative development in the history of design -education // Art Pedagogy. 2015. № 1.
12. Khan-Magomedov S. VKHUTEMAS (HATS). M.: Lad'ya, 2000. 144 p.

Часовских Н.С.,

кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В работе научно обоснована необходимость формирования у школьников и студентов самостоятельности. С этой целью авторы статьи ставят своей задачей включить в дидактику концептуальный принцип самостоятельности, который должен определять в целом вектор развития современного образования. При этом данный принцип должен иметь определенный инструментарий, который может быть представлен в виде содержательных, нормативных и процессуальных дидактических функций, позволяющих технологизировать процесс формирования и развития самостоятельности в процессе обучения учащихся в школе и вузе. В статье представлены нормативные и процессуальные функции предлагаемого дидактического принципа.

Ключевые слова: самостоятельность, дидактический принцип, принцип самостоятельности, нормативные и процессуальные дидактические функции

Chasovskikh N.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Gorno-Altai State University

THE THEORY AND THE METHODOLOGY OF THE DIDACTIC PRINCIPLE OF SELF-SUFFICIENCY

In this paper the necessity of formation of pupils' and students' self-sufficiency is substantiated. For this purpose the article authors are done the aim to include the conceptual principle of self-sufficiency into didactics, which must generally determine a vector of development of contemporary education. However, this principle needs to have a certain toolkit, which could be represented in the form of meaningful, normative and procedural didactic functions, which are enabling to technologize a process of formation and development of self-sufficiency during training pupils at a school and higher education institution. This article presents the normative and procedural functions of the suggested didactic principle.

Keywords: self-sufficiency, didactic principle, principle of self-sufficiency, normative and procedural didactic functions

Изменяющиеся под влиянием требований жизни цели обучения всегда ведут к изменению и принципов обучения. Дидактика должна чутко улавливать изменения требований общества к образованию подрастающего поколения; своевременно реагировать на них, строить такую систему принципов обучения, которая верно указывала бы общее направление движения к цели. Мы считаем, что современное образование не должно сводиться лишь к усвоению положений отдельных наук, а должно быть направлено на развитие творческой личности, уровень которой должен определяться степенью ее самостоятельности. Но для этих целей должно быть соответствующее дидактическое обеспечение. Мы считаем, что такую роль может выполнять **принцип самостоятельности** [7; 2]. При этом он должен выступать в роли концептуального дидактического принципа, обладать всеобщностью воздействия на всю систему образования, на весь педагогический процесс

и определять сущность всей системы образования в целом.

Каковы же реальные основания считать **самостоятельность** в образовании принципом дидактики?

Следует заметить, что процесс осознания и формулирования педагогических принципов исторически и гносеологически сложный и длительный. Он связан всегда с познанием закономерностей педагогических явлений и детерминирован длительной педагогической практикой. Более того, в научном исследовании перейти логическим путем от закономерностей к принципам (от сущего к должному) невозможно. Механизм этого перехода частично раскрыт в книге В.В. Краевского «Проблемы научного обоснования обучения» [4].

Сложность процедуры этого перехода по В.В. Краевскому объясняется тремя факторами [4].

Во-первых, в формализованной системе педагогические принципы как структурный элемент

целостного образования обладают особым статусом – они связывают теорию с практикой.

Во-вторых, формализованная система строится не только на основе законов и правил формальной логики, но и интуиции, и поэтому не все логические переходы внутри ее научно состоятельны и корректны по отношению к практике.

В-третьих, в «формализованных» системах педагогические принципы формулируются в соответствии с теми закономерностями, которые получили достаточное теоретическое и опытно-экспериментальное обоснование в «содержательных» системах.

Как известно, перечней принципов достаточно много. Но каждый новый автор не доволен своими предшественниками и предлагает свой перечень, пока не появится новый. Такая картина, по мнению Ю.К. Бабанского, «возможна потому, что принципы обучения не были предметом последовательного, системного исследования. Никто из авторов не рассмотрел доказательно необходимость и достаточность своей системы принципов, а потому и не дошел до определения путей извлечения их и обоснования. Не выработаны и критерии отнесения той или иной нормативной идеи к принципам» [1, с. 33].

В своей работе мы определяем принципы теории обучения как *категории дидактики, обусловленные педагогическими законами и закономерностями, фиксирующими инвариантные характеристики, существенные и устойчивые связи педагогической деятельности, отражающие дидактическую концепцию и реализующиеся через сущностные, нормативные и процессуальные функции.*

По каким же критериям то или иное положение можно отнести к дидактическим принципам? И.Я. Лернер в статье «Природа принципов обучения и пути их установления» выделяет пять критериев «отнесения того или иного положения к принципам обучения» [5, с. 35–40]:

- инструментальность, т.е. известность способа применения;
- универсальность, т.е. отнесение данного положения ко всему обучению или к такому элементу, без которого обучение неосуществимо;
- необходимость, т.е. невозможность без него организовать полноценное обучение;
- независимость, т.е. неперекрещиваемость, неподчиняемость и непоглощаемость другими принципами;
- достаточность всей совокупности принципов для обеспечения полноценного процесса обучения.

В.И. Загвязинский выделяет следующие критерии [3, с. 67]:

- принцип обучения регулирует разрешение конкретных педагогических противоречий;
- глубинная сущность любого принципа обучения в том, что это рекомендация о способах достижения меры, гармонии в педагогическом процессе;

- принцип есть концентрированное, инструментальное выражение дидактической теории или концепции;

- в ранг принципов следует возводить лишь такие положения, которые имеют всеобщее значение, должны действовать в любых учебных ситуациях, при любых условиях обучения.

Мы считаем, что идея **концептуального принципа самостоятельности** может быть отнесена к принципам обучения, потому что она представляет собой одно из универсальных руководящих положений современного образования, которые относятся ко всему процессу обучения в целом, распространяется на все учебные предметы, без них невозможно формировать личность, ее компетентность, и она не может быть заменена никакими другими принципами.

Принцип **самостоятельности** в образовании снимает главное противоречие между настоящим и будущим поколением. Новое поколение, которое мы воспитываем и образовываем, не должно повторять нас, оно, напротив, должно обновить мир, а следовательно, отрицать предыдущий мир. Это отрицание содержит в себе положительный момент, который, по выражению С.И. Гессена, и «есть не что иное, как творчество, открывающееся нам как единство отрицания и утверждение, как будущее, сохраняющее в себе прошлое» [2, с. 380]. Это результат приобретенной самостоятельности и наивысшей ее степени – творческой деятельности личности. Все это и приводит нас к необходимости признания концептуальной идеи о том, что современная дидактика должна включать в себя самостоятельность в качестве концептуального принципа.

Однако чтобы данный принцип обладал инструментальностью, необходимо разработать для него сущностные, нормативные и процессуальные функции. Но дидактические принципы могут быть однозначно понимаемыми только в контексте конкретной педагогической системы. В своей работе мы определяем эти функции для личностно ориентированной педагогической системы развивающего обучения, в которую в качестве основополагающего принципа должен входить принцип компетентности, определяющий вектор практико-ориентированного обучения.

Появление в дидактике принципа **самостоятельности** должно привести к организованному целевому совершенствованию методики и технологии формирования у учащихся ключевой компетенции «познавательная компетентность» по всем учебным дисциплинам. При таком образовании главной целью становится не передача учащимся определенной системы знаний, а приобщение их к методу научного мышления, порождающего и низвергающего научные системы. При этом возрастает роль гносеологи-

ческих и методологических знаний, которые должны рассматриваться в обучении не только как средства обучения, но и как элементы содержания образования. *В связи с этим принцип самостоятельности должен определять структуру и содержание технологии и методики личностно ориентированного развивающего обучения, усиливая управляющий эффект этой педагогической системы обучения.*

Таким образом, принцип **самостоятельности** в современной дидактике приобретает статус концептуального принципа, который влияет на отбор и структуру учебного материала всех учебных предметов, усиливая системность знаний учащихся, активизирует научные методы познавательной деятельности, ориентирует учителя и преподавателя на применение комплексных форм организации обучения, обеспечивая единство учебно-воспитательного процесса и способствует формированию и развитию нового мышления учащихся. Принцип **самостоятельности** должен определять основные направления в деятельности преподавателя и характер самостоятельной познавательной деятельности учащихся. В связи с этим для успешной реализации **самостоятельности** в образовании педагогу необходимо знать основные дидактические функции, общие теоретические основы и статус принципа самостоятельности в современной дидактике, пути, способы и средства его реализации.

Анализ концептуального принципа **самостоятельности** приводит нас к выводу о том, что в самом общем виде *нормативная функция принципа самостоятельности* складывается из основных сущностных аспектов самостоятельности в системе образования с соответствующим их преобразованием в нормы-регулятивы процесса обучения.

При этом мы не ставим своей целью полностью раскрыть нормативный аспект принципа **самостоятельности** в образовании, так как это представляет собой самостоятельную область исследования, но мы попытаемся выделить основные системные функции, которые должны отражать нормативную сторону этого дидактического принципа в рамках целостной педагогической системы личностно ориентированного развивающего обучения, в котором в основании лежит принцип компетентного подхода и деятельностный подход переходит в компетентностно-деятельностный.

В самом общем виде *нормативные функции принципа самостоятельности*, по нашему мнению, должны включать в себя следующие основные требования.

1. Раскрывать в процессе использования **принципа самостоятельности** в образовании следующую группу принципов: научности и связи теории с практикой; исторической взаимосвязи природы и

общества; социальной обусловленности отношений человека к природе и стремлении к гармонизации этих отношений, а также системного, комплексного, междисциплинарного и преемственного подходов в формировании **самостоятельности** школьников и студентов.

2. Реализовывать в процессе школьного и вузовского обучения следующие методологические задачи: формирование научно-философского взгляда на мир и место в нем человека; приобщение к мировой философской культуре как общечеловеческой ценности; формирование способности к самостоятельному и творческому решению философско-методологических проблем.

3. Создавать условия для комплексного видения роли принципа самостоятельности в преемственном развитии человеческого общества через отрицание, содержащее в себе положительный момент, составляющий суть творчества, которое проявляется как единство отрицания и нового утверждения, как будущее, сохраняющее преемственно в себе элементы прошлого.

4. Показывать, что принцип самостоятельности непосредственно связан с диалектикой, которая представляет собой наиболее общую методологию и гносеологию научного познания. Это позволит понять, что образование должно иметь своей целью не передачу учащимся определенной системы знаний, а приобщить их к методам научного мышления, которые позволяют порождать новые и опровергать прошлые научные взгляды. Научные методы самостоятельной познавательной деятельности в дидактике и методике необходимо использовать как средства обучения и как элементы содержания образования, которые должны усваиваться в процессе получения новых знаний.

5. Использовать методику и технологию реализации принципа самостоятельности в условиях педагогической системы личностно ориентированного развивающего обучения, в которой деятельностный подход уступает место компетентностно-деятельностному подходу.

6. Научно обосновать, что принцип самостоятельности в современном образовании должен рассматриваться не как элемент образования, а как ведущий (концептуальный) принцип общего и профессионального образования, определяющий характер последнего и управляющий процессами формирования системы знаний, взглядов и убеждений современного человека.

7. Совершенствовать методику и технологию формирования у учащихся комплекса необходимых компетенций по всем учебным дисциплинам, на основе структуры учебных знаний, соответствующих развитию самостоятельности и творческой деятель-

ности в обучении, способствующей формированию осознания вектора развития культуры и науки в человеческом обществе.

8. Согласовать учебные программы, выбор понятий, законов и теорий с учетом необходимости формирования самостоятельности учащихся в обучении.

9. С учетом принципа самостоятельности определить содержание технологии и методики личностно ориентированного развивающего обучения, в котором в качестве основополагающего принципа включить принцип компетентностного подхода для усиления характера взаимопроникновения личностного и профессионального, приводящего к образованию целостного единства, которое представляется как компетентность специалиста.

10. Разработать дидактический материал, направленный на повышение степени самостоятельности студентов в познавательной деятельности и развитие их творческой активности.

11. Разработать такую организацию усвоения информации, при которой учащиеся усваивают структуру знаний, методы их получения и изложения, методологию и гносеологию. Показать эталон научного мышления и познания, образец культуры развертывания познавательных действий. Передать способы организации поисковой, творческой деятельности учащихся по решению новых для них проблем.

12. Выполнять следующие важные функции образования: *просветительную* – помогает учащимся осознать, что создано человечеством в прошлом; *развивающую* – умение осознать самое главное в этом мире: чтобы сохранить себя и все человечество, необходимо овладеть философским принципом отрицания с его положительным аспектом, который проявляется как творчество, позволяющее преодолевать прошлое и преемственно создавать новое; *воспитательную* – проявляется в формировании и развитии современного научного мировоззрения; *организующую* – состоит в стимулировании активной познавательной творческой деятельности с использованием самостоятельности как потенциала развития личности и ее профессиональной компетентности; *прогностическую* – заключается в развитии умения самостоятельно предвидеть возможные явления и процессы в природе и обществе.

Процессуальные функции принципа **самостоятельно**, по нашему мнению, должны включать следующие требования.

1. Использовать реализацию принципа самостоятельности (степень самостоятельности) в образовании в качестве важнейшего критерия развития личности.

2. Рассматривать принцип самостоятельности в образовании как регулятив личностно ориентированного развивающего обучения, который в сочета-

нии с принципами компетентности, преемственности; историзма; системности, целостности, межпредметных связей должен регулировать содержание проектируемой деятельности, направленной на развитие личности, ее профессиональной компетентности и развития общества.

3. Формировать новую целостную систему знаний о природе и культуре, интегрированных современными достижениями в науке, и организовывать диалог культур, наук, различных учебных дисциплин с позиции не голого отрицания, а вечного пути их преемственного развития.

4. Координировать учебные дисциплины в учебных планах по использованию их с точки зрения подлинного содержания образования, которое заключается не в передаче новому поколению того готового культурного содержания, которое составляет особенность поколения образовывающего, а в общении ему того движения, продолжая которое, оно могло бы выработать свое собственное содержание культуры.

5. Организовать поэтапный процесс повышения степени самостоятельности: репродуктивный, продуктивный, частично-поисковый, поисковый (исследовательский).

6. Осуществлять методически целесообразное взаимодействие продуктивных и репродуктивных видов познавательной деятельности.

7. Обеспечивать последовательное формирование у учащихся умений и навыков самостоятельной познавательной деятельности.

8. Использовать специальный дидактический материал, имеющий содержательные и процессуальные структуры, позволяющие включать учащихся в различные виды самостоятельной деятельности.

9. Рационально использовать принцип сочетания индивидуальных и коллективных форм обучения для качественного формирования самостоятельности. Учитывать, что индивидуализация обучения формирует самостоятельность, но лишает учащихся разнообразия общения, в рамках которого проявляется креативность. Очевидна и несостоятельность только коллективных форм, в которых нередко теряется личность, а значит и ее самостоятельность. Необходимо гармоничное сочетание этих двух полярных форм и подходов, которое должно приводить к творческому развитию личности, т.е. к высшей степени самостоятельности личности. Сочетание коллективных и индивидуальных форм обучения с усилением самостоятельной работы должно стать основным требованием современной общеобразовательной и профессиональной школ.

10. С каждым годом повышать удельный вес самообразования в общем объеме интеллектуальной деятельности студентов и активно использовать на

учебных занятиях интересные сведения, приобретенные учащимися путем самообразования, и тем самым усиливать их интерес к учению.

11. Путем использования разнообразных видов самостоятельной работы у учащихся вырабатывать приемы ее рациональной организации: умение рационально планировать эту работу, четко ставить систему задач предстоящей работы, вычленять среди них главные, уметь избирать способы быстрого и экономного решения поставленных задач, уметь и оперативный самоконтроль за выполнением задания, умение быстро вносить коррективы в самостоятельную работу, умение анализировать общие итоги работы, сравнивать эти результаты с намеченными в начале ее, выявлять причины отклонений и намечать пути их устранения в дальнейшей работе.

12. Формировать познавательный интерес на всех этапах развития степени самостоятельности за счет следующих механизмов: 1) положительной эмоции по отношению к самостоятельной деятельности; 2) наличия познавательной стороны этой эмоции; 3) наличия непосредственного мотива, идущего от самой самостоятельной познавательной деятельности; 4) создания в учебном процессе ситуации успеха у студентов, испытывающих определенные затруднения в учебе; 5) создания мотива долга и ответственности студентов в учении; 6) разъяснения общественной и личностной значимости учения, которое должно быть активным и сознательным, что усиливает развивающий характер самостоятельности в обучении.

Реализация принципа **самостоятельности** придает общему образованию ту целостность, которая делает его системой. К системности знаний можно прийти только через системность в обучении. Придавая учебным предметам характер системности, самостоятельность должна: 1) выступать ведущим (концептуальным) принципом, определяя характер общего образования и управлять процессами формирования системы знаний, взглядов и убеждений; 2) углублять и расширять функцию общего и профессионального образования, связанную с овладением учащимися научными основами взаимодействия природы и общества; 3) способствовать обобщению знаний и формированию творческого мышления учащихся, развивать у них современное научное мировоззрение; 4) определять направленность развития культуры и современных научных знаний; 5) проецировать научные знания на учебный процесс с учетом реализации принципа самостоятельности.

*Предлагаемую в работе педагогическую систему образования, в которой концептуальным принципом является принцип самостоятельности, мы рассматриваем как **научно обоснованное подлинное образование**, которое представляет собой совокупность средств, способов и форм приобретения,*

*углубления и расширения общего и профессионального образования, связанного с овладением учащимися и студентами научными основами взаимодействия природы и общества, в которой конечным продуктом являются: самообразование, самообучение, самовоспитание, саморегуляция собственной активности, самоактуализация, рефлексия. Для каждого человека такое образование выступает процессом формирования и удовлетворения его познавательных запросов и духовных потребностей, развития задатков и способностей в сети государственно-общественных учебных заведений и путем **самообразования**. Для государства оно является ведущей сферой социальной политики по обеспечению развития современной культуры личности каждого человека. Для общества в целом оно является механизмом расширенного воспроизводства его профессионального и культурного потенциала, условием развития общественного производства, ускорения социально-экономического прогресса любой страны. Для мирового сообщества непрерывное образование, в котором концептуальным принципом является **принцип самостоятельности**, выступает способом сохранения, развития и взаимообогащения национальных культур и общечеловеческих ценностей, важным фактором и условием международного сотрудничества в сфере образования и решения глобальных научных проблем современности.*

В рамках своей концепции мы рассматриваем образование, в котором концептуальным принципом является принцип самостоятельности не как элемент образования, а как ведущий (концептуальный) принцип общего и профессионального образования, определяющий характер последнего и управляющий процессами формирования системы знаний, взглядов и убеждений современного человека.

Таким образом, появление в дидактике принципа **самостоятельности** должно привести к организованному целевому совершенствованию методики и технологии формирования у учащихся комплекса необходимых компетенций по всем учебным дисциплинам, на основе структуры учебных знаний, опирающихся на компетентностный подход в личностно ориентированном развивающем обучении, а это, в свою очередь, приведет к формированию культуры как динамического преемственно развивающегося феномена и соответствующего нового современного стиля мышления школьников и студентов. *В связи с этим принцип самостоятельности должен определять содержание технологии и методики личностно ориентированного развивающего обучения, усиливая управляющий эффект этой педагогической системы обучения. Он в современной дидактике должен приобретать статус концептуального принципа, который влияет на отбор и структуру учебного материала всех учебных предметов, усиливая системность и ком-*

плексность знаний учащихся, а способности к самообучению, самообразованию, самовоспитанию, саморегуляции личностной активности, самоактуализации, рефлексии являются базовыми потребностями для творческого саморазвития личности. Поэтому одна из главных дидактических целей в создании ус-

ловий для творческого саморазвития личности – это запуск мотивационно-потребностного механизма «самости» личности ученика. И приходится удивляться, что идеи А. Маслоу о роли «самости» [6] до настоящего времени не востребованы в разработке современной дидактики.

Список литературы

1. *Бабанский Ю.К.* Взаимосвязь закономерностей, принципов обучения и способов его оптимизации // Советская педагогика. – 1982. – № 11.
2. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995.
3. *Загвязинский В.И., Атаханов Р.* Методология и методы психолого-педагогического исследования. – М.: Академия, 2001.
4. *Краевский В.В.* Проблемы научного обоснования обучения. – М.: Просвещение, 1977.
5. *Лернер И.Я.* Природа принципов обучения и пути их установления. Принципы обучения в современной педагогической теории и практике: межвузовский сборник науч. трудов. – Челябинск: ЧГПИ, 1985.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.
7. *Часовских Н.С.* Организация самостоятельной работы студентов на лабораторных занятиях по общей физике в условиях развивающего обучения: дис. ...канд. пед. наук. – Горно-Алтайск, 2006.
8. *Часовских Н.С.* Развитие познавательной самостоятельности студентов на лабораторных занятиях по общей физике: учебно-познавательное пособие для преподавателей и студентов / под ред. А.В. Петрова. – Горно-Алтайск, 2005.

Reference list

1. *Babanskiy Yu.* The relationship between regulatory, principles of training and ways of its optimization // Soviet Pedagogy. 1982. № 11.
2. *Hessen S.* Basis of Pedagogy. Introduction into applied philosophy / Executive editor and redactor P. Alekseev. M: "Shkola-Press", 1995.
3. *Zagvyazinskiy V., Atakhanov R.* Methodology and methods of psychological-pedagogical research. M.: Akademiya, 2001.
4. *Kraevskiy V.* The issues of scientific substantiations of training. M.: Education, 1977.
5. *Lerner I.* The nature of training principles and ways of setting them. The principles of training in modern pedagogical theory and practice: Interuniversity proceedings. Chelyabinsk: CHSPI, 1985.
6. *Maslow A.* Motivation and Personality. SBR.: Evrasiya, 1999.
7. *Chasovskikh N.* Organization of independent work of students in laboratory classes on General Physics in the conditions of developing training: Thesis of PhD in Pedagogy. Gorno-Altai, 2006.
8. *Chasovskikh N.* The development of cognitive self-sufficiency of students in laboratory classes on the General Physics: Learning textbook for lecturers and students / Under the editorship of A. Petrov. Gorno-Altai, 2005.

УДК 37.378.048.2

Панова И.Е.,

кандидат педагогических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета

ТРАНСГРЕССИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье представлен и обосновывается авторский взгляд на явления и процессы, происходящие в высшем образовании России. Отмечается, что в эволюции вузовских систем наблюдается отход от культурологической направленности образования. Это явление авторы назвали трансгрессией культурологического подхода, и оно развивается с катастрофической быстротой, поскольку российская государственная система управления социальной и экономической сферами характеризуется так называемым прямым управлением. Этатизм – вездесущее присутствие и влияние государства, характерная черта России. Результат трансгрессии культурологического подхода в высшем образовании – инновационная интегрированная культура специалиста (или будущего специалиста), которая, по мнению авторов, перспективна в силу своего творческого начала. Представлены авторские интерпретации понятий «трансгрессия», «культурологический подход», «этатизм», «инновационная интегрированная культура».

Ключевые слова: трансгрессия, культурологический подход, этатизм, инновационная интегрированная культура

Panova I.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the North-Caucasus Federal University

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University

TRANSGRESSIVE PROCESSES IN THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION

The article takes and proves the authors' viewpoint on the phenomena and processes, ensuring in the Russian higher education. It is noted that the breakaway from the culturological orientation of education is appeared in the evolution of the higher education systems. The article authors are called these phenomena as the "transgression of culturological approach" and it is developed extremely rapidly, because of the Russian state system of management by social and economic sphere is characterized by the so-called "direct management". Etatism is the ubiquitous presence and influence of the state, it is a typical feature of Russia. The result of transgression of culturological approach in the higher education – the innovative integrated culture of a specialist (or intended specialist), which is an advanced because of its creative element, according the article authors' opinion. The article contains the authors' interpretations of definitions of the following concepts: "transgression", "culturological approach", "etatism", "innovative integrated culture".

Keywords: transgression, culturological approach, etatism, innovative integrated culture

Обращение к данной проблеме связано с тем, что трансгрессивные явления в системе высшего образования существенно изменяют основные компоненты образовательного процесса (цели, формы, технологии, средства, содержание), а также интересы, а главное – роли всех субъектов образования. Эти изменения, как нам представляется, неизбежны (и необходимы), поскольку с позиций общетеоретических взглядов образование – это открытая система, в которой происходит не только становление лично-

сти, но и одновременно взаимодействуют системы разного уровня и так называемый процесс репликации (от лат. replicare – отражать – создание себе подобной структуры, самовоспроизведение), или ауторепродукция, редупликация культуры общества.

Естественно, взаимодействие образования с другими социальными институтами государства и общества всегда двухстороннее, следовательно, образование реагирует на их динамику, изменяя свою структуру или содержание, но с опозданием. На дан-

ное обстоятельство обратил внимание D.E. Durkheim, который отмечал, что существует множество примеров того, что эволюция образования весьма существенно отстает от эволюции общества в целом [11, с. 101–102]. Такое отставание – лишь одно из проявлений так называемого общего отставания культуры («cultural lag theory»), понятие которого было введено У.Ф. Огборном [17, с. 200–201] и применимо к эволюции образования. В то же время новые идеи могут распространяться в обществе, нисколько не задевая направления и методы системы образования [5, с. 204–252].

Например, Дж.С. Коулман отмечает, что состояние образования в наиболее развитых странах не решает целого ряда задач: обеспечения его достаточного соответствия рынку труда; гармонии культур этнического большинства и меньшинств; полного развития индивидуальных способностей; преодоления стратифицирующего влияния на обучаемых; развития массового экологического сознания. Даже в «богатых» странах системы образования отстают от потребностей развития, определенным образом тормозят его [3].

В основе механизма запаздывания лежат не столько экономические факторы, сколько противоречие между динамикой культуры и системой управления образованием. Корень этого противоречия – в отсталости и стереотипности управленческой культуры, которая является органической частью общей культуры человечества [13]. Combs Ph. назвал это явление кризисом образования [10].

Пытаясь нивелировать названное противоречие, система высшего образования России претерпевает непрекращающиеся «реформы», «модернизации», «инновации», «диверсификации», «оптимизации», которые не меняют ситуацию к лучшему, но вызывают деформацию культурологической направленности образования. Мы определили происходящие процессы как трансгрессивные, и о них пойдет речь в данной статье.

Результаты проведенного исследования, составившие содержание статьи, получены на основе использования теоретических методов исследования социально-педагогических явлений и процессов, таких как *анализ* (условное расчленение социально-педагогических явлений и процессов, происходящих в высшем образовании, на составляющие элементы с целью их рассмотрения «крупным планом» и определения их свойств; анализировались доступные (имеющиеся в научной литературе, нормативных актах, статистических обзорах, сети Интернет) сведения о состоянии системы высшего образования в России; анализу подвергался и многолетний субъективный научно-педагогический опыт авторов); *сравнение* (установление сходства или различия между явле-

ниями и процессами, происходящими в различных организациях высшего образования, или их отдельными признаками, нахождение различий в наиболее сходных предметах и сходства в разных); *синтез* (теоретический метод исследования, который позволил комбинировать полученные сведения так, чтобы получить выводное цельное знание, обладающее новизной в форме трансгрессии культурологического подхода); *обобщение* (метод использовался на завершающем этапе исследования с целью обобщения полученных результатов и формулировки заключения и выводов).

Осмысление представлений о вузе и высшем образовании с позиций классических взглядов [18, с. 97–121; 14; 15; 10] показало, что им отводились функции воспроизведения образования, науки, культуры, в целом это являло собой культурологический подход. Процессы, происходящие в высшем образовании России на современном витке развития, изменяют названные функции, т.е. на наших глазах происходит «трансгрессия культурологического подхода». Попытаемся обосновать авторскую позицию по данному вопросу и раскроем смысловое наполнение этого понятия.

В философской литературе трансгрессия представлена как одно из ключевых понятий постмодернизма, которое «фиксирует феномен перехода непреходимой границы и прежде всего границы между возможным и невозможным, «трансгрессия» – это жест, который обращен на предел» [4].

Трансгрессия (от лат. trans – сквозь, через, за и gressus – приближаться, переходить) понимается как «ситуация достижения субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы» [4]. В других источниках трансгрессия представляет собой «выход за пределы, прорыв», «стратегию выхода за пределы познанного».

Для нашего исследования представляется интересным то, что концепция трансгрессии, по мнению исследователей, «имплицитно несет в своем содержании идеи, фиксирующие – пусть и дескриптивно – те же механизмы нелинейной эволюции, которые в эксплицитной форме зафиксированы синергетикой» [19]. Прежде всего речь идет о возможности формирования принципиально новых (т.е. не детерминированных наличным состоянием системы) эволюционных перспектив. Сущностным моментом трансгрессивного акта выступает именно то, что он нарушает линейность процесса: трансгрессия, собственно, и «означает то, что радикальным образом вне направленности». В этом отношении «концепция трансгрессии радикально порывает с презумпцией линейно понятой преемственности» [1].

Открываемый трансгрессивным прорывом новый (развивающийся) горизонт эволюции вузовских

систем является подлинно новым в том смысле, что по отношению к предшествующему (функционирующему) состоянию не является линейно «вытекающим» из него очевидным и единственным следствием, – напротив, новизна в данном случае обладает по отношению ко всему предшествующему статусом и энергией отрицания: открываемый в акте трансгрессии горизонт, по мнению М. Бланшо [1], как «возможность, предстающая после осуществления всех возможных возможностей ...», которая низвергает все предыдущие или тихо их устраняет. Кроме того, постмодернизм связывает акт трансгрессивного перехода с фигурой «скрещения» различных версий эволюции, что может быть оценено как аналог бифуркационного ветвления» [12].

В этой системе отсчета Ж. Батай называет феномен трансгрессии «краем возможного», «медитацией», «жгучим опытом», который «не придает значения установленным извне границам» [7].

Интересно толкование термина «трансгрессия» с позиции тектонических процессов в земной коре. В данном случае трансгрессия понимается как «наступление вод моря на сушу в результате опускания земной коры под влиянием нисходящих тектонических движений или, реже, поднятий уровня Мирового океана» [12].

Исходя из изложенных в различных источниках точек зрения, мы сформулировали авторское определение понятия трансгрессии в контексте проводимого исследования.

Трансгрессия культурологического подхода в высшем образовании представляет собой процесс, происходящий в современных вузах как открытых системах под влиянием разноуровневых (глобальных, региональных, внутривузовских, личностных) и разнонаправленных (затрагивающих содержание, формы, методы обучения, материально-техническое и финансовое обеспечение) социально-экономических, идеологических, политических флуктуаций, характеризующийся выходом мировоззренческих установок за пределы традиционных представлений о вузе и результатах обучения в нем и ведущий к появлению новых (пока не вполне определенных) перспектив в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Иронизируя по поводу трансгрессии культурологического подхода, ее можно определить как «прогибание» российского высшего образования под стереотипы и стандарты зарубежных образовательных систем, которые, и мы на это обращаем внимание, также находятся в динамичном (следовательно, неопределенном) состоянии, обусловленном вышеназванной общей тенденцией – отставанием образовательных систем от цивилизационных процессов.

Трансгрессия (прогибание) культурологического подхода в практике высшего образования про-

исходит довольно динамично, поскольку на современном этапе развития российского образования как никогда сильно проявляется феномен «этатизации», который определяется как: 1) направление общественной мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития; 2) концепция и идеология, исходящая из признания примата государства над обществом и нацией, оправдывающая необходимость активного вмешательства; 3) социологическая теория, обосновывающая необходимость активного вмешательства государств в экономическую и политическую жизнь общества; 4) политика активного участия государства в экономической жизни общества [6].

Согласно законам синергетики гибридное общество, которым является российское общество, могло существовать только при сильной централизованной власти. Поэтому в отечественной системе управления образованием всегда была выше степень централизации государственной власти, и государство исполняло больше социальных функций, нежели в других странах.

Примером влияния государства на систему высшего образования в России является осуществление национального проекта «Образование», в рамках которого поддержаны инновационные программы вузов, что демонстрирует прямое влияние (прежде всего финансовое) государства на систему высшего образования, ориентируя на выделение (на основе небесспорных критериев и субъективной оценки инновационных программ) нескольких десятков ведущих вузов, которым к 2020 г. предстоит войти в число лучших университетов мира (что также небесспорно). Предполагается, что именно на базе деятельности этих вузов постепенно будет формироваться и развиваться новая национальная модель вуза, адекватная требованиям второго десятилетия XXI в.

Проведение тоталитарной акции «Эффективный вуз» – это еще одно из проявлений этатизма. Возможно, таким образом государство осуществляет попытки, правда, не очень эффективные, вернуть российскому образованию, в том числе высшему, былую славу. Но попытки вернуть высшее образование в русло культурологического подхода лишь административными мерами без глубоких системных изменений (затрагивающих функции высшей школы в обществе, ее связи и взаимодействие с другими институтами, сверхзадачи ее деятельности, реальные позиции и установки студентов, преподавателей, исследователей, управленцев) приводят лишь к появлению дополнительного, надстроенного «слоя» фальсификации и имитации [2]. Это имитация реформ, имитация управления развитием: «администраторы делают вид, что руководят модернизацией, преподаватели делают вид, что модернизируют исследовательский,

образовательный процесс и т.д.». Появляются новые типы вузов (исследовательские, инновационные, федеральные), предпринимаются различные «модные» нововведения, например, внедряются балльно-рейтинговые системы, менеджмент качества и т.п., которые очень часто сводятся к появлению дополнительных регламентов, записей и т.д., не оказывая влияния на реальное качество результатов образования.

Необходимо отметить, что настоящая практика высшего образования в большей степени ориентирована на ценности цивилизации (но не культуры), на удовлетворение требований социального, научного, технического прогресса, что также приводит к трансгрессии культурологического подхода. Все больше проявляется тенденция подмены культурологических ценностей вузовского образования цивилизационными, придание сугубо прагматической, утилитарной направленности этой форме культуры, выхолащивание ее подлинно культурологических смыслов и ценностей. То есть основная энергия и ресурсы в сфере образования брошены на решение тактических, прагматически-утилитарных задач в ущерб задачам стратегическим, собственно культурным, способствующим не только «выживанию», но и развитию социума и личности.

Поэтому как яркое проявление трансгрессии культурологического подхода в практике высшего образования можно рассматривать замещение гуманистической дидактической модели на функционалистскую (или компетентностную), которая нацеливает институт высшего образования на подготовку специалиста, оператора определенных производственных или административных систем. В компетентностной модели образования человек готовится под определенное место в функциональной структуре производственной или социальной системы и, соответственно, рассматривается как один из ее элементов наряду с другими.

Процесс трансгрессии культурологического подхода в практике высшего образования, согласно синергетическим взглядам, протекает через интеграцию «приходящего» в «существующее». В связи с этим, по нашему мнению, профессиональная культура студентов вузов наполняется новыми знаниями, компетентностями, ценностями и трансформируется в инновационную интегрированную культуру специалиста [16].

Под интегрированной инновационной культурой мы понимаем комплексную характеристику специалиста (будущего специалиста), смысловое ядро новой концепции образования, отражающее уровень развитости интеграции образования, науки и произ-

водства в контексте проектного менеджмента инновационных процессов.

Инновационная интегрированная культура представляет собой комплексный социальный феномен, объединяющий современную культуру, образование, науку, инновации, производство и менеджмент в единое целое. При этом интеграция, обуславливающая процесс культурогенеза, приводит к приращению новых элементов, совершенствованию, взаимопроникновению и взаимообогащению всех составляющих элементов и многообразных связей целостного образования – инновационной интегрированной культуры будущего специалиста [8, с. 80–86; 16, с. 188–191].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1) Трансгрессия культурологического подхода в практике высшего образования приводит к смене приоритетов: от формирования ценностей, смыслов и отношений, от приоритета развития личности будущего специалиста к преобладанию технологического, социально-политического и прочих, сугубо утилитарных компонентов в содержании подготовки специалистов в вузах, что свидетельствует о ложной выраженности собственно культурологической составляющей образовательного процесса. Происходит смена идеологии высшего образования в России, замещение культурологической модели образования компетентностной.

2) Постмодернистская концепция трансгрессии, примененная к эволюции практики высшего образования, не является экстравагантной абстрактной конструкцией, но выражает глубинный механизм эволюционного процесса, доселе не фиксируемый традиционным мышлением [21]. Подобно тому, как синергетическая рефлексия фиксирует, что «мы находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы» [19], точно так же мы можем полагать, что трансгрессия культурологического подхода в практике высшего образования России – результат поиска системой выхода из создавшегося кризисного положения. Поиск этот, несомненно, ведет систему высшего образования к новой концепции и идеологии подготовки специалистов в вузах.

3) Инновационная интегрированная культура вуза, кафедры, выпускника вуза, формирующаяся в результате трансгрессии культурологического подхода, характерна для высшего образования переходного периода [9] и при всей неопределенности перспектив его становления является источником дальнейших творческих процессов и нелинейного развития.

Список литературы

1. Бланшо М. Пространство литературы: пер. с фр. В.П. Большакова и др. – М.: Логос, 2002.
2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В.С. Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 182 с.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
4. Можейко М.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003.
5. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова, 1998.
6. Тарабановская Е.А. Этатические основы системы управления / Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе: материалы XV Международной научно-методической конференции, 29 октября 2010 года. – СПб.: СПбГУП, 2010.
7. Тимофеева О. Введение в эротическую философию Жоржа Батая. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 200 с.
8. Харченко Л.Н., Панова И.Е. Инновационная интегрированная культура специалиста и условия ее формирования в современном вузе: материалы международной научно-практической конференции. – Прага: Publishing House «Education and Science» s.r.o, 2013.
9. Эрибон Д. Мишель Фуко: пер. с франц. Е.Э. Бабаевой. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 382 с.
10. Combs Ph. The World Crisis in Education: The View from the Eighties, 1987.
11. Durkheim D.E. Foundations of the Classic Sociological Theory, in Classical and contemporary sociological theory: text and readings. Pine Forge Press.
12. EdwART. Словарь экологических терминов и определений, 2010.
13. Giddens A. Sociology. Cambridge: Polity Press, 2001.
14. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologic», 5 Aufl. Fr. – М., 1971.
15. Jaspers K.T. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, 1958.
16. Kharchenko L., Panova I. Transgression of culturological approach in the practise of the Russian higher education / Life Science Journal. – 2014. – № 11 (9s).
17. Ogburn U.F. «Social change...». N.Y., 1950.
18. Ortega y Gasset J. Que es filosofia? Revista de Occidente. Madrid, 1972.
19. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. Heinemann. London, 1984. – 432 p.
20. Readings B. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
21. Times Higher Education – Most cited authors of books in the humanities, 2007.

Reference list

1. Maurice Blanchot. The Space of Literature – Main theoretical work. Translation from French by V. Bol'shakova and others. M.: Logos, 2002.
2. Future of the higher school in Russia: Expert opinion. Forsythe research – 2030: Analytical report / Under the editorship of V. Efimov. Krasnoyarsk: The Siberian Federal University, 2012. 182 p.
3. John Coleman. The Capital Human and Social // Social Sciences and Modernity. 2001. № 3.
4. Mozheyko M. The Modern Philosophical Dictionary: 3rd edition, revised edition. Mn.: Knizniy Dom, 2003.
5. The Russian Sociological Encyclopedia / Under the general editorship of Academician of RANS G. Osipov, 1998.
6. Tarabanovskaya E. Etatism frameworks of the management system / Issues of quality management of education in a humanitarian higher education institution: Proceedings of XV International scientific-practical conference, 29th of October, 2010.
7. Timofeeva O. Introduction to the erotic philosophy of Georges Bataille. M.: Modern literary review, 2009. 200 p.
8. Kharchenko L., Panova I. Innovative integrated culture of a specialist and the conditions of its formation in a modern higher education institution: Proceedings of International scientific – practical conference. Prague: Publishing House «Education and Science» s.r.o, 2013.
9. Didier Eribon. Mishel Foucault. Translation from French by E. Babaeva. M.: Molodaya Gvardiya, 2008. 383 p.
10. Combs Ph. The World Crisis in Education: The View from the Eighties, 1987.
11. Durkheim D.E. Foundations of the Classic Sociological Theory, in Classical and contemporary sociological theory: text and readings. Pine Forge Press.
12. EdwART. The Dictionary of Ecological Terms and Definitions, 2010.
13. Giddens A. Sociology. Cambridge: Polity Press, 2001.
14. Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologic», 5 Aufl. Fr. – М., 1971.
15. Jaspers K.T. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, 1958.
16. Kharchenko L., Panova I. Transgression of culturological approach in the practise of the Russian higher education / Life Science Journal. – 2014. – № 11 (9s).
17. Ogburn U.F. «Social change...». N.Y., 1950.
18. Ortega y Gasset J. Que es filosofia? Revista de Occidente. Madrid, 1972.
19. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. Heinemann. London, 1984. – 432 p.
20. Readings B. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
21. Times Higher Education – Most cited authors of books in the humanities, 2007.

УДК 371

Ахмедова А.М.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

Махмудова Ф.А.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Дагестанского государственного педагогического университета

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АСПЕКТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье раскрывается проблема формирования экологической культуры как значимого аспекта духовно-нравственного воспитания личности. Большое значение на современном этапе приобретает экологическое воспитание, нравственное воспитание подрастающего поколения. Одним из условий нравственно-экологического воспитания является его непрерывность и преемственность. Проблема взаимоотношений «человек – природа» во многом зависит от нравственных качеств личности, так как в них выражаются социальные позиции личности. Воспитание экологически культурной личности тесно связано с формированием нравственности. Формирование экологической культуры личности является одним из основных аспектов духовно-нравственного развития и воспитания гражданина.

Ключевые слова: нравственное воспитание, экологическая культура, нравственно-экологическое воспитание, экологическое сознание

Akhmedova A.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Makhmudova F.,

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Dagestan State Pedagogical University

THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL CULTURE AS AN ASPECT OF SPIRITUAL-MORAL DEVELOPMENT AND EDUCATION OF THE PERSONALITY

The article defines the issue of environmental culture formation as a significant aspect of spiritual-moral education of the personality. Currently, great importance is the further development of environmental education, moral education of the growing generation. A condition for moral-environmental education is the continuity and coherence of it. The issue of interrelations along the lines "Human being – Nature" largely depends from moral qualities of the personality, as they are expressed social positions of the personality. Education of the environmentally cultural personality is closely associated with the morality formation. The formation of environmental culture of the personality is one of the key aspects of citizen's spiritual-moral development and education.

Keywords: moral education, environmental culture, moral-environmental education, environmental consciousness

На сегодняшний день нормативной основой нравственного воспитания личности является концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Большое значение в условиях надвигающейся экологической катастрофы приобретает экологическое воспитание как аспект нравственного воспитания подрастающего поколения. Оно предполагает становление отношения молодежи к Родине, труду, к своим обязанностям, обществу, окружающей среде, к самому себе. «Восприятие, оценка, переживание эстетически зна-

чимых объектов живой и неживой природы оказывается не только важным мотивом общения современного человека с природой, но и активным фактором нравственного воспитания, формирования его действенно-гуманистической позиции и культуры поведения» [2, с. 44]. Нравственное воспитание вводит человека в систему принятых в обществе норм, формирует опыт деятельности, позволяющей осознать разумность, объективность, необходимость тех или иных поступков, побуждает к добрым поступкам, формирует потребность личности сделать себя и

окружающее жизненное пространство более совершенным [3].

Нравственность – это качественно более высокий уровень по сравнению с моралью отношения к миру, людям, самому себе. Нравственный человек не ограничивается принятыми в обществе нормами, а действует на основе разума и личной ответственности за свой поступок. Нравственно-экологическое воспитание, в свою очередь, способствует формированию у молодежи природоохранительной активности, экологической культуры, экологического сознания, ответственного отношения к окружающей среде.

Основной задачей общеобразовательной школы является воспитание экологически культурной личности и привитие любви к природе. А задачами образовательных организаций СПО и ВПО является дальнейшее развитие экологической культуры подрастающего поколения, содействие приобретению глубоких экологических знаний и умению экологически грамотно мыслить. Итак, одним из условий нравственно-экологического воспитания является его непрерывность и преемственность. Воспитанием людей в духе любви к природе заняты также средства массовой информации, художественная литература, интернет-ресурсы. От степени нравственно-экологической воспитанности молодежи зависит то, какой останется планета для последующих поколений. Мы убеждены, что семья, дошкольные учреждения, образовательные организации, общеобразовательные школы, техникумы и институты, средства массовой информации играют главенствующую роль в нравственно-экологическом воспитании подрастающего поколения.

Основными принципами экологического воспитания и формирования экологически грамотной личности, на наш взгляд, являются комплексность и междисциплинарный подход, систематичность и непрерывность изучения экологии, сочетание обучения с выходом в сферу практики, взаимосвязь глобального и регионального аспектов. Нравственно-экологическое воспитание должно стать обязательной частью в системе образования. При этом необходимо, чтобы используемый материал носил актуальный характер, отражал злободневные проблемы соответствующего региона. Каждый вплетен в сложную сеть взаимосвязи с природой.

Это налагает на человека ответственность и требует серьезных ограничений в его производственной и бытовой деятельности.

В историческом культурном наследии разных этносов содержится немало возможностей, актуальных и полезных сведений, фактов, возрождение которых может активизировать и развивать процесс экологического воспитания подрастающего поколения на более эффективном уровне. Сущность его заключается в формировании ответственно-позитивного,

нравственно-эстетического отношения к природе как социальной и личностной ценности. Сегодня эта идея настолько обоснованна, что в педагогической науке приоритетное направление приобретает вопрос о разработке технологий его построения по формированию и развитию экологической культуры, которая должна стать составной частью как личностной, так и общечеловеческой культуры, концентрирующей в себе ценностный исторический, философский, нравственный, эстетический опыт этносов.

В педагогике понятие «нравственное воспитание» употребляется в значении обучения нормам этикета общества, приличия. В этом случае речь идет о диктуемых культурой формах поведения индивида в различных ситуациях и отношениях – от поведения за обеденным столом и до ритуалов почитания Всевышнего. Люди разных эпох и обществ отличаются друг от друга поступками как структурными компонентами поведения, нормами, манерами.

Воспитание экологически культурной, высоко-нравственной личности поможет решить серьезные экологические проблемы. В современных условиях важным воспитательным фактором при этом является природа. «Природа – не только среда, окружающая нас, но и всенародное достояние и богатство, за которое каждый гражданин нашего общества в ответе – это краевая нить мировоззренческих убеждений...» [4, с. 12].

В обществе системой производства духовных стандартов, необходимой для сохранения среды обитания и здоровья человека, а также системной интеграцией всего населения может стать воспитание экологической культуры. В современном сообществе постиндустриального прогресса содержание духовно-нравственного воспитания является отражением важнейших измерений бытия человека, его отношений и деятельности в социуме, духовной сфере, природе, представленных в содержании образования [4]. Экологическая культура постепенно становится генератором нравственной силы общества, объединяя для этого все религии и народы для создания новой модели человека, умеющего гармонично сосуществовать с окружающим миром и с самим собой.

В классической педагогике обоснованы и развиты положения о месте и значении общения ребенка с природой в рамках системы образования, о содержании научных знаний о природе и способах их раскрытия, о формировании мировоззрения в процессе познания природы, о нравственно-эстетическом развитии школьника под воздействием природы. Значение природы в воспитании гуманных чувств ребенка подчеркивали Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Ф. Дистервег. Впервые Руссо, а затем А. Гумбольдт и другие классики и педагоги говорили о воспитании у детей «чувства природы» как ощущения ее облагораживающего влияния на человека. Против узкого практициз-

ма и утилитаризма, а также формально-словесного изучения природы и бездушного к ней отношения выступали многие русские общественные деятели, которые ратовали за введение в школе полноценных знаний о природе, подчеркивали их влияние на формирование моральных качеств личности. К.Д. Ушинский, призывая расширить общение ребенка с природой, сетовал: «...странно, что воспитательное влияние природы... так мало оценено в педагогике» [9, с. 23]. Его идеи о воспитательной ценности общения ребенка с природой развивали и обогащали А.Я. Герд, А.П. Павлов, Б.Е. Райков и другие педагоги-естественники, создавшие ряд оригинальных пособий по методике естествознания, в которых обосновывалась организация учебной деятельности школьников с учетом взаимосвязи научных знаний и чувственного восприятия природных объектов и явлений.

Теоретические и прикладные аспекты умственного и нравственно-эстетического воспитания средствами природы развивал В.А. Сухомлинский, который дал яркие примеры педагогического руководства рациональным и эмоциональным восприятием природы школьниками. Оценивая ее как «вечный источник мысли» и добрых чувств, он стремился показать роль природы в воспитании стремления «...к интеллектуальной насыщенности трудовой жизни. Возможности для такой жизни во взаимодействии с природой неисчерпаемы. Природа, труд, мысль – это предметы специального исследования» [8, с. 24]. В.А. Сухомлинский показал, что заботливое отношение к природе формируется только тогда, когда ребенок обогащает и облагораживает окружающую среду своим трудом.

«Главное – формирование человека, его нравственный мир и в какой-то мере отношение к окружающему, – дается гуманитарными науками, гуманитарной культурой в целом, искусством», – отмечает Д.С. Лихачев [5, с. 168]. Проблема взаимоотношений «человек – природа» во многом зависит от нравственных качеств личности, так как в них выражаются социальные позиции личности.

При этом необходимо знать, что ряд ученых обращают внимание на нравственный потенциал личности как на его интегральную целостность природных и духовных сил человека, обеспечивающую его субъективную потребность в самореализации и саморазвитии. Они подчеркивают, что структурно-содержательный план творческого потенциала личности отражает комплекс способностей интеллекта, комплекс свойств креативности и комплекс личностных проявлений (эмоциональных, сознательных и бессознательных, волевых, поведенческих), но не сводится к ним. Кроме того, акцентируется внимание на том, что вероятность проявления творческого потенциала зависит от личного стремления (целенаправленности) человека в полной мере реализовать свои возможности; от степени его внутренней свободы; от сфор-

мированности социального чувства (действенность, созидательность) [6].

Воспитание экологически культурной личности не представляется возможным без формирования нравственности. Учеными С.П. Барановым, Н.И. Болдыревым, В.В. Вороновым, И.П. Подласым, И.Ф. Харламовым и др. отмечена сущность нравственного воспитания в научной и народной педагогике [7].

Нравственное воспитание реализует следующие функции:

- гуманитарно-воспитательную;
- социально-адаптационную;
- культурологическую;
- коммуникативную;
- образовательно-развивающую.

При этом происходит конструктивный диалог культур, в содержании образования знания интегрируются, и у учащихся создается целостная картина мира; они развивают в себе рефлексию, овладевают навыками саморегуляции, в них растет мотивация к жизнетворчеству, саморазвитию, самореализации. Результатом нравственного воспитания является моральная воспитанность, выражающаяся в следующих показателях: знание нравственных норм, наличие в сознании правил, потребность и умение их выполнять, способность переживать нравственные чувства (сострадание, совесть, любовь), поведение в соответствии с нравственными нормами. Формирование нравственных качеств личности проявляется в тесной взаимной связи. В отношении к труду проявляются важнейшие источники таких нравственных качеств, как организованность, дисциплинированность, коллективизм. Коллективизм влечет за собой товарищество, взаимную поддержку и помощь. Формируя положительные нравственные качества, система нравственного воспитания в то же время преодолевает неверные взгляды и представления в области морали, вредные навыки и привычки поведения, которые имеют непосредственное отношение также к формированию экологической культуры личности.

Формирование экологической нравственности должно осуществляться с опорой на нравственное воспитание. Экологическая нравственность нам представляется как отражение в поведении социальной позиции личности, опирающейся на нравственные убеждения (знания, перешедшие в убеждения), направленные на проявление высокой гражданской ответственности за сохранение окружающей среды и применение правильных технологий при воздействии на природу, а также на ее развитие.

При этом человек сам эволюционно должен уметь адаптироваться ко всему, что приносит ему пользу. Безусловно, что личность может выбирать, к чему ей адаптироваться и как это легче сделать. Ведущей целью воспитания остается идеал личности, спо-

собной принимать решения в ситуациях морального выбора и нести ответственность за эти решения перед собой, референтной группой, своей страной, человечеством. Немаловажное значение в воспитании имеет создание соответствующих условий для саморазвития человека как субъекта деятельности, как личности и как индивидуальности. Только сильная личность, готовая жить и работать в непрерывно меняющемся мире, способная смело разрабатывать собственные стратегии поведения, самостоятельно и нетрадиционно мыслить, может осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность перед собой и обществом.

Проанализировав причины экологического кризиса, мы склонны считать, что низкий уровень развития экологической ответственности культивирует потребительское отношение к природе, а значит, и к человеку вообще. Совершенно справедливо мнение о том, что «забота о природе – это забота о человеке, беспокойство об окружающей среде – это беспокойство о том, кого эта самая среда окружает. Без здоровой природы нет здорового человека фактически и нравственно» [1, с. 4].

Воспитание экологически культурной личности через формирование экологического сознания – психолого-педагогический процесс, который реализуется комплексно различными образовательными организациями. Мы знаем, что ведущими понятиями в этом процессе являются «экологическое воспитание», «экологическое образование». Экологическое воспитание должно представлять целостную систему, охватывающую всю жизнь человека.

Нравственное отношение к природе, формируемое с раннего детства, определяет ответственное

отношение школьника к окружающей среде. Воспитание всесторонне развитой, гармоничной, экологически грамотной, нравственной личности, способной с любовью относиться к природе и чувствовать ответственность за нее, – требование современной эпохи. Дети стремятся к непосредственному общению с природой. Их привлекает встреча с каждым новым растением и животным. Им интересно наблюдать за ползающими по земле насекомыми, за поведением муравьев, летающими над цветами бабочками и стрекозами. Умелое направление деятельности детей в общении с природой определяет конечную цель, а именно воспитание высоконравственной личности, ответственно относящейся к природе и любящей ее.

Важнейшими компонентами нравственного сознания и поведения являются нравственная воля и потребность, желание, настойчивость, умение реализовать нравственный выбор в жизни. Без нравственной воли не может быть нравственного поведения. Слепое послушание, бездумное исполнение приводит к слабости, бесхарактерности и, в конечном счете, к безнравственности. Только убежденность, согласие с собственной совестью и волевая твердость обеспечивают в совокупности возможность подлинно нравственного поступка, являющегося фундаментом экологически культурной личности.

Таким образом, можно подчеркнуть, что формирование экологической культуры личности является одним из основных аспектов духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России, за осуществление которого несут непосредственную ответственность все, кто имеет отношение к обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Список литературы

1. Александрова Р.И., Смольянов А.В. Экология и мораль. – М., 1984.
2. Ахмедова А.М. Формирование экологической культуры подростков в полиэтнической среде: автореф. дис... канд. пед. наук. – Махачкала, 2008.
3. Ахмедова А.М. Этнокультурные ценности народов Дагестана как средство формирования экологической культуры подростков // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 8.
4. Концепция и программа деятельности общеобразовательной школы по экологическому образованию. – М., 1991.
5. Лихачев Б.Т. Экология личности // Педагогика. – 1993. – № 2.
6. Махмудова Ф.А. Нравственное воспитание как условие профессиональной адаптации молодого педагога: автореф. дис... канд. пед. наук. – Махачкала, 2013.
7. Махмудова Ф.А. Нравственность как фактор адаптации молодого педагога // Ученые записки университета имени Лесгафта П.Ф. – 2011. – № 10 (80).
8. Сухомлинский В.Д. Школа и природа // Советская педагогика. – 1970. – № 5.
9. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. – М., 1988. – Т. 2.

Reference list

1. Aleksandrova R., Smol'yanov A. Environment and morality. M., 1984.
2. Akhmedova A. The formation of adolescents' environmental culture in a multiethnic environment: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Makhachkala, 2008.
3. Akhmedova A. Ethno-cultural values of the Dagestan peoples as a means of formation of adolescents' environmental culture // Siberian Pedagogical Journal. 2008. № 8.

4. The conception and program of activities of the secondary school on environmental education. M., 1991.
5. *Likhachev B.* Environmental of the personality // Pedagogy. 1993. № 2.
6. *Makhmudova F.* Moral education as a condition of professional adaptation of young educators: Synopsis of a thesis of PhD in Pedagogy. Makhachkala, 2013.
7. *Makhmudova F.* Morality as a factor of adaptation of young educator // Proceedings of the University named after P. F. Lesgaft. 2011. № 10 (80).
8. *Sukhomlinskiy V.* The school and the nature // The Soviet Pedagogy. 1970. № 5.
9. *Ushinskiy K.* Pedagogical works. M., 1988. Vol. 2.

УДК 378

Хайбулаев М.Х.,

кандидат педагогических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета

Гаджиев Т.С.,

кандидат физико-математических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

Раджабалиев Г.П.,

кандидат технических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ФУНКЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ ОБЩЕСТВА

В статье с использованием историко-функционального подхода и понятия «протогенез» и «генеративная ситуация» анализируются функции взаимодействия экономики и образования. В результате такого анализа выделены пять функций взаимодействия образования и экономики: воспроизводство рабочей силы; социальная; функция познания; памяти; культуросообразная функция, а также охарактеризована история их развития.

Ключевые слова: взаимодействие образования с экономикой, генеративная ситуация, протогенез, воспроизводство рабочей силы, социальная функция, функция познания, функция памяти, культуросообразность

Khaybulaev M.,

PhD in Pedagogy, Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Gadzhiev T.,

PhD in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Radzhabaliev G.,

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

THE INTERACTION FUNCTIONS OF PROFESSIONAL EDUCATION WITH ECONOMIC INSTITUTIONS OF SOCIETY

In this article there are analyzed the interaction functions of economy and education through the use of historical-functional approach and the conception "Protogenesis" and "Generative situation". As a result of this analysis there are provided the following five interaction functions of education and economy: the reproduction of labour-power; the social; the cognition; the memory function; the culturally depended function; as well as the history of their development are considered.

Keywords: education interaction with economy, generative situation, protogenesis, reproduction of labour-power, social function, cognition, memory function, culturally depended

Мировой педагогической мыслью оставлено огромное наследие по проблемам подготовки молодежи к самостоятельной жизни. Эти проблемы связаны с вопросами, которые вставали перед человечеством на протяжении всей его истории: как подготовить подрастающее поколение к жизни? каковы формы и виды деятельности, которые доступны и полезны растущему организму? как организовать профессиональное обучение в организациях СПО и иных учебных заведениях? как приобщить молодое поколение к теоретическим знаниям и вместе с тем подготовить его практически к вступлению в мир труда? каково участие социальных институтов в подготовке молодежи к жизни? Все эти вопросы решались,

с одной стороны, с опорой на уже накопленный историей опыт и, с другой стороны – в постоянных поисках нового, отвечающего требованиям своего времени, благодаря чему возникают те или иные системы подготовки молодого поколения к самостоятельной жизни при взаимном сотрудничестве образовательных организаций и экономических структур.

Существуют определенные сложности в экстраполяции традиционных историко-научных методов на исследование взаимодействия образования и экономики. Первая – это гиперисторизм, обычно проявляющийся в стремлении находить прототипы современных педагогических явлений в далеком прошлом. Вторая заключается в чисто ситуационном анализе, когда

для объяснения изучаемого педагогического феномена привлекаются механизмы и факторы «сиюминутного» происхождения, возникающие и действующие в ограниченном временном интервале, большей частью под влиянием случайных обстоятельств.

Способом избежать крайностей гиперисторизма и ситуационного подхода является функциональный исторический подход, обоснованный в ряде философских исследований. Он состоит в выделении двух фаз, существенных для объяснения принципиально новых педагогических явлений. Первая – *протогенез* – охватывает более или менее протяженный период, в течение которого возникают, развиваются и оформляются определенные социальные функции, для осуществления и реализации которых, начиная с определенных состояний, становится необходимым новый педагогический феномен. Вторая – *генеративная ситуация* – охватывает непосредственно экономические и социальные предпосылки и научно-педагогические знания, позволяющие создать новую педагогическую систему подготовки студентов к экономической деятельности.

Использование историко-функционального подхода требует исследования эволюции социально значимых педагогических явлений, выступающих в качестве «реакций» на заказ определенных экономических, социальных и научных достижений общества, но не детерминированных ими изначально.

Таким образом, протогенез, генеративная ситуация и историко-функциональный анализ – это те ключевые понятия и подходы, которые позволяют выяснить, как и благодаря чему возникли те или иные типы, формы взаимодействия образования и экономики.

Протогенез взаимодействия образования и экономики охватывает обширный исторический период, в течение которого в человеческой деятельности возникают и формируются функции, приводящие со временем к генеративной ситуации, делающие возникновение новых видов взаимоотношений неизбежными.

Первая функция, возникшая в процессе протогенеза, – *воспроизводство рабочей силы*. В прошлом эта функция образования почти целиком обеспечивалась семьей. Образование в учебных заведениях для подавляющей массы населения не представляло социальной и экономической необходимости и выступало как некая противоположность труду. В период возникновения машинного производства начальное, а затем более высокое образование становится общим социальным и экономическим требованием, необходимым условием самостоятельного участия подрастающего поколения в материальном производстве. Общественно необходимое время на подготовку к самостоятельному труду в учебных заведениях все более увеличивается, получение среднего образования становится постепенно обязательным всеобщим

минимумом. Получают распространение различные формы дополнительного профессионального образования. В результате появилось много людей, чей период учебы с отрывом от производства превышает период активной трудовой деятельности. Традиционный принцип, согласно которому сначала нужно получить образование, а потом работать, теряет смысл. Возникает необходимость вместо жесткого разделения во времени и пространстве учебной и производственной деятельности – их органическое соединение.

В условиях современного производства функция воспроизводства рабочей силы обеспечивает определенное соотношение между технической сложностью средств производства и соответствующим условием развития работников, как в количественном, так и в качественном аспектах. Количественное взаимодействие реализуется посредством баланса трудовых ресурсов и рабочих мест. В условиях организаций СПО на его решение ориентирована система профессиональной подготовки самой организации, производственная практика в учебно-производственных комбинатах и непосредственно на предприятиях.

Качественное соотношение – это соответствие между требованием рабочего места и уровнем подготовки данного работника. Обновление оборудования и технологии производства обуславливают изменение содержания труда многих традиционных профессий, появление новых и исчезновение старых. В своей целенаправленной трудовой деятельности человек непрерывно совершенствуется сам и также непрерывно совершенствует средства производства, что сопровождается повышением уровня знаний основной массы работников. Расширение круга знаний непосредственных производителей означает дальнейшее возрастание возможностей совокупной рабочей силы, что опять-таки приводит к совершенствованию средств труда и новому повышению уровня знаний работников. Таким образом, для общего процесса движения производительных сил закономерным является опережающее развитие рабочей силы по отношению к средствам труда, а не наоборот. Именно это обуславливает появление новых и модернизацию существующих орудий труда. Появление нового средства труда становится результатом качественного роста совокупной рабочей силы.

Другой функцией образования, обуславливающей его взаимодействие с производственной и экономической деятельностью, является *социальная функция*. Она проявляется как воздействие образования на социальную структуру общества. Распределяя людей между «ячейками» социальной структуры общества, образование оказывает активное воздействие на процессы изменения социальной структуры. Система образования, формируя мировоззрение молодых людей и прививая им навыки правовой и эко-

номической культуры, содействует функционированию и развитию производственной этики.

Современная экономическая деятельность предъявляет требования к формированию у работающих особых «навыков», которые условно можно называть социальными или навыками поведения. К ним можно отнести: способность устанавливать экономические и производственные контакты на основе взаимной ответственности и требовательности, коммуникабельность, дисциплинированность, учет взаимных интересов и т.д.

Образованность, понимаемая как общекультурная подготовка, определенный объем базисных знаний, является важнейшим средством социализации личности. Она снижает порог чувствительности личности к многочисленным факторам воздействия извне. С этим обстоятельством связан, в частности, рост профессионализма работника, проявление им интереса к трудовой деятельности, что вряд ли возможно без определенного уровня знаний, образованности.

Новый этап развития страны требует, чтобы потребность в знаниях была имплантирована в живую ткань всех общественных отношений, включая и организации СПО. Сегодня, когда появился такой экзогенный фактор, как резервная армия труда, безработица, особую занятость в обществе приобретают лица, занятые трудом. Различия в материальных условиях занятого и незанятого населения становятся мощным стимулом к труду и образованию: все виды труда и образования становятся экономически престижными и необходимыми.

Эпоха информационно-технологического общества обуславливает особый характер использования творческого потенциала работников. Дело в том, что развитие производительных сил на новом этапе компьютеризации связано с появлением новых, более индивидуализированных видов трудовой деятельности на высокой информационно-технологической основе – малые предприятия, домашняя и неполная форма занятости. Нестандартность ситуации, необходимость широкого диапазона знаний, конкурентность экономической деятельности обуславливает конкуренцию носителей знаний – людей. Поэтому возрастают требования к качественному обучению в организациях СПО и вузе, его индивидуализации и дифференциации.

Третья функция – *функция познания*. Ее назначение – приспособление человека к производственно-технической среде и трансформация ее в соответствии с потребностями и целями индивида и общества. Для раскрытия механизма взаимодействия в реализации этой функции подходящим инструментом является жизненный цикл нового продукта. Все новые продукты проходят ряд стадий развития: возникновение и внедрение, прирост, зрелость, насыщение, дегенерация.

С новым продуктом непосредственно связаны и новые образования, новая технология, формирование новых знаний, умений, навыков производителя.

Овладение новыми знаниями требует внесения изменений в систему подготовки к труду, в том числе и в организациях СПО, и в его отдельные элементы (учебные дисциплины, внеклассную работу и т.д.). В современной экономике новые продукты появляются ежедневно. Проблема взаимного приспособления знаний и продуктов сменяется проблемой ориентации образования на обновление как таковое. Схему «жизненный цикл» новых знаний с определенной условностью можно представить следующим образом.

Фазы возникновения потребности в навыке, производственных знаний характеризуются принятием решения об инновационных проектах в производстве.

Фаза внедрения новых знаний начинается с производства нового продукта (технологии) или изменений технологии производства старого продукта. Заканчивается эта фаза массовым внедрением нового продукта в производство.

Фаза прироста характеризуется увеличением взаимосвязи образования с производством. Инновация распространилась на все предприятия, связанные с новым продуктом, и уже потеряла свою специфику как источник новых знаний.

Фаза зрелости определяется тем, что значимость новых знаний возрастает абсолютно, но постепенно суживаются границы их использования на одних производствах, в то же время распространяясь на других. При распространении новых знаний в широких масштабах возникают дополнительные эффекты – у потребителей знаний накапливается материально-технический потенциал, в системе образования – научно-педагогические кадры, опыт обучения, которые становятся необходимыми для внедрения будущих научно-технических решений.

Для фазы дегенерации характерно падение потребности, полезности отдельных знаний, навыков, умений, необходимых в процессе производства нового продукта. Это связано с приближением нового продукта (технологии) к исчерпанию в своем использовании. Возникает необходимость замены одного продукта другим, существующей технологии более совершенной и перспективной, что является стимулом получения и вовлечения в производство новых знаний.

С другой стороны – интеллектуальная деятельность сегодня технологизирована. Сама природа научно-технологического прогресса требует экспоненциального прироста знаний, предъявляет особый запрос к созданию педагогических технологий, позволяющих автоматизировать и техницизировать такие рутинные познавательные операции, как вычисление, черчение, перевод, редактирование, измерения и т.д.

Сама реализация познавательной функции в новых условиях требует для своего осуществления новых технико-технологических средств. Без них невозможно освоение бурно нарастающих знаний и удовлетворение материальных и духовных потребностей общества.

Четвертая функция – *культуросообразная*. Еще Дистервег А. отмечал, что необходимо считаться с уровнем развития культуры общества, с особенностями данного социального сообщества «...в воспитании необходимо принимать во внимание условия места и времени, в которых родился человек или предстоит ему жить, одним словом, всю современную культуру в широком и всеобъемлющем смысле слова. В особенности, культуру страны, являющейся родиной ученика» [2]. По мнению Дистервега А., постоянно изменяясь, культура общества диктует педагогике все новые и новые цели и задачи воспитания.

Исторический опыт свидетельствует, что основы жизни, культуры труда, культуры во всех видах человеческой деятельности закладываются в ранние школьные годы. Этот тезис может быть усилен: образование – единственное средство сохранения и трансляции культуры, в том числе трудовой.

Современные исследователи выделяют три типа культуры:

- суперэлитарный (формирующийся на транснациональном и надгосударственном уровне). Часть ученых (К. Баулдинг, А.С. Картин и др.) называют ее культурой аэропортов, магистральных дорог, небоскребов, университетов, компьютеров и т.д. Этот тип культуры имеет мировой размах, мировой язык – английский, технический и общую идеологию как науку. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в организациях СПО ряда неанглоязычных стран изучение учебных предметов естественно-технического направления осуществляется на английском языке, а гуманитарных – на родном;

- элитарный, развивающийся во внутригосударственной, наднациональной среде общения;

- традиционный народный, бытующий в границах национальноэтнической среды. Этот тип культуры – наиболее массовый по численности и разнообразный по формам проявления.

Иерархическая структура, содержание, элементы культуры постоянно находятся в сложнейших внутренних и внешних, горизонтальных и вертикальных взаимосвязях и диалектическом соподчинении. Развитие национальной культуры имеет разновекторную направленность. Она подпитывает элитарную, профессиональную культуру. Это выглядит вполне логичным и оправданным при условии, если этот процесс не приводит к разрушению собственных, внутренних структур традиционной культуры.

Сегодня сложилась принципиально новая ситуация в национальной культуре. По мнению англий-

ского исследователя К. Линтона, только 10% из всех материальных предметов, употребляемых каждым народом в отдельности, являются плодом его изобретательности, все остальное заимствовано [4]. По мнению других, этот показатель за последние годы уменьшился и составляет 5–8% для развитых стран. Человек выступает носителем 90% интериоризованного инструментального и социально-психологического опыта.

Вместе с тем человек как никогда обособленно начинает понимать ценность и высокую миссию национальной культуры. Люди предпринимают попытки спасти ее для себя и будущих поколений. Национальная культура ищет свое место в изменившемся мире. Это противоречие и составляет основное ядро современного развития национальных культур.

Процессы интериоризации национальной культуры являются естественным итогом развития человечества на основе все большей интеграции форм материальной, экономической и духовной жизни между народами. Диктуемые неумолимыми законами экономического развития сообщества людей процессы интернационализации приводят к вытеснению национальной культуры, утере культурной независимости, в первую очередь небольших государств и народов. Это цена, которую платит народ за эффективность общественного производства. За счет интернационализации культур каждая нация расширяет свой ресурс, достигает нового уровня развития за счет культурного фонда, создаваемого другими народами.

Но, пользуясь благами своего взаимодействия, люди одновременно с этим пытаются решить сложную задачу – сохранить свою национальную культуру, трудовые навыки, народное декоративно-прикладное искусство, самобытность и уникальность формирования людей и их подготовки к жизни, к труду. В связи с этим в обществе идут процессы дифференциации, обособления, ограждения национальных культур, которые иногда приобретают крайние формы (конфликты, войны и т.д.).

Все это выдвигает по крайней мере две крупные, принципиально важные проблемы. Первая связана с необходимостью вкрапления в этническую среду бытования человека элементов мировой культуры и прогнозирования, что ждет народную культуру в этом случае. Другая проблема – это формирование механизма и защитных систем сохранения, развития национальной культуры, в том числе и в масштабах этнических образований.

Разрешение этих проблем во многом связывают со средним профессиональным и вузовским образованием. К примеру, этим обусловлена необходимость наличия в содержании образования организаций СПО общечеловеческого (нужного для жизни и труда любого современного человека) и националь-

ного (необходимого для существования в определенной этнической среде) компонентов.

Решение указанных проблем возможно только в том случае, если профессиональное образование использует потенциал трудовой культуры нации для обогащения мировой культуры, рационального использования природных ресурсов, участия в современных формах художественно-декоративного и трудового творчества, экономического возрождения народных промыслов и сохранения естественной и рациональной трудовой этики. Одним из важнейших условий культурного возрождения развития самобытности является взаимодействие среднего специального и вузовского образования с предприятиями разного экономического уклада, специализирующимися на воспроизводстве и развитии традиционной национальной трудовой культуры.

Пятая функция образования по отношению к материальному производству – это *функция памяти*. Она состоит в хранении определенной значимой информации, организованной таким образом, чтобы ею можно было пользоваться по первому требованию в ситуациях, когда по тем или иным причинам это необходимо. Память разделяют на уровни:

I уровень – квазипамять – состоит в сохранении некоторых физических конфигураций, возникающих в одной материальной системе благодаря воздействию других;

II уровень – генетическая, хранящаяся в молекулах ДНК;

III уровень – индивидуальная, возникающая в результате деятельности человека и являющаяся аккумулятором его личного опыта;

IV уровень – социальная, накапливающая общезначимую для данного общества информацию. Она обеспечивает производственную деятельность людей, их выживание и адаптацию в различных природных и социальных условиях.

В рассматриваемом нами плане в структуре протогенеза значение имеет индивидуальная и социальная память.

Накопление индивидуальной информации осуществляется мозгом человека, а ее носителями выступают его отдельные биологические структуры. Поэтому объем хранимой информации, а также скорость ее обработки, передачи и освоения биологически ограничены. На ранних ступенях развития человечество нашло выход из этой биологически детерминированной ситуации, выделив в своих первоначальных образованиях накопителей информации мудрецов, старейшин племени. Они же одновременно являлись первыми учителями, которые передавали подрастающим поколениям социально-значимый опыт производственной и социальной деятельности.

Таким образом, начинается аккумуляция социального опыта и исполнение им роли опосредованного посредника между производством и образованием.

По мере возрастания объема информации, необходимой для обеспечения нормальной производственной и социальной деятельности, создавались все новые системы и устройства для ее хранения, поиска, получения и передачи как синхронно, так и в историческом времени. Такими системами были письменность, различные технические устройства для записи и считывания, а также книги, библиотеки, архивы и другие накопители знаний. Создание искусственных средств для хранения информации, для осуществления функции индивидуальной и социальной памяти позволило выделить общезначимые знания, на первых порах на ее базе отделить теоретическое обучение от практического, перейти к организованным формам осуществления учебного процесса, тиражированию и распространению производственного и социального опыта. Появились искусственные языки и условные изображения, позволяющие в емкой форме хранить и воспроизводить производственно значимую информацию, изучать технику и технологию. К ним можно отнести графические изображения, кинематические и электрические схемы, технологическую документацию.

Переход к современному обществу, в котором в огромном количестве производится новое знание, ежедневно создаются, используются и циркулируют сотни миллионов документов, требует принципиально новых средств социальной и индивидуальной памяти. В качестве таковых выступают электронно-вычислительные машины. С самого начала компьютеры используются как гигантские запоминающие устройства с их сверхскоростной системой поиска и обработки информации, хранящейся на машинных носителях, магнитных лентах, барабанах, дисках.

С переходом к современной стадии развития объем знаний, необходимых для обоснования, разработки, реализации и распространения новых технических и технологических инноваций, резко возрастает. В этих условиях информация, обеспечивающая жизненно и исторически важные направления хозяйственной деятельности человека, превращается в основной товар, суммарная стоимость которого постепенно начинает приближаться к суммарной стоимости продуктов материального производства. Для обеспечения ресурсосберегающего производства материальных благ и услуг необходимо применять принципиально новую технологию, гарантирующую экспоненциальный прирост знаний, их эффективный поиск, хранение, распространение и внедрение. Для решения этой проблемы создаются информационные системы. Происходит процесс информатизации всех сфер жизни общества, в том числе образовательной и трудовой деятельности

человека. Информационные технологии проникают во все механизмы массовых коммуникаций, обеспечивая качественную и своевременную передачу информации всему населению. Во всевозрастающем масштабе осуществляется интеграция радио, телефона, телеграфа, телевидения, спутниковой связи с компьютером. Применение цифровых, электронных, приемопередаточных средств позволяет передавать рисунки, чертежи, графики, карты и другую экономически важную и производственно значимую информацию. На следующем уровне происходит процесс включения общедоступных коммерческих и бесплатных данных и знаний в интегративную систему связи, тем самым образуя единую технологическую основу информатизации общества. Следовательно, социальная память организована таким образом, что каждый член общества имеет возможность присоединиться к ней и получить необходимую информацию в нужном количестве и в сжатые сроки. Реализация функции памяти является необходимым условием, обеспечивающим динамичное развитие образования и производства и их взаимодействие.

Таким образом, в протогенезе взаимодействия образования и экономики мы выделяем следующие

функции: воспроизводство рабочей силы; социальная; функция познания; памяти; культуросообразная функция.

Все рассмотренные функции тесно связаны между собой и могут быть расчленены лишь в абстракции. Их задействованность в протогенезе взаимодействия профессионального образования и производства объясняется одной особенностью: их осуществление, начиная с определенного исторического момента, оказывается невозможным или трудноосуществимым без разработки теоретических идей, методов и форм практической реализации, соответствующих новому витку развития техники, технологии и социокультурных потребностей.

Именно поэтому они образуют протогенез взаимодействия профессионального образования и экономической деятельности. На современном этапе развития общества все они ведут к интеграции двух социальных институтов. Протогенез взаимодействия профессионального образования и производства, опосредованный рядом экономических и технологических факторов, а также социальными и культурными изменениями, приводит к особой генеративной ситуации, которая требует специального рассмотрения.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Общество и образование: социокультурный профиль России // Педагогика. – 2002. – № 6.
2. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М., 1956.
3. Саймон Б. Общество и образование. – М., 1989.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

Reference list

1. Andreev A. Education and society: Social-cultural profile of Russia // Pedagogy. 2002. № 6.
2. Diesterweg A. The Selected Pedagogical Essays. M., 1956.
3. Saymon B. Education and Society. M., 1989.
4. Sorokin P. Human. Civilization. Society. M., 1992

УДК 159.922.7

Хрисанова Е.В.,

педагог-психолог муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 47 "Рябинка"», г. Королев, аспирант Российского государственного социального университета

ВЛИЯНИЕ МНЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ НА СТАТУСНО-РОЛЕВУЮ ПОЗИЦИЮ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО САДА

В статье представлены результаты социометрического, референтометрического исследования, интервью, алгоритма вычисления интегрального статуса индивида в контактном сообществе и интеллектуального развития воспитанников ДОО. Показано, что статусно-ролевая позиция ребенка, минуя сочетание с интеллектуальным развитием, зависит от того, как участвующие в воспитании педагоги определяют каждого из детей по признаку «степень властного влияния в группе».

Представлено методическое обеспечение определения структуры межличностных отношений в воспитательных группах детского сада. По результатам исследования предложен ряд научно-практических рекомендаций.

Ключевые слова: статусно-ролевая позиция, степень властного влияния в группе, интеллектуальное развитие

Khrisanova E.,

Educator-Psychologist of the Municipal Budgetary Preschool Education Institution the "Ryabinka" Kindergarten № 47 in Korolev city, Postgraduate student of the Russian State Social University

THE INFLUENCE OF KINDERGARTEN TEACHER'S OPINION ON THE STATUS-ROLE CHILDREN POSITION IN THE CONDITIONS OF A KINDERGARTEN

The article reports the results of a sociometric, referent-metric research, interview, an algorithm for calculating the integral status of the individual in the contact community and intellectual development of the children attending the kindergarten. It shows that the status-role position of a child, without the combination of intellectual development, is depended on how kindergarten-teachers, involving in upbringing, define each child according to the "degree of powerful influence in a group". There is presented methodological support for the definition of interpersonal relationships structure in upbringing kindergarten groups. Based on the findings, a number of scientific-practical recommendations are suggested.

Keywords: status-role position, degree of powerful influence in group, intellectual development

Ключевой задачей дошкольного воспитания и образования в современных условиях является не просто подготовка детей к школьному обучению, но и личностное развитие, учитывающее индивидуальные особенности ребенка. То есть мы говорим о реализации индивидуально-личностного подхода в системе ДОО, в результате чего оформляются элементы идентичности, адекватные потребностям развивающейся личности и одновременно базисным составляющим социальной структуры общества. [16; 20]. В целом ряде исследований теоретически обосновано и эмпирически доказано, что полноценное развитие личности уже на самых ранних этапах попросту невозможно вне социально-психологического контекста и, в частности, без учета особенностей межличностной ситуации развития [11; 12].

Здесь важно учесть точку зрения В.А. Петровского о том, что в процессе персонализации субъект

получает идеальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступить в общественной жизни как личность [17]. Важно подчеркнуть, что во время взаимодействия со взрослым происходит комплексная трансформация свойств и качеств детей, присущих воспитателю. Эти свойства заимствуются ребенком непосредственно и подталкивают его на ожидаемые педагогом реакции и действия.

Проблеме влияния личности воспитателя на процесс формирования личности ребенка посвящены многие теоретические и экспериментальные исследования (Ш.А. Амонашвили, Л.И. Божович, М.Ю. Кондратьев, Н.В. Кузьминой, А.К. Маркова, А.В. Мудрик, В.С. Мухина, Д.И. Фельдштейн и др.). В работах наглядно показано, что решение воспитательно-образовательных задач зависит от творческого подхода, умелого использования системы психолого-педагогических методов воздействия. Даже про-

стое присутствие воспитателя или же актуализация образа у воспитанников существенно влияет на их деятельность [1]. К таким выводам привели социально-психологические и психолого-педагогические исследования М.А. Басина [7], А.Н. Веракса [2], Н.Е. Веракса [1; 3], В.В. Выроцковой [4], А.В. Воробьева, Ю.П. Зинченко [5; 26], Н.С. Денисенковой [4], Р.В. Козьякова [6; 8; 9; 10], И.П. Кутяновой [22; 23], М.Ю. Кондратьева, Е.И. Корсакова, О.Б. Крушельницкой, Е.А. Орловой [24; 13; 14], В.А. Петровского, Е.А. Петровой [18; 19], И.В. Поротовой, Фоминой С.Н. [21; 25] и др.

Исследуя социометрический статус дошкольников, Н.Е. Веракса выявил, что дети с высоким социометрическим статусом более точно производят оценку социальным ситуациям и впоследствии выбирают наиболее адекватное действие [3].

В этой связи представляется целесообразным выявить хотя бы в описательном плане *наличие зависимости статусно-ролевой позиции детей от того, как распределяют их воспитатели по признаку «степень властного влияния в группе», и проанализировать на данном материале эту взаимосвязь.*

Зарубежные исследователи показали, что дети с высоким уровнем умственного развития являются более предпочитаемыми сверстниками, равно как дети с высоким уровнем социального развития и низким уровнем проявления агрессии. При этом была продемонстрирована положительная корреляция социометрического статуса дошкольников с оценками педагогов, которыми они характеризовали социальные навыки своих воспитанников. На основании этого был сделан вывод, что особенности социального поведения детей дошкольного возраста являются важным показателем, на который ориентируется взрослый при описании положения ребенка в группе [3].

В данном контексте интересно, *насколько важно развитие когнитивных процессов дошкольников как показателя, имеющего значение для взрослого при описании положения ребенка в группе.*

Таким образом, цель исследования – выявление особенностей интеллектуального развития высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных членов группы дошкольного учреждения и мнение педагогов о «степени властного влияния в группе» каждого из детей.

Основная гипотеза состоит в том, что позиция ребенка зависит от того, как участвующие в воспитании педагоги определяют каждого из детей по признаку «степень властного влияния в группе». В качестве дополнительной гипотезы исследования было выдвинуто предположение, согласно которому когнитивное развитие ребенка не влияет на разделение воспитателями своих воспитанников по признаку «степень властного влияния в группе».

Для проверки данной гипотезы была разрабо-

тана программа эмпирического исследования, включающая в себя решение следующих задач:

- на основе анализа литературы по данной проблематике выделить теоретико-методологическую базу, позволяющую адекватно оценить и проанализировать закономерности когнитивного и социально-психологического развития детей дошкольного возраста в их совокупности;
- сформировать методический пакет, позволяющий оценить особенности интеллектуального и социально-психологического развития с учетом возрастной специфики данного возраста;
- выявить статусно-ролевую структуру межличностных отношений в старшей и подготовительной группах дошкольных образовательных учреждений;
- осуществить ранжирование детей по признаку «степень властного влияния в группе» воспитателями;
- провести сравнительный анализ статусно-ролевой позиции ребенка в сочетании с интеллектуальным развитием и местом в ранжировании по признаку «степень властного влияния в группе» определенными воспитателями и сформулировать научно-практические рекомендации.

Последовательное решение данных задач и реализация представленной ниже исследовательской программы в целом позволяет внести реальный вклад в обеспечение полноценного личностного развития на ранних возрастных стадиях в условиях дошкольных образовательных учреждений.

Описание программы эмпирического исследования

Непосредственной теоретико-методологической основой настоящего исследования, включая разработку методического пакета, анализ и интерпретацию результатов, послужили культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, возрастная периодизация Д.Б. Эльконина, концепция деятельности опосредствования межличностных отношений в контактном сообществе А.В. Петровского, психосоциальная концепция Э. Эриксона.

В качестве методического обеспечения исследования были использованы: для выявления статусно-ролевой позиции испытуемых в детсадовской группе – социометрическая и референтометрическая методики «Два дома» (Р.И. Говорова) [2], внешнее наблюдение, структурированное и полуструктурированное интервью, алгоритм вычисления интегрального статуса индивида в контактном сообществе; для выявления уровня интеллектуального развития – методика диагностики развития психических процессов у дошкольников «Экспресс-диагностика в детском саду» (Н.Н. Павлова, Л.Г. Руденко) [7].

Описание хода исследования, представление результатов и их обсуждение

Исследование было проведено в 2015–2016 гг. и осуществлялось в два этапа.

На первом, предварительном этапе, проводился анализ литературы по рассматриваемой проблематике, на основе которого была выделена теоретико-методологическая база исследования, сформулированы гипотеза, цель, задачи и сформирован методический пакет. На этом же этапе была подготовлена эмпирическая база исследования и сформирована выборка испытуемых.

На втором, основном, этапе исследования было осуществлено углубленное изучение выделенных на предшествующем этапе эмпирических референт, осуществлен интерпретационный анализ полученных данных, сформулированы научно-практические рекомендации.

Исследование проводилось на базе дошкольного образовательного учреждения общего профиля г. Королева.

Всего в исследовании, которое продолжалось в течение 2-х лет, приняли участие 28 дошкольников 5–6 лет. Также в исследовании было задействовано 4 воспитателя и педагога, работающих с этими группами.

В ходе реализации основного этапа исследования, прежде всего в группе испытуемых, где использовалась методика «Два дома» в сочетании с методом полуструктурированного интервью, был определен социометрический и референтометрический статус испытуемых. Ранжирование членов детских групп по признаку «степень властного влияния в группе» в рамках структурированного интервью было предложено осуществить воспитателям и педагогам, непосредственно работающим с данными группами.

Далее с использованием алгоритма вычисления интегрального статуса индивида в системе межличностных отношений в контактном сообществе выявлялись высокостатусные, среднестатусные и низкостатусные испытуемые.

В результате с учетом «высечения», согласно данному алгоритму, среди испытуемых, находящихся в лиминальной позиции (совокупно по выборке в целом), оказалось разное количество высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных испытуемых в исследованиях с интервалом в 1 астрономический год. Данные приведены в таблице 1.

Параллельно с использованием методики «Экспресс-диагностика в детском саду» диагностировалось интеллектуальное развитие всех испытуемых.

Жирным шрифтом отмечены дети, которые повысили свой интегральный статус в группе.

Жирным курсивом отмечены дети, которые понизили свой интегральный статус в группе.

Исследования, отображенные в таблицах, показали, что некоторые дети изменили статусно-ролевую позицию за 1 год. Далее приведем данные по признаку «степень властного влияния в группе», полученные от воспитателей, принимающих непосредственное участие в воспитательно-образовательном процессе (табл. 2).

Жирным шрифтом отмечены дети, которые повысили свою позицию в ранжировании воспитателей по признаку «степень властного влияния в группе».

Жирным курсивом отмечены дети, которые понизили свою позицию в ранжировании воспитателей по признаку «степень властного влияния в группе».

Таблица 1

Результаты определения статусно-ролевой позиции детей в группе

2014–2015 учебный год			2015–2016 учебный год		
Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
1	4	14	2	8	15
2	5	15	16	17	24
3	6	16	10	11	31
	7	17	14	13	32
	8	18		7	20
	9	19		18	33
	10	20		1	23
	11	21		4	
	12	22		27	
	13	23		28	
	24	25		9	
		26		29	
		27		6	
		28		30	
		29			

Таблица 2

Результаты ранжирования детей по признаку «степень властного влияния в группе» педагогами группы за 2014–2015 и 2015–2016 учебный год

Высокий	Средний	Низкий
11	14	21
29	5	12
3	17	20
13	15	18
10	16	19
24	6	26
9	7	25
11	8	27
1	4	28
2		22
		23

Высокий	Средний	Низкий
17	7	31
2	18	6
8	1	15
16	10	20
11	24	33
13	9	23
	4	
	27	
	28	
	14	
	29	
	32	
	30	

Как видно из представленной таблицы 2, дети с шифром **8, 16, 18, 27, 28** повысили свою позицию в восприятии воспитателей по признаку «степень властного влияния в группе»; понизили позицию дети с шифром 1, 24, 9, 29. Однако из данных таблицы 1 заметим, что в статусно-ролевой позиции произошли изменения с повышением позиции у детей с шифром 10, 14, **16, 18, 27, 28, 29** и понижением у детей с шифром **1, 24**.

Таким образом, количество детей, изменивших свою статусно-ролевую позицию за 1 год, – 9 человек, из которых 8 изменили свою позицию согласно распределению позиций в ранжировании воспитателей по признаку «степень властного влияния в группе».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о *наличии большой степени зависимости статусно-ролевой позиции ребенка от разделения детей воспитателями по признаку «степень властного влияния в группе» и проанализировать на данном материале эту взаимосвязь.*

Для проверки дополнительной гипотезы мы обращаемся к интеллектуальным способностям детей (табл. 3, 4, 5, 6).

Порядок субтестов.

1. Тест «Домик». Задание позволяет выявить умение ребенка ориентироваться в своей работе на образец, умение точно скопировать его, показывает особенности развития произвольного внимания, пространственного восприятия, сенсомоторной координации и тонкой моторики руки.

2. Кратковременная слухо-речевая память.

3. Кратковременная зрительная память.

4. Понятийно-логическое мышление.

5. Речевое развитие.

6. Пространственно-конструктивное мышление.

7. Итоговая сумма баллов.

Из представленных выше данных видно, что никаких значимых отличий в развитии психических процессов детей, изменивших свою социально-ролевую позицию, нет. Из этого мы можем сделать вывод, что когнитивное развитие ребенка не влияет на статусные позиции при распределении воспитателями своих воспитанников по признаку «степень властного влияния в группе».

В возрасте 5 лет детьми уже освоены многие нормы, которые они способны адекватно применять.

Таблица 3

Сравнительная таблица когнитивных способностей детей, повысивших интегральный статус

	1	2	3	4	5	6	7
Mann-Whitney U	26,500	20,000	18,000	15,500	28,500	27,000	22,000
Wilcoxon W	32,500	26,000	208,000	21,500	218,500	33,000	212,000
Z	-,210	-,920	-1,093	-1,329	,000	-,170	-,728
Asymp. Sig. (2-tailed)	,833	,357	,274	,184	1,000	,865	,467
Exact Sig. [2*(1-tailed Sig.)]	,857(a)	,464(a)	,356(a)	,226(a)	1,000(a)	,929(a)	,586(a)

Таблица 4

Сравнительная таблица когнитивных способностей детей, понизивших интегральный статус

	1	2	3	4	5	6	7
Mann-Whitney U	15,000	11,500	8,500	6,000	11,500	16,500	18,000
Wilcoxon W	205,000	201,500	198,500	9,000	201,500	206,500	21,000
Z	-,529	-1,074	-1,359	-1,654	-1,008	-,340	-,144
Asymp. Sig. (2-tailed)	,597	,283	,174	,098	,314	,734	,886
Exact Sig. [2*(1-tailed Sig.)]	,686(a)	,400(a)	,238(a)	,152(a)	,400(a)	,771(a)	,952(a)

Таблица 5

Сравнительная таблица когнитивных способностей детей, которые вопреки повышению рангового показателя не изменили интегральный статус

	1	2	3	4	5	6	7
Mann-Whitney U	7,500	2,000	6,500	9,500	9,500	7,000	1,500
Wilcoxon W	197,500	192,000	196,500	199,500	199,500	197,000	2,500
Z	-,380	-1,533	-,567	,000	,000	-,518	-1,581
Asymp. Sig. (2-tailed)	,704	,125	,571	1,000	1,000	,604	,114
Exact Sig. [2*(1-tailed Sig.)]	,800(a)	,300(a)	,700(a)	1,000(a)	1,000(a)	,800(a)	,200(a)

Таблица 6

Сравнение когнитивных способностей детей, которые и повысили, и понизили интегральный статус

	1	2	3	4	5	6	7
Mann-Whitney U	2,000	1,500	3,000	2,000	2,000	2,500	2,000
Wilcoxon W	8,000	7,500	6,000	5,000	8,000	8,500	5,000
Z	-,816	-,913	,000	-,816	-,609	-,304	-,816
Asymp. Sig. (2-tailed)	,414	,361	1,000	,414	,543	,761	,414
Exact Sig. [2*(1-tailed Sig.)]	,800(a)	,400(a)	1,000(a)	,800(a)	,800(a)	,800(a)	,800(a)

Сначала они это делают по просьбе взрослого, стремясь получить одобрение и поддержку с его стороны. Но впоследствии степень осознанности, с которой ребенок следует нормам, меняется. Они сами начинают оценивать поступки, учитывая, какую оценку их поведению дадут окружающие.

К старшему дошкольному возрасту правила выполняются сознательно, в том ключе, в котором их понимает ребенок. Он начинает следить, как эти правила выполняют другие, и в соответствии с этим дает оценку себе и окружающим его сверстникам.

Большое значение дошкольники придают чувствам гордости и стыда, которые заставляют их соотносить свои поступки с ожиданиями взрослых и сверстников.

К 7 годам конформность детей значительно снижается, ребенок вырабатывает собственное мнение, начинают нарастать тенденции индивидуализации (А.В. Петровский). Мнение взрослого становится менее весомым, однако не может игнорироваться,

так как воспитатель является носителем культурно-исторического опыта и воспринимается как один из взрослых, определяющих нормы поведения [17].

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что воспитатель в большей степени руководствуется социальным поведением ребенка, другими словами, его поведением в игровой деятельности со сверстниками, чем на когнитивное развитие дошкольника при распределении своих воспитанников по признаку «степень властного влияния в группе».

Очевидным является факт зависимости статусно-ролевой позиции ребенка от того, какое положение определяют ему воспитатели, при распределении детей по признаку «степень властного влияния в группе».

Проведенное исследование и полученные результаты позволяют, на наш взгляд, сформулировать ряд обобщающих выводов и научно-практических рекомендаций как общеметодического, так и прикладного характера.

1. Необходима реальная психологизация деятельности воспитателей и педагогов ДОУ. Это означает, в частности, что в рамках профессиональной подготовки и переподготовки педагогических кадров акцент должен быть сделан не просто на ознакомление с особенностями возрастного развития в той или иной системе его периодизации, но на овладение практическими навыками оперативной (конкретно с использованием прежде всего методов наблюдения и интервью) диагностики личностного развития детей, социально-психологического развития детской группы.

2. Одной из прямых профессиональных обязанностей психологов, работающих в дошкольном образовании, должна стать оценка структуры межличностных отношений в детских группах с представлением рекомендаций педагогам и воспита-

телям о возможностях ее оптимизации, а при необходимости – непосредственной поддержки детей.

3. Одним из ключевых практических средств создания оптимальной, в том числе с точки зрения интеллектуального развития детей, межличностной ситуации развития, позволяющей интегрировать индивидуальные потребности всех членов детской группы, является максимально широкое использование именно ролевых игр как ведущей деятельности ребенка данного возраста.

Высказанные предложения, разумеется, не являются «окончательным рецептом». Дальнейшее исследование по данной проблематике планируется вести в направлении прежде всего расширения объема выборки испытуемых, а также дальнейшей разработки и апробации методов диагностики социально-психологического развития детей детских групп.

Список литературы

1. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Дошкольная педагогика и психология: хрестоматия. – М.: Мозаика-синтез, 2014. – 560 с.
2. Веракса А.Н. Индивидуальная психологическая диагностика дошкольника. – Мозаика-синтез, 2014. – 144 с.
3. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Социальная психология: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 224 с.
4. Денисенкова Н.С., Вyroцкова В.В. Взаимосвязь стратегии поведения в конфликтной ситуации и социометрического статуса дошкольника в группе сверстников [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 6. – № 4. – Режим доступа: http://psyedu.ru/journal/2014/4/Denisenkova_Vyrotskova.phtml (дата обращения: 05.09.2015).
5. Зинченко Ю.П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011. – 952 с.
6. Козьяков Р.В. Корпоративный имидж учебного заведения // PR в образовании. – 2005. – № 1.
7. Козьяков Р.В., Басин М.А. Методы АСПО. – М.: Директмедиа Паблишинг. – 17 с.
8. Козьяков Р.В. Аспекты развития коммуникативной компетентности // PR в образовании. – 2006. – № 2.
9. Козьяков Р.В. Темпераментно-обусловленные особенности личности: методики изучения. – М.: Директ-Медиа, 2013.
10. Козьяков Р.В. Опыт профилактики и лечения наркозависимости в Израиле // Молодежь и общество. – 2012. – № 4.
11. Кондратьев М.Ю. Социальный психолог в образовательном учреждении. – М.: ПЕРСЭ, 2006. – 224 с.
12. Кондратьев М.Ю. Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – М.: ПЕРСЭ, 2007. – 464 с.
13. Орлова Е.А. Патопсихология: учебник для студентов высших учебных заведений / Е.А. Орлова, Р.В. Козьяков, Н.С. Козьякова. – М.: Юрайт, 2011 – 235 с.
14. Орлова Е.А., Козьяков Р.В., Рышлякова Н.В. Патопсихология: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2016. – 378 с.
15. Павлова Н.Н. Руденко Л.Г. Экспресс диагностика в детском саду: комплект материалов для педагогов-психологов детских дошкольных образовательных учреждений. – М.: Генезис, 2008. – 80 с.
16. Парамонова Л.А. Тарасова К.В., Алиева Т.И. Ребенок 5–6 лет в системе дошкольного образования (к проблеме подготовки к школе) // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 2.
17. Петровский В.А. Личность учителя с позиции персонализации // Личность в психологии. – Ростов н/Д., 1996. – 509 с.
18. Петрова Е.А. Жизненная стратегия как категория современной психологической науки // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2014. – № 1 (123).
19. Петрова Е.А. Современное состояние развития российской имиджологии как науки // Имиджология – 2004: состояние, направления, проблемы: материалы II Международного симпозиума по имиджологии «Имиджология – 2004». – Академия имиджологии, РГСУ, Российское психологическое сообщество, 2004.
20. Социальная психология развития: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Н.Н. Толстых. – М.: Юрайт, 2014. – 603 с.
21. Kozjakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E. Educating social-profile specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 1.

22. *Kozyakov R., Kutyanova I., Shekaturova O., Kozyakov R.* Factors of stable remission for people with chemical addictions // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8.
23. *Kozyakov R., Kutyanova I.* Modern technologies of psychological prevention of drug addiction in teenage environment // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8.
24. *Orlova E., Kozyakov R., Novikova M.* Psychological and pedagogical features of case-study method in the educational process of a modern higher education institution // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2014. – № 8.
25. *Petrova H., Zavarzina O., Kytianova I., Kozyakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. – 2015. – Т. 8. – № 4.
26. *Zinchenko Y., Pervichko E.* Nonclassical and postnonclassical epistemology in lev vygotsky's cultural-historical approach to clinical psychology // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – Т. 6. – № 1.

Reference list

1. *Veraksa N., Veraksa A.* Preschool Pedagogy and Psychology: Reading-book. M: Mosaika-Sintez, 2014. 560 p.
2. *Veraksa A.* Individual psychological diagnostics of a preschooler. Mozaika-Sintez, 2014. 144 p.
3. *Veraksa N., Veraksa A.* Social Psychology: Textbook for the student institutions of higher professional education. M.: Publishing Center "Akademiya", 2011. 224 p.
4. *Denisenkova N., Vyrotskova V.* The strategy interrelation of behavior in conflict situations and sociometric status of a preschooler in the peer group [Electronic resource] // Psychological Science and Education. 2014. Vol. 6. № 4. – Access mode: http://psyedu.ru/journal/2014/4/Denisenkova_Vyrotskova.phtml (date of access: 05.09.2015).
5. *Zinchenko Yu.* Methodological issues of Safety Psychology: Personality, society, state. M.: Lomonosov Moscow State University, 2011. 952 p.
6. *Koz'yakov R.* Corporate image of an education institution // PR in Education. 2005. № 1.
7. *Koz'yakov R., Basin M.* Methods of active socially-psychological training. M: Direkt-Media Publishing. 17 p.
8. *Koz'yakov R.* The aspects of communicative competence development // PR in Education. 2006. № 2.
9. *Koz'yakov R.* Temper-based peculiarities of personality: Methodology of the study. M.: Direkt-Media, 2013.
10. *Koz'yakov R.* Experience in the prevention and treatment of drug dependence in Israel // Youth and Society. 2012. № 4.
11. *Kondrat'ev M. A.* A social psychologist in the education institution. M.: PERSE, 2006. 224 p.
12. *Kondrat'ev M., Il'in V.* Hornbook for a social psychologist-practitioner. M.: PERSE, 2007. 464 p.
13. *Orlova E.* Pathopsychology: Textbook for students of higher education institutions / E. Orlova, R. Koz'yakov, N. Koz'yakova. M.: Limited Liability Company Publishing house YURAYT, 2011. 235 p.
14. *Orlova E., Koz'yakov R., Ryshlyakova N.* Pathopsychology: Textbook and workshop. M.: Limited Liability Company Publishing house YURAYT, 2016. 378 p.
15. *Pavlova N., Rudenko L.* Express diagnostics in a kindergarten: Collection of proceedings for educators-psychologists of preschool education institutions. M.: Genesis, 2008. 80 p.
16. *Paramonova L., Tarasova K., Alieva T.* 5–6 years old child in a preschool education system (to the issue of preparation for school) // Psychological Science and Education. 2005. № 2.
17. *Petrovkiy V.* Teacher's personality from the perspective of personalization. Personality in Psychology // Rostov-on-Don., 1996. 509 p.
18. *Petrova E.* Life strategy as a category of modern psychological science // Scientific notes of the Russian State Social University. 2014. № 1 (123).
19. *Petrova E.* The current state of development of the Russian science as a science // In the book: Imagology-2004: Status and directions, the issues. Proceedings of the Second International Symposium on imageology "Imagology-2004". Imageology Academy, the Russian State Social University, the Russian psychological community. 2004.
20. *Social Developmental Psychology: Textbook for Bachelor and Master Study / Under the editorship of Tolstykh. M.: Urait, 2014. 603p.*
21. *Koz'yakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E.* Educating social-profile of specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2015. Vol. 6. № 1.
22. *Koz'yakov R., Kutyanova I., Shekaturova O., Koz'yakov R.* Factors of stable remission for people with chemical addictions // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2014. № 8.
23. *Kozyakov R., Kutyanova I.* Modern technologies of psychological prevention of drug addiction in teenage environment // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2014. № 8.
24. *Orlova E., Koz'yakov R., Novikova M.* Psychological and pedagogical features of case-study method in the educational process of a modern higher education institution // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2014. № 8.
25. *Petrova N., Zavarzina O., Kutyanova I., Koz'yakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 4.
26. *Zinchenko Yu., Pervichko E.* Non-classical and post non-classical epistemology in the Lev Vygotskiy's cultural-historical approach to Clinical Psychology // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. Vol. 6. № 1.

Раджабов М.А.,

ассистент Дагестанского государственного университета народного хозяйства

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ-ЭКОНОМИСТОВ

В работе выделены педагогические условия реализации электронных образовательных технологий в математической подготовке бакалавров-экономистов на примере электронных изданий учебного назначения.

Ключевые слова: бакалавр-экономист, математическая подготовка, электронные образовательные технологии, педагогические условия

Radzhabov M.,

Assistant of the Dagestan State University of National Economy

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF ELECTRONIC EDUCATION TECHNOLOGIES IN THE MATHEMATICAL TRAINING OF BACHELORS-ECONOMISTS

In this paper there are provided pedagogical conditions of implementation of electronic education technologies in the mathematical training of Bachelors- Economists by an example of electronic editions of educational purposes.

Keywords: Bachelor-Economist, mathematical training, electronic education technologies, pedagogical conditions

Одной из основных задач современного высшего образования является подготовка специалиста-профессионала, готового сразу после окончания учебы приступить к выполнению профессиональных обязанностей. Традиционное образование на современном этапе, на наш взгляд, не отвечает требованиям изменившейся среды.

В настоящее время информатизация системы образования вступает на качественно новый уровень, так как решается задача эффективного использования электронных образовательных технологий (ЭОТ) для конструирования учебного процесса и организации взаимодействия всех субъектов этого процесса. С применением и созданием электронных образовательных технологий, которые позволяют управлять самостоятельной работой обучающихся на принципиально новом организационном уровне, связаны перспективы развития различных технологий обучения.

Теоретические и экспериментальные исследования отечественных и зарубежных ученых по вопросам реализации современных средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в учебном процессе свидетельствуют о том, что решение задачи совершенствования профессиональной подготовки студентов существенно опирается на возможности электронных образовательных технологий, а также на

разработки дидактических и методических принципов их применения в образовательном процессе. Эти же проблемы стоят и в совершенствовании математической подготовки бакалавров-экономистов с использованием электронных образовательных технологий.

В монографии И.В. Роберт [7] под средствами ИКТ определяет программные, программно-аппаратные и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современные средства и системы транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам глобальной и локальных компьютерных сетей.

Создание и развитие информационного общества предполагает широкое применение электронных образовательных технологий, которое определяется следующими факторами.

1. Существенно ускоряет передачу знаний и накопленного технологического и социального опыта человечества не только от поколения к поколению, но и от одного человека к другому.

2. Повышая качество обучения и образования, позволяют человеку более успешно адаптироваться

к окружающей среде и происходящим социальным изменениям. Это дает возможность любому человеку получать необходимые знания в течение всей жизни.

3. Создание системы образования, отвечающей требованиям информационного общества и процесса реформирования традиционной системы образования в условиях модернизации образования.

Вопросам применения средств ИКТ в процессе преподавания математических дисциплин посвящены публикации Р.М. Асланова, Т.Г. Везирова, М.Р. Куваева, Г.И. Саранцева, А.А. Столярова, Б.П. Эрдниева и др.

Проблемам математической подготовки студентов экономических специальностей посвящены исследования И.В. Байгушевой, Е.Ю. Беляниной, А.Б. Дмитриевой, Н.В. Паниной, Е.Г. Плотниковой, Е.А. Поповой и др.

Между тем применение электронных образовательных технологий в настоящее время является одним из направлений повышения эффективности математической подготовки бакалавров-экономистов.

Педагогически обоснованное и целенаправленное внедрение ЭОТ в процесс совершенствования математической подготовки бакалавров-экономистов открывает такие возможности, которые недоступны для других традиционных методов преподавания.

В нашем исследовании мы выделяем следующие педагогические условия совершенствования математической подготовки бакалавров-экономистов с использованием ЭОТ:

- применение психолого-педагогических теорий усвоения знаний;
- структурирование учебного материала;
- формирование межпредметных связей;
- использование интерактивной компьютерной графики;
- исследования на математических моделях.

Для реализации первого условия нами рассматриваются основные положения наиболее известных теорий усвоения знаний: теория поэтапного формирования умственных действий и понятий; теория программированного обучения; теория проблемного обучения. При рассмотрении теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, изложенной в исследованиях А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, Н.Ф. Талызиной и др., выделены условия эффективности обучения, дано определение ориентировочной основы деятельности, представлены типы и способы ее построения.

На основе данной теории рассмотрена концепция алгоритмизации, использование которой является важным при представлении учебного материала по математическим дисциплинам.

Для теории программированного обучения, рассмотренной в работах Б.Ф. Скиннера, В.П. Бес-

палько, А.М. Матюшкина и др., характерен принцип обратной связи, осуществления шагового технологического принципа при раскрытии и подаче учебного материала, темпе и управления в обучении.

При рассмотрении теории проблемного обучения в исследованиях И.Я. Лернера, А.М. Матюшкина, М.И. Махмутова, М.Н. Скаткина и др. представлены ее различные функции, дано определение проблемной ситуации, приведены условия их возникновения и способы их создания.

В ходе анализа этих теорий нами были выделены те аспекты, которые необходимо учитывать при использовании ЭОТ по математическим дисциплинам в подготовке бакалавров-экономистов.

При реализации второго условия мы излагаем технологии структурирования учебного материала по математическим дисциплинам. Одной из технологий, направленных на формирование умений эффективной работы с информацией и повышение эффективности обучения в целом, является технология составления интеллект-карт, позволяющая преодолеть такие недостатки традиционной методики работы с материалом, как плохое запоминание на этапе конспектирования; большой объем времени, требующийся для записи; невозможность увидеть описываемое в системе и во взаимосвязи; ощущение законченности, в то время как любая информация – это основа для выхода за пределы известного.

Третье педагогическое условие нами реализуется на основе организации межпредметных связей между математическими и экономическими дисциплинами как один из важнейших факторов оптимизации процесса обучения, где изменяются методы определения значимости учебных элементов в структуре курса.

Четвертое условие связано с особенностями интерактивной компьютерной графики как средства реализации иллюстративных и когнитивных возможностей электронных образовательных технологий. Здесь следует рассматривать целесообразность интерактивной компьютерной графики в электронных изданиях учебного назначения по математическим дисциплинам.

Пятое условие связано с вопросами исследования на математических моделях, которые очень актуальны при решении экономических задач с использованием математического аппарата на основе современных средств ИКТ, в частности MS Excel и компьютерные математические пакеты Maple, MathCad и др.

Для практической реализации вышеназванных педагогических условий мы выбрали дисциплину «Методы оптимальных решений», которая является одним из важнейших в математической подготовке бакалавров-экономистов.

При изучении дисциплины «Методы оптимальных решений» электронные образовательные тех-

нологии предлагают студентам бакалавриата теоретические сведения и задания из других предметных областей, логически связанных с рассматриваемым курсом и реализующих следующие виды межпредметных связей:

- межпредметные связи внутри дисциплины «Методы оптимальных решений»;
- межпредметные связи с другими математическими дисциплинами, знание которых необходимо для изучения методов оптимальных решений;
- межпредметные связи с другими дисциплинами, где используются знания из методов оптимизации.

В курсе рассматриваются вопросы, связанные с построением математических моделей ситуаций целенаправленного принятия решения, исследуются свойства этих моделей, излагаются методы и алгоритмы, позволяющие находить оптимальные значения отвечающих за рациональный выбор параметров.

Дисциплина имеет прикладную направленность: теоретический материал иллюстрируется достаточно доступными примерами и задачами, имеющими, как правило, экономический и социальный характер. Материалы дисциплины найдут свое конкретное применение в общепрофессиональных и специальных дисциплинах, изучаемых студентами бакалавриата по направлению подготовки «Экономика», посвященных микро- и макроэкономике, государственному управлению и экономике общественного сектора, фондовому рынку и финансовому менеджменту, институциональной экономике и ряду других научных областей. Поэтому данная дисциплина является важной составляющей системы фундаментальной подготовки бакалавров-экономистов, а также обеспечивает их профессиональную мобильность.

При изучении дисциплины «Методы оптимальных решений» будущими бакалаврами-экономистами применяются персональные компьютеры, проектор, интерактивная доска с использованием таких методов обучения, как компьютерное тестирование, де-

монстрация мультимедийных презентаций, компьютерный лабораторный практикум посредством MS Excel, а также компьютерные математические пакеты MathLab, MathCad.

Важное место в организации преподавания данной дисциплины занимают следующие интерактивные методы обучения:

- обсуждение в группах конкретных тем дисциплины;
- творческое задание на основе экономико-математических моделей в землеустройстве, транспортных задач;
- подготовка мультимедийных презентаций;
- тематические дискуссии, обсуждение вопросов, связанных с темой занятия;
- анализ конкретных ситуаций (кейс-метод);
- коллоквиум;
- деловая игра [1, с. 107–108; 2, с. 73–76; 3, с. 6–8; 4; 5, с. 206–209].

Главное назначение портфолио – продемонстрировать наиболее значимые результаты практической деятельности для оценки своей профессиональной компетенции, такие как реализованные проекты, участие в олимпиадах и конкурсах. Педагогу портфолио позволяет проанализировать, обобщить и систематизировать результаты своей работы, объективно оценить свои возможности и спланировать действия по преодолению трудностей и достижению более высоких результатов.

Нами разработан и используется веб-портфолио будущих бакалавров-экономистов, освоивших дисциплину по выбору «Формирование математической компетентности будущих экономистов с использованием электронных образовательных технологий». Электронный ресурс размещен на портале электронного обучения Донского государственного технического университета (<http://skif.donstu.edu.ru>) в разделе «Дагестанский государственный педагогический университет» [6].

Список литературы

1. Алиева К.М., Везилов Т.Г. Информационно-коммуникационная образовательная среда как средство формирования готовности будущих бакалавров по профилю «юриспруденция» к проектной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49).
2. Везилов Т.Г., Исаева Л.М. Возможности социальных сервисов web 2.0 в формировании методической компетентности преподавателя колледжа в условиях открытого образования // Архивариус. – 2016. – Т. 1. – № 5 (5).
3. Гузеева Э.Р., Везилов Т.Г. Модель формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров с использованием образовательных интернет-порталов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45).
4. Захарова О.А., Везилов Т.Г., Ядровская М.В. Дистанционные технологии и электронное обучение в профессиональном образовании. – Ростов н/Д., 2015.
5. Кулибеков А.Н., Везилов Т.Г. Информационно-образовательная среда как условие использования электронных образовательных ресурсов по математике // Модернизация системы непрерывного образования: материалы VI Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Т.Г. Везилова. – Дагестанский государственный педагогический университет, 2014.
6. Раджабов М.А. Дисциплина по выбору «Формирование математической компетентности будущих экономистов с использованием электронных образовательных технологий». – Махачкала: ДГИНХ, 2014. – 34 с.

7. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 398 с.

Reference list

1. Alieva K., Vezirov T. Information-communication educational environment as a means of formation of preparedness of intended Bachelors to the design activity at the profile "Jurisprudence" // World of Science, Culture, Education. 2014. № 6 (49).
2. Vezirov T., Isaeva L. Capacities of Web 2.0 social services in formation of methodical competence of a college teacher in conditions of open education // Archivist. 2016. Vol. 1. № 5 (5).
3. Guzueva E., Vezirov T. The model of formation of professional competence of intended Bachelors with the use of educational web portals // World of Science, Culture, Education. 2014. № 2 (45).
4. Zakharova O., Vezirov T., Yadrovskaya M. Distance technologies and electronic training in professional education. Rostov-on-Don, 2015.
5. Kulibekov A., Vezirov T. Information educational environment as a condition for the use of electronic education resources in mathematics // Modernization of system of continuous education: Proceedings of VI international scientific-practical conference / Under the general editorship of T. Vezirov. The Dagestan State Pedagogical University. 2014.
6. Radzhabov M. The discipline for choice "The formation of mathematical competence of intended economists by using electronic education technologies". Makhachkala: DSUNE, 2014. 34 p.
7. Robert I. Theory and methodology of education informatization (Psychological - pedagogical and technological aspects). M.: BINOM. Laboratoriya Znaniy, 2014. 398 p.

УДК 37.018.46

Островский А.В.,

соискатель кафедры социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАДРОВ МАЛОГО БИЗНЕСА В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ, ЕГО СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье представлены факторы, влияющие на формирование управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации, обосновывается необходимость педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса, раскрывается его сущность и содержание, представлена технология его реализации в системе повышения квалификации.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, управленческая компетенция, кадры малого бизнеса, повышение квалификации

Ostrovskiy A.,

Degree-seeking student of Chair of Social Pedagogy and Family Pedagogy of the Russian State Social University

PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE FORMATION OF MANAGERIAL COMPETENCE OF SMALL BUSINESS STAFF IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT SYSTEM, ITS ESSENCE, CONTENT, IMPLEMENTATION TECHNOLOGY

This article presents the factors, influencing the formation of managerial competence of small business staff in the professional development system; the necessity of pedagogical support of the formation of managerial competence of small business staff is substantiated; its essence and content are defined in the article; there is provided the technology of its implementation in the professional development system.

Keywords: pedagogical support, managerial competence, small business staff, professional development

Несмотря на то что в различных областях человеческой деятельности процесс сопровождения человека, сталкивающегося с определенными жизненными и профессиональными трудностями, активно применялся на протяжении веков, в педагогике понятие «педагогическое сопровождение» является относительно молодым. Его появление во многом обусловлено распространением гуманистических идей в психологии и педагогике, а также утвердившимся убеждением, что все способны учиться и стать успешными, если созданы необходимые для этого условия [6].

В широком смысле термин «сопровождение» подразумевает процесс совместного прохождения пути с человеком, который движется по жизненному пути и преодолевает трудности, возникающие по его ходу. Термин используется по отношению к человеку, которому нужна помощь и поддержка в преодолении возможных трудностей в процессе самореализации,

достижении жизненно важных целей, образовании, приобретении новых знаний, развитии новых умений, закреплении новых навыков [2].

В теории педагогики под *сопровождением* понимается целенаправленное взаимодействие специалиста (субъекта или сопровождающего) и сопровождаемого (объекта сопровождения) в ситуации развития последнего. В основе этого взаимодействия лежит прогнозирование возможных проявлений объекта сопровождения в ситуации развития. Целью взаимодействия является создание условий, оказание поддержки, стимулирование к осмыслению сути возникающих трудностей (проблем) и самостоятельному продвижению в их разрешении [2]. При этом *педагогическое сопровождение* направлено на преодоление трудностей в обучении.

Многолетняя практика формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в си-

стеме повышения квалификации показывает, что этот процесс является для обучающихся (специалистов малого бизнеса) новой и нестандартной жизненной ситуацией, связанной с возникновением определенных трудностей, которую необходимо преодолевать в процессе обучения (в овладении новым инструментарием учебной деятельности, повышении эффективности обучения, в наиболее полном удовлетворении потребности в овладении управленческой компетенцией), а также требующей принятия важных решений, касающихся самоопределения как личности и как профессионала [3, с. 56–59]. Это, в свою очередь, диктует необходимость педагогического сопровождения кадров малого бизнеса.

Изучение опыта деятельности образовательных учреждений, задачей которых является повышение квалификации, показало, что существующая система не всегда учитывает специфику повышения квалификации специалистов малого бизнеса. Это требует особого подхода, учитывающего реальные потребности, особенности и возможности данной категории обучающихся [4, с. 237–240; 5, с. 176–181]. Анализ сложившейся практики повышения квалификации кадров малого бизнеса по формированию у них управленческой компетенции выявил ряд проблем, среди которых отметим следующие: отсутствие предварительного анализа причин, по которым человек решает повысить квалификацию, а также отсутствие предварительной диагностики уровня сформированности управленческой компетенции у слушателя до начала обучения; недостаточное знание и учет организаторами обучения специфики профессиональной деятельности слушателей, необходимых для составления программ обучения; низкая осознанность обучающихся в необходимости самообразования, самоподготовки для развития управленческой компетенции; низкая мотивация обучающихся к повышению собственной квалификации и, как следствие, к обучению; отсутствие навыков самоанализа: обучающиеся не замечают и не осознают проблем в собственной профессиональной деятельности, предпочитая относить их к проблемам окружающих; отсутствие у слушателей релевантного инструментария учебной деятельности; проблемы в практическом применении слушателями полученных знаний и умений; недостаточное внимание к социально-психологической адаптации обучающихся в рамках новой для них образовательной среды.

Также в процессе повышения квалификации кадров малого бизнеса необходимо принимать во внимание выявленные и описанные в педагогике противоречия в образовательном процессе взрослых людей, влияющие на позицию, занимаемую ими в процессе обучения, а именно: между статусом обучающегося (социальным, профессиональным) и вре-

менной ролью ученика; между восприятием себя в качестве состоявшегося и самостоятельного профессионала в своей сфере деятельности и необходимостью быть зависимым в контакте с другим, выступающим в роли учителя; между необходимостью признания противоречия между имеющейся профессиональной компетентностью, являющейся основой социальной и психологической стабильности личности, и собственной некомпетентностью в области, которая составляет предмет обучения [1, с. 3–8].

Учитывая вышеперечисленное, можно сделать предварительный вывод об актуальности педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации.

Чтобы определить сущность, раскрыть содержание и предложить технологию педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса, необходимо выявить факторы, которые влияют на успешность формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации.

Проанализировав научно-педагогическую литературу, изучив опыт деятельности конкретных образовательных учреждений, осуществляющих повышение квалификации кадров малого бизнеса, проводя оценку получаемых результатов (путем опроса руководителей и менеджеров малых предприятий, анализа эффективности их управленческой деятельности после обучения), мы выявили факторы, существенно влияющие на формирование управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации, которые мы, следуя сложившемуся подходу [2, с. 718–761], разделили на внешние и внутренние.

К *внешним* факторам относятся: развитость и доступность системы повышения квалификации для кадров малого бизнеса; квалификация, опыт и авторитет образовательных учреждений, занимающихся повышением квалификации кадров малого бизнеса; востребованность программ обучения для кадров малого бизнеса, их доступность; квалифицированные педагогические кадры, способные и готовые эффективно осуществлять образовательную деятельность и педагогическое сопровождение при работе с кадрами малого бизнеса; развитость социального партнерства в процессе реализации программ обучения, связь обучения с практикой.

К *внутренним* факторам относятся: образованность кадров малого бизнеса, их индивидуальные особенности, определяющие потребности в образовании в области управления и отношение к обучению; профессиональный и управленческий опыт, сложившиеся ценности в области профессиональной и управленческой культуры; предрасположенность к

управленческой деятельности, мотивация и стремление к росту в качестве управленца; способность прогнозировать проблемы и трудности в деятельности в качестве управленца, готовность самостоятельно их преодолевать; мотивация и активность в обучении; способность понимать сущность трудностей, возникающих в процессе обучения, умение их преодолевать; готовность к изменениям на личностном, профессиональном и социальном уровнях, готовность и способность самостоятельно преодолевать возникающие при этом трудности.

Учитывая сложившееся в педагогике понимание сущности педагогического сопровождения [2] и опираясь на выявленные факторы, необходимые для успешного формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса, а также принимая во внимание, что педагогическое сопровождение должно быть ориентировано на повышение эффективности образовательного процесса (поскольку слушатель – представитель малого бизнеса – приходит в образовательное учреждение на короткое время, не отрываясь от основной деятельности), необходимо максимально конструктивно использовать это время; наиболее полное удовлетворение потребности слушателя в овладении управленческой компетенцией; помощь в овладении инструментарием учебной деятельности с учетом образовательной программы; в содействии накопления опыта самореализации в управлении, мы определили *педагогическое сопровождение формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации* как взаимодействие субъекта сопровождения (сопровождающего – специалиста системы повышения квалификации) и объекта сопровождения (сопровождаемого – представителя малого бизнеса) на основе прогнозируемых перспектив овладения последним из соответствующих разделов учебной программы и возникающих в овладении ею трудностей, направленное на создание оптимальных условий для успешного овладения сопровождаемым учебной программой по формированию его управленческой компетенции, обеспечение помощи в овладении инструментарием учебной деятельности с учетом программы обучения, стимулирование его к пониманию возникающих в процессе повышения квалификации трудностей и самостоятельному их разрешению.

Основными элементами (содержанием) педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации являются:

– субъект и объект сопровождения. Субъектами (сопровождающими) выступают наиболее подготовленные преподаватели, тьюторы, коучеры, а также практики малого бизнеса, выступающие в качестве консультантов. Объектом (сопровождаемым) – пред-

ставитель малого бизнеса, проходящий обучение по образовательной программе, направленной на формирование управленческой компетенции;

– взаимодействие сопровождающего (субъекта педагогического сопровождения) и сопровождаемого (объекта педагогического сопровождения);

– прогнозирование субъектом сопровождения перспектив овладения сопровождаемым соответствующих разделов учебной программы;

– характер трудностей, возникающих в овладении субъектом сопровождения как всей учебной программы, так и ее отдельных компонентов;

– определение субъектом сопровождения необходимых действий по созданию оптимальных условий для успешного овладения сопровождаемым учебной программой по формированию его управленческой компетенции, обеспечению помощи в овладении инструментарием учебной деятельности с учетом программы обучения, стимулированию его к пониманию возникающих трудностей в процессе повышения квалификации и самостоятельному их разрешению;

– реализация выбранных действий;

– анализ полученных результатов и определение перспектив дальнейшего направления педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации.

Реализация педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации требует соответствующей технологии, этапами которой являются: *оценочно-прогностический, целевой, адаптационный, реализующий, результативный*.

Оценочно-прогностический: на этом этапе проводится оценка (диагностика) ситуации, сложившейся у обучающегося – представителя малого бизнеса – в новой для него образовательной среде, на которую влияют: особенности его профессиональной деятельности, опыт управленческой деятельности, потребность в повышении квалификации, мотивация и отношение к обучению, образованность и индивидуальные особенности и др. На основе оценки прогнозируется перспектива овладения слушателем отдельных разделов учебной программы, возможные трудности в освоении учебного плана, а также сложности в социально-психологической адаптации.

Целевой: определение цели педагогического сопровождения. Целью является преодоление конкретных трудностей, возникающих у обучающихся (кадров малого бизнеса) в процессе формирования управленческой компетенции, выявленной или спрогнозированной на предыдущем этапе. По итогам прогноза определяются конкретные задачи педагогического сопровождения, направленные на достижение цели.

Адаптационный: подразумевает адаптацию сопровождаемого к образовательной среде, учебному процессу, программе обучения, коллективу (преподавателям и слушателям), к взаимодействию с сопровождаемым в процессе педагогического сопровождения. На этом этапе определяются конкретные действия по педагогическому сопровождению, которые носят индивидуальный и дифференцированный характер (конкретизируются для каждого слушателя).

Реализующий: реализация выбранных действий с целью преодоления возникающих в учебном процессе трудностей и содействия поэтапному успешному овладению обучающимся программы обучения. На этом этапе осуществляется постоянный мониторинг получаемых в процессе реализации действий результатов и, при необходимости, их корректировка.

Результативный: анализ результатов реализации технологии педагогического сопровождения, которые выражаются в повышении эффективности образовательного процесса, удовлетворении потребности обучающегося в овладении управленческой компетенцией, наиболее полной его самореализации

в управлении. На этом этапе определяются перспективы и направления дальнейшего педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации.

Технология педагогического сопровождения формирования управленческой компетенции кадров малого бизнеса в системе повышения квалификации носит целостный характер, заключающийся в единстве всех ее компонентов, обеспечивающих достижение общей цели – создание оптимальных условий для успешного овладения обучающимся учебной программой по формированию его управленческой компетенции в системе повышения квалификации.

Реализация описанной технологии педагогического сопровождения позволяет организаторам курса повышения квалификации сделать образовательный процесс по формированию управленческой компетенции кадров малого бизнеса эффективным, а обучающимся – кадрам малого бизнеса – преодолеть возникающие в процессе обучения трудности и успешно усвоить учебную программу.

Список литературы

1. Вершовский С.Г. Взрослый как субъект образования // Педагогика. – 2003. – № 8.
2. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Полный курс: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013.
3. Островский А.В. Life-long learning для предпринимателей в эпоху глобализации: роль психологии в обучении предпринимательской культуре / А.В. Островский, В.А. Дмитриева и др. // Предпринимательство в переходное время: вопросы и проблемы: сборник статей Международной науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 ноября 2012 г.).
4. Островский А.В. Квалификация кадров малого бизнеса как источник эффективной деятельности любой организации // Технологическое-экономическое образование: достижения, инновации, перспективы: межвуз. сб. статей междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. А.А. Потапов. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. – Т.2.
5. Островский А.В. Повышение квалификации кадров малого бизнеса в условиях новой экономики // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35.
6. Соколова Е.Т. Психотерапия: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2010.

Reference list

1. Vershlovskiy S. Adult as a subject of education. 2003. № 8.
2. Mardakhaev L. Social pedagogy. Full course: Textbook for the Bachelors. M.: Yurayt, 2013.
3. Ostrovskiy A. Life-long learning for entrepreneurs in the era of globalization: The role of Psychology in the training of entrepreneurship culture / A. Ostrovskiy, V. Dmitrieva / Entrepreneurship in transitional times: Issues and problems: A collection of articles of international scientific-practical conference (Moscow, 14th –16th of November, 2012).
4. Ostrovskiy A. The staff qualification of small businesses as a source of effective activity of any organization // The techno-economic education: Achievements, innovations and prospects: Interuniversity collection of articles of international scientific-practical conference: In 2 volumes / Executive editor A. Potapov. Tula: Publishing office of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2013. Vol. 2.
5. Ostrovskiy A. The professional development of small business staff under the new economy // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2014. № 35.
6. Sokolova E. Psychotherapy: Theory and practice: Textbook for students of higher education institutions. M.: Akademiya, 2010.

Джаубаева М.И.,

аспирант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Статья посвящена вопросам подготовки будущих педагогов к работе в поликультурном образовательном пространстве вуза. В связи с необходимостью постоянно развивать и совершенствовать профессиональную подготовку будущих специалистов автором была разработана программа элективного курса «Особенности организации педагогического процесса в полиэтническом образовательном пространстве», раскрывающем вопросы толерантного отношения к представителям различных рас и этносов, формирование национального самосознания и мировосприятия у студентов, национальные традиции народов Ставропольского края и др. Автор делает вывод о том, что после прохождения элективного курса, а также в результате проводимой комплексной работы в этом направлении должны произойти изменения в поведении студентов, которые должны выражаться в соблюдении ими следующих основных принципов и правил: принципа «этнической индифферентности», т.е. абстрагирования от национального фактора в межличностном общении; такта в общении с людьми другой национальности; уважительное отношение к ритуалам, обрядам, обычаям, традициям своего этноса; знания об обрядах, ритуалах, обычаях той этнической группы, в среде которой проживает человек и уважения традиций других этносов.

Ключевые слова: полиэтничность, поликультурность, толерантность, поликультурное воспитание, поликультурное образование, поликультурная среда, этнокультурная компетентность, межкультурная компетентность

Dzhaubaeva M.,

Postgraduate student of the Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute

TRAINING OF INTENDED EDUCATORS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY IN A POLYETHNIC EDUCATION ENVIRONMENT OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This article is devoted to issues of training of intended educators for work in a multicultural education space of a higher education institution. The need to constantly develop and improve professional training of intended specialists, the article author has developed a program of the elective course "Features of the pedagogical organization process in a polyethnic education space", which is revealing the issues of tolerant attitude towards the representatives of diverse races and ethnic groups, the formation of national identity and mentality among students, the national traditional sensitivities of the people of the Stavropol' territory, etc. The contributor therefore concludes that after passing the elective course, as well as from a result of performed comprehensive work, in this direction behavioral changes of students should to be happen, which must be expressed in their meeting with the following basic principles and rules: the principle of "ethnic indifference", i.e., abstracting from the national factor in interpersonal communication; the tact in communicating with people of other nationality; the respectful attitude for rituals, ceremonials, habits, traditional sensitivities of their ethnic groups; the knowledge about ceremonials, rituals, habits of the ethnic group, in environment where a person lives and respect of traditional sensitivities of other ethnic groups.

Keywords: polyethnicity, multiculturalism, tolerance, multicultural training, multicultural education, multicultural environment, ethnocultural competence, intercultural competence

Взаимодействие и взаимовлияние соседствующих и географически отдаленных культур относятся на сегодняшний день к числу жизненно значимых проблем. Существует два характерных подхода к построению взаимоотношений между различ-

ными культурами. Один из них укладывается в русло поликультурного воспитания, другой описывается понятием толерантности.

В условиях многоязычия, полиэтничности, поликультурности воспитание толерантности много-

планово и приобретает чаще всего характер поликультурного образования, основными целями которого являются следующие: глубокое и всестороннее овладение культурой собственного народа как обязательное условие интеграции в иные культуры; формирование представлений о многообразии культур в мире и воспитание положительного отношения к культурным различиям; создание условий для интеграции в культуры других народов; формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

В связи с тем, что современный мир представляет собой поликультурное пространство, социальную систему, в которой взаимодействуют представители разных культурных сообществ, приобщение студента к социальной действительности, воспитание гражданина, готового и способного жить в поликультурной среде – актуальная проблема современного образования.

Деятельность педагога полиэтнического вуза имеет немаловажное значение, и в сравнении с деятельностью педагога с моноэтническим контингентом имеет ряд особенностей, специфических черт, которые определяются, в первую очередь, полиэтничностью и поликультурностью. Практика показывает, что педагоги имеют весьма отдаленное от действительности понимание особенностей работы со студентами, представляющими различные этносы.

На современном этапе можно говорить о необходимости обновления содержания подготовки будущих педагогов к работе в поликультурном образовательном пространстве вуза. Высшее образовательное учреждение выступает основной ступенью в системе образования, на которой формируется этнокультурно воспитанная личность.

Все это определяет необходимость подготовки педагогических кадров для работы в полиэтнических вузах.

Очевидно, что успешность деятельности педагога в поликультурной образовательной среде в большой мере зависит от уровня его профессиональной компетентности.

В каждом регионе Российской Федерации функционирует образовательное пространство, отражающее региональные особенности, традиции, культуру, национальный состав населения и т.д. Так, в рамках профессиональной компетентности можно выделить этнокультурную компетентность, которая предполагает наличие определенного объема знаний и умений, необходимых для успешной деятельности специалиста в конкретном поликультурном образовательном пространстве.

В своем исследовании, посвященном подготовке педагогов вузов к работе в поликультурных

условиях, мы опираемся на определение Т.В. Поштаревой: «Этнокультурная компетентность – свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [2].

Значимой для нас является и позиция Т.В. Поштаревой, которая определяет содержание этнокультурной компетентности как объективно-субъективного явления: готовность и способность придерживаться этнокультурных традиций, владеть этноспецифическими умениями своего народа; готовность изучать различные этнокультуры с целью налаживания комфортного существования в полиэтнической среде, преодоления узости кругозора, постижения взаимовлияния культур; готовность и способность искать информацию, добывать знания об этнокультурах, используя различные базы данных, дифференцировать их с точки зрения значимости и достоверности, применять их для решения проблем в сфере межэтнического взаимопонимания и взаимодействия; готовность и способность осмысливать социальные и связанные с ними этнокультурные процессы путем анализа и систематизации знаний об этнических культурах, нахождения и признания в них общего и различного (специфического); готовность и способность включаться в межэтническое взаимодействие в виде активного и координированного сотрудничества.

В таком полиэтническом регионе, как Ставропольский край, со множеством разнообразных видов культур, учебно-воспитательный процесс должен учитывать этнокультурное многообразие и осуществляться в форме диалога культур.

Актуальным является включение в учебный процесс разнообразного материала этнокультурной направленности. Современная социокультурная ситуация показывает необходимость использования потенциала народной педагогики в подготовке будущих педагогов. В основе народной педагогики лежит совокупность культурных ценностей, отражающих богатство общечеловеческой культуры, в том числе этнокультурные традиции, обычаи и их взаимодействие и взаимовлияние. В народной педагогике «концентрированно представлены общечеловеческие ценности, которые ни в коем случае не может игнорировать этнопедагогическая система национального воспитания» [1].

Формирование этнокультурной компетентности студентов должно основываться на совокупности аксиологического, этнопедагогического, культурологического и гуманистического подходов; на принципах культуросообразности, преемственности и последовательности изучения культуры и др. Это должно

стать определяющим в содержании подготовки педагогов вузов.

Выделяют такие неперенные признаки межкультурной компетентности, как открытость к познанию чужой культуры и восприятию психологических, социальных и других межкультурных различий; «психологический настрой на кооперацию с представителями другой культуры»; умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур; способность преодолевать социальные, этнические и культурные стереотипы; владение набором коммуникативных средств и правильный их выбор в зависимости от ситуации общения; соблюдение этикетных норм в процессе коммуникации [3].

Важной для нас является позиция А.П. Садохина, который определяет следующие пути формирования межкультурной компетентности: развитие способностей рефлексировать собственную и чужую культуру, что изначально подготавливает к благожелательному отношению к проявлениям чужой культуры; пополнение знаний о соответствующей культуре для глубокого понимания диахронических и синхронических отношений между собственной и чужой культурами; приобретение знаний об условиях социализации и инкультурации в собственной и чужой культуре, о социальной стратификации, социокультурных формах взаимодействия, принятых в обеих культурах [3, с. 143].

Межкультурная компетентность современного педагога является залогом успешной профилактики агрессивного национализма и разрешения проблем, связанных с межнациональными отношениями, реализации эффективных механизмов поликультурного образования – формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной среде, обладающего умением жить в мире и согласии. Следовательно, существует необходимость совершенствования подготовки педагогов вузов к работе в поликультурных условиях, что является немаловажным и для Ставропольского края.

Обновление содержания подготовки педагогов как никогда раньше требует особого подхода. В связи с необходимостью постоянно развивать и совершенствовать профессиональную подготовку будущих специалистов нами была разработана программа элективного курса «*Особенности организации педагогического процесса в полиэтническом образовательном пространстве*».

Данный элективный курс готовится к апробации на базе Невинномысского государственного гуманитарно-технического института.

В нем раскрываются вопросы толерантного отношения к представителям различных рас и этносов, формирования национального самосознания и ми-

ровосприятия у студентов, национальных традиций народов Ставропольского края, особенности взаимоотношений детей и взрослых в различных социокультурных ситуациях и др.

Курс направлен на решение задач развития и совершенствования компетенций студентов – будущих специалистов, рефлексии их учебной деятельности. Предполагается изучение 5 разделов.

Раздел 1. Формирование этнотолерантности у студентов.

В современной интерпретации толерантность в целом и этнотолерантность в частности рассматривается как открытость, отзывчивость, желание решать межличностные и межэтнические проблемы позитивно, как стремление принять чужое мнение, не сливаясь с ним, а сохраняя свою этническую самобытность.

Раздел 2. Проблема этнической идентификации студентов в поликультурных условиях.

Идентичность этническая включает прежде всего глубоко значимое переживание данной принадлежности как одной из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе. Среди основных критериев этнической идентификации могут быть родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, своей Родине, общей территории проживания и многое другое.

Раздел 3. Психолого-педагогические основы педагогического общения.

Педагогическое общение в обучении и воспитании служит инструментом воздействия на личность обучаемого. Педагогическое общение – целостная система социально-психологического взаимодействия педагога и студентов, содержащая в себе обмен информацией, воспитательные воздействия и организацию взаимоотношений с помощью коммуникативных средств. Кроме обычных функций, специфика педагогического общения порождает еще одну функцию социально-психологического обеспечения воспитательного процесса, организаторскую функцию взаимоотношений педагога с воспитуемыми и выступает как средство решения образовательных задач.

Раздел 4. Педагогическая оценка этнокультурных особенностей студентов.

По мнению Э.Р. Хакимова, педагогическое оценивание этнокультурных особенностей студентов позволяет «повысить эффективность профессионально-педагогической деятельности в поликультурном образовательном пространстве» [4, с. 395].

Педагогические и психологические параметры оценки этнокультурных особенностей студентов, разработанные Э.Р. Хакимовым, способствуют определению позитивного или негативного этнокультурного статуса студента и проектированию в соответствии с

этим педагогического процесса в поликультурных условиях.

Раздел 5. Специфика профессиональной компетентности педагога полиэтнического образовательного пространства.

Компетентностный подход в образовании – это подход к определению целей, отбору содержания, организации образовательного процесса, выбору образовательных технологий, оценки результатов.

В связи с этим перед педагогами, работающими в поликультурных условиях, выдвигается сложная, многоаспектная задача по подготовке детей к жизни в условиях поликультурной среды, формированию умения общаться и сотрудничать с людьми разных национальностей, и одним из важных направлений этой работы должно выступать направление по формированию предпосылок этнокультурной компетентности.

Реализация программы, включающей обозначенные и кратко описанные разделы, будет, на наш взгляд, способствовать более эффективной подготовке педагогов к работе в полиэтнической образовательной среде.

Результаты обучения должны найти свое отражение прежде всего в поведении студентов, в частности, в соблюдении ими следующих принципов и правил: принцип «этнической индифферентности», т.е. абстрагирование от национального фактора в межличностном общении; такт в общении с людьми другой национальности; естественным и единственным нормальным должно быть признано уважительное отношение к ритуалам, обрядам, обычаям, традициям своего этноса; знания об обрядах, ритуалах, обычаях той этнической группы, в среде которой проживает человек; один из важнейших аспектов культуры межнационального общения – языковой. Знание языка основного этноса, в окружении которого живет человек, – это важнейший элемент культуры межнационального общения.

Таким образом, необходимо обновление содержания подготовки педагогов в соответствии с современными тенденциями развития образования; формирование профессионально-компетентных педагогов; подготовка квалифицированных кадров нового качественного уровня в соответствии с потребностями инновационного развития сферы образования.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика: учебник для студ. сред. и высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. – 168 с.
2. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Владикавказ, 2009. – 47 с.
3. Садыхин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. – М.: Омега-Л, 2010. – 189 с.
4. Хакимов Э.Р. Оценка педагогами этнокультурных особенностей ребенка // Межкультурная компетентность педагога в поликультурном образовательном пространстве: научно-методические материалы / под ред. Хухлаева О.Е., Чибисовой М.Ю. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. – 408 с.
5. Филимонюк Л.А., Литвинова Е.Р. Модель профессионально- педагогической подготовки специалиста гуманитарно-технического вуза // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (46).
6. Филимонюк Л.А., Джабаева М.И. Пути формирования компонентов этнокультурной компетентности молодежи в поликультурном регионе // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42).
7. Филимонюк Л.А. Гражданско-патриотическое воспитание в поликультурной среде вуза // Наука и современность. – 2012. – № 18.
8. Ярычев Н.У., Алгаев А.Н. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе. – Кисловодск, 2015.
9. Ярычев Н.У. Диалог поколений в культурно-цивилизационной системе современной России. – Кисловодск, 2015.
10. Ярычев Н.У. Социально-гражданская активность как аспект межпоколенческого взаимодействия // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–3.
11. Ярычев Н.У., Саракаева А.Х. Теоретико-методологические основы традиционной системы воспитания у народов Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3.
12. Ярычев Н.У. Культура взаимодействия в межпоколенческой человеческой общности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 1.

Reference list

1. Volkov G. Ethnopedagogy: Textbook for students of colleges and higher education institutions. 2nd edition. Revised and enlarged edition. M.: Akademiya, 2000. 168 p.
2. Poshtareva T. The formation of ethnocultural competence of pupils in polyethnic education environment: Synopsis of a thesis of Doctor of Pedagogy. Vladikavkaz, 2009. 47 p.
3. Sadokhin A. Introduction to intercultural communication: Textbook. M.: Omega-L, 2010. 189 p.

4. *Khakimov E.* Educators' assessment of the ethnocultural characteristics of a child // Intercultural competence of an educator in a multicultural education environment: Scientific and methodological proceedings / Under the editorship of Khukhlaev O., Chibisova M. SBR.: LLC "Knizhnyi Dom", 2008. 408 p.
5. *Filimonyuk L., Litvinova E.* The model of professional-pedagogical training of a specialist of the humanitarian-technical higher education institution // World of Science, Culture, Education. 2014. № 3 (46).
6. *Filimonyuk L., Dzhaubaeva M.* Ways of formation of components of ethnocultural competence of youth in a multicultural region // World of Science, Culture, Education. 2013. № 5 (42).
7. *Filimonyuk L.* Civil-patriotic education in a multicultural environment of a higher education institution // Science and Modernity. 2012. № 18.
8. *Yarychev N., Algaev A.* The development of communicative mobility of intended educators-psychologists during training at a higher education institution. Kislovodsk, 2015.
9. *Yarychev N.* Dialogue of generations in a cultural and civilization system of contemporary Russia. Kislovodsk, 2015.
10. *Yarychev N.* Socio-civic activity as an aspect of intergenerational communication // Fundamental Studies. 2015. № 2–3.
11. *Yarychev N., Sarakaeva A.* Theoretical and methodological foundations of a traditional training system among the peoples of the North Caucasus // Modern Issues of Science and Education. 2012. № 3.
12. *Yarychev N.* The culture of interaction in intergenerational human community // Economic and Humanitarian Studies of Regions. 2015. № 1.

Папанова Т.В.,

аспирант Краснодарского государственного института культуры

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО КАЧЕСТВА БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье на основе междисциплинарного анализа понятия «правовая культура педагога» с учетом методологических подходов (информационный, цивилизационный, информационно-семиотический и др.) определяются содержательные аспекты процесса формирования правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования. В статье делается вывод о том, что значение правовой культуры для формирования профессионально-личностных качеств бакалавров педагогического образования находит отражение в том, что правовая культура интегрирует в себе нравственные начала, в которых отражены исторически сложившиеся этические и нравственные нормы, позитивные устои; правовая культура на основе междисциплинарных связей, четкой логики и преемственности активно воздействует на формирование правовой культуры как профессионально-личностного качества будущего педагога.

Ключевые слова: бакалавр, педагогическое образование, правовая культура, методологические подходы

Рapunova T.,

Postgraduate student of the Krasnodar State Institute of Culture

TRANSDISCIPLINARY FUNDAMENTALS OF THE LEGAL CULTURE FORMATION AS A PROFESSIONALLY-PERSONAL QUALITY OF THE BACHELORS' PEDAGOGICAL EDUCATION

Based on a transdisciplinary analysis of the conception "educator's legal culture" with regard to methodological approaches (information, civilization, informational-semiotic, etc.), this article is defined the substantial aspects of the legal culture formation as a professionally-personal quality of the Bachelors' pedagogical education. The article is concluded that the legal culture importance for the formation of Bachelors' professionally-personal qualities of pedagogical education is reflected in the fact that the legal culture integrates about moral principles, which reflect the historically formed ethical and moral standards, positive morals; based on transdisciplinary connections, clear logic and coherence the legal culture is actively influenced the legal culture formation as a professionally-personal quality of the intended educator.

Keywords: Bachelor, pedagogical education, legal culture, methodological approaches

Формирование правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования требует междисциплинарного анализа, что продиктовано существенным преобразованием всех сторон функционирования образовательных учреждений. Как свидетельствует практика, в стране отмечено увеличение числа правонарушений в школьной среде, а «распространение девиантного поведения в молодежной среде, нарастающие тенденции деформации ее правосознания и правовой культуры создали условия для генезиса опасных социальных отклонений, в частности экстремизма» [20, с. 15]. Данное обстоятельство требует пристального внимания к правовому воспитанию, с одной стороны, а

с другой – к формированию правовой культуры учителей и преподавателей. Немаловажное значение имеет то, что в вузах отсутствует единство принципов, методов и приемов в формировании правовой культуры в практико-ориентированной подготовке бакалавров педагогического образования. Отметим, что данный процесс не стал целостной системой и многие вопросы остаются за рамками правового сознания бакалавров и, как следствие, не могут быть позитивно решены в их будущей профессиональной деятельности.

В условиях правового государства появляются новые условия, возможности и потребности, которые, как правило, определяются на основе прогнозирования возможных изменений правового сознания.

Определению роли и места образования в ценностях социума, рассмотрению функции образования как базиса общества посвящены исследования И.В. Бестужева-Лады [4], О.А. Никитиной [19], П.С. Самыгина [21, с. 208–216] и др.

Значимыми для решения проблем формирования правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования стали работы Е.П. Белозерцева [2], В.П. Беспалько [3, с. 36], И.А. Иванникова [10, с. 12–16], М.С. Михайлова [17] и др., в которых рассматриваются проблемы проектирования современных образовательных систем, содержания профессионального педагогического образования.

Вместе с тем в педагогической практике продолжает сохраняться тенденция отчуждения значимости правового сознания бакалавров, на достаточно высоком уровне остается правовая грамотность студентов. Современная система профессионального образования в подготовке бакалавров – будущих педагогов не соответствует потребностям современной практики и требует формирования и развития правового сознания не только как необходимого условия для правовой культуры [6], но и для реализации идей гуманистической педагогики. Исследования роли образования в современном обществе свидетельствуют о том, что образование не всегда соответствует развитию правовой культуры общества и необходимо ставить вопрос о поиске новых способов работы образовательной системы.

Современная система подготовки бакалавров педагогического образования остро нуждается в научных исследованиях феномена формирования правовой культуры как нового качества в целостном процессе профессиональной подготовки личности будущего учителя, а несовершенная научно-методическая составляющая данной проблемы, ее методологическое и практическое значение для образования свидетельствуют о том, что требуются исследования, посвященные вопросам формирования правовой культуры как профессионально-личностного качества будущего педагога.

Междисциплинарный анализ проблемы формирования правовой культуры невозможен без философской рефлексии, ибо требует уточнения содержания понятий «право» и «культура», которые характеризуют состояние правовой культуры, формируют ее характер [14].

Понятия «право» и «культура» берут свое начало в глубокой древности. Эти понятия отличает необычайная широта и многоаспектность содержания, что обуславливает возможность множества их толкований. Понятие «культура» является философской категорией и характеризуется множеством подходов и интерпретаций. Культура общества и культуры личности – понятия тесно взаимосвязанные между собой, яв-

ляются важнейшими аспектами проблем, которые достаточно широко представлены в современной науке.

В контексте проблемы формирования правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования более подробно остановимся на проблеме культуры личности будущего специалиста педагогического образования. Как свидетельствует анализ исследований, сегодня отсутствует единое понятие «культура», с которым связано множество определений и толкований.

Античный взгляд на культуру представлен римским философом М.Т. Цицероном, который впервые представил такое понятие, как «культура души», что направлено на преодоление «в душе пороков, приготовляет души к приятию посева...» [22, с. 252]. В этот период под культурой понимали процесс очеловечивания природы. Позже понятие «культура» стало употребляться как «просвещенность», «воспитанность». Впервые в качестве самостоятельного термина это понятие в XVII в. отражено в сочинениях немецкого просветителя Самюэля Пуфендорфа.

В исследовании А. Кребера и К. Клакхона представлен обзор термина «культура», тезаурус которого насчитывает более тысячи трактовок [15], что свидетельствует, по мнению авторов, о фундаментальности данного понятия, сложности и многофункциональности его характера. На основании исследований можно констатировать, что культура – это емкое, многоаспектное явление, так как «все смотрят на культуру по-разному, наполняют ее своим содержанием, закладывают в ее определение разный смысл» [13, с. 20].

Осмысление способов формирования правовой культуры, анализ ее форм, структуры действия в обществе, историко-культурных изменений предопределяет получение объективного знания о данном процессе в ходе образовательной деятельности в вузе, направленной на развитие профессионально-личностных качеств бакалавров педагогического образования. Только культура способствует историческому отбору ценностных ориентаций, представлений и образцов поведения. Правовая культура направлена на социальное взаимодействие, предопределяет мышление и поведение будущих педагогов. В данном контексте культура – это духовное измерение всякой деятельности, в которой формируются ее мотивы, принципы, правила, цели и смыслы, что обеспечивает поддержание и изменение производства и общественных отношений в целом [9].

На основе различных подходов к пониманию сущности культуры общества и личности значимым представляется *информационный подход* [1], важнейшим фактором которого является социокультурная деятельность людей, при этом формируется реалистическое отношение человека к действительности, определяется его отношение к ценностям и идеалам общества, мировоззренческие ориентации. В процессе передачи

и трансляции приобретенных знаний и практического опыта осуществляется социокультурное совершенствование человека, выступающего теперь в качестве «творения культуры и соучастника ее творчества» [16]. *Цивилизационный подход* [7] находит свое выражение в исторически сложившейся художественно-творческой деятельности народа [18]. *Информационно-семиотический подход* [8] и др. интегрирует содержательные аспекты материалистического и идеалистического понимания векторов культурного развития человека и общества, ибо социальная информация сохраняется и накапливается в обществе на основе знаковых средств, в которых заложено ценностное содержание накопленного и транслируемого опыта народа [12].

В контексте заявленной проблемы исследования необходимо рассмотреть содержание и структуру понятия «право», которое по ряду параметров синхронно с аналогичными элементами понятия «культура». Сходство проявляется в том, что этим понятиям присущи философская и междисциплинарная сущность, многоаспектность, многообразность толкований [16]. Осуществляя сравнительно-сопоставительный анализ понятий «культура» и «право», отметим, что, с одной стороны, понятие культуры по своим сущностным характеристикам шире понятия права, ибо право представляет элемент содержания культуры. Понятие «правовая культура» выступает одновременно как правовой аспект культуры и культурный аспект права, при этом особенностью соотношения права и культуры на системном уровне является то, что границы этих систем подвижны.

Говоря о формировании правовой культуры как профессионально-личностного качества бакалавров педагогического образования, следует рассматривать право как явление культуры, что предполагает осмысление духовности и выявление возможности ее выражения во всех сферах жизнедеятельности человека. При подготовке бакалавров педагогического образования существенным является рассмотрение специфических правоформирующих факторов культуры, а также установление связи права с другими сферами культуры, прежде всего – педагогической культуры.

Правовая культура и профессионально-правовая культура в подготовке бакалавров педагогического образования предусматривает необходимость рассмотрения основных элементов и содержательных связей правовой культуры с педагогической культурой, ибо «педагогическая культура – это часть

общечеловеческой культуры, в которой в наибольшей степени запечатлелись духовные и материальные ценности, а также способы творческой педагогической деятельности людей» [5, с. 7]. Педагогическая культура представляет собой единство с различными направлениями деятельности общества, что находит отражение в заложенной междисциплинарной природе правовой и педагогической культуры, действующих в целостных культурных комплексах, принадлежащих к различным культурным сферам, при этом факторы педагогической культуры составляют основу других сфер исследования. Так, система социальных и правовых норм регулирует этические, эстетические и образовательные отношения, которые, в свою очередь, входят в систему общественных отношений, как образовательные учреждения – в систему социальных институтов, педагогическое сознание – в систему общественного сознания.

Право сопровождает жизнь каждого человека, и на этом основании он составляет о нем свое собственное мнение, ибо право личной свободы не может не интересоваться, не составлять значимую часть общей культуры. Развитие права в современном мире тесно связано с понятием гуманизма и нравственности, при этом характерной чертой права являются правоотношения человека. Рассматривая практическое значение права, отметим, что оно выступает средством достижения более совершенного состояния общества, является условием его совершенствования, способствует преодолению социального хаоса. Право является активно действующим фактором гуманизации общественных отношений, представляет собой не только средство, но и цель современного цивилизационного общества.

Таким образом, значение правовой культуры для формирования профессионально-личностных качеств бакалавров педагогического образования находит отражение в том, что:

- во-первых, правовая культура интегрирует в себе нравственные начала, в которых отражены исторически сложившиеся этические и нравственные нормы, позитивные устои;
- во-вторых, правовая культура на основе междисциплинарных связей, четкой логики и преемственности активно воздействует на формирование правовой культуры как профессионально-личностного качества будущего педагога.

Список литературы

1. Арнольдов А.И. Введение в культурологию: учебное пособие. – М: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. – 352 с.
2. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704 с.
3. Беспалько В.П. Можно ли купить инновации? // Педагогика. – 2010. – № 7.
4. Бестужев-Лада И.В., Гришаева Н.П., Колесникова Е.Ю., Пронина Е.И., Иванова Е.Ю. Нужна ли школе реформа?

(XXI век: ожидаемые и желательные изменения системы народного образования России). – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 192 с.

5. Бондаревская Е.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: учеб. пособие / Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич. – Ростов н/Д.: Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
6. Вовленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. – Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2000. – 52 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. – 550 с.
8. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая школа, 1980. – 285 с.
9. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М., 1998. – 512 с.
10. Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Известия вузов. Серия: Правоведение. – 1998. – № 3.
11. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 430 с.
12. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 512 с.
13. Ковалева И.В. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX веков. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2002. – 231 с.
14. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. – М.: Академия, 2000. – 256 с.
15. Кroeber A., Kluckhohn C. Культура: обзор концепций и определений. – М., 1964. – 288 с.
16. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999. – 519 с.
17. Михайлов М.С. Правовая культура педагога / С.М. Маркова, М.С. Михайлов. – Н. Новгород: ВГИПА, 2005. – 63 с.
18. Нерсисянц В.С. Право и культура: монография / В.С. Нерсисянц, Г.И. Муромцев, Г.И. Мальцев и др. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 423 с.
19. Никитина О.А. Технология формирования правовой культуры студентов // Тезисы Российской научно-методической конференции. – Рязань: РГПУ им. С. Есенина, 2005.
20. Палазян А.С., Городенцев Г.А. Девиантное поведение молодежи и распространение экстремизма как социально-правовая проблема // Общество и право. – 2015. – № 3.
21. Самыгин П.С. Правовая культура молодежи в контексте модернизации правовой системы России // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4.
22. Цицерон М.Т. Избранные сочинения. – М., 1975. – 252 с.

Reference list

1. Arnol'dov A. Introduction to Culturology: Textbook. M: National Academy of Culture and Universal Human Values, 1993. 352 p.
2. Belozertsev E. Education: A historical and cultural phenomenon: Lectures course. SBR.: R. Aslanov's Publishing house "Yuridicheskiiy Tsentr Press", 2004. 704 p.
3. Bepal'ko V. Whether to buy innovation? // Pedagogy. 2010. № 7.
4. Bestuzhev-Lada I., Grishaeva N., Kolesnikova E., Pronina E., Ivanova E. Is there a need school reform? (The twenty first century: Expected and desirable changes in the public education system of Russia). M.: Pedagogical Society of Russia, 2000. 192 p.
5. Bondarevskaya E. Pedagogy: Personality in humanistic theories and systems of education: Textbook / E. Bondarevskaya, S. Kul'nevich. Rostov-on-Don. Creative Center "Uchitel'", 1999. 560 p.
6. Vopenko N. Legal consciousness and legal culture. Volgograd.: Publishing office of VolSU, 2000. 52 p.
7. Danilevskiy N. Russia and Europe. M: Publishing Center "Drevnee I Sovremennoe", 2002. 550 p.
8. Dubrovskiy D. Information, consciousness, brain. M.: Higher school, 1980. 285 p.
9. Erasov B. Social Culturology. M., 1998. 512 p.
10. Ivannikov I. The legal culture conception // Universities proceedings. Series: Jurisprudence. 1998. № 3.
11. Kagan M. Philosophy of culture. SBR.: Open Company "Metropolis", 1996. 430 p.
12. Karmin A. The fundamentals of Culturology: Morphology of culture. SBR.: Publishing house "Lan'", 1997. 512 p.
13. Kovaleva I. Values of legal culture in the representations of Russian society of the late nineteenth – early twentieth centuries. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise, 2002. 231 p.
14. Kodzhaspriova G., Kodzhaspriov A. Pedagogical dictionary. M.: Akademiya, 2000. 256 p.
15. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. M., 1964. 288 p.
16. Mal'tsev G. Understanding of the law. Approaches and issues. M., 1999. 519 p.
17. Mikhaylov M. Legal culture of the teacher / S. Markova, M. Mikhaylov. N. Novgorod: VolSEPA, 2005. 63 p.
18. Nersesants V. Law and culture: Monograph / V. Nersesants, I. Muromtsev, G. Mal'tsev and others. M.: Publishing office of PFUR, 2002. 423 p.
19. Nikitina O. Technology of the legal culture formation of students // Abstracts of the Russian scientific-methodical conference. Ryazan: RSPU named after S. Esenin, 2005.
20. Palazyan A., Gorodentsev G. Deviant behavior of youth and the spread of extremism as a socio-legal problem // Society and Law. 2015. № 3.
21. Samygin P. Legal culture of youth in the context of modernization of legal system of Russia // Socio-Humanitarian Knowledge. 2005. № 4.
22. Cicero M.T. Selected works. M., 1975. 252 p.

Агальцова Д.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной и педагогической информатики
Российского государственного социального университета
e-mail: darya_agaltsova@mail.ru

Agal'tsova D.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social and Pedagogical Informatics
of the Russian State Social University

Агарагимова В.К.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы,
заместитель декана по науке факультета специального дефектологического образования
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: beror63@mail.ru

Agaragimova V.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Social Pedagogy and Social Work, Vice-Dean on Science
of the Faculty of Special Defectologic Education of the Dagestan State Pedagogical University

Алаев А.А.,

научный сотрудник Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института
e-mail: alaev@bk.ru

Alaev A.,

Researcher of the Brach Economy Center of Financial Research Institute

Аль Али Насер Абдель Рахим,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права
e-mail: naseraa@migup.ru

Al Ali Naser Abdel Raheem,

PhD in Law, Head of Chair of International Law of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Аминова Д.К.,

магистр психолого-педагогического образования, аспирант Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: beror63@mail.ru

Aminova D.,

Master of Psychological-Pedagogical Education, Postgraduate student of the Dagestan State Pedagogical University

Ахмедова А.М.,

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: aripov@mail.ru

Akhmedova A.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Бобрышов С.В.,

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой
Ставропольского государственного педагогического института
e-mail: la-saenko@yandex.ru

Bobryshov S.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Богатырева М.Х.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и дизайна Карачаево-Черкесского
государственного университета им. У.Д. Алиева
e-mail: zzuleihat@mail.ru

Bogatyreva M.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Decorative-Applied Art and Design of the Karachay-Cherkessia
State University named after U. Aliev

Богданова Н.В.,

аналитический психолог
e-mail: selin-87@mail.ru

Bogdanova N.,
Analytical Psychologist

Володарская Е.А.,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
e-mail: eavolod@gmail.com

Volodarskaya E.,
Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies of Institute
of the History of the Natural Science and Technology named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

Гаджиев Т.С.,
кандидат физико-математических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: gts1964@mail.ru

Gadzhiev T.,
PhD in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Гендон А.Л.,
кандидат технических наук, доцент кафедры анализа хозяйственной деятельности
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: Gendon1@yandex.ru

Gendon A.,
PhD in Engineering Sciences, Associate Professor of Chair of Analysis of Economic Activity of the Plekhanov
Russian University of Economics

Гусакова Е.С.,
аспирант Государственного НИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: vip.ksp31@mail.ru

Gusakova E.,
Postgraduate student of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation
e-mail:

Данилов Н.И.,
заместитель генерального директора Государственной корпорации по организации воздушного движения
в Российской Федерации
e-mail: danilov@matfmc.ru

Danilov N.,
Deputy Director General of Federal State Unitary Enterprise «State ATM Corporation»

Даудова Д.М.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: beror63@mail.ru

Daudova D.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of General Psychology and Pedagogical Psychology
of the Dagestan State Pedagogical University

Джаубаева М.И.,
аспирант Невинномысского государственного гуманитарно-технического института
e-mail: filimonuk@rambler.ru

Dzhaubaeva M.,
Postgraduate student of the Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute

Егорушин Н.В.,
оперуполномоченный отделения уголовного розыска Юго-Восточного ЛУ МВД России на транспорте,
капитан полиции, аспирант Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
e-mail: nickred@mail.ru

Egorushin N.,
Special Investigative Agent of Criminal Investigation Branch of the Southeastern Line Authority of the Interior Ministry of the
Russian Federation in Transport, Police Captain, Postgraduate student of the Bunin Yelets State University

Кисиев А.Г.,

магистрант кафедры предпринимательского и трудового права
Северо-Кавказского Горно-металлургического института
e-mail: Marina-toguzova@mail.ru

Kisieva A.,

Master student of Chair of Business Law and Labour Law of the North-Caucasus Mining and Metals Institute

Кондратьева Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: kondratieva.ea@niisp.ru, eakfa@mail.ru

Kondrat'eva E.,

PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Кондратова Л.В.,

аспирант Московского института психоанализа
конт.: rio@migup.ru

Kondratova L.,

Postgraduate student of the Moscow Institute of Psychoanalysis
e-mail:

Красников В.Н.,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники
Краснодарского университета МВД России
e-mail: krasnikov.1978@mail.ru

Krasnikov V.,

Lecturer of Chair of Operational-Investigative Activity and Special Technique of the Krasnodar University of the Interior Ministry of the Russian Federation

Кучмаева О.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента статистики и анализа данных
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Kuchmaeva O.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis of the National Research University "Higher School of Economics"

Махмудова Ф.А.,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: aripov@mail.ru

Makhmudova F.,

PhD in Pedagogy, Senior Lecturer of the Dagestan State Pedagogical University

Наумов В.Б.,

ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Polyakova_ta@mail.ru

Naumov V.,

Leading Researcher of the Center of Economy of Continuing Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Ольховик И.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории» Белорусского национального технического университета
e-mail: olhovik-irina@mail.ru

Ol'khovik I.,

PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian Technical University

Островский А.В.,

соискатель кафедры социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета
e-mail: ostrov2005@yandex.ru

Ostrovskiy A.,

Degree-seeking student of Chair of Social Pedagogy and Family Pedagogy of the Russian State Social University

Панова И.Е.,

кандидат педагогических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета

e-mail: panova@list.ru

Ranova I.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the North-Caucasus Federal University

Папанова Т.В.,

аспирант Краснодарского государственного института культуры

e-mail: e.mvd@inbox.ru

Rapanova T.,

Postgraduate student of the Krasnodar State Institute of Culture

Петренко Д.А.,

кандидат педагогических наук, начальник курса факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: petrenko@yandex.ru

Petrenko D.,

PhD in Pedagogy, Course Director of the Faculty of Extramural Training, Further Training and Advanced Training of the Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Interior Ministry of the Russian Federation

Полякова Т.А.,

доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук
e-mail: Polyakova_ta@mail.ru

Polyakova T.,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Sector of Information Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Пушкарева Е.В.,

психолог, гештальт-консультант

e-mail: waterlilly5555@gmail.com

Pushkareva E.,

Psychologist, the Gestalt-Consultant

Пушкарева Т.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии культуры Российского государственного социального университета
e-mail: ap-bib@yandex.ru

Pushkareva T.,

D. in Philosophy, Associate Professor of Chair of Sociology and Philosophy of Culture of the Russian State Social University

Рагулина Ю.В.,

доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники РФ, заместитель руководителя научно-экспертного центра Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: julra@list.ru

Ragulina Yu.,

Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Deputy Head of the Scientific-Expert Centre of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Раджабалиев Г.П.,

кандидат технических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: gatemsoltan@yandex.ru

Radzhabaliev G.,

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Раджабов М.А.,

ассистент Дагестанского государственного университета народного хозяйства
e-mail: musa@mail.ru

Radzhabov M.,

Assistant of the Dagestan State University of National Economy

Рыкова И.Н.,

доктор экономических наук, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института
e-mail: rysova@yandex.ru

Rykoval I.,

Doctor of Economics, Head of the Branch Economy Center of Financial Research Institute

Романцова Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Управление водохозяйственной деятельностью и природопользованием» Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева
e-mail: etvr@rambler.ru

Romantsova T.,

PhD in Economics, Associate Professor, Head of Chair «Water Management and Natural Management» of the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Ростовская Т.К.,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организации работы с молодежью
Российского государственного социального университета
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Rostovskaya T.,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Work Organization with Youth of the Russian State Social University

Рякина О.Р.,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой языковой коммуникации
Российской академии музыки имени Гнесиных
e-mail: olgarjakina@inbox.ru

Ryakina O.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of Linguistic Communication of the Gnesin's Russian Academy of Music

Саенко Л.А.,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий
Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: la-saenko@yandex.ru

Saenko L.,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Chair of Social Technologies of the North-Caucasus Federal University

Тогузова М.Б.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Северо-Кавказского Горно-металлургического института
e-mail: Marina-toguzova@mail.ru

Toguzova M.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Business Law and Labour Law
of the North-Caucasus Mining and Metals Institute

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае
e-mail: Es-tret@mail.ru

Tret'yakova E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of Branch of the Moscow Institute
of Public Administration and Law in Perm Kray

Федоров М.А.,

аспирант кафедры «Страховое дело» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: mirka91@mail.ru

Fedorov M.,

Post-graduate student of Chair "Insurance Business" of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Фролова М.И.,

докторант кафедры теории и методики профессионального образования педагогического факультета
Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева
конт.: rio@migup.ru

Frolova M.,

Doctoral student of Chair of Theory and Methodology of Professional Education of the Pedagogical Faculty
of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

Хайбулаев М.Х.,

кандидат педагогических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: matagr@mail.ru

Khaybulaev M.,

PhD in Pedagogy, Professor of the Dagestan State Pedagogical University

Харченко Л.Н.,

доктор педагогических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: panova@list.ru

Kharchenko L.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the North-Caucasus Federal University

Хрисанова Е.В.,

педагог-психолог муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 47 "Рябинка"», г. Королев, аспирант Российского государственного социального университета
e-mail: khrisanova.elizaveta@yandex.ru

Khrisanova E.,

Educator-Psychologist of the Municipal Budgetary Preschool Education Institution the "Ryabinka" Kindergarten № 47 in Korolev
city, Postgraduate student of the Russian State Social University

Цахаева А.А.,

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: beror63@mail.ru

Tsakhaeva A.,

Doctor of Psychology, Professor, Head of Chair of the General Psychology and Pedagogical Psychology
of the Dagestan State Pedagogical University

Часовских Н.С.,

кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета
e-mail: nikolayaltay@rambler.ru

Chasovskikh N.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Gorno-Altai State University

Чеджемов С.Р.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
e-mail: srchedgemov@mail.ru

Chedzhemov S.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of the North Ossetia State
Pedagogical University named after K. Khetagurov

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: aleksandrcher@mail.ru

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шаталова Н.С.,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного факультета по обучению иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета
e-mail: olgarjakina@inbox.ru

Shatalova N.,

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Chair of the Russian Language as a Foreign of the Faculty on Training Foreign Nationals of the Moscow State Linguistic University

Шемякина Е.М.,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета
e-mail: simbaplus@mail.ru

Shemyakina E.,

D. in Philosophy, Associate Professor of Chair of Cultorology of the Moscow Pedagogical State University

Шикун И.Р.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского института государственного управления и права
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Shikula I.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Law Faculty of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ системного анализа Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Юдин И.В.,

подполковник, адъюнкт кафедры педагогики Военного университета Министерства обороны РФ, г. Москва
e-mail: ivan-yudin@ya.ru

Yudin I.,

Lieutenant-Colonel, Adjunct of Chair of Pedagogy of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow city

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

- несоблюдения автором правил оформления рукописи;
- несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

- Юридические науки
- Экономические науки
- Педагогические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

- Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается приставным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, - , /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) . Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (43)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2016. – 218 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 20.06.2016
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 25,1

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064 приложение № 17